

РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕСНЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОССИЯ

РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕСНЯ

*РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕСНЯ*

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

***РУССКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПЕСНЯ***

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1987

ББК 84. Р1

Р89

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалиев, Б. И. Олейник,
А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скатов, М. Танк

*Вступительная статья,
составление, подготовка текста и примечания
Л. И. ЕМЕЛЬЯНОВА*

Редактор Л. С. Гейро

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1

Под именем исторических песен в науке известен обширный и чрезвычайно разнообразный материал, по вопросу о границах и жанровом составе которого среди исследователей издавна идут весьма принципиальные споры. Что такое историческая песня? Каковы ее отличия от других, «смежных» видов народной поэзии — в частности, от былины? Есть ли она некий единый жанр, характеризующийся определенной общностью содержания и художественной формы, или же ее следует рассматривать как конгломерат многих жанров, единство которого имеет лишь условный и в значительной мере формальный характер? Эти вопросы, представляющие отнюдь не только академический интерес, привлекают внимание исследователей вот уже более столетия.

Примерно до 70-х годов прошлого века исторические песни принципиально не отграничивались от былин, включались вместе с ними в единое понятие историко-эпической поэзии. Считалось, что былина — это в общем-то та же историческая песня, только гораздо более древняя и в силу этого обстоятельства сохранившая менее явственную связь с конкретным историческим фактом, который тоже когда-то лежал в ее основе. «Когда у народа впервые сложилась эпическая поэзия, — утверждал, например, А. Н. Веселовский, — это доказывает, что *известные* события, *известные* формы действительности произвели на него особенно глубокое впечатление, оставили в его сознании известные идеалы... в его фантазии известные образы, которые отражаются в его поэзии столь же определенными выражениями, как первичные впечатления в постоянной форме слова»¹. И если в былинах конкретная действительность «менее ощутительна для нас, то это объясняется просто тем, что эти былины

¹ Веселовский А. Н. Две варшавских диссертации // «Вестник Европы». 1872. Т. 10. С. 911.

дольше жили в народе и более исказились от пересказов (...). Тут, стало быть, разница во времени, а не в существенном отличии былины от исторической песни»¹. «Таким образом,— заключает Веселовский,— между мифическим эпосом и историческим не представляется никакой существенной грани: разница не существует ни объективно, ни для народного сознания, а только субъективно для нас, которым время Ивана Грозного и ближе и понятнее эпохи, которую мы продолжаем называть мифической»².

В советское время эту точку зрения активно развивал П. Н. Сакулин, которому принадлежит, кажется, наиболее развернутое и четкое ее обоснование. «Каждая былина,— писал он,— в свое время, в своем генезисе, была исторической песнью, и каждая историческая песня с течением времени может превратиться в былинку (...)... Будучи вначале лиро-эпической, исторической песней, произведение все более и более осложняется привходящими элементами, становится былинкой и может дойти до сказки, «разложиться» совершенно»³. Нас, по мнению Сакулина, не должно смущать то обстоятельство, что в былине, в отличие от так называемой исторической песни, повествование имеет столь резко выраженный фантастический характер. Источники этого различия — чисто исторические. «Дальность расстояния от воспеваемых событий, сложные пути устного распространения и общее влечение певцов к *необычному* и *чудесному* — все это давало широкий простор фантазии. Не говоря уже о том, что самым невероятным образом искажаются время, место и имена лиц (анахронизмы),— идеализация, гипербола и фантастика царят как основные приемы творчества»⁴. Точно таким же путем, как считает исследователь, может и, по-видимому, должна будет пройти и любая из новейших исторических песен, ни в какой степени не утрачивая при этом права называться исторической. Другими словами, историзм ее — в изначальной связи с конкретным историческим событием-фактом, а какие видоизменения будет претерпевать эта связь в дальнейшем — это уже вопрос особый, ни в какой мере не опровергающий принципиальной возможности считать «прошлое» каждой былины историческим, а «будущее» каждой исторической песни — былинным.

Эту точку зрения разделяют и многие современные исследователи. Главное, что поддерживает в их глазах ее вероятность, это прежде всего тот очевидный факт, что былины, при всей фантастичности их содержания, заключают в себе множество всякого рода исторических «реалий» — имен, географических приурочений, упоминаний о действительных исторических событиях и т. п. Киевский князь Владимир, богатыри Добрыня

¹ Веселовский А. Н. Две варшавских диссертации // «Вестник Европы». 1872. Т. 10. С. 907.

² Там же. С. 912.

³ Сакулин П. Н. Русская литература. М., 1928. Ч. 1. С. 44, 47.

⁴ Там же. С. 50.

Никитич и Алеша Попович, татарский хан Батыга, новгородские герои Василий Буслаев и Садко — все эти известнейшие персонажи русских былин могут быть соотнесены так или иначе с конкретными историческими лицами, хотя, правду сказать, возможность такого соотнесения всегда остается лишь более или менее гипотетической. Пока эта возможность сохраняется, пока не будет твердо установлено, что, скажем, тот же былинный Алеша Попович не имеет никакого отношения к упоминаемому в летописи ростовскому «храбру» Александру Поповичу, а Добрыня Никитич — к историческому Добрыне (дяде князя Владимира), до тех пор взгляд на былинку как на историческую песню своего времени будет сохранять достаточно определенную вероятность.

В пользу той же гипотезы (былина — «бывшая» историческая песня) свидетельствует как будто и еще один весьма примечательный факт.

Дело в том, что среди самих исторических песен есть по крайней мере две или три таких, которые в процессе своей многовековой эволюции почти полностью утратили конкретно-исторические черты и превратились в конце концов в некое подобие былины. Такова, например, песня о Кострюке, в поздних вариантах которой изображается вполне «былинная» ситуация (заезжий нахвальщик вызывает на поединок московских богатырей), таковы некоторые варианты песен о Шелкане и Скопине.

Все эти примеры сами по себе, согласимся, весьма красноречивы и в известных пределах достаточно доказательны. Скажем, они безусловно доказывают, что песни с конкретно-историческим содержанием в принципе могут в условиях устного бытования подвергнуться тем специфическим превращениям, каким подверглась хотя бы та же песня о Кострюке. Но это, собственно, и все, что они доказывают. К главному же вопросу — была ли классическая былина при своем возникновении «исторической песней» — примеры эти не имеют никакого отношения. Ибо если можно еще говорить о том, что каждая историческая песня способна при определенных условиях превратиться в былинку, то отнюдь не каждая былина свидетельствует о том, что она когда-то была «исторической песней». Вопрос о превращении исторической песни в былинку — это вопрос об исторических судьбах самой исторической песни; вопрос же о том, была ли когда-нибудь былина «исторической песней» — это вопрос о генезисе былины, который должен решаться на совершенно самостоятельных основаниях. Смешивать эти вопросы — значит допускать принципиальную методологическую ошибку.

Если сопоставлять былинку и историческую песню на «уровне» единичных текстов, то различия между ними, во-первых, могут показаться не столь уж существенными, а во-вторых, их можно отнести на счет слу-

чайных причин. Другое дело, если сопоставление производится в широком масштабе — всех былин со всеми историческими песнями. Здесь вступает в силу закон «больших чисел» со всеми его преимуществами, которые заключаются в том, что «большие числа» позволяют говорить уже о некоторых закономерностях.

По-видимому, именно это обстоятельство явилось причиной того, что гипотеза А. Н. Веселовского о принципиальном тождестве былины и исторической песни стала встречать все большие возражения. Было все-таки нельзя не считаться с тем фактом, что не просто единичные тексты, а целых два огромных историко-песенных массива тяготеют к принципиально разным художественным принципам, основываясь на разных мироощущениях. Нужно было объяснить, почему, например, до известного периода конкретные исторические черты присутствуют в народной поэзии лишь в крайне ограниченном количестве и в крайне хаотическом виде, а с определенного времени песни идут за событиями с чрезвычайной последовательностью.

Объяснить это можно было, по-видимому, только одним — тем, что былина и историческая песня — это *разные* формы отражения действительности, воплощающие разные типы историзма. И теперь предстояло лишь выяснить, в чем состоит это различие, каков тот основной признак, который отличает поэзию нового времени («историческую песню») от поэзии старой («былины»).

Этот признак был определен как сравнительно большая верность исторической песни реальному факту, сравнительно больший и самостоятельный интерес к нему.

В практическом отношении признак этот несомненно был весьма удобен: в пестрой громаде исторической поэзии он помогал выделить довольно характерный круг произведений, обладающий определенным единством. Однако дальше этого приблизительного, условно-эмпирического обозначения выяснение специфики исторической песни не шло. Поэтому характеристика исторической песни как жанра, отличающегося сравнительной верностью реальному факту, так и осталась в науке предварительной попыткой, черновым наброском определения. Больше того, выделение этого «рабочего» признака исторической песни неожиданно осложнило проблему и на многие годы увело ее обсуждение далеко в сторону.

Дело было даже не столько в спорности самого этого признака, сколько в том повороте, какой приняло в связи с ним все обсуждение. Подчеркивая сравнительную верность исторической песни реальным фактам, исследователи подали повод к тому, что их позиция в этом вопросе была истолкована как попытка представить песню своего рода поэтической хроникой событий. Так, например, А. Н. Веселовский, возражая П. И. Вейнбергу, писал: «Ценность песни и не измеряется верностью ее летописной действительности, а именно ее искажением в смысле тех

вековых идеалов, которые задолго перед тем овладели сознанием народа»¹. Это справедливое в общем замечание имело, однако, тот очевидный недостаток, что не учитывало конкретной специфики проблемы. Предупреждая и ограничивая чрезмерные попытки свести содержание песен к летописным фактам, «проверить» первые последними, оно теряло смысл в применении к проблеме специфики исторической песни, так как подчеркивало в ней (исторической песне) как раз ту сторону, которая уравнивает ее со всеми остальными видами народной поэзии. Определяя характер отношения песни к факту таким образом, Веселовский в сущности решал общий вопрос искусства — об отражении действительности в художественном произведении — и только. Он констатировал лишь вообще художественный характер отношения песни к факту, но особый характер отражения в исторической песне, особый в той мере, в какой один вид поэзии отличается от другого, от этого не прояснялся. Замечание Веселовского, таким образом, объективно свидетельствовало о том, что отношение песни к факту является лишь частью (и притом не главной) вопроса о жанровой ее специфике и что жанровая характеристика должна опираться во всяком случае на какие-то дополнительные признаки. Однако этого вывода не было сделано никем, не исключая и самого Веселовского, который из своих наблюдений сделал весьма узкое употребление — попытался доказать тождество былины и исторической песни.

Такой подход к исторической песне долгое время сохранялся и в советской науке. Песня и факт — эта проблема заслонила собой все остальные вопросы и до сих пор в значительной степени затрудняет изучение исторической песни во всей ее сложности и многообразии. По-прежнему подчеркивая в исторической песне те ее стороны, которые уравнивают ее с другими видами исторической поэзии, исследователи до сих пор не могут установить реальные границы этого вида и определить его специфику. С одной стороны, им приходится относить к историческим песням такие, которые в действительности сюда не относятся («Татарский полон», «Соловей кукушку уговаривал» и др.), а с другой — исключать из разряда исторических такие, «историчность» которых может быть без труда доказана (так называемые исторические баллады). И то и другое ведет к тому, что реальный объем материала, относящегося к исторической песне, не совпадает с тем, который определен наукой.

В чем причины этого несовпадения? Очевидно, в самих принципах определения.

Об одном из них мы уже говорили — о выделении в исторической песне таких сторон, которые являются в ней общими с другими видами поэзии, — художественное, то есть избирательное, «вольное» отношение к факту. Именно оттого, что признаку обобщенности отражения в исто-

¹ Веселовский А. Н. Две варшавских диссертации. С. 911.

рической песне придается слишком большое значение, оказалось возможным стирание границы между нею и песнями, вообще лишенными всякого историзма.

Второй принцип, которым руководствуются в определении исторической песни, носит более сложный характер. Он состоит в том, что название исторических дается не всем произведениям, несущим на себе печать конкретно-исторического отражения, а лишь одной группе их, которая отличается кое-какими особенностями разработки исторической темы. Каковы эти особенности? На этот вопрос не дает ответа ни один исследователь. Вообще речь о них заходит в значительной степени случайно, главным образом лишь в тех случаях, когда нужно определить отличие этой условно выделенной группы произведений от других сходных видов, например от баллады.

Причины такого ограничения легко понять: стремясь представить историческую песню как особый и единый жанр, исследователи стараются объединить по возможности наиболее однородные явления. Однако попытки эти остаются все же безрезультатными. Объективно единого жанра все равно не получается. Произведения, включаемые в сферу исторической песни, обладают каким угодно единством, только не жанровым. Ибо конкретный историзм, обращенность поэзии к конкретным событиям — признак не жанровый. Это общий признак народного художественного сознания, и уже по одному этому не может быть свойством лишь одного жанра, а в большей или меньшей мере пронизывает все жанры, определенную совокупность которых он «застал» в момент своего возникновения. До известного времени он вообще отсутствует в поэзии. Зато когда он возникает как результат и показатель определенных процессов, совершающихся в народном художественном сознании, то наличие или отсутствие его в тех или иных произведениях определяется не жанровой природой этих произведений, а просто особой в каждом данном случае направленностью народного художественного сознания. С этой точки зрения если отдельные произведения могут еще сравниваться по характеру и объему историзма, то жанры — ни в коем случае.

В самом деле, возьмем хотя бы отношение так называемой исторической песни к балладе. Совершенно очевидно, что по признаку конкретности отражения они никак не могут разграничиваться — и то, что имеется в виду под балладой, и то, что считается исторической песней, равным образом может возникать на конкретно-историческом материале. Считают, правда, что баллада раскрывает историческую тему преимущественно в семейном плане, в то время как для исторической песни характерно более монументальное изображение событий. Однако, во-первых, это едва ли верно, потому что и так называемая историческая песня не может быть совершенно отграничена от семейной тематики (укажем на песни о гневе Грозного на сына, о смерти царицы, жены Грозного, о заточении царицы в монастырь); во-вторых же, и это самое главное,

никак невозможно согласиться с тем, что в основу жанровой классификации может быть положен тематический принцип. Поскольку жанр есть определенная художественная система, конкретная специфика его определяется факторами, во всяком случае лежащими в сфере эстетических принципов. Можно говорить о темах, в которых эстетические принципы того или иного жанра имеют наиболее благодарный материал, ярче всего могут проявиться. Но это не означает, что они могут проявиться исключительно на этом материале. Баллада — жанр, эстетика которого включает как непереносимое условие элемент романтически-необычного, преимущественно трагического. Отсюда ее обостренное внимание к сфере частных отношений, в наибольшей мере избыточной драматическими эффектами,— внимание обостренное, но не исключительное, потому что и некоторые социально-политические конфликты могли производить это же романтически-необычайное впечатление.

С этой точки зрения нам представляется, что эстетика баллады родилась еще в недрах былинного эпоса, который в эстетическом отношении и, следовательно, в жанровом не представляет чего-то абсолютно однородного. Так, например, несомненно балладной является природа былин «Данило Ловчанин» и «Сухман». Это лишний раз говорит о том, что жанровая характеристика не может быть сведена к констатации одного тематического признака, а должна исходить из определения главного эстетического принципа, легшего в основу того или иного жанра и обусловившего как тему, так и особенности ее художественной разработки. Иными словами, вопрос о жанровой природе произведения должен решаться не на основании темы, заключенной в нем, а прежде всего в зависимости от способа разработки этой темы, способа, определяемого характером эстетики данного произведения. Историческая тема разрабатывалась многими жанрами, но жанры эти различаются не по объему историзма, а по характеру подхода к явлениям, по характеру эстетических их оценок. В этом смысле признак конкретности отражения ни в какой степени не выделяет так называемую историческую песню в качестве особого песенного *жанра*. Он обозначает лишь группу песен, которые отличаются от произведений, безусловно не обладающих этим признаком, но группа эта не обладает никаким жанровым единством. Поэтому нужно, очевидно, дать наименование исторических всем песням, отмеченным признаком конкретности отражения, а собственно жанровую классификацию внутри этой группы проводить вне зависимости от этого признака. Это значит, что, скажем, историческая баллада о Шелкане и плач Ксении Годуновой будут различаться в первую очередь не как произведения с разным объемом и характером историзма, а как произведения с различными эстетическими основами, с различными типами эстетической мысли. Необходимо признать, что конкретный историзм есть не жанровая особенность той или иной группы песен, а наиболее общий признак национального художественного сознания, возникающий

на определенной ступени его развития, но в принципе не предполагающий никаких специальных жанровых модификаций. Он представляет одно из общих условий, в которых возникают жанры, а жанры с этой точки зрения являются лишь различными формами реализации некоего общего для них содержания. И специфика этих форм (то есть жанровая специфика) определяется не объемом конкретно-исторического материала, а факторами, лежащими в сфере эстетики.

Здесь как будто можно возразить, что в принципе и вся так называемая историческая поэзия не может быть выделена в качестве особого раздела народной поэзии, так как содержанием всей поэзии вообще является историческая действительность. Конечно, в известном смысле это так, в известном смысле всю поэзию можно назвать исторической. Но этим не исключается возможность деления поэзии на собственно историческую и неисторическую, как не исключается возможность деления ее и по какому-либо другому признаку — например, тематическому. Важно только, чтобы условность такого деления всегда осознавалась, и признаки, устанавливаемые всякий раз в качестве основания деления, не приобретали значения средств жанровой характеристики. Можно говорить о собственно исторической поэзии, так как предмет ее отличается некоторыми характерными особенностями от предмета поэзии неисторической. Можно определять эту разницу при помощи чисто рабочего признака — творческий интерес к конкретным событиям, имеющим историческое значение и известность. Но при всем этом вопрос об исторической поэзии интересен для нас не с жанровой стороны, а преимущественно с той, что возникновение определенных форм исторической поэзии (не жанров) является показателем знаменательных процессов, совершающихся в национальном художественном сознании. Эти процессы и должны, по нашему мнению, стоять в центре исследований по истории фольклора вообще и исторической поэзии в частности. Только в этом случае изучение жанров получает необходимую конкретность и историческую перспективу.

Итак, первое предварительное условие изучения исторической песни заключается в том, чтобы в системе историко-песенного фольклора она рассматривалась не как особый и единый жанр, а как такая форма, которая возникает в результате эволюции историзма народного художественного творчества (а не жанровой эволюции). Былина, баллада, историческая песня — эта традиционная классификация историко-песенного фольклора должна быть пересмотрена, потому что произведена она не по единому принципу. За указанными видами историко-песенного фольклора стоят принципиально различные эстетические процессы, которые хотя и связаны между собой, но не могут быть объединены в рамках сколько-нибудь единой эволюции. Так, если былина и историческая песня, представляя собой конгломераты многих жанров (в состав каждого из этих конгломератов могут входить и баллады, и эпические песни,

и лирика), могут рассматриваться как моменты эволюции *историзма* фольклора, то баллада, возможная при любом типе историзма, требует рассмотрения ее в плане *жанровой* эволюции. Таким образом, если мы хотим проследить жанровую эволюцию историко-песенного фольклора, то мы должны разрушить цельность таких понятий, как «былина» и «историческая песня», с тем чтобы «разнести» заключенный в них разнообразный в жанровом отношении материал по соответствующим жанровым рубрикам. Если же мы хотим проследить эволюцию историзма, то, выделяя былинку и историческую песню как два специфических этапа этой эволюции, мы должны исключить из этого ряда балладу, специфика которой чисто жанрового происхождения.

3

Если первое предварительное замечание касалось объема понятия «историческая песня», то второе нужно сделать в связи с определением конкретных границ этого понятия. Особенно много вопросов встает в связи с выяснением нижней границы. Здесь, как в капле воды, отразилась и история определения исторической песни, и те теоретические трудности, перед которыми стоит наука и сейчас.

До недавнего времени изучение исторических песен принято было начинать с песни о Щелкане — самой древней из дошедших до нас¹. При этом исследователей занимал не столько вопрос о том, существовали ли песни этого рода в более раннюю эпоху, сколько тот факт, что период в 200 с лишним лет, лежащий между песней о Щелкане и песнями о Грозном, остался не отраженным в историко-песенном фольклоре. «Щелкан» казался скорее исключением, чем звеном какого-то определенного ряда, и потому большинство исследователей, мимоходом коснувшись «Щелкана», стремилось поскорее перейти к рассмотрению основного массива исторических песен — к песням XVI века. К XVI веку более всего тяготели ученые и в вопросе о возникновении исторической песни, выделяя среди условий, породивших историческую песню, прежде всего те, которые были характерны для XVI века. Так, например, возникновение исторической песни связывалось с обострением классовых отношений, а классовость проблематики подчеркивалась как один из существенных признаков исторической песни в целом.

¹ Точка зрения А. Д. Седельникова, считавшего песню о Щелкане политическим памфлетом XVI века, признания в науке не нашла. Ее поддерживали только Ю. М. Соколов (см.: Русский фольклор. Учебник для вузов. М., 1938. С. 262) и — в самое последнее время — А. А. Зимин, который, расширив несколько аргументацию А. Д. Седельникова, не прибавил, однако, основательности самой точке зрения (см.: Зимин А. А. Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни // «История СССР». 1963, № 3).

Однако начиная примерно с 1953 года в науке все с большей отчетливостью стали раздаваться призывы к пересмотру прежних установок. И дело было не столько в том, что возможность связать возникновение исторической песни с условиями XVI века показалась весьма сомнительной, сколько в том, что богатейший исторический фольклор XVI века трудно было представить вне определенной традиции, сложившейся и получившей значительное развитие несомненно уже в более раннюю эпоху. Центр тяжести исследований по исторической песне перенесен был на отыскание следов этой предполагаемой традиции, причем пределы ее сразу же были определены настолько широко, что даже песня о Щелкане, о которой прежде далеко не все осмеливались говорить как о родоначальнице исторических песен,— даже эта песня была представлена лишь как одно из звеньев этой традиции, отстоящее от ее истоков на весьма значительное расстояние.

Такой поворот повлек за собой решительную переоценку некоторых материалов (например, песен, прежде не считавшихся историческими), а также выдвинул вопрос о так называемых косвенных данных, позволяющих уяснить характер самых ранних форм исторической песни. В частности, внимание исследователей обратилось к всевозможным реконструкциям древних песен на материале памятников древнерусской литературы.

С этих песен, стоящих, как полагают, у самых истоков исторической песни, и начинают теперь изучение данного вида исторической поэзии. Вполне соглашаясь с тем, что возникновение исторической песни есть процесс, а не мгновенный акт, и что, вероятно, песня о Щелкане не является непременно первой исторической песней, мы, однако, считаем, что все предпринимавшиеся до сих пор попытки выяснить состав и характер исторических песен, скажем, XIII века, не имеют все же под собой достаточных оснований. Ни песня о победе Александра Невского над шведами 1240 года, существование которой пытался доказать М. О. Скрипиль¹, ни песни так называемого «рязанского цикла», реставрированные Б. Н. Путиловым на материале «Повести о разорении Рязани Батыем»², не могут считаться достаточным фактическим материалом, на который могла бы опереться наука.

С другой стороны, у нас нет почти никакой возможности судить об исторических песнях XIII века и на основании тех материалов, которые считаются относящимися именно к этому времени, во-первых, потому, что такая их датировка далеко не бесспорна, а во-вторых, потому, что, входя в понятие «историко-песенный фольклор», эти песни не дают еще

¹ Русское народное поэтическое творчество: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. М.; Л., 1953. Т. I. С. 267—288.

² Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. Л., 1960. С. 54—74.

конкретно-исторического отражения действительности. Они дают представление об определенных формах историко-песенного фольклора, но вопрос о той форме его, которая рождается на основе конкретно-исторического отражения, в свете этих песен ничуть не проясняется. Между тем именно эта форма представляет для нас особый интерес, потому что с нею вполне справедливо связывается представление об исторической песне вообще. Именно ее черты берутся в качестве характерных признаков исторической песни в целом. И для нас далеко не безразлично, будут ли песни с обобщенным принципом отражения рассматриваться в одном ряду с песнями, собственно интересующими нас, или же они будут от них резко и принципиально отграничены. Потому мы решительно настаиваем на том, чтобы произведения типа песен о татарском полоне независимо от того, как будет решен вопрос о времени их возникновения, были отграничены от песен конкретно-исторических на совершенно тех же основаниях, на каких отграничиваются от них былины. Историзм обобщенный и историзм конкретный являются показателями совершенно различных состояний общественного сознания, различных общественно-идеологических процессов, и уже поэтому типы песен, воплощающие эти разные типы историзма, не могут быть объединены между собой. Песни с обобщенным типом историзма при всем том, что они имеют своим непосредственным предметом историческую действительность, все же не имеют реального отношения к той в сущности революции, которую означало возникновение в художественном сознании народа конкретно-исторического принципа отражения. Действительно, они составляли предысторию исторической песни. Но предыстория эта включает также и героический эпос. И изучение всех этих «предысторических» форм должно скорее подчеркнуть качественное отличие их от собственно исторической песни, нежели общность, строго говоря, мало что проясняющую. Включая рассмотрение песен типа «Татарского полона» в общий вопрос о возникновении исторических песен, мы в лучшем случае выясняем традиции, на основе которых возникла собственно историческая песня, чтобы с тем большей определенностью подчеркнуть своеобразие самой исторической песни, не смешивая ее с этими сравнительно менее характерными формами историко-песенного фольклора. Иначе выделение собственно исторической песни как особого вида исторической поэзии просто не будет иметь никакого смысла.

Поэтому, хотя мы и признаем необходимость учитывать при решении вопроса о генезисе исторической песни всевозможные предшествующие ей формы историко-песенного фольклора, мы тем не менее считаем, что непосредственный разговор о собственно исторической песне должен начаться все же с песни о Щелкане.

Песня о Шелкане привлекает внимание исследователей вот уже более столетия. Если говорить об общем определении места этой песни в системе русского историко-песенного фольклора, о выяснении основных особенностей ее содержания и художественной формы, то степень изученности ее на сегодняшний день можно было бы считать исчерпывающей: и по вопросу о времени возникновения песни, и по вопросу о соотношенности ее содержания с исторической действительностью в науке существует договоренность почти полная.

Трудности, которые встают в связи с ее изучением, совсем иного порядка. Они целиком связаны с выяснением конкретной исторической жизни сюжета, с определением исторического соотношения тех восьми вариантов, в которых песня известна науке. До последнего времени считалось, что все они могут быть представлены в виде определенного хронологического ряда, в начале которого стоит текст из Сборника Кириши Данилова, а в конце — варианты, записанные А. В. Марковым и К. В. Чистовым. Эта точка зрения (которой придерживаемся и мы) недавно была оспорена Б. Н. Путиловым, который считает, что названные варианты могут быть представлены в виде четырех самостоятельных — и что особенно следует подчеркнуть — параллельно возникших версий, восходящих приблизительно к одному времени. Версии эти следующие: историческая, балладная, переходная и эпическая.

Рассматривать аргументацию исследователя во всем ее объеме здесь не представляется возможным. Она и сама по себе достаточно сложна, и, кроме того, связана с определенной (на наш взгляд, также достаточно спорной) общей концепцией фольклора, согласно которой «создание таких версий (оно могло происходить примерно в одно время), независимых одна от другой и восходящих не к одному какому-нибудь сюжету, а к одному художественному замыслу, закономерно возникшему в народном творчестве, отражает специфику фольклора»¹. Все эти вопросы увели бы нас слишком далеко в сторону. Поэтому мы приведем лишь два соображения, которых, думается, вполне достаточно, чтобы неосновательность классификации, предложенной Б. Н. Путиловым, стала очевидной.

Первое — это то, что по крайней мере одна из версий, а именно «балладная», выделена Б. Н. Путиловым без достаточных к тому оснований. Собственно, все, чем исследователь аргументирует свою мысль о самостоятельном характере этой версии, сводится к следующему: «Сюжет песни,— пишет исследователь,— здесь (речь идет о варианте из

¹ Исторические песни XIII—XVI веков/Изд. подготовили Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 27. Еще раньше эта точка зрения была сформулирована В. Я. Проппом в кн. «Русский героический эпос» (Л., 1955).

сборника Гильфердинга № 283.— Л. Е.) полностью завершен. В словах Марьи Дудентьевны звучит осуждение Щелкана и утверждение неизбежности его гибели. Идея эта приобрела в настоящей редакции моральный аспект и выражена не в исторических или эпических формах, а в форме балладной. Заключительные строки песни

И уехал Щелканушко,
Еще сам головой вёршил...

(Гильфердинг, III, № 283)

указывают на то, что суд народа как бы состоялся, что справедливость восторжествовала, что зло уничтожено. О действительных обстоятельствах конца Щелкана здесь не говорится, для художественного воплощения темы найдены формы, прямо не соприкасающиеся с реальными фактами. Песня вырастает на почве фактов, но не делает их предметом прямого изображения.¹

Если бы песня дошла до нас только в одном варианте, то приведенное толкование художественных намерений народа, по-видимому, не вызывало бы никаких возражений. Для позднего читателя указанный вариант вполне завершен и художественно убедителен.

Однако не для самих певцов. И ближайшее рассмотрение вариантов, относящихся по классификации самого же Б. Н. Путилова к балладной версии, лишний раз убеждает в этом. Действительно, уже один из текстов в записи того же Гильфердинга (№ 235) кончается настораживающими нас словами:

Дунай, Дунай, боле вперед не знай.

Следовательно, певцы знали, что песня имела какое-то продолжение, только не могли вспомнить, какое именно. В свете этого признания мы и к резюмирующей строке текста № 283 не можем отнестись иначе как к выражению стремления певца «закруглить» повествование в том месте, до которого он только и знал песню. Вариант же Гильфердинга № 259 вообще представляет собой очевидный фрагмент, в котором нет даже и балладного сюжета. И поскольку он принадлежит к одной группе с тремя предыдущими, то мы отсюда должны сделать тот естественный вывод, что в данном районе (Кен-озеро) текст песни в силу каких-то причин подвергся известному разрушению. Разумеется, наша осторожность в этом смысле была бы весьма мало оправданной, если бы мы располагали только данными вариантами. Но вот перед нами тексты, записанные Марковым и Чистовым на том же самом Севере. Это не ка-

¹ Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. С. 121.

кие-нибудь особые варианты, не имеющие точек соприкосновения с текстами Гильфердинга и братьев Соколовых. Нет, это та же самая песня, содержащая в числе прочих мотивов даже те, которые Б. Н. Путилов считает специфически балладными,— в обоих вариантах налицо и встреча с некоей старушкой, и пророческое ее проклятие Шелкану. И вот то, о чем забыли и не стали петь певцы с Кен-озера, разворачивается перед нами, правда, в очень смутном и скомканном, но все же достаточно определенном виде в этих самых вариантах. Из них становится совершенно ясно, что народ отнюдь не собирался ставить точку там, где ставим ее мы в интересах выделения особой балладной версии, что для воссоздания «исторического» финала песни он пользовался всеми бывшими в его распоряжении средствами и что так называемую балладную версию можно рассматривать как нечто самостоятельное исключительно в формально-классификационном плане. Никаких оригинальных творческих процессов за ней не скрывается. Завершенность ее чисто мнимая, и существует она для нас исключительно как следствие неполной сохранности текста.

Второе, на что хотелось бы указать,— это невозможность противопоставления «балладной» версии всем остальным вариантам в плане эстетическом. Иначе говоря, те четыре варианта, которые Б. Н. Путилов считает «балладными», нам представляются балладными ничуть не в большей степени, чем остальные.

В своей оценке данных вариантов Б. Н. Путилов исходит из того, что в них присутствует эпизод встречи Шелкана с сестрой, которая предает брата проклятью.

Эпизод этот, конечно, несколько углубляет драматизм сюжета, усиливает трагическое его звучание. Однако можно ли сказать, что только он, этот эпизод, и создает драматизм? Можно ли сказать, что только он делает песню балладой? Думается, что нет. Нетрудно убедиться, что и без него песня в достаточной степени «балладна». Главный балладный мотив песни заключается не в этом второстепенном эпизоде, а в сыноубийстве, совершенном Шелканом. Именно сыноубийство образует сюжетный костяк песни, и певцы очень хорошо понимали это, цепко держа его во всех вариантах (кроме одного, явно ущербного — Гильфердинг, № 254). Эпизод же встречи Шелкана с сестрой лишь развивает основной мотив, будучи целиком подчинен ему. Именно поэтому и нельзя признать, что песня становится балладой лишь с появлением этого эпизода, и, следовательно, выделять в особую балладную версию варианты, в которых он присутствует. Песня балладна в целом, в принципе, независимо от различных сюжетных колебаний, происходивших в ней на протяжении более чем 600-летней ее истории. Песня могла иметь «историческое» продолжение, могла утрачивать его совсем или заменять другими продолжениями, как это видно на примере так называемых «переходных» вариантов, но во всех случаях основное звучание ее оставалось «балладным». Ибо един-

ственным сюжетно значимым элементом в ней является именно мотив сыноубийства.

Таким образом, ни в плане эстетическом, ни по текстологическим соображениям «балладная» версия не может рассматриваться как самостоятельная, что, естественно, ставит под сомнение и всю классификацию вариантов, предложенную Б. Н. Путиловым. Варианты песни отражают не четыре самостоятельных (да еще к тому же параллельно возникших) версии, а последовательное изменение одного текста, его сложную историческую жизнь в условиях устной традиции.

5

Песней о Шелкане исчерпываются наши сведения об исторических песнях XIV—XV веков. Ни одного текста от этого более чем двухсотлетнего периода до нас не дошло¹.

Чем объяснить этот факт? Случайность ли это, весьма естественная в условиях устного хранения фольклора, или же мы имеем здесь дело с какой-то мрачной закономерностью? В пользу последнего склонялся, например, В. Ф. Миллер. «Преобладание исключительно материальных интересов, — писал он, — отсутствие патриотических идей, падение духовных запросов в обществе и народе, ведших постоянно трудную борьбу за существование, понижение нравственных чувств в высшем классе под гнетом ордынского ига, обеднение его и одичание — все это вместе взятое не могло дать почвы для героических песен»². Такова же была и точка зрения М. Н. Сперанского³.

Такие объяснения нас, естественно, не могут удовлетворить. Во-первых, причины, указываемые Миллером и Сперанским, никогда не имели влияния на развитие художественного творчества, а во-вторых, сейчас для всех ясна и фактическая неосновательность приведенных утверждений, — как установлено советскими исследователями, продуктивное развитие былинного, например, творчества не прекращалось вплоть до XVII века, не говоря уже о том, что мы имеем довольно большое количество песен эпохи татарщины, которые хотя и не могут быть отнесены к собственно-историческим, но все же достаточно определенно говорят о весьма высоком уровне народного художественного творчества указанного времени. Объяснению, следовательно, подлежит не общий уро-

¹ Существование песни о сборах новгородцев на Куликовскую битву считаем не доказанным ни соображениями С. К. Шамбинаго (Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев посад, 1914), ни теми фольклорными аналогиями, которые приводит Б. Н. Путилов (Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. С. 131—134).

² Миллер В. Очерки русской народной словесности. М., 1924. Т. III. С. 69.

³ Сперанский М. Былины. М., 1919. Т. II. С. 323.

вень фольклора XIV—XV веков, а то, что в фольклоре этом обнаруживается так мало исторических песен.

Конечно, сейчас вряд ли кто станет утверждать, что исторических песен в XIV—XV веках и не было. Они несомненно были. И, чтобы убедиться в этом, совсем не обязательно стремиться отыскать их фактические следы. Песня о Щелкане, которая и сама по себе служит хорошим доказательством, дает, кроме того, и основание для более широких заключений. Она свидетельствует о том, что в народном художественном сознании начался процесс историзации, который породил возможность эстетической оценки конкретных исторических явлений. Мы можем как угодно судить о жанровом выражении этих оценок, можем предполагать любую их зависимость от старых эпических традиций, но самого существования оспаривать не можем, потому что, однажды познав возможность конкретно-исторического отношения к действительности, художественное сознание народа становится в этом смысле несвободным. Ибо все большая наполненность его конкретным историческим содержанием — процесс объективный и закономерный.

И тем не менее исторических песен XIV—XV веков до нас почти не дошло, при том, что другие виды историко-песенного фольклора этого времени сохранились достаточно хорошо. Этот факт в тем большей степени обращает на себя внимание, что уже XVI век дает картину бурного развития исторической песни, и начиная с этого времени трудно найти хотя бы десятилетие, которое не оставило бы в песнях какого-либо следа. В чем же здесь дело? В чем причина столь разительного контраста? Объяснять это тем, что в XIV—XV веках историческая песня не успела еще сложиться в определенную систему, по-видимому, нельзя, потому что возможность или невозможность конкретно-исторического отношения к действительности непосредственно не связана с жанровой эволюцией. Жанры, то есть типы эстетической мысли, могли быть любыми, но если они были захвачены процессом историзации настолько, что оказались способными отражать конкретно-исторические явления, то в определении того, исторические это были песни или нет, жанровая их принадлежность не имеет для нас никакого значения. Историческими они являются для нас потому, что отразили конкретные явления истории, но никак не потому, что в них проявилась какая-то особая жанровая специфика.

С этой точки зрения малочисленность исторических песен XIV—XV веков нужно, по-видимому, объяснить либо тем, что процесс историзации народного сознания развился еще не настолько, чтобы историческая песня стала реальной формой отражения действительности, либо тем, что обобщенная форма отражения действительности по каким-то причинам представлялась народному сознанию наиболее действенной.

Что касается первого предположения, то вероятность его весьма ограничена, хотя и не может игнорироваться совсем: при всей скудости реальных данных мы, однако, не можем не учитывать того, что песня

о Щелкане все же была создана, — значит, историзация сознания достигла определенного уровня. Можно думать, что уровень этот был еще невысок, что песня о Щелкане — одно из первых и редких проявлений этой только-только начавшейся историзации, но важно, что историзация началась, и возможность ее новых (пусть редких) проявлений мы должны допустить уже хотя бы теоретически. Остается, следовательно, второе предположение: историческая действительность XIV—XV веков давала больше материала для обобщенных поэтических форм. Дело, разумеется, не в том, что в реальной действительности не было ярких фактов, «заслуживающих» поэтического отражения. Дело в другом — в том, что само художественное сознание народа в силу определенных причин было восприимчивым далеко не ко всей совокупности этих фактов, и потому в сферу поэтического отражения они вовлекались с величайшим трудом и подчас не иначе как оставляя за пределами этой сферы свою конкретную специфику.

Каковы причины этого явления? Их много.

Прежде всего следует указать на то, что историческая действительность XIII—XV веков не породила немедленно новых эстетических форм. 1237 год, год татаро-монгольского вторжения, произвел крутой переворот во всей национально-политической жизни Русн, но формы художественной реакции народа на события не могли измениться столь же стремительно. Господствующими формами историко-песенного фольклора долгое еще время продолжали оставаться былинный эпос и семейно-бытовая баллада.

Что касается былинного эпоса, то возможности его как формы отражения конкретных событий в условиях XIII—XV веков были весьма ограничены. Выражающий идеальные представления народа о героическом, весь проникнутый эстетикой подвига, эпос в условиях жестокого татарского ига не мог осознаваться иначе как повествование о давно минувших временах. И, воспринимаясь как историческая песня о далеком прошлом, он естественно впитывал в себя черты современности, которые только там, в эпической действительности, и могли обретать достоверность, будучи оправданными идеальностью сюжетных исходов былин. Так, можно думать, что картины вражеского нашествия, детали тактики татарского войска, а также некоторые конкретно-исторические наименования — все эти реальные впечатления XIII—XIV веков были спроецированы в эпическое прошлое, заново «историзовав» обстановку, в которой совершались подвиги киевских богатырей. Это явление можно назвать вторичной историзацией эпоса.

Но, поглощая таким образом часть исторических впечатлений народа, героический эпос, конечно, не исчерпывал всего многообразия народной художественной реакции на явления текущей действительности. Современность полна была трагических коллизий, и героический эпос с его идеальной эстетикой, естественно, не мог отразить этой стороны

народного отношения к действительности. Из сложившихся к тому времени жанров этому типу впечатлений более всего была созвучна баллада с ее острым драматизмом, с ее живым и непосредственным отношением к жизни, с ее простотой и эмоциональной выразительностью. И действительно, XIII—XV века дают картину бурного развития балладного творчества. «Щелкан», «Авдотья Рязаночка», многочисленные песни о татарском полоне — такого расцвета баллады не знал ни один другой период истории русского фольклора.

В принципе, как это, например, показывает песня о Щелкане, баллады могли отражать и конкретно-исторические факты. Но совершенно очевидно, что баллада интересовалась отнюдь не всяким фактом (пусть даже и значительным), а лишь теми, содержание и структура которых в наибольшей мере отвечали ее основной эстетической тональности — тональности романтически-необычайного, драматического. Эта основная эстетическая установка баллады и была причиной того, что многие и многие исторические факты в XIII—XV веках оказались вне поля народного художественного внимания.

Итак, первое и главное, что ограничивало проникновение в народную поэзию XIII—XV веков конкретно-исторических фактов, — это была определенная эстетическая настроенность народного художественного сознания того времени.

Рядом с этим обстоятельством можно указать и еще одно, которое, впрочем, носит более общий и потому менее обязательный характер. Мы имеем в виду степень единства исторического сознания народа в XIV—XV веках. Это был период феодальной раздробленности. Многочисленные удельные княжества, возникшие некогда на развалинах древнерусского государства, вели постоянную борьбу между собой, дробясь и объединяясь, постоянно перекраиваясь в ходе этой борьбы. Татарское иго придавало этой борьбе особенно затяжной, особенно мучительный и противоречивый характер, так как захватнические планы татар нередко опирались на своекорыстные интересы некоторых русских князей, часто использовавших в своей междоусобной борьбе татарские войска. Хотя сознание национального единства этим обстоятельством не только не подавлялось, но скорее даже активизировалось, обострялось, все же фактическое объединение Руси и, следовательно, осознание государственного единства замедлялись в сильнейшей степени. Если национальные идеалы были народу хорошо известны и весь историко-песенный фольклор этого времени насквозь проникнут их духом, то конкретно-государственные идеалы он вынужден был находить точно ошупью, стихийно. Потому, отражая национальное содержание тех или иных исторических фактов, народное художественное творчество как бы не имело достаточной уверенности, реальной исторической опоры для того, чтобы закрепить их государственно-исторический смысл. На историзм фольклора это оказывало серьезное влияние: безусловно выражая национально значи-

мое, песни часто не были в состоянии облечь это значимое в конкретно-историческую форму. И вот еще одно объяснение того, почему историко-песенный фольклор XIV—XV веков больше тяготеет к обобщенным формам, чем к конкретно-историческим. Разумеется, было бы неверно придавать этому обстоятельству абсолютное значение и отрицать на его основании вообще всякую возможность возникновения в ту эпоху песен с конкретно-историческим содержанием. Нет, исторические песни, конечно, могли возникать. И если мы указываем на трудности, связанные с рождением единства государственного сознания, то только в том плане, что, не будь их, процесс историзации художественного сознания и связанный с этим процесс оформления исторической песни совершались бы с гораздо большей легкостью и естественностью. Только в этом плане их и следует иметь в виду.

6

Сложные и подчас трудноуловимые процессы, протекавшие в историческом и художественном сознании Руси XIV—XV веков, имели один несомненный результат: они подготовили стабилизацию и начало расцвета исторической песни в середине XVI века.

Главным обстоятельством, определившим возможность этой стабилизации, было, конечно, объединение Руси, приведшее к созданию единого и сильного Московского государства. Обстоятельство это по существу заново сформировало историческое сознание народа, превратив сознание национальной общности в конкретно-историческое сознание государственного единства. Отныне все помыслы и устремления русского человека как бы получали совершенно определенное историческое измерение, являясь реакцией на конкретную обстановку Московского государства и уже по одному этому отражая, фиксируя ее характерные черты.

На развитие художественного творчества это обстоятельство оказало влияние совершенно исключительное — в фольклор, каков бы ни был его жанровый состав (это вопрос особый), пришел конкретно-исторический герой, пришла историческая конкретность эстетических оценок.

Важно подчеркнуть, однако, что этот своеобразный переворот, происшедший в народном художественном сознании, не создал никаких принципиально новых жанров. Природа его более общего свойства. Сами по себе жанры во многом оставались прежними; изменилась лишь их внутренняя наполненность, их реальное содержание. Конкретный историзм, пронизавший, окрасивший все типы эстетических впечатлений, не отменил самих этих типов. Но, не поколебав их внутренней структуры, он сообщил им, однако, некое внешнее единство — единство конкретности отражения, и это явилось причиной того, что все песни, отмеченные этим

единством, рассматриваются обычно как единый жанр. Здесь же источник и той неоднократно высказывавшейся мысли, что историческая песня как таковая испытала на себе формирующее воздействие других жанров, в частности лирической песни. Ошибочность этой мысли, на наш взгляд, состоит в том, что смешиваются, отождествляются два принципиально разных явления — множественность жанров, подвергшихся историзации, воспринимается как многообразие поэтических приемов, проявляющееся в рамках единого жанрового целого. Интерпретируемые как разнообразные проявления одного жанра, различные жанры, объективно входящие в состав исторической песни, получают чисто формальное объяснение и не дают представления о тех реальных процессах, которые бы в достаточной мере оправдали это взаимовлияние жанров (будь это в действительности так). В самом деле, почему в XVI веке историческая песня должна была испытать на себе влияние песни лирической? Что стоит за этим фактом, какова его историческая мотивированность? И, главное, чем обогащается наше представление об исторической песне от признания этого факта?

На все эти вопросы невозможно получить ответ, если мы будем рассматривать разнообразие жанров, реально входящих в состав исторической песни, как разнообразие ее поэтических приемов. Только отказавшись от этой неверной предпосылки, только признав, что историческая песня возникла и всегда существовала как обширная совокупность самых разных жанров, отмеченных одним-единственным общим признаком — обращенностью к конкретным явлениям действительности, — только в этом случае мы получим возможность правильно судить о природе и путях развития этого важного вида историко-песенного фольклора.

7

Характерную черту стабилизации исторической песни в XVI веке составляло то, что происходила она на прочной основе поэтических традиций, сложившихся в фольклоре в предшествующие периоды. Процесс историзации сознания хотя и получил уже весьма значительный размах, все же не поколебал еще прежних художественных навыков и не привел, как это случилось несколько позднее, к качественной трансформации принципов отражения действительности. В бурном круговороте исторических впечатлений народные певцы долгое еще время продолжают твердо держаться избирательного подхода к фактам, стремясь передать их смысл в полновесных, крупномасштабных художественных образах. Самостоятельный, в известной степени самоцельный интерес к факту — эстетическая инерция, захватившая историко-песенный фольклор в XVII веке и породившая в нем многие кризисные явления, — в XVI веке еще не обнаружился. Этим, вероятно, и объясняется то, что сюжетный

состав историко-песенного фольклора XVI века сравнительно невелик, что народное творчество этого периода развивалось не столько по линии расширения круга тем, сколько по линии углубления, усложнения песенных циклов. Следями этого углубленного художественного понимания, этого стремления к цельности и яркой выразительности формы отмечены почти все исторические песни XVI века.

Проникнутые острым ощущением исторической действительности, живым интересом к реальной конкретности фактов, они сохраняют, однако, верность традиции в том смысле, что не являются пассивным откликом на события, а всегда дают стройную, внутренне завершенную картину, вырастающую на основе яркого и самостоятельного по отношению к факту сюжета. Даже песня о взятии Казани, которая как будто в большей мере, чем другие песни этого времени, фиксирует конкретные черты факта, послужившего его основой¹, даже она обнаруживает принципиально художественную независимость: не теряясь в конкретном многообразии обстоятельств и деталей, сопутствующих этому крупному историческому событию, она сосредоточивает свое внимание на основной, остродраматической ситуации, полностью вымышленной. Эпизод столкновения Грозного с пушкарями — главный сюжетный стержень всей песни. Он один «держит» все нити ее действия, все же остальные эпизоды и реальные наблюдения составляют как бы «периферию» песни, входя в нее более или менее случайно.

Конечно, можно, по-видимому, говорить о том, что степень обобщенности отражения в данной песне значительно ниже, чем, скажем, в былинах, и, очевидно, прав Б. Н. Путилов, говоря, что «эпические сюжеты, в основе которых лежал широкий художественный вымысел, являющийся формой изображения и преобразования действительности, полнее и глубже отражали и обобщали существенные исторические явления»². Но столь же бесспорно и то, что, утратив былую монументальность изображения, историческая поэзия XVI века (в том числе и песня о взятии Казани) не утратила, однако, своей творческой независимости по отношению к фактам, отражала их не иначе как в плане художественной условности и, что особенно важно подчеркнуть, по-прежнему обращалась лишь к тем из них, которые в наибольшей мере поддавались творческой деформации в рамках художественно выразительного сюжета.

¹ См.: Путилов Б. Н. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. С. 180—181.

² Там же. С. 181.

Если развитие историко-песенного фольклора в XIII—XV веках создало известную поэтическую инерцию, в силу которой традиционные художественные навыки долго еще время сохранялись в исторической песне XVI века, то и новые принципы отражения действительности, окончательно окрепшие в XVI веке, в свою очередь придали развитию исторической песни весьма определенную тенденцию. Заключалась она в том, что художественное внимание народа со временем все больше и чаще обращалось к конкретным историческим фактам, все больше обретая опору в них как таковых.

Именно на этой эстетической основе, думается, возникли песни «Иван Грозный молится по сыне», «Смерть царицы», «Смерть Ивана Грозного», «Иван Грозный под Серпуховом», «Набег крымского хана», «Оборона Пскова от Стефана Батория», «Смерть Михайлы Черкашина». Все эти песни представляют собой отклики на конкретные исторические факты (масштаб фактов для нас в данном случае безразличен), причем в реакции на факт заключено все их содержание. Это, разумеется, не означает, что песня становится хроникой, что она стремится к точному воспроизведению факта. Факт, как и прежде, как и всегда, может отражаться в ней в любом аспекте. Песня может даже вообще не использовать его сколько-нибудь значительных черт. Но при всем том факт теперь является, так сказать, эстетическим центром песни, и это в сильнейшей степени сказывается на всей ее композиции. Стремясь выразить свое впечатление от факта, свое отношение к нему, певцы часто довольствуются лишь приблизительным его обозначением, и все повествование сводится либо к своеобразному лирическому самовыражению, либо к весьма статичному описанию события («Иван Грозный молится по сыне», «Набег крымского хана» и др.). Четкого сюжета, ярко характерного слитка конкретных представлений, способного поддерживать собственно художественный интерес независимо от позднейших переосмыслений реальной конкретности, легшей в основу песен, здесь очень часто нет. Это обстоятельство играет большую роль в исторической судьбе песни. Не имея в своем составе элементов, способных поддержать художественный интерес, при том, что значение исторических элементов становится для последующих поколений все менее ощутимым, песня лишается внутренней устойчивости и становится открытой для всевозможных переосмыслений, замещений и т. п. Не находя сюжетной опоры в реальном факте, песня нередко стремится связать его с ходячими сюжетными штампами или с фабульными конструкциями других исторических песен. С исчерпывающей полнотой эти процессы были проиллюстрированы на примере песни о Кострюке А. П. Скафтымовым (см. его «Поэтику и генезис былин»).

Так возникает известное противоречие между очевидной тенденцией исторических песен ко все более широкому охвату исторических явлений и возможностью ее реализации в условиях устной традиции. Все более усиливающаяся историзация сознания делает предметом поэтического интереса все больший круг реальных ситуаций, но фольклор часто словно не успевает за этим процессом в том смысле, что в нем нет необходимых условий для устойчивого существования многих песен. Те из песен, которые, являясь реакцией на определенные факты, обладают вместе с тем достаточной художественной самостоятельностью, обнаруживают гораздо большую устойчивость и независимость от позднейших переосмыслений. Сильная сюжетная основа в них в значительной степени ограничивает и затрудняет процесс выветривания исторически характерных черт. Что же касается тех песен, которые, не «успев» сложиться в достаточно характерный художественный организм, являются лишь «односложной» реакцией на событие, то в них-то и проявляется с особенной очевидностью противоречие, о котором мы говорили выше.

Как мы уже отмечали, песен подобного типа в XVI веке было создано сравнительно немного. Основной массив песен XVI века прочно связан с традицией, с художественными заветами прошлого.

Поворот намечился на грани XVI и XVII веков. Вызревая постепенно, как бы исподволь, он проявился сразу же с большой силой. Всего лишь каких-нибудь двадцать с небольшим лет отделяют первые известные науке песни XVII века от «последней» песни века предыдущего. Но какие перемены! Эпическая монументальность старших песен, подчеркнутая обстоятельность их поэтического строя, — всего этого почти не видно в песнях XVII столетия. Зато неизмеримо вырос тематический кругозор песен, резко усилилось их публицистическое звучание. Песня стала энергичнее, острее, восприимчивее. Столь крутые перемены не случайны. Уже самое начало XVII века ознаменовалось бурными событиями, имевшими огромные исторические последствия. Польско-шведская интервенция, крестьянская война под руководством Ивана Болотникова, народные ополчения, борьба партий и государств, религиозные и классовые битвы — такова была социально-политическая атмосфера XVII века. Все эти события в сильнейшей степени активизировали народную идеологию, и это, конечно, не могло не отразиться на ее художественных проявлениях.

Историческая песня продуктивно развивалась на протяжении всего XVII века. Однако легко заметить, что развитие это было отнюдь не равномерным. Можно выделить по крайней мере два периода, в которые оно приобретало наиболее интенсивные формы: период национально-освободительной борьбы против иностранной интервенции и период Второй крестьянской войны под руководством Степана Разина. С этими двумя периодами связаны два наиболее значительных слоя песен XVII века. Есть, правда, еще и третий слой — песни так называемого «казовского

цикла», но связывать его с каким-либо определенным историческим периодом вряд ли возможно: отражая многолетнюю борьбу казаков с турками и попутно впитывая в себя мотивы пограничных стычек казаков с их степными соседями, этот песенный слой уходит своими корнями в более ранние эпохи, а, с другой стороны, многое воспринимает и от эпох позднейших. «Азовская тема», приобретшая в XVII веке особую актуальность, лишь выявляет, таким образом, материал, который пришел в XVII век из других эпох и подвергся определенной обработке.

К первой из отмеченных групп песен можно отнести двенадцать сюжетов, получивших отражение в 85 вариантах. Сюда входят «Смерть царевича Дмитрия» (2 варианта), «Борис Годунов» (1 вариант), «Гришка Отрепьев» (22), «Плач Ксении Годуновой» (2), «Сборы польского короля на Русь» (4), «Тушинский вор» (1), «Скопин-Шуйский» (35), «Поп Емеля» (10), «Василий Шуйский» (2), «Ляпунов и Гужмунд» (1), «Минин и Пожарский» (1), «Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань» (2), «Возвращение Филарета» (2). Как можно заметить, сравнительно небольшая вариативность здесь в значительной мере компенсируется широтой сюжетного диапазона: почти все основные моменты периода Смуты так или иначе отражены в песнях. Это и понятно — песни Смутного времени, складываясь в ходе событий, выполняли агитационную роль. Это была своеобразная художественная публицистика, звавшая на борьбу, отражавшая идеи, представления, взгляды борющихся масс и неизбежно использовавшая в своих целях наиболее распространенные предания, толки и слухи того времени.

Далеко не каждое из этих впечатлений могло дать материал для художественного обобщения. Но певцы и не слишком заботились о художественной форме. Для них важно было вовремя откликнуться на текущие события, поскорее принять участие в идеологической борьбе. И они создавали песни, главное достоинство которых заключалось в их злободневности, в их способности поэтически узаконить, утвердить народные оценки и воззрения в отношении тех или иных исторических событий. Потому в песнях этого времени мы часто не находим ни четкого сюжета, ни последовательности в развитии действия, ни сколько-нибудь значительной детализации. Эпическая обстоятельность в них сменяется патетической декламацией, лирической устремленностью, драматизм действия — остротой и напряженностью чувств. Таковы, например, песни «Смерть царевича Дмитрия» и «Борис Годунов». В них нет никакого сюжета, никакого действия. Они просто перечисляют события на Руси после смерти царя Федора Ивановича, давая остротенденциозный «очерк» царствования Бориса Годунова, и эта концепция собственно и составляет внутреннюю цель песен. Образ Годунова (если здесь вообще уместно говорить об образе) создается исключительно публицистическими средствами. Конкретного «показа» нет, а есть лишь прямая, категоричная характеристика:

Появилась-то из бояр одна буйна голова,
Одна буйна голова, Борис Годунов сын;
Уж и этот Годун всех бояр-народ надул.
Уж и вздумал полоумный Россеюшкой управлять,
Завладел всею Русью, стал царствовать в Москве.
Уж достал он и царство смертью царя,
Смертью царя славного, святого Димитрия царевича.

Не случайно тут же песня говорит о возмездии:

Как услышал то Борис, злу возрадовался.
Уж и царствовал Борис ровно пять годов;
Умертвил себя Борис с горя ядом змейным,
Ядом змейным, кинжалом вострым.¹

Не изменяют общему публицистическому тону и те варианты², которые дают образно-символическое изображение убийства Дмитрия. Классическая символика (битва сокола с коршуном) выступает здесь в качестве развернутой характеристики Годунова и Дмитрия, подчиненной все той же публицистической цели. Конкретного изображения здесь опять-таки нет, а есть прямая оценка событий, нарочито «нанизанных» в целях прямого обличения Годунова. Характерно, что и данные варианты, как и предыдущий, сразу же переходят к изображению возмездия:

Царил же он, злодей, ровно семь годов.
Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится,
То идет грозный божий гнев
За православную Русь:
И погиб Коршун на гнезде своем,
Его пух прошел по поднебесью,
Проточилась кровь на Москве-реке.³

В той же эстетической тональности — прямая характеристика и оценка события — выдержаны и многие другие песни: «Плач Ксении Годуновой», «Василий Шуйский», «Ляпунов и Гужмунд», «Минин и Пожарский», «Возвращение Филарета», а также один из самых ранних вариантов «Скопина». Особенно показателен последний. Он свидетельствует, что, хотя слух о загадочных обстоятельствах смерти знаменитого

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. VII. М., 1870. С. 1—2.

² Архив КНИИК; рукоп. хр. Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 125 (П. В. Киреевского), п. 48, № 1.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. VII. С. 1—2.

воеводы М. В. Скопина-Шуйского распространился в народе, несомненно, очень быстро и в дальнейшем послужил материалом для одной из лучших исторических баллад XVII века (об этом ниже), однако вначале народная поэзия реагировала на это событие более непосредственно, более, так сказать, «односложно»: в песне отражено впечатление, произведенное смертью Скопина¹. Не стремясь ни к какой сюжетной стройности, певцы как бы характеризуют это событие с разных точек зрения. Скорбные плачи «московских гостей» и «свечских немцев» оттеняются злорадной усмешкой князей Мстиславского и Воротынского. В этом противопоставлении заключена возможность драматической ситуации, острого сюжета, но возможность эта здесь не используется. Песню определяет тон непосредственного лирического отклика.

Такая форма отражения действительности имела свои преимущества: позволяя быстро откликаться на многообразные явления и запросы текущего дня, она делала поэзию хорошим средством политической ориентации и повышала ее роль в идеологической борьбе. Но, как мы уже отмечали, столь бурное расширение тематического диапазона нередко шло в ущерб художественной глубине. Не успевая сложиться в крепкий художественный организм, многие песни, по-видимому, не переживали породившего их времени. Не случайно, например, что песни именно этого типа почти не дают вариантов и не порождают циклов.

Так, песни о народных ополчениях 1611—1612 годов известны каждая всего в одной записи. «Возвращение Филарета», «Василий Шуйский» — в двух, а что касается «Плача Ксении Годуновой» и «Скопина» (вариант Ричарда Джемса), то они и вообще не оставили в народной поэзии ни малейшего следа, и, не будь они записаны в начале XVII века, мы и не знали бы об их существовании.

Песен подобного типа было, конечно, много. Можно думать даже, что они были господствующей формой историко-песенного фольклора в указанный период.

Однако историческая поэзия развивалась не только в этом направлении. Очень часто, не находя достаточно четких и оригинальных форм, она вместе с тем всегда стремилась максимально использовать все те особенности явлений, которые могли дать материал для построения характерного сюжета. Несомненные следы этих поисков видны, например, в песнях о Гришке Отрепьеве. Сохраняя отчетливую публицистическую направленность, эти песни с особым интересом останавливаются на нескольких характерных эпизодах, которые, сгущая, конденсируя публицистическую мысль, укрепляют вместе с тем сюжетную основу песен. Эпизоды эти — речь матери царевича Дмитрия и подчеркнуто вызываю-

¹ С имони П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 годах для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского царства (Памятники старинного русского языка и словесности, вып. 11), Спб., 1907. С. 2—4.

щее поведение самозванца в Москве. Особенное внимание привлекает последний эпизод. Он служит главным опорным пунктом сюжета, и именно в его интересах идет процесс внутренней художественной концентрации в песне в последующие времена. Свободно варьируясь во всех «периферийных» эпизодах и деталях, песня неизменно сохраняет этот центральный эпизод.

Оба эти эпизода не вымышлены. Факты, отразившиеся в них, имели место в действительности и несомненно вызвали большой интерес у современников¹.

Конечно, песня по-своему перегруппировывает факты — разделенное во времени она сводит воедино, в условном «времени сюжета», — и мы указываем на эти реалии вовсе не с тем, чтобы вновь обсуждать традиционный вопрос об отношении песни к факту. Приведенные примеры нужны нам единственно для того, чтобы показать, что исторические песни этого времени, сохраняя свою публицистическую направленность, учитывали характер фактов и использовали малейшую возможность найти в них сюжетную опору.

Еще больший интерес в этом плане представляет самая распространенная версия песни о Скопине.

Как мы уже отмечали, вскоре после смерти М. В. Скопина-Шуйского была сложена песня, которая представляла собой лишь краткий лирический отклик на это трагическое событие. Ярко выражая народное отношение к нему, рисуя живую картину общенародного горя, песня, однако, не объективировала еще самого факта. Конкретное его содержание оставалось за пределами песни.

Между тем характер этого факта был таков, что долгое еще время он продолжал обсуждаться современниками, давая пищу для самых разнообразных слухов и толков.

23 апреля 1610 года на крестинах у князя И. М. Воротынского Скопин заболел и, проболев две недели, умер. В народе пошла молва, будто Скопин отравлен своим дядей Дмитрием Шуйским, завидовавшим его славе. Как на непосредственную отравительницу указывали на жену Дмитрия Шуйского Екатерину, которая была дочерью Малюты Скуратова. Говорили о причастности к отравлению даже самого царя В. И. Шуйского. «Глаголют бо нецыи, яко отравлен бысть от царя Василия зависти ради...»².

Эти представления, естественно, отразились и в народной поэзии. По-видимому, одновременно с песней, о которой мы только что говорили,

¹ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. С. 455.

² Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского. Русская историческая библиотека (в дальнейшем — РИБ). Т. XIII, Спб., 1909. С. 683.

начали складываться также песни, рисующие обстоятельства гибели Скопина в соответствии с приведенным пониманием этого события¹.

Особенности художественной формы этих песен, равно как и особенности исторической жизни сюжета в последующие времена, объясняются прежде всего характером самого факта, послужившего основой песен. В самом деле, версия об отравлении героя на пиру завистниками да еще при участии дочери Малюты Скуратова балладна уже сама по себе. Поэтому неудивительно, что песня и возникла как баллада, и в дальнейшем, в процессе своего развития, обнаруживала тенденции, характерные прежде всего для баллад: так, если в варианте Кирши Данилова дочь Малюты Скуратова подносит Скопину чашу отравленного меда по наущению завистников-бояр, то в позднейших вариантах конфликту Скопина с отравителями придается уже частный характер. Стремясь до конца выявить балладные возможности сюжета, позднейшие певцы заменяют исторические мотивировки мотивировками сугубо частными и вводят дополнительные эпизоды и оттенки, которые придают сюжету еще более балладное звучание (предостережение матери Скопина, похвальба Скопина любовными победами, месть оскорбленной женщины).

Таким образом, возникнув на основе конкретного факта, используя его реальные компоненты для построения остродраматического сюжета, песня обретает необходимую сюжетную опору и в дальнейшем получает возможность развиваться независимо от исторического содержания сюжета. Исторический факт, давший первоначально развитие песне, постепенно в ней угасает, и основным регулятором дальнейшего развития становится художественная «формула» этого факта — то есть сюжет как таковой. Эта особенность песен о Скопине, вообще характерная для лучших произведений историко-песенного фольклора, лишней раз говорит о том, что историческая песня XVII века развивалась не только вширь, но и вглубь, что песни, охватывая все более широкую сферу исторических явлений, стремились максимально использовать их потенциальные сюжетные возможности и что, следовательно, в формировании песни как оригинального художественного целого большая часть принадлежала характеру самого факта. От характера факта зависел не только жанр песни, но и ее историческая судьба. Факты «статичные», не заключавшие в себе потенциальных «сюжетных» возможностей, вызывали лишь односложный лирический отклик, и такая песня, не имея «узлов», способных

¹ Помимо свидетельства голландца Геркмана (Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. Спб., 1874. С. 315), о существовании таких песен говорит «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина» (РИБ. Т. XIII, Спб., 1909), памятник 1612 года, который в эпизоде отравления Скопина на пиру если не пересказывает песню, то во всяком случае стилистически на нее опирается.

поддержать собственно художественный интерес, разрушалась и забывалась по мере того, как историческое впечатление, давшее ей жизнь, теряло свою актуальность. И, наоборот, те факты, которые заключали в себе элементы острой драматической ситуации, давали песне характерный сюжет, интересный сам по себе, и этот сюжет стимулировал дальнейшее развитие песни независимо от переосмыслений, которым подвергалось собственно историческое содержание. (Характерно, что именно песни с ярко выраженным сюжетом дают наибольшее количество вариантов.) К тому же нетрудно заметить, что и реальные исторические черты, «впаянные» в крепкий сюжетный каркас, сохраняются гораздо дольше и в более исторически характерном виде, чем факты, не получившие сюжетного закрепления. Своеобразное напряжение, создаваемое сюжетом, замедляет процесс их выветривания, и многие из них сохраняются до тех пор, пока не разрушается сам сюжет. Факты же, не сплавленные в прочный сюжет, либо забываются (и песня исчезает), либо вступают в реакцию с другими сюжетными формулами, исторически безличными. Примером последнего являются такие песни, как «Взятие Астрахани», «Сборы польского короля на Русь», а позднее «Смерть царя Алексея Михайловича», некоторые варианты «Азова» и др.

9

После Смутного времени в развитии исторической песни наступил период, который можно назвать периодом относительного затишья. Новых сюжетов создается немного, да и те не получают сколько-нибудь заметного развития в вариантах.

Главная тема песен этого периода — различные внешнеполитические события. При этом наблюдается та же картина, что и прежде: одни песни просто выражают отношение народа к тому или иному факту, другим удается нащупать в факте характерный сюжетный стержень, третьи накладывают краски реальных событий на грунт старых сюжетных схем. Образцом первых является песня «Рождение царевича Петра», вторых — «Убийство Карамышева», «Царь и бояре решают судьбу Смоленска» и отчасти «Гибель С. Р. Пожарского», и, наконец, третьих — «Русское войско под Смоленском», «Поход под Ригу», «Смерть царя Алексея Михайловича».

То, что во второй трети XVII века новых сюжетов было создано сравнительно немного, не означает, однако, что в развитии исторической песни наступил какой-либо спад. Видимое сужение тематического кругозора песен в значительной мере явилось следствием тех глубоких процессов, которые совершались в это время в историко-песенном фольклоре и которые привели к новой его активизации, к новому подъему в 60—70-е годы.

Первая крестьянская война, совпавшая во времени с национально-

освободительной борьбой против польско-шведских захватчиков, была заслонена последней и не оставила поэтому сколько-нибудь заметных следов в фольклоре. Но народные устремления, с нею связанные, народные идеалы и классовые идеи не только не притупились, но приобрели особую актуальность и остроту. Снова, как и в конце XV века, на Дону и Волге собирались ватаги «вольных людей». Снова, как и тогда, звучали призывы «побивати своих бояр». А к концу 60-х годов движение угнетенных масс разрослось в широкую крестьянскую войну под руководством Степана Разина. Наиболее восприимчивыми в этом отношении оказались, естественно, те формы, в которых классовый опыт народных масс уже получил то или иное отражение. Сюда относятся прежде всего песни ермацкого цикла. Явившись когда-то «поэтическим прологом и спутником крестьянской войны»¹, теперь они стали своеобразным ее эпосом и одновременно — могучим идеологическим оружием во все более усиливающейся классовой борьбе. И в конце 60-х годов, когда развернулась Вторая крестьянская война, эта поэзия голутвенных масс явилась прочной основой для выражения новых, теперь уже вполне конкретных, связанных именно с этим временем идей и представлений. Широкие типические картины теперь обрели конкретный исторический колорит, старые сюжеты стали связываться с определенными моментами разинского движения.

Но развитие фольклора пошло еще дальше. Классовый опыт народных масс стал гораздо богаче. Историческая действительность ставила перед ними новые проблемы, для отражения которых идейная и эстетическая основа ермацкого фольклора была слишком узка. Выразив самые общие идейные устремления «вольных людей» и лишь в незначительной степени отразив конкретную реальность самой их борьбы, ермацкий фольклор в новых условиях не мог уже в полной мере отвечать запросам борющихся масс. Новые задачи, новые конфликты, наконец новые события — все это требовало и новых форм выражения. Поэтому в историко-песенном фольклоре 60—70-х годов не только начинается переплавка старого материала, но и создаются новые песни, коренным образом отличающиеся от ермацких. Дело, разумеется, не только в том, что в фольклоре появился новый герой — Степан Разин. Гораздо существеннее то, что впервые в фольклоре классовая борьба народа получила вполне конкретные исторические очертания.

Если пафос ермацких песен состоял в утверждении свободы вольных людей, то разинские песни прямо зовут к борьбе и, что самое главное, показывают эту борьбу в ее исторически конкретных проявлениях. В известном смысле можно сказать, что между ермацкими и разинскими песнями та же разница, что между былинным эпосом и исторической

¹ См.: Горелов А. А. Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник Первой крестьянской войны в России. // «Рус. литература». 1961, № 1.

песней. Обобщенное, «идеальное» выражение реальных классовых конфликтов теперь уступает место конкретному отражению действительности, типичная сюжетная формула — конкретной исторической ситуации, эпически-монументальный образ — живому реальному герою, хотя и не лишенному идеализации. По-прежнему стремясь к широкому обобщению и часто используя старые типические образы и мотивы, разинские песни наполняют их конкретным содержанием. Песни теперь уже не просто рисуют монументальные картины жизни вольных ватаг, но нередко используют их в качестве экспозиции действия, которое если и не всегда является главным содержанием песни, то во всяком случае значительно конкретизирует обстановку. Так, например, в варианте П. В. Шейна¹ атаман зовет дружину в Астрахань, этот своеобразный «эпический город» разинского фольклора. В других вариантах эта картина служит введением к песне о сынке Разина².

Но эта «вторичная историзация» ермацких песен сопровождается развитием и собственно разинского фольклора, в котором находят отражение черты, характерные именно для Второй крестьянской войны. Идеологически смыкаясь с ермацкими песнями, разинский фольклор дает остро современную трактовку старых социальных идей и отражает многие характерные моменты разинского движения.

Показательна в этом отношении, например, песня о взятии Астрахани. Изображая Разина как типичного атамана вольных дружин и в ситуации, знакомой нам по ермацким песням (казаки плывут по Волге, стремясь остаться незамеченными), песня вместе с тем раскрывает смысл и характер борьбы разинцев — казаки берут Астрахань и убивают губернатора.

Вообще говоря, при всем том, что разинские песни ярко отразили характерные черты Второй крестьянской войны, сюжетов, сколько-нибудь определенно соотносимых с конкретными ее событиями, почти нет. Песен, о которых можно было бы сказать, что они имеют в виду определенный факт, всего четыре: «Взятие Астрахани», «Поход разинцев на Яик», «Песни разинцев» и «Есаул сообщает о казни Разина». Что же касается остальных песен, то, несомненно³ опираясь на реальные представления, связанные с именем Разина, и отражая иногда отдельные реальные события, они рисуют обобщенную картину. Значительную роль играет здесь и то, что некоторые представления о Разине очень скоро отлились в типичные сюжетные формулы, своеобразные «*locis communes*» разинского фольклора, и в качестве таковых стали переходить из сюжета в сюжет, придавая им тем самым еще большую художественную условность. Таковы, например, мотив неуязвимости Разина в бою, мотив вещего сна, завещание атамана, атаман и девица и т. п. Все они не-

¹ М и л л е р В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII веков. Известия АН. Спб., 1915. Т. 93. № 317.

² Т а м ж е. № 322, 327.

сомненно позднего происхождения, когда конкретные черты образа Разина в значительной степени сгладились, а осталась лишь поэтическая легенда о нем как о великом воине, удалом атамане, эпически монументальном герое.

10

С разинским движением был связан последний в XVII веке крупный подъем историко-песенного фольклора. В последней трети века в исторической поэзии вновь наступило относительное затишье. Из событий этого времени народная поэзия откликнулась лишь на четыре: рождение царевича Петра, неудачный поход князя В. Голицына в Крым, взятие Азова Петром и стрелецкий бунт 1698 года. В стороне от магистральной линии народной поэзии возник, правда, еще один песенный цикл — песни о Соловецком восстании 1668—1676 годов. Но это был специфический фольклор, возникший в среде старообрядцев и почти не получивший распространения за ее пределами.

Новый период в развитии исторической песни совпал с началом нового столетия.

В истории русского государства XVIII век представляет одну из самых ярких и бурных эпох. Начало его огласилось громом пушек Северной войны, которой Россия начинала решительную борьбу за право выхода на широкую международную арену, за право называться одной из ведущих держав мира. Великие петровские реформы потрясли самые основы народной жизни, вскрыли громадные потенциальные возможности народа, наметили широкие исторические перспективы.

Как всегда в эпохи коренных преобразований, резче проявились все традиции народной жизни — и прогрессивные, и отсталые, — и это придало особую остроту и противоречивость развитию русской истории на протяжении всего XVIII века. Ломка патриархальных порядков, мешавших дальнейшему развитию, и совершенно закономерное сопротивление крайним ее формам, колоссальный патриотический подъем и нараставшее засилье иноземщины, победоносные войны и небывалое обострение классовой борьбы — в этих драматических контрастах крепла и мужала русская нация в XVIII веке.

Все эти явления и процессы вызвали еще большую историзацию народного сознания, что, конечно, не могло не отразиться в фольклоре. И действительно, тематический кругозор исторической поэзии XVIII века во много раз превосходит все, что было достигнуто фольклором в этом отношении во все предшествующие времена.

Система факторов, определивших пути развития исторической песни в XVIII веке, весьма сложна. Выяснить ее в полной мере возможно лишь в результате специального исследования. Поэтому здесь мы остановимся лишь на двух обстоятельствах, которые хотя и не дают исчерпывающего объяснения всем процессам, протекавшим в исторической песне этого

периода, но все же позволяют понять главное направление в ее развитии.

О первом из них мы уже говорили. Это — усиление, углубление историзации народного сознания, вызванное особой интенсивностью исторической жизни в XVIII веке.

Второе обстоятельство носит более специфический характер. Оно состоит в том, что в результате петровских реформ в самой, так сказать, структуре среды, создававшей фольклор, произошли серьезные изменения. К ним прежде всего относится образование регулярной армии. В интересующем нас отношении это означало, что огромные массы народа оказались в весьма специфических условиях, которые определили новые формы жизни, новые формы восприятия и, совершенно естественно, новые формы творчества.

Хотя в песнях XVIII века получили отражение и многие события «гражданской» истории, все же историческая песня этого времени в огромном своем большинстве обращена к истории военной. Это в полном смысле солдатская песня. В ней отчетливо виден русский солдат — вчерашний крестьянин, на долгие годы, а то и на всю жизнь оторванный от дома, солдат, победоносно шагающий по полям сражений и тоскующий по родине, гордый славой русского оружия и осуждающий палочную дисциплину, солдат, любящий и негодующий, беспечно-веселый и глубоко размышляющий о своей тяжелой жизни.

Все эти стороны солдатского мировоззрения и определили особенности русской исторической песни не только в XVIII, но и в XIX веке.

Начиная с XVIII века песни отмечают так или иначе все сколько-нибудь значительные внешнеполитические события, особенно сражения, в которых приходилось участвовать русским войскам. Северная война и походы в Среднюю Азию, многочисленные турецкие войны и Семилетняя война, Отечественная война 1812 года и Восточная война, войны с Персией и на Кавказе — вот далеко не полный перечень событий, получивших отражение в исторической песне. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что если песни XVII века были художественной публицистикой своего времени, то начиная с XVIII века они стали своеобразной летописью. Понимать это нужно, разумеется, не буквально, не в том смысле, что песни стали давать точное отражение событий, а в том, что внимание их к историческим событиям неизмеримо возросло и в известном смысле приобрело даже характер самоцели. Солдаты создали свой военно-исторический эпос, в котором отражалась каждая победа русского оружия, гордое сознание превосходства над врагом.

Если взять исторические песни XVIII—XIX веков в их совокупности, то нетрудно убедиться, что они верно передают дух эпохи, отражают многие и многие реальные факты и характерные детали тех или иных событий. Однако в каждой отдельной песне таких конкретных черт обнаруживается сравнительно немного. При всем том, что песни стремились к мак-

симальному учету исторических фактов и что исторический факт, как никогда, приобрел для певцов самостоятельный эстетический интерес, песни очень редко отражают реальную его структуру.

На первый взгляд объяснить это можно тем, что столь свободное отношение к факту вообще характерно для исторической песни, что как художественное произведение она вольна обращаться к факту в любом аспекте.

Однако применительно к песням XVIII—XIX веков такое объяснение представляется недостаточным. Не выводя их из-под действия этого общего закона поэзии, можно, думается, указать и более, так сказать, непосредственную причину.

Дело, на наш взгляд, в том, что в основных своих чертах песни этого времени складывались независимо от тех фактов, которые получали в них то или иное отражение. В исторической песне XVIII века был выработан целый ряд своеобразных сюжетных стереотипов, отражающих наиболее типичные ситуации солдатской жизни: выступление армии в поход, объявление войны, приказ солдатам готовиться к походу, различные батальные картины (осада крепости, «скрадывание» вражеских караулов и т. п., похороны военачальника, плачи по умершим царям с обязательной жалобой на современные порядки в армии и т. д.). В рамках этих схем и отражались конкретные факты, часто не принося с собой в песню ничего, кроме своего наименования. Так, в песнях о выступлении в поход солдаты идут против шведов, турок, пруссаков, а в песнях о гибели военачальников упоминается то Суворов, то Румянцев, то Потемкин. То же можно сказать и о многих других песнях.

Можно заметить, что эта своеобразная инерция в наибольшей степени проявляется в песнях с лирическим складом. Выражая глубокие раздумья солдата над тяготами его жизни, песни этого типа используют тот или иной факт как непосредственный повод к самовыражению. Оттого реальная конкретность факта в них может и не присутствовать. Для непосредственной цели песни она не нужна, и отсюда возникает возможность различных исторических приурочений одной и той же сюжетной ситуации. В этом проявилось одно из следствий усилившейся историзации народного сознания: в теснейшей связи с историческими явлениями оказался сам быт народа, и потому обычные бытовые его песни приобрели конкретно-историческое звучание.

В значительно большей мере опираются на реальную конкретность событий песни эпического склада. Так, например, песня о Цорндорфской битве довольно точно передает некоторые реальные черты этого крупного события — гибель «нового корпуса», пленение генерала Чернышева и т. п. Достаточно отчетливо проявляется историческая основа и в песнях о битве при Эрестферах, об осаде Кюстрина, о взятии Берлина и др.

Однако указанная инерция, стремление отразить факт при помощи сюжетного стереотипа, обнаруживается в значительной мере и здесь.

Наиболее характерным примером в этом отношении может служить песня о Чернышеве-пленнике.

Генерал-поручик З. Г. Чернышев, командовавший частью русских войск в Семилетней войне, не пользовался в армии особой популярностью. Об этом, в частности, свидетельствуют песни, не входящие в цикл о Чернышеве-пленнике¹. Чернышев выступает в них как типичный представитель палочной дисциплины, постоянный солдатский недруг.

В Цорндорфской битве Чернышев попал в плен и был заключен в кистринскую тюрьму. С точки зрения военной истории, событие это, конечно, имело большое значение. И песня сразу же «забывает» реальные черты Чернышева и изображает его в ситуации, издавна известной в русском фольклоре, — герой в темнице. Никаких конкретных предпосылок для такой ассоциации, разумеется, не могло быть. Песня откликнулась не на пленение Чернышева как такового, а на пленение русского генерала, одного из солдатских военачальников. Потому и оказалось возможным соединение героико-патриотического сюжета с именем, вообще исключающим такое соединение.

Если, таким образом, старые сюжетные темы могли применяться к явлениям, не созвучным им в идейном плане, то объединение принципиально однородных явлений должно было происходить с тем большей естественностью. И действительно, примеров такого объединения исторические песни XVIII—XIX веков дают множество. Вспомним хотя бы сюжет «Герой в гостях у неприятельского короля», связывавшийся последовательно с именами Петра I («Петра I узнают в шведском городе»), Краснощекова («Краснощеков в гостях у прусского короля») и Платова («Платов в гостях у француза»).

Случаи такого объединения, накладывания новых исторических красок на старый сюжетный «грунт», конечно, бывали и раньше (Ермак и Разин в Азовской темнице, взятие Азова хитростью или при помощи подкопа, плачи о царях и т. д.). Однако прежде это было скорее исклю-

¹ См., например, текст из сб. Черкасовой:

А начнут нас учить,
Чернышев крепко кричит.

(Рукоп. отд. Института русской литературы АН СССР.
Р. 1, оп. 43, № 1, лл. 75—76).

Или:

Генеральские смотры — не ленись крестить черты,
Чернышев страшен учить, сам громко он кричит.

(Рукоп. отд. Гос. публичной библиотеки
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. О, VII, № 246, л. 12 об.).

Или:

Не спасибо генералу Чернышевскому:
Не пиваючи, не едаючи, морит силу.

(Там же, собр. Титова, 4272, № 130, л. 46).

чением, нежели правилом. В основной своей массе исторические песни находили в фактах необходимую сюжетную опору, реальную или вымышленную. Факты «несюжетные» или вызвали «однозначную» художественную реакцию, или попросту не получали никакого отражения.

XVIII век принес с собой то новое, что единственным стимулом обращения песни к факту стала историческая значимость последнего. Факты требовали художественной реакции независимо от того, насколько их природа допускала художественное отражение. Народная поэзия как бы ставилась, таким образом, перед необходимостью отражать их любыми средствами. Таких средств в ее распоряжении оказалось всего три: по-прежнему искать достаточно прочной сюжетной опоры в фактах, давать документальное описание факта и отражать факт в рамках старых сюжетных тем.

Что касается первой возможности, то в условиях бурно развивающейся исторической жизни использование ее должно было быть весьма ограниченным. Певцы часто как бы «не имели времени» для того, чтобы полностью выявить сюжетный потенциал фактов, и отражали их наиболее «легким» способом. Все же несколько таких сюжетов было создано. К их числу можно отнести «Допрос пленного майора», «Казачки встречают царя под Шлиссельбургом», «Смерть Лопухина» и др.

В большей мере была использована вторая возможность — статичное описание события. На такой основе построены, например, песни о битве под Красной Мызой, «Взятие Бендер», «Взятие Очакова», огромное большинство песен о Кавказских войнах и многие другие. В них можно найти немало исторически верных деталей (многие из них даже указывают точную дату события), иногда они поднимаются до известного художественного обобщения, но в целом повествование в них отличается сухостью, очень небольшой степенью изобразительности и шаблонностью (впрочем, нужно иметь в виду, что многие из них были подвергнуты определенной правке со стороны собирателей и публикаторов и, таким образом, дошли до нас с весьма существенными искажениями).

Песни этого типа отличаются наименьшей устойчивостью. Не включая в себе элементов, способных поддержать собственно художественный интерес у поздних поколений, и в то же время требуя большого напряжения исторической памяти, они быстро забывались или обнаруживали тенденцию к слиянию с более характерными сюжетными схемами. (В устной традиции сохранились, как правило, лишь краткие их редакции.) Именно в этих песнях с наибольшей отчетливостью проявилось то характерное противоречие, о котором говорилось выше, — противоречие между стремлением к полноте исторического отражения и возможностью его осуществления в условиях устной традиции. Безмерно разившись вширь, отразив, зафиксировав живую конкретность реальных событий, историческая песня нового времени утрачивает постепенно большую часть этих своих достижений. Сохранение их в устной традиции

становится почти невозможным. Выживают и несут живую правду эпохи лишь песни с отчетливо выраженным самобытным сюжетом. «Внутренняя художественная» концентрация (очень точный термин, предложенный А. П. Скафтымовым), которой совершенно неизбежно подвергается любой сюжет, разрушая многие конкретные детали («периферию сюжета», по выражению того же А. П. Скафтымова), не разрушает, однако, самого содержания, кристаллизованного в сюжете.

Что же касается остальных песен, лишенных самобытного сюжета, то процесс внутренней концентрации оказывается для них губительным. Направление его в таких песнях определяется и регулируется не характером самого сюжета, а факторами, в значительной степени случайными,— выделением в песне какого-либо одного мотива, возможностью связать содержание песни с другим сюжетом и т. д. Так или иначе, но дальнейшее развитие песни происходит не в духе ее содержания, а это приводит в конечном счете к ее распаду.

В связи с этим совершенно естественно встает вопрос: не приходит ли историческая песня в XVIII—XIX веках к своему концу.

Большинство исследователей отвечало на этот вопрос утвердительно. Различие заключалось лишь в том, что одни (П. А. Бессонов, В. В. Каллаш, М. Н. Сперанский) относили начало упадка исторической песни к послепетровской эпохе, а другие отодвигали этот процесс еще на столетие вперед (Э. С. Литвин).

Нам такая постановка вопроса представляется несколько односторонней. И прежде всего потому, что в своих выводах исследователи исходят из представлений об эволюции исторической песни как единого жанра и связывают ее историческую судьбу с факторами, далеко не объясняющими всех ее особенностей на позднем этапе развития. «Пока освободительное движение в России носило антифеодалный характер,— пишет, например, Э. С. Литвин,— пока крестьянство оставалось основным трудящимся классом общества, оно непрерывно создавало песни, обобщавшие огромный исторический опыт его борьбы. В обстановке сложившегося капиталистического строя, когда на первый план стало выступать противоречие между пролетариатом и буржуазией, когда крестьянство перестало быть единым классом, неизбежно происходит постепенное снижение и угасание жанра исторической песни. Его последние образцы уже не отличаются ни шириной масштабов художественного обобщения, ни той политической заостренностью и воинствующим демократизмом, какие были свойственны исторической песне в период ее расцвета»¹. И далее, противопоставляя старшую историческую песню историко-революционным песням рабочих, Э. С. Литвин продолжает: «Ни в их (рабочих песен.— Л. Е.) идейной направленности, ни в художественной форме по сравнению со старейшей исторической пес-

¹ Литвин Э. С. Русская историческая песня XIX века//Русский фольклор: Материалы и исследования. VI. М; Л., 1961. С. 242.

ней нет того сходства в способах и средствах показа действительности, которое обязательно в рамках единого жанра»¹.

Не отрицая справедливости наблюдений Э. С. Литвин над идейными и художественными особенностями поздних исторических песен, заметим, однако, что указанные особенности не имеют отношения ни к жанровой характеристике исторической песни (ибо эти особенности не жанрового порядка, как и сама историческая песня — не жанр), ни тем более к вопросу об исторической ее судьбе. И «широта масштабов художественного обобщения», и «политическая заостренность», и «воинствующий демократизм» — все это может характеризовать лишь содержание исторической песни на разных этапах ее развития, но не природу ее как определенной формы отражения действительности. Идейная направленность исторической песни в разные эпохи могла принимать различные формы (это определялось факторами, регулирующими развитие общественного сознания в целом); историческая песня знала и большие взлеты, и явные неудачи; но в зависимости от этих ее идейно-художественных «состояний» вопрос о существовании ее как исторически закономерной формы отражения действительности никогда не стоял. Эволюция мировоззрения, отразившаяся на содержании и художественной форме исторической песни, не отменила самого ее существования. Она отразилась на характере оценок исторических явлений, во многом изменила поэтику и стиль исторической поэзии, но сама историческая песня осталась той же самой исторической песней, с ее обостренным вниманием к конкретно-историческим явлениям, с ее постоянной готовностью откликнуться на них.

Любопытно отметить, что признать это склонна как будто и Э. С. Литвин. Так; уточняя свои наблюдения, приведенные нами выше, она, в частности, пишет: «Сказанное отнюдь не означает, что в русском фольклоре угасла историческая тема. Но историческая тема питает разные виды народного творчества и может находить в них различное художественное воплощение, что в свое время очень наглядно проявилось в соотношении былины и исторической песни»².

И все же исследовательница находит возможным говорить об «угасании исторической песни». Почему? На каком основании? Да только на том, что старшие исторические песни она считает едиными в жанровом отношении, а в поздних песнях усматривает отход от этих жанровых норм. В этом и состоит, на наш взгляд, ее основная ошибка. Ибо, как мы пытались показать выше, никакого «сходства в способах и средствах показа действительности, которое обязательно в рамках единого жанра», в исторической песне не было никогда — ни на ранних, ни на поздних этапах ее развития. Историческая песня всегда была конгломератом многих жанров («способов и средств показа действительности»), много-

¹ Там же. С. 243.

² Там же.

образным в жанровом отношении проявлением конкретно-исторического восприятия явлений действительности, и, следовательно, в определении ее исторической судьбы мы должны исходить не из этих ее жанровых «мутаций», а из того, сохранились или исчезли предпосылки конкретно-исторического отношения народного художественного сознания к явлениям действительности. Только этот вопрос и существен.

Однако что же все-таки происходит в исторической песне в XVIII—XIX веках? Почему снижается ее художественный уровень и ее способность отражать неповторимую характерность явлений действительности?

Объяснение, на наш взгляд, здесь может быть лишь одно: историческая песня явилась такой формой отражения действительности, реализация всех возможностей которой в условиях устной традиции была просто невыполнима. Конкретное историческое впечатление, оформившись в характерный художественный сюжет, могло отражать «правду эпохи» только в том случае, если оно оставалось неприкосновенным в позднейшие времена. И как раз этой-то неприкосновенности и не могла обеспечить сюжетам устная традиция. Внутренняя художественная концентрация, неизбежная в фольклоре, столь же неизбежное взаимодействие сюжета с новыми историческими впечатлениями, наконец всевозможные чисто механические деформации, число и характер которых не поддаются никакому реальному учету,— все эти явления, повторяем, совершенно неизбежные в условиях устной традиции, расшатывали, разрушали историческую основу песни, ослабляли ее художественный потенциал.

Отдельные песни — те, в которых «правда эпохи», живые исторические впечатления были отлиты в характерный, «крепкий» сюжет,— выходили из этого процесса с меньшими потерями. Но закономерность художественного развития народа состояла в том, что возможностей для создания таких сюжетов с течением времени становилось все меньше и меньше: бурно прогрессирующая историзация сознания принуждала реагировать на все более широкий круг явлений, и фольклор все чаще должен был идти на известные художественные жертвы. Отражая явления «односложно», эмпирически-позитивно, песни не обретали основы, способной поддержать художественный интерес в последующие эпохи, а прибегая к «амальгамам» (по выражению В. В. Каллаша), они утрачивали характерную правду конкретного явления. Конкретно-исторический принцип отражения требовал иных, нефольклорных, форм воплощения, форм, которые оградили бы произведения, созданные на его основе, от закономерных и случайных деформаций, возможность (и даже неизбежность) которых заложена в устной традиции.

Вот почему нужно говорить не об «угасании» исторической песни в XVIII—XIX веках, не о том, что эстетические возможности ее оказались исчерпанными, а только о том, что в условиях устной традиции эстетическая эффективность исторической песни становилась с течением времени все более ограниченной. Силы, развязанные в исторической песне,

оказались гораздо больше возможностей их использования в фольклоре. Потому, не утрачивая своей исторической необходимости и, больше того, становясь со временем все более закономерной и естественной формой реакции на конкретные явления действительности, историческая песня оказывается все менее способной решать стоящие перед ней задачи. Вопрос о судьбах исторической песни как никогда прежде становится частью вопроса о судьбах фольклора вообще, о сравнительной ограниченности его возможностей в отражении исторической действительности, требовавшей уже новых, более совершенных художественных форм. Совершенных, разумеется, не по степени художественности, а по способности закреплять конкретное своеобразие отражаемых явлений.

Одной из таких форм стала *литературная историческая песня*, «литературность» которой состоит не столько в том, что автор ее почти всегда известен, сколько в том, что и ее «строительный материал», и принципы его организации в ней отражают уже не коллективный художественный опыт, отложившийся в фольклоре и присутствующий в каждом произведении народной поэзии, а опыт индивидуальный, нуждающийся в литературном способе выражения — и только в нем. Поэтому как бы близка ни была народу та или иная литературная песня, какое бы широкое распространение она ни получила, каким бы изменениям она ни подвергалась в процессе обращения в массах, она остается фактом индивидуального творчества, отразившим индивидуальный художественный опыт, индивидуальную «концепцию действительности».

Традиционная же историческая песня навсегда остается памятником классического русского фольклора, запечатлевшим неповторимые проявления национального художественного сознания.

Мы часто говорим, что народная историческая песня — это ключ к пониманию истории. Это, конечно, так, но не в том (вернее, не только в том) смысле, что она сохранила многие сведения, факты, подробности, не отраженные письменными источниками. По историческим песням, как и по былинам, историю изучать затруднительно. Зато в этих песнях отражено, воплощено нечто такое, чего не могут заменить никакие, пусть самые подробные исторические описания. В песнях живет само время, их породившее, реальный, живой человек, современник Ивана Грозного и Петра I, Степана Разина и Суворова, человек эпохи Смутного времени и 1812 года, Азовских походов и крестьянских войн. События, факты, подробности, рассыпанные там и тут в песнях, быть может, мало скажут нашей памяти, нашему знанию, но человек, их современник и их автор, его мировосприятие, его кругозор, строй его мыслей и чувствований — все это, воплощенное в песне с удивительной художественной силой, властно перенесет нас в его время, в его жизнь и скажет нам о многом, о бесконечно многом. Такова тайна народной исторической песни.

Л. И. Емельянов

***ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XIV—XVI ВЕКОВ***

1—3. ЩЕЛКАН

1

А и деялося в Орде,
Переделялось в большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке,
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Одного не пожаловал —
Любимого шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал —
Его дома не случилось,
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю литовскую,
За моря синея;

Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царские невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублей,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога —
Царское жалованье,
Государево величество,
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять,
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
Любимых шуринов,
Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».

Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацеди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия,
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцы родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втапоры млад Щелкан
Он судьёю насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судьёю сидел:
И вдовы-то бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадские
Они жалобу приносили
Двум братцам родимьем,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли они честные подарки —
Злата, серебра и скатного земчуга.

Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича,—
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванился он, загорденился,
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

2

На стуле на бархате,
На золотом, на ременчатом,
Сидел тут Возвяк,
Да Возвяк сын Таврульевич,
Да дело присуживал да приговаривал,
Да князей-бояр жаловал
Он селами, поместьями,
Города с пригородками.
Он Фому дарил Тотьюмою,
А Ерему Новым-городом.
Да любимого зятюшка
Щелкана Дудентьевича
Его тут не случилось,
А уехал Щелканушко
Во землю дальнюю
Ради дани да выходу,
Ради чертова правежа.
Он с поля брал по колосу,
С огорода по курице,
С мужика по пяти рублей;
У кого как пяти рублей нет,
У того он жену берет;
У кого как жены нет,
У того так самого берет.
(Вот как он там дань собирал!)
У Щелкана не вырядишься,
Со двора вон не вывернешься.
Да приехал Щелканушко
Из земли из дальние

Да и прямо к царю на широкий двор.
«Уж ты царь Возвяк,
Да Возвяк сын Таврульевич!
Ты, царь, суды рассуживал,
Дела приговаривал,
Да князей-бояр жаловал
Ты селами, поместьями,
Города с пригородками.
Ты Фому дарил Тотьюмою,
А Ерему Новым-городом.
Ты любимого зятюшка
Да Щелкана Дудентьевича
Подари Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Только Тверью богатою».
И говорит тут царь Возвяк,
Да Возвяк сын Таврульевич:
«Ой же Щелканушко,
Щелкан сын Дудентьевич!
Заколи чада милого,
Только сына любимого,
Нацеди чару руды,
Только чару серебряную,
Да и выпей-ка ту чару руды,
Стоючи перед Звягой-царем,
Перед Звягой Таврульевичем,
И подарю Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Только Тверью богатою».
Да и тут-то Щелканушко,
Щелкан сын Дудентьевич,
Заколел-то чада милого.
Только сына любимого,
Нацедил-то чару руды,
Только чару серебряную,
Да и выпил ту чару руды,
Стоючи перед Звягой-царем,
Перед Звягой Таврульевичем.
И подарил-то Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Тою Тверью богатою.
И поехал Щелканушко
Он во землю во дальнюю.
А заехал ко Марье Дудентьевне,

К сестрице родной:
«Ты прости-ко, сестрица родна».
Говорит ему Марья Дудентьевна,
Говорит ему сестрица родна,
Токо Марья Дудентьевна:
«Да ой же ты брателко
А Щелкан сын Дудентьевич!
Как бы тебе, брателко,
Туда уехати,
Назад не приехати.
Остыть бы те, брателко,
На востром копье,
На булатном на ножичке,
Как заколол ты сына милого,
Только чада любимого,
Ради Твери-города,
Ради Твери-то славные,
Только ради Твери богатые».

3

И на стуле, крытом бархатом,
На ковре красном золоте
И царь сидел, суды судил, ряды рядил:
И Ваську — на Костомку,
Мишку — на Малые Резы,
И шурина любимого
Шшолкана Задудентьевича
И службой большою,
Дорожкой дальнёю —
И за тридевять земель
Сбирать дани-пошлины,
И собирать дани-пошлины
За прежни годы, лета прошлые,
Со всякой улицы по курицы,
Со всёго дому по пяти рублей;
У кого нету пяти рублей,
И по лошади по добрыя,
По дочери хорошея,
По сыну одинакому.
Ну собирал Шшолкан,
Ну собирал Задудентьевич:
«Вот тебе, царь Возвяк,
Служба сослуженая,

Да ряды наряженные,
Дорожка исправленная».
И просговорит царь В (озвяк):
«Кто бы мог мне думушку подумати,
Взял бы сына одинакого,
И вел на широкой двор,
И тыкнул вострым ножом в грудь,
И налил чашу крови,
Перед царем испил?»
Шшолкан Задудентьевич
Взял сы (на одинакого),
Вел (на широкой двор),
Т (ыкнул вострым ножом в грудь)
И н (алил чашу крови),
Перед царем испил.
«Вот тебе, царь В (озвяк),
Служба сослуженая,
Да ряды наряженные,
Дорожка исправленная.
Пожалú, царь Возвяк,
Твердо-город,
Тверду прекрасную,
Становиться большим начальником
И сам собой».
— «Бери-ко ты пановой-улановой,
Палачей немилóсливых».
Взял он п (ановой-улановой),
Палачей немилóсливых),
И пошел Шшолкан,
Пошел З (адудентьевич).
И навстречу ему Возвякова сестра.
«Ты куды, Шшолкан, пошел,
Ты куды, Зад (удентьевич)?»
— «Я пошел, Ш (шолкан),
Я пошел, Зад (удентьевич),
Твердо-город,
Тверду прекр (асную),
Стан (овиться большим начальником),
Сам собой».
А старуха наместо говорит:
«Дай тебе осподи
Туды не прийти
И назад не дойти,
Положить своя буйна́ головушка».

И так пошел Ш (шолкан),
Пошел Зад (удентьевич).
И пришел Ш (шолкан),
Пришел Зад (удентьевич),
Пришел ко Наум ко реки,
И раздернул шатры белополотняны,
И говорит Ш (шолкан),
Го (ворит Задудентьевич):
«Кто бы, кто бы мне-ка мог
Мою думушку подумати,
И знал бы по-русски сказать,
По-норвежски толмачити,
И Митрею-князю
И Василью-князю
Приказать,
Шшёбы улицы чистити,
И фатеры приготавливати,
Шшолкана в гости дожидать?»
Высходил чернёшенек малёшенек.
«А я знаю по-р(усски) с(казать),
По-н(орвежски толмачити),
И Митрею-князю,
Василью-кн(язю)
Приказать».
Пришел Митрей-князь
И Василей-князь,
И спрашивает Шшолкан:
«Шшо у тя за люди?»
— «У меня попы, дьяки,
Протопопы,
Все церковны причетники».
— «Этто шшо у тя за люди:
Кафтаны долги,
Рукава широкие,
Волосы долги,
Шляпы плоские;
Этто шшо у тя за люди,
Сатаны это, дьяволы».
Спрашивает Митрей-князь
И Василей-князь:
«У тя-то шшо за люди?»
— «У мня пановья-улановья,
Палачи немилосливы».

Потом Митрей-князь
И Василей-князь
И ушел он прочь.
Пошел Шшолкан,
Пошел Зад (удентьевич),
Приходит против Красного села,
Из Красного села
Выскочил Дютькозлять,
И хватил Шшолкана поперек живота,
И бросил (Шшолкана) о сыру землю.
И тут Шшолкану славы поют,
(И тут Шшолкану) старины скажут.

4—6. ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

1

Ох вы гости, гости званые,
Гости званые, гости браные,
Сказати ли вам, гости, про диковинку,
Про диковинку такую не про маленьку:
Еще как государь-царь Казань-город брал.
Он в овражке простоял — он и кашку расхлебал,
В другом простоял — он другую расхлебал,
Он подкопы копал под Казанку-реку,
Он подвод подводил под Казань-город,
Он подкатывал бочки, бочки дубовые
Как со лютым со злым черным порохом,
Затеплял же он свечу воску ярого.
Татарки-казанки на стене они стояли,
На стене они стояли, <---> показали:
«Еще вот те, государь-царь, Казань-город взять!»
Государево сердечко рассердитовалось,
Приказал он пушкарев казнить-вешать.
Выбиралися в полку люди умные,
Люди умные, люди разумные:
«Ох гой еси, государь-царь Иван Васильевич!
Не приказывай, государь, казнить-вешати,
Прикажи ты, государь-царь, слово выговорить:
На ветру свеча скоро топится,
В захолустьи свеча долго теплится».
Не успел же государь-царь слово выговорить,

Еще начало же Казань-город рвати,
Рвать-порывать, на все стороны кидать,
Татарок-казанок в реку всех бросать.

2

Вы послушайте, ребята, что мы станем говорить,
А мы, старые старушки, станем сказывать
Про Грозна царя Ивана про Васильевича.
Как царь-государь под Казань подступал,
Он под речку под Казанку подкоп подкопал,
Что подкоп подкопал, сорок бочек закопал
Что с тем ли ярым зельем, черным порохом,
А на бочки становили воску ярого свечи.
Злы татарове по городу похаживают,
Похваляются да выхваляются,
Что не быть (дескать) Казанюшке под белым под
царем.

А наш царь-государь распалается,
Распалается, прогневляется,
А назавтра пушкарей он велит всех казнить,
Всех пушкарщиков-зажигальщиков.
Как один пушкарь посмелей всех был:
«А за первое, царь, слово мне нет казни!
А в тиши-то свечи они тише горят,
На ветру-то свечи они шибче горят».
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Как и взорвало стену белокаменную,
Поломало все башенки узорчатые.
Вдруг наш царь-государь очень весел стал,
А на утро пушкарей велит жаловати:
И всем пушкарям по пятидесят рублей,
Еще той ли славной улицей Стретенскою.

3

Среди было Казанского царства,
Что стояли белокаменны палаты,
А из спальни белокаменной палаты
Ото сна тут царица пробужалася,
Семиону-царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Семион-царь, пробудися!
Что ночесь мне, царице, мало спалось,
В сновиденьице много виделось:
Как от сильного Московского царства

Кабы сизой орлища стрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше ведь царство наплывала».
А из сильного Московского царства
Подымался великий князь московски ⟨й⟩,
А Иван сударь Васильевич прозритель,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство
за пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере.
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишее.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич прозритель,
И зáchал канонеров тут казнити,
Что началась от канонеров измена.
Что большой за меньшого хоронился,
От меньшого ему, князю, ответу нету.
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий сударь-князь московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь московски ⟨й⟩,
Он и стал те-то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили,—
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом,
Принимались бочки с черным порохом,
Подымало высокую гору ту,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут велики ⟨й⟩ князь
московски ⟨й⟩ .

На тое ли высокую гору ту,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,

Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московского князя
встречала,
А того ли Ивана сударь Васильевича
прозрителя.
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Семиона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфиду,
Он царской костыль в руки принял,
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство;
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.

7—10. КОСТРЮК

1

В годы прежние,
Времена первоначальные,
При бывшем вольном царе
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он жениться.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменной Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой Орде,
У того Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую,
Царицу благоверную.
А и царского поезду
Полторы было тысячи:

Князи-бояра, могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков,
Что ни лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрые,
Через грязи смоленские,
Через леса брынские,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой Орде,
У того Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича.
Он понял, царь-государь,
Царицу благоверную
Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней
Триста татаринов,
Четыреста бухаринов,
Пятьсот черкашенинов
И любимого шурина
Мастрюка Темрюковича,
Молодого черкашенина.
Уж царского поезду
Без малого три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменну Москву.
Переехал царь-государь
Он реки быстрые,
Грязи смоленские,
И леса брынские,
Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменной Москве,
Во палатах белокаменных,
В возлюбленной крестовой своей:
Пир навеселе,
Повел столы на радостех.
И все ли князи-бояра,
Могучие богатыри
И гости званые,
Пятьсот донских казаков
Пьют, едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают.
А един не пьет да не ест

Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашел;
И только он думает —
Ему вера поборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,
Он хочет Москву загонять,
Сильно царство Московское.
Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу:
«А и гой еси, царь-государь,
Царь Иван Васильевич!
Все князи-бояра,
Могучие богатыри
Пьют, едят, потешаются
На великих на радостех.
Один не пьет, не ест
Твой царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин,
У себя он на уме держит —
Вера поборотися есть,
Твое царское величество потешити
Со царицею благоверною».
Говорит тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты садися, Никита Романович,
На добра коня,
Побеги по всей Москве,
По широким улицам
И по частым переулочкам».
Он будет, дядюшка
Никита Романович,

Середь Урья Повольского,
Слободы Александровы,—
Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженные,
А платья саксонское,
Сапоги с рострубами,
Об ручку ту дядюшке челом:
«А и гой еси ты, дядюшка
Никита Романович!
Кого ты спрашиваешь?
Мы борцы в Москве похваленые,
Молодцы поученые, славные».
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты Никита Романович,
Ты изволь об том царю доложить —
Сметь ли нага спустить
С царским шурином
И сметь ли его побороть?»
Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубила
Во палате белокаменной,
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты Никита Романович,
Веди борцов на двор,
На дворец государевой,
Борцов ученых,
Молодцов похваленых,
И в том им приказ отдавай:
Кто бы Мастрюка поборол,
Царского шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагого с круга спустил,
А нагого, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Мастрюк борцов,
Скачет прямо Мастрюк
Из места большего,

Из угла переднего,
Через столы белодубовы,
Через ества сахарные,
Через питья медяные;
Левой ногой задел
За столы белодубовы,
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей:
Живы, да негодны,
На карачках ползают
По палате белокаменной —
То похвальба Мاستрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Мастрюк
На крылечко красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышал царь-государь:
«А свет ты вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!»
С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович,
Борьба его ученая,
Борьба черкасская,
Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович,
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-бояра
И могучие богатыри,
Пятьсот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царского шурина,
Похвалил его царь-государь:
«Исполать тебе, молодцу,
Что чисто борешься!»
А и Мишка к стороне пошел,—
Ему полно бороться.

А Потанька бороться пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Мастрюку приближается.
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю.
Мастрюк без памяти лежит,
Не слышал, как платья сняли.
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем,
Ожерелья в пятьсот рублей
Без единых денежки,
А платья саксонского
Снял на три тысячи;
Со стыду и сорому
Окарачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка
По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
«Свет ты вольной царь
Иван Васильевич!
Такова у тебя честь добра
До любимого шурина?
А детина наругается,
Что детина деревенской,
Почто он платья снимает?»
Говорил тут царь-государь:
«Гой еси ты, царица во Москве
Да ты Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москве,
Что татары те борются,—
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!
Хотя бы ему голову сломил,
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцов родимых,
Двух удалых Борисовичев».

У нас то было на святой Русе,
 На святой Русе, в каменнóй Москве,
 Был-жил царь тут Иван Васильевич.
 Поизволил царь Иван Васильевич жениться
 Во дальней земле во литовской,
 У того ли короля у литовского,
 На дочери его на Марье Демрюковне.
 Собирал он свою силу могучую,
 Посылал во землю во литовскую.
 Похóдит сила во землю во литовскую,
 Отбирает сила Марью Демрюковну,
 На придаток берет триста татаровей.
 Поезжал Кастрюк-Мастрюк,
 Поезжал Демрюков сын,
 Молодой черкашенин.
 Приезжали ребята в каменнú Москву,
 Заводил ли царь Иван Васильевич
 Про шурина почестный пир,
 Про Кастрюка-Мастрюка сына Демрюкова.
 Кастрюк-Мастрюк за столом сидит,
 Хлеба с солью не ест, пива с медом не пьет,
 Зеленá вина не кушает,
 Белой лебеди не рушает,
 На кого лихо думает.
 Говорит царь Иван Васильевич:
 «Ой ты гой еси, Кастрюк-Мастрюк,
 Ой ты гой еси, Демрюков сын,
 Молодой черкашенин!
 Ты зачем хлеба с солью не ешь,
 Ты зачем пива с медом не пьешь,
 Зеленá вина не кушаешь,
 Белой лебеди не рушаешь?
 На кого лихо думаешь?»
 Отвечает Кастрюк-Мастрюк:
 «Грозен царь Иван Васильевич!
 А затем хлеба с солью не ем,
 А затем пива с медом не пью,
 Зелена вина не кушаю,
 Белой лебеди не рушаю,—
 На тебя лихо думаю.
 Я хочу у тебя, царя, спрашивати,
 Есть ли у тебя в каменнóй Москве
 Таковы умельны борцы

С Кастрюком поборотися,
С Мастряком по-татарскому,
Со царевым со шурином?»
Говорит царь Иван Васильевич:
«Ой ты гой еси, дядюшка,
Свет Никита Романович!
Да поди-ко ты, дядюшка,
На крылечко на красное,
Стань на сер на горюч камень,
Закричи-ко ты, дядюшка,
Во всю буйну голову,
Чтоб учúли в каменнóй Москве.
Борца ты спрашивай,
Борец нам надобно
С Кастрюком поборотися,
С Мастряком по-татарскому,
С моим со шурином».

Похóдит дядюшка,
Свет Никита Романович,
На крылечко на красное,
Привздымался дядюшка
На сер на горюч камень,
Закричал дядюшка
Во всю буйну голову,
Чтоб учúли в каменнóй Москве.
Из избёнышка маленького,
Из дворёнушка худенького
Бежат два молодчика —
Васенька маленький
Да Потанюшко хроменький.
Бежат они, ребятушки,
Ко дворцу государеву,
Ко крылечку ко красному,
Говорит тут Васенька,
Говорит маленький:
«Ах ты гой еси, дядюшко,
Свет Никита Романович!
Чтó, дядя, надобно,
Чего, дядя, спрашиваешь?»
— «Ой ты гой еси, Васенька,
Ой ты гой еси, маленький!
Борец нам надобно
С Кастрюком поборотися,
С Мастряком по-татарскому,

Со царевым со шурином».
— «Никита Романович!
Каково с ним бороться?
Он ведь шурином царев:
Надо — царь вины не положил».
Отвечает дядюшка,
Свет Никита Романович:
«Лишь бы как бог пособил,
Не будет вина на тебе!»
Сказали Кастрюку за столом,
Сказали Мастрюку за столом:
«На улице борец у царя!»
Кастрюк из застолья вскочил,
Побежал он на улицу,
Побежал он бороться,
Скáмью ногой поткнул.
Говорит ему сестрица
Марья Демрюковна:
«Ой ты гой еси, брателко,
Ой ты гой, Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Не ходи ты бороться:
Тебе перво несчастье —
Ты не ладно за скáмью скочил,
Скамью ногой поткнул».
Не вóймует Кастрюк-Мастрюк,
Побежал он на улицу,
Побежал он бороться.
Тут Васенька похаживает,
Маленький погуливает:
«Ой ты гой, Кастрюк-Мастрюк,
Ой ты гой, Демрюков сын,
Молодой черкашенин!
Мы как станем бороться:
На свои буйны головы
Иль на платье цветное?»
Говорит Кастрюк-Мастрюк:
«Мы станем бороться
На свои буйны головы!»
Говорит ему Васенька:
«Не хочу с тобой бороться
Через буйные головы:
Ты ведь шурином царев,

Надо — царь вины не положил.
Станем боротися
Через платье цветное:
Кому бы кого одолить,
До нитки платье снять,
Того ли на срам спустить».
Васька Кастрюка прихватил,
Васька Кастрюка о землю бросил,
К земле Васька коленцем прижал,
До нитки с Кастрюка платье обрал,
Нагого на срам спустил.
Побежал Кастрюк-Мастрюк
Ко дворцу государеву,
От срама он, горе, прикрывается,
Бежит ему встрече сестрица,
Несет платье цветное.
Кастрюк оболокается,
Из Москвы вон срягается:
«Царь Иван Васильевич!
У нас этак не водится,
У нас этак не борятся:
Кому бы кого одолить,
До нитки бы платье снять,
Да того на срам спустить,
Честным людям на посмешище!»
Говорит Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Не сердись, Кастрюк-Мастрюк,
То не мною приказано,
Приказал то дядюшка,
Свет Никита Романович».
— «Спасибо те, зятюшко,
Царь Иван Васильевич,
На твоёй каменной Москве!
Да не дай бог мне больше бывать
Во твоёй каменной Москве,
А не то бы мне, да и детям моим!»

3

При нынешних при царях,
При досюлешних королях
Царица-то крымская,
Упала татарская
У царя сдоложилася,

А с Кострюком подумилася,
С молодым сговорилася
Ехать во землю во русскую,
В сильно царство Московское
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое.
И снарядились и поехали.
До Москвы не доедучи,
Среди поля чистого,
Среди луга зеленого
Шатры раздернули
Белополотняные,
Столы расставили
Белодубовые.
И пишет ярлык скорописчатый,
Посылает посла в каменну Москву:
«Ай же ты молодой посол!
Нейдь прямо воротами,
А идь чрез стену городовую
Прямо на царский двор
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Ко колечку золоченому,
Прикуивай-привязывай
Своего коня доброго,
А поди в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Бела лица не крести,
А государю челом не бей,
А грамоту посольную
Положи на дубовый стол,
Говори царю не с укладкою,
Говори со прикладкою:
„Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,
Дворы с придворками,
Конюшни спораживай,
И дворы разглаживай,
И питья размеривай,
Ества налаживай,
Ества сахарные,

Питья медвяные;
И вываживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами
И удалых добрых молодцев ширинками.
Едет Кострюк Кострюков сын,
Молодой черкашенин,
С царицею крымскою,
С упалой татарскою,
Едет в Москву поборотися,
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое:
Тридцать орд воевал,
Тридцать борцов борол,
Не мог отведать силы богатырской,
Плеча молодецкого.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца,—
Всё царство твое припленил
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет“».
И поехал молодой посол,
Татарин нечистый,
Татарин поганый,
В землю во русскую,
В сильно царство Московское.
Не ехал он воротами,
Ехал прямо чрез стену городовую,
Заехал он на царский двор
Ко крылечку переному,
Ко столбу ко точеному,
Колечку золоченому,
Прикуивал-привязывал
Своего коня доброго,
Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую;
Бела лица не крестит,
А государю челом не бьет,
Кладывает грамоту посольную
На дубовый стол
И говорит царю не с укладкою,
Говорит со прикладкою:
«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!

Вот тебе грамота посольная
От Кострюка сына Кострюкова.
Чисти улки с приулками,
Конюшни спораживай,
Дворы разглаживай,
Питья размеривай,
Ества налаживай;
Ества были бы сахарные,
А питья медвяные;
И вываживай-налаживай
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками». Убоялся тут Грозный царь
Иван Васильевич
Грозы великия Кострюковоя:
И тут чистил улки с приулками,
Конюшни спораживал,
Дворы разглаживал,
Питья медвяные размеривал,
Ества сахарные налаживал,
Тут вываживал-налаживал
Красных девушек толпицами,
Молодушек станицами,
Удалых добрых молодцев ширинками.
И наехал тут Кострюк Кострюков сын
На широкий двор на царский
Ко крылечку переному;
Идет по нову крыльцу,
Переклады гиблются,
Переходы колыблются,
Ступеньки подгибаются,
Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Не крестит бела лица,
А государю челом не бьет,
А садится за столы дубовые,
За ества сахарные,
За питья медвяные.
И сидит за столом за дубовым,
Не ест, не пьет, не кушает
И белы лебеди не рушает.
И говорит тут Грозный царь
Иван Васильевич:

«Ай же ты Кострюк Кострюков сын,
Молодой черкашенин!
Не ешь, не пьешь, не кушаешь
И белой лебеди не рушаешь?»
А царица-то крымская,
Поляница удалая,
Говорит царю:
«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Дал бы Кострюку,
Дал бы ты удалому
Борца поборотися,
Отведать сила богатырская,
А плечо молодецкое,
То штобы стал Кострюк
Есть, пить, кушати
И бела лебедь рушати.
А не дашь ему борчика,
Удала добра молодца,
Отведать сила богатырская,
Плечо молодецкое,
То всё твое царство припленил
И головней покатит,
А тебя, царя, в полон возьмет».
Тут говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Федька-дьяк,
Молодой посол!
На ножку припадывашь,
Сподлобья выглядывашь.
Поди-ко выскочи
Среди царства русского,
Государства Московского
И закрычи во всю голову,
Чтобы слышно было во всю Москву:
Есть ли в Москвы борцы
Добры молодцы?»
В Москвы борцов не случилось,
Случилось с Подпятницкой пятины,
С Подвологодской стороны
Два братца родимых,
Они дети Ондreeвы,
Родом поволжана:

Одного зовут Федыкою,
А другого Михалкою.
Федька-то хвалится,
А Михалка нарывается
С Кострюком поборотися,
С молодым поломатися.
Будут борцы на дворцы,
Удалы добры молодцы,
И говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Кострюк Кострюков сын!
Хлеб да соль на столе,
А бог тебе на стены,
А удалы добры молодцы
На дворе стоят».
Не орел головы здынул,
А Кострюк чрез стол скочил,
Зацепил ногой за скамью,
Тридцать татаровой придавил,
Тридцать поганных задавил.
Татара лежат,
Будто мыши пищат,
А сами клянутся да проклинаятся:
«Дай тебе господи
Скоком на двор идти,
А со двора раскоракою».
Он Михалку раз поткнул,
И в другой поткнул,
И третий поткнул —
Стоит Михайла не шатнется,
И желты кудри не стряхнутся.
Говорит Михайла-борец,
Удалой доброй молодец:
«Ай же ты Грозный царь
Иван Васильевич!
Благослови-ко Кострюка бороть,
Благослови-ко молода бороть,
И благослови рука-нога ломить,
А глаз вон воротить».
Говорит Грозный царь
Иван Васильевич:
«Ай же ты Михайла-борец,
Удалой доброй молодец!
Еще бог тебе пособил бы

Кострюка побороть, молодого одолеть,
И рука-нога ломить,
И глаз вон выворотить».
Тут Михайла-борец,
Удалой доброй молодец,
Припадывал пониже себя,
Выздымливал повыше себя,
Выше церкви соборныя
Михаила Архангела,
Креста Благовещенска,
Ивана Великого,
Отпускал о сыру землю.
Тут на нем кожа-то треснула
С белой шеи до гузна,
Рубашка-то лопнула;
Руку-ногу сломил
И глаз выворотил.
Тут царица крымская,
Поляница удалая —
В упалу приехала,
А не в упалу поехала —
Поехала по задним по выходам.

4

А кто бы то дознал,
Когда белый свет настал,
Праведно солнце взошло,
Ясен месяц восходил?
Севрук тое дознал,
Когда белый свет настал,
Праведно солнце взошло,
Ясен месяц восходил:
«А вы люди стародавние!
А давно вы живете,
Ничего не смыслите.
Либо мне хлеба-соли ставьте,
Либо мне борцов дайте,
Либо мне голову срубите».
— «Вот тебе хлеб-соль на столе
И бойцы на дворе,
А головушки не будем рубить».
Распился Севрук,
Разгулялся Севрук,

Семьсот казаков заборол,
Восемьсот татаринов,
Девятьсот удалых добрых молодцов.
Что идут-пройдут донцы,
Добры удалы молодцы,
Набок колпаки поскривлючи,
Под бок кулаки зазымляючи,
Своего бога похваляючи:
«А дай нам, боже, Севрука подолеть
И с кореньями повывертеть».
Пришли они, подивилися,
За белые груди взялися;
Как подымут Севрука
Вон повыше себя,
Как ударят Севрука
Об сыру землю,
Севрук глаза вытрещил,
Севрукова кожа лопнула,
Все ребрушки посыпались,
Все косточки повыломались.
А Севрукова мать
По новых сенцах похаживает,
Белые ручки поламливает:
«А скурвий сын,
А проклятый сын!
И начто было заводиться,
И начто было зазымливаться!»
Пошла слава по всем северу,
Очутилася и в Киеву.

11. НАБЕГ КРЫМСКОГО ХАНА

А не сильная туча затучилася,
А не сильные громы грянули —
Куда едет собака крымской царь?
А ко сильному царству Московскому:
«А нынечи мы поедем к каменной Москве,
А назад мы пойдем — Рязань возьмем».
А как будут они <у> Оки-реки,
А тут они станут белы шатры росставляють.
«А думайте вы думу с цела ума:
Кому у нас сидеть в каменной Москве,

А кому у нас в Володимире,
А кому у нас сидеть в Суздале,
А кому у нас держать Рязань старая,
А кому у нас в Звенигороде,
А кому у нас сидеть в Нове-городе?»
Выходит Диви-мурзы сын Уланович:
«А еси, государь наш крымской царь!
А тебе, государь, у нас сидеть в каменной
Москве,

А сыну твоему в Володимире,
А племяннику твоему в Суздале,
А сродичу в Звенигороде,
А боярину конюшему держать Рязань старая,
А меня, государь, пожалуй Новым-городом:
У меня лежат там свет-добры-дни батюшка,
Диви-мурза сын Уланович». Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака крымской царь!
То ли тебе царство не ведомо?
А еще есть на Москве семьдесят апостолов,
Опришенно Трех Святителей,
Еще есть на Москве православной царь.
Побежал еси, собака крымской царь,
Не путем еси, не дорогою,
Не по знамени не по черному!»

12. ИВАН ГРОЗНЫЙ ПОД СЕРПУХОВОМ

Царь Иван Васильевич
Копил силушку ровно тридцать лет,
Накопил силы сорок тысячей,
Накопил силушку, сам в поход пошел.
Через Москву-реку переправился,
Не дошедши города Серпуха,
Становился он в зеленых лугах
При алых светах при лазоревых;
Стал он силушку переглядывать:
Князьям-бояром перебор пришел,
Генералам всем, фельдмаршалам.
Одного из них тут не лучилося —
Что ни лучшего слуги верного,
Максима сына казачьего,

По прозванью-ту Краснощекова.
Сказали царю про Мишеньку:
«Изменил тее, царю белому,
Придался он к хану турецкому,
Ко шишиморе деревенскому,
Он прельстился на ёго золоту казну,
На то ли на платье на светное,
На тех ли на сорочинычок,
По-нашему — на красных девушек».
Поутру-ту было на зореньке,
На восходе красного солнышка,
Не ясен сокол по горам летал,
Не белой кречат перепархивал —
Наш-ат Мишенька с полону едет
На турецком черном шахмате,
Везет с собой две сумы переметные,
В сумах-ту сидят сорочиночки,
Турецкого хана две дочери.
Не доехавши до шатра, сам с коня слезал,
Не дошедши до царя, стал низко кланяться:
«Здравствуй, батюшка православный царь!
Не вели меня скоро казнити,
Прикажи мне слово молвити.
Здравствуй, батюшка православный царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
Со славным городом со Серповым!
Возьми ты у меня двух полонянычек,
Турецкого хана двух дочерей».

13. СМЕРТЬ МИХАЙЛЫ ЧЕРКАШЕНИНА

〈За〉 Зарайским городом,
За Рязанью за старою,
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкого
Как бы гнедого тура
Привезли убитого —
Привезли убитого
Атамана польского,
Атамана польского,
А по имени
Михайла Черкашенина.
А птицы ластицы

Круг гнезда убиваются —
Еще плачут малы его дети
Над белым телом.
С высокого терема
Зазила молодая жена,
А плачет, убивается
Над его белым телом,
Скрозь слезы свои она
Едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи
Ко его белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебе, света моего,
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского,
А по имени
Михайла Черкашенина».

14. ОБОРОНА ПСКОВА ОТ СТЕФАНА БАТОРИЯ

Копил-то король, копил силушку,
Копил-то он, собака, двенадцать лет,
Накопил-то он силушки — сметы нет,
Много, сметы нет, сорок тысяч полков,
Накоплёмши он силы, на Русь пошел,
Он на Русь пошел, на три города,
На́ три города на три стольные:
На первый на город на Полотский.
На другой-то на город Вели́ки Лукі,
На третий — на батюшку на Опсков-град.
Он и Полотский город мимоходом взял,
А Вели́ки Лукі он насквозь прошел,
Подходил он под батюшку под Опсков-град,
Становился, собака, в зеленых лугах,
Садился он, собака, во золот стул,
Смекал-то он силушку по́ три дни,
По три дни и по́ четыре:
Много ли силушки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорок рот,
А прибыло силушки сорок полков.

Тут же он, собака, возрадуется:
«Ох вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспешатели!
Мечись скоро в зелёные луга,
В зелёные луга государевы!
Бери своего коня бахмута,
Поезжай во батюшку в Опсков-град,
Во город въезжай — не спрашивай,
Ко двору подъезжай — не докладывай,
Во палаты восходи — не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы столы».
За столами сидит воевода царёв
Карамышев Семен Константинович.
«Ох ты гой еси, воевода царёв
Карамышев Семен Константинович!
Отдай город Волок без бою,
Без бою и без драки великия,
Без того уголовного смертного!
Я на первом часу возьму Опсков-град,
На другом часу стану чистить,
На третьем часу стану стол становить,
Стану пить, веселиться, прохладиться.
Князей твоих бояр всех в полон поберу,
Донских казаков всех под меч преклоню,
А тебя, воеводу, казнить буду!»
Возговорит воевода царёв
Карамышев Семен Константинович:
«Блудён сын король с королевичем,
С паном гетманом Хотеновичем
И с воинским конем Вороновичем!
Не отдам я тебе города без бою,
Без бою и без драки великия
И без того уголовного».
Как со вечера солдаты причащались,
Со полуночи ружья чистили,
Ко белой заре, как куры пропели,
Не туча с тучей соходила, —
Не заря со зарей сомкалась —
Сходились два войска два великие,
Белого царя с королевским.
Тут ездит-разъезжает удалый добрый молодец,
Еще тот ли же воевода царёв
Карамышев Семен Константинович.

«Кому у нас на бою, братцы, божья помочь?»
Помог бог воеводе московскому
Карамышеву Семену Константиновичу:
Побил силу королевскую,
Всех латничков, сиповщичков,
Кольчужничков, барабанщичков,
Насилу король сам-третей убежал.
Бегучий он, собака, заклинается:
«Не дай, боже, мне во Руси бывать,
Ни детям моим, и ни внучатам,
И ни внучатам, и ни правнучатам».

15—17. ГНЕВ ИВАНА ГРОЗНОГО НА СЫНА

1

Когда воссияло на небе красное солнышко,
Когда становилась звезда подвосточная,
Тогда воцарился Грозный царь Иван Васильевич.
Тут забирал столованье — почестный пир,
Сбирал он всех князей, всех бояринов, сенаторов думных,
Вельмож, купцов богатых, поляниц да удалых,
Сильных, могучих богатырей.
Пошло у них столованье — почестный пир,
Все на пиру напивались,
Все на почестном наедались,
Все похвальбами похвалялись.
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Инный хвастает силой, удачей молодецкою,
Инный хвастает добрым конем,
Инный хвастает славным отечеством,
Инный молодым молодечеством,
Умный-разумный хвастает старым батюшком,
Старым батюшком да старой матушкой,
Безумный дурак хвастает молодой женой.
Как царь по палатушке похаживат,
Царь да выговариват:
«Ай же вы князя и бояра, сенаторы думные,
Вельможи, купцы богатые, поляницы удалые,
Сильные, могучие богатыри!
Все вы у меня на честном пиру,

Все вы у меня пьяны, веселы,
Все вы у меня похвальбами похвалялись.
Я как, царь, похвастаю:
Повывел измену из Казани, Рязани и из Астрахани,
Повывел измену из Чернигова,
Да повывел измену из Нова-города,
Как повыведу изменушку из каменной Москвы».
За тыма столами дубовыма, за скамейками
окольныма,
За ествами за сахарныма, за напитками медовыма
Сидел его сын да любезный Иван да Иванович,
Говорит он таковы слова:
«Ай же свет государь мой батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич!
Небылицей ты, государь, хвастаешь,
Небылицей похваляешься».
Тут стемнел царь, как темна ночь,
Зревел царь, как лев да зверь:
«Сказывай, собака, про измену великую!
Ты на братца скажешь — так братца не видать,
На себя ты скажешь — то свою головку потеряешь».
Тут-то Иван да на две бедушки попал,
Тут-то Иван да пораздумался:
«Жаль-жаль братца, да не так, как себя».
«Ай же свет государь мой батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич!
Как сидит измена за одним столом,
Пьет да ест измена с одного места,
Носит платье одного сукна.
Небылицей, царь, ты хвастаешь,
Небылицей, государь, похваляешься:
Повывел ты измену из Казани и Рязани и
из Чернигова,
Не мог повывести измены из Нова-города,
Подавно не вывести измены из каменной Москвы!
Потому тебе не вывести:
Когда мы были во Нове-городе,
Которыми мы с тобою улицами ехали,
Секли-рубил до единого;
Которыми улицами ехал мой старый дядюшка,
Старый дядюшка Никита Романович,
Тоже сек да рубил до единого;
На воротах мы записи повыписали,
По углам номера выставляли,

Что эти улицы плененные, казенные;
А которыми улицами ехал твой сын,
А мой братец Федор Иванович,
Так сек из пяти и десяти головы гусиные,
На воротах записи подписывал,
На углах номера повывставлял.
Тут была измена великая!»
Выходил тут царь да на крутой крылец,
Скрычал как царь да громким голосом:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите Федора Ивановича за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху на дубовую,
Отрубите ему голову буйную,
Предайте ему смерть да скорую».
Все палачи да разбежались,
Друг за друга туляются и окучаются,
Большой за среднего, средний за меньшего,
С меньшего ответу нет.
Тут скрычал царь второй након:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите вы Федора Ивановича за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую,
Отрубите ему буйну голову,
Предайте ему смерть да скорую».
Все палачи да разбежались,
Друг за друга туляются и окучаются,
Большой за среднего, средний за меньшего,
С меньшего ответу нет:
Потому что за царские роды приняться не осмелятся.
Скрычал как царь након третий:
«Где мои палачи немилостивы?
Берите вы Федора за белы руки,
Ведите на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую,
Отрубите ему буйну голову,
Предайте вы ему смерть да скорую!».
Как во том ряду во гостином,
Во той во лавке во угольном
Стоял малая Малюта Стенька-вор Скурлатов сын,
Торговал он товарами заморским,
Услышал голос Грозного царя Ивана Васильевича —
Он на Федора Ивановича сердит-то был,—

Запирал он да свою лавочку,
Шел и брал Федора за белые руки,
За белые руки да за золотые перстни,
Выводил он Федора на крутой крылец,
Скидывал он платья цветные,
Надевал платья опальные,
Садил во карету во темную,
Повез его на то болото на Житное,
Ко той ко плахе дубовая.
Была служанка, девка верная,
Бежала во спальню во теплую
К царице благоверной
Ко Настасье Романовной,
Скрычала громким голосом:
«Ай же царица благоверная Настасья Романовна!
Спишь-усыпаешься, над собой невзгоды не чаешься:
Померкло наше красно солнышко,
Потухла звезда подвосточная!
Воспалился Грозный царь Иван Васильевич
На свои на царские на семена,
На своего на сына любезного
На Федора Ивановича,
Приказал его отвезти на то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую.
Как повез его малая Малюта Стенька-вор Скурлатов
сын».

Она вставала на резвы ноги,
Как надевала на ноги
Одни тоненьки чулочки без чоботов,
На плеча надевала один дорогой накидничек,
Подвязалася платком она шелковым,
Побежала она по матушки каменной Москвы
К старому братцу Никиты Романовичу.
Бежит она по матушки каменной Москвы,
Крычит да громким голосом:
«Разодвинься, народ православный,
Дайте местечка немножечко царицы благоверная!»
А народ-то волнуется, дивуется:
«Куда бежит царица благоверная?»
Как прибежала она к братцу родимому
Никите Романовичу,
Приходила в его палаты белокаменные,
Господу богу не молилася,
На все стороны да не клонилася,

Сама говорила таковы слова
Братцу родимому Никите Романовичу:
«Ай же ты старая курва, седатый пес!
Пьешь, ешь-кушаешь и прохлаждаешься,
Над собой невзгоды не чаешься!»
— «Ай же сестрица родимая,
Благоверная царица Настасья Романовна!
Чем тебя приобидел царь,
Грозный царь Иван Васильевич?
Что́ я захочу, то и сделаю:
Потому — у меня сидит тридцать российских могучих
богатырей,

И сидит у меня дружина хоробрая».
Она говорит таковы речи:
«Как воспалился Грозный царь Иван Васильевич
На свои-то на сѣмена на царские,
На Федора Ивановича,
Повез его малая Малюта Стенька-вор Скурлатов сын
На то болото на Житное,
На ту на плаху дубовую».
Как вставал старый Никита Романович на резвы ноги,
Говорил как сам таковы слова:
«Ай же любезный конюх мой!
Ступай-ка ты скорым-скоро, скорым-наскоро,
Ступай на стойлы кониные,
Бери-ка ты моего добра коня,
Не седлай, не уздай ты добра коня,
Выводи-ка ты на широкий двор».
Как сам он надевал шубу на одно плечо,
Как кладывал он шляпу на одно ухо,
Брал немилото постельника под полу под правую,
Выбежал он скоро на широк на двор,
Сам садился скоро на добра коня,
Поехал скоро по матушки по славной каменной
Москвы,

Сам шляпой машет и голосом крычит:
«Разодвиньтесь-ка, народ православный,
Дайте мне местечка немножечко
Проехать старому Никите Романовичу
По матушки славной каменной Москвы!»
Как стал подъезжать ко болоту ко Житному,
Увидел, как повален племничек да крестничек
На тую плаху на дубовую;
У малого Малюты Стеньки-вора сына Скурлатова

Заздынута рука правая, здынута сабля кровавая,
Спрашивал у Федора Ивановича:
«На кого ты оставишь молодую жену,
Кому оставишь несчетную золотую казну?»
Как тут закрычал старый Никита Романович
Громким голосом во всю голову:
«Съешь, волк, пса, так и выгалкнешь».
Как увидел тут малая Малюта Стенька вор
Скурлатов сын,
Увидел едучись старого Никиту Романовича
на добром коне,
Не смел спустить руки правая, сабли кровавая,
Отсечь буйную голову.
Тут наехал старый Никита Романович,
Соскочил он со добра коня,
Как взимал он племничка да крестничка,
Взимал со плахи со дубовая,
Кидал немилую постельничка
На плаху на дубовую,
И отсекали ему буйную голову,
Окровавили саблю кровавую.
Тут говорил Федор Иванович,
Говорил крестному батюшку:
«Ай же ты крестный мой батюшка
Никита Романович!
Что же нам будет от батюшка
Грозного царя Ивана Васильевича?»
Говорил тут Никита Романович:
«Ай же ты любезный мой крестничек!
Что будет над моей-то головкой над старую?
Моя головка при старости,
А твоя головка при младости!».
Тут поехали во матушку во славную каменную Москву.
Как тут малая Малюта Стенька-вор Скурлатов
сын

Представил он перед царскими окошками
Свою-то саблю кровавую.
Как увидел Грозный царь Иван Васильевич
Повешану саблю кровавую,
Сам как говорил да таковы слова:
«По ворах по разбойниках есть заступники,
Есть заступники, помощники крепкие,
А по нас, по семенах царских, не находится».
Публиковал он указы строгие

По матушки каменной Москвы,
Приказал завесить окна сукном черным,
А по церквам велел служить он,
Служить обедни по-печальному.
У собора Успенского, у Ивана Великого
Зазвонили обедни воскресенские.
Тут Грозный царь Иван Васильевич
Всем велел надеть он платья черные,
Платья черные, все печальные.
Старый Никита Романович
Надевал шубу, которой лучше нет,
Племничку и крестничку тоже надевал
Платья, которых лучше нет.
Пошли они к обедне воскресенския,
Приходили во собор да во Успенский.
Тут старый Никита Романович
Становился он подле Грозного царя Ивана
Васильевича,

Племничка-крестничка брал под полу под правую,
Сам крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Клонится на все четыре стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу в особину
С царицей Настасьей Романовной:
«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей царицей благоверною,
Со всеми со царскими со семенами!»
Как тут говорит Грозный царь Иван
Васильевич,

Говорит таковы слова:
«Ай же ты старая курва, седатый пес!
Разве ты про невзгоду не знаешь и не ведаешь,
Разве тебе да не известно было,
Аль ты надо мной да надсмехаешься?
Выду от обедни воскресенския,
Публикую я указы да строгие,
С господ со всех и князей
Со живых скуры сдеру,
А с тебя, старая курва,
Скуру сдеру и на свет не выпущу!»
Второй након он опять проздравствовал:
«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей царицей благоверною,
Со всеми со царскими со семенами!»

Как тут говорит Грозный царь Иван Васильевич,
Говорит таковы слова:
«Ай же ты старая курва, седатый пес!
Разве ты про невзгоду не знаешь и не ведаешь,
Разве тебе да не известно было,
Аль ты надо мною надсмеаешься?
Выйду от обедни воскресенския,
Публикую я указы все строгие,
Что со всех господ, со всех князей
Со живых скуры сдеру,
А с тебя, старая курва,
Скуру сдеру и в волчью зашью!».

Опять проздравствовал он и в третий након:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей царицей благоверною,
Со всеми со царскими со сéменами
И с Федором Ивановичем!»

Тут он выпускал из-под полы из-под правыя,
Становил перед Грозного царя Ивана Васильевича.
Тут говорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же шурин мой любезный
Старый Никита Романович!
Не знаю я, чем тебя пожаловать:
Аль тебя жаловать селы с приселами,
Города с пригородками,
Улицы с переулками,
Аль тебя несчетной золотой казной?»

Говорит Никита Романович:
«Мне не надобно сел с приселами,
Городов с пригородками,
Улиц с переулками,
И мне не надо несчетной золотой казны;
А дай ты мне Никитину вотчину и улицу:
Кто голову убьет да коня уведет,
По той улице уведет,
Того и бог простит».

— «Вот тебе, Никита, улица,
Своя тебе отчина пожалована.
А Федора Ивановича вместо себя,
Вместо себя я царем поставлю».

Тут простоял он обедню воскресенскую,
Брал Федора Ивановича за белы руки,
Повел в свои палаты во царские,
А также вслед себя вел

Старого Никиту Романовича, шурина любезного.
Пришел он в свои палаты во царские,
Тут забирал для них столованье — почестный пир,
Многих сбирал он князей-бояр,
Вельмож, купцов богатых, поляниц удалых
И росейских могучих богатырей
Для-ради своего сына любезного
Федора Ивановича
И старого Никиты Романовича.
Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

2

Как под славную да каменну Москву
И бысть напущение великое
И на Грозного царя Ивана Васильевича.
Из иной земли, из Золотой Орды,
Наезжает молодой нахвальщикек,
И со той ли со силой неверною,
И со тым ли со войском со татарским,
А и сам он, мóлодой нахвальщик, похваляется:
«А я всю землю русскую наскрозь пройду,
И каменну Москву я в плен возьму».
И как услышал эту похвалу
Грозный царь Иван Васильевич,
Призывает Грозный царь Иван Васильевич
Своих трех сынов любимых,
Испроговорит да таково слово:
«А гой же вы, мои деточки любимые!
И вы берите-тко золотой казны да сколько надобно.
И вы берите-тко войска сколько надобно,
Поезжайте вы да во чисто поле,
И поразите вы молода нахвальщика».
И принимаютя тут дети царские
И что ль за тое ли за дело ратное.
И собирают войска полки великие,
И отправляются они да во чисто поле.
И наказывает им да родной батюшко,
Грозный царь Иван Васильевич:
«Вы поедете ведь, дети, во чисто поле,
Станете бить-рубить вы силу на выпашку,
И не оставляйте на улице ни курицы;
И на воротах вы кровью подписывай:

Как пленены эти улицы Федором-царевичем,
Как пленены эти улицы Василием Ивановичем». Выезжают добры молодцы во чисто поле,
И начали сражаться супротив войска неверного,
И начали рубить тут силу татарскую,
И не оставляют на улице ни курицы,
На воротах они кровью подписывают:
Как пленены эти улицы Василиём-царевичем.
И как увидел Василий-царевич над своим братом,
А что делает мой брат родной измену великую,
И победили они тут всё войско татарское,
И как едут они с победой в каменну Москву,
И бьют челом да своему родиму отцу,
И бьют челом ему да до сырой земли:
«Как с победою тебе, наш Грозный царь,
Многолетно здравствовать тебе, Васильевич!»
Ай тут ведь Грозный царь Иван Васильевич
Как берет своих он трех сынов
За белы руки да за златы перстни,
И он целует их да во уста во сахарные.
И как садил он их за столики да за кленовые,
И за тея ли за скатерти за белобранные,
И начинается у Грозного почестен пир.
Все ли на пиру сидят да полны-веселы,
Все ли на пиру да напивались,
Еще как все на пиру да наедались,
И все на пиру да порасхвастались.
И что ль похвастал Грозный царь своей защитою:
«Как повыведу изменушку ту я из Киева,
И повыведу измену из Чернигова,
Но повыведу изменушку да с каменной Москвы». Испроговорит его да родной сын,
Ай родной сын Василий-царевич млад:
«Ай не повывести изменушки будет из Киева,
И не повывести измены из Чернигова,
И не повывести измены с каменной Москвы:
Уж как первая измена за столом сидит,
Из одной она чашечки ест и пьет,
И платьице-то носит одного сукна,
Одного сукна да одного швеца.
Уж как на брата сказать — так брата жаль,
А как по брати сказать — себе напрасна смерть». Как скричал-сзычал да громким голосом
И Грозный царь Иван Васильевич:

«Ай гой же вы, сорок палачев да немилосливых!
И вы возьмите скоро моего сына,
И что ль того ли Федора-царевича,
И вы ведите-тко-сь на поле на Куликово,
И что на тую лягу на кровавую,
И что на тую ли на плаху на дубовую,
И отсеки-тко у него по плеч да буйну голову,
И положите его да буйну голову
И что на тое ли на копыце на вострое,
И принесите его да буйну голову
И сопротиво моих палат да белокаменных,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
И сопротиво ли моего зеркала хрустального».
И как услышала его да родна матушка,
И честна царица Омельфа Тимофеевна,
И как не кукушка по городу прорыскала —
И что ль царица скоро по городу пробéжала
И ко тому ли братцу к двуродимому,
И ко тому ли ко Никитушку Романову.
Приходила она во GRIDНИ светлые,
Ай она крест-то кладет да по-писаному,
И поклон тот ведет да по-учéному:
«И тебе хлеб да соль, да добрый молодец,
И мой ли ты ведь братец двуродимыя!
Ешь ты, пьешь да прохлаждаешься,
И над собой же ты незгодушки не ведаешь:
Как укатается из глаз да красно солнышко,
Увозят у меня да чада милого,
И твоего ли племяника любимого,
Ай на тое ли болото на Куликово,
И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
И как на тую ли на лягу на кровавую,
И хошут отрубить по плеч да буйну голову».
Чуть ли выслушал глаголы сестры двуродныя,
И поскорешенько Никита снаряжается,
Посмелешенько Романович да отправляется,
Ай обувает он чебóтики да на босу ногу,
И кунью шубоньку бросает на одно плечо,
И турью шапочку метает на одно ухо,
И выходил Никитушка да на конюшен двор,
И что ль берет Никитушка уздечкику тесмяную,
Ай выбирает Никитушка коня да что ль неезжана,
Ай отправляется Никита во чисто поле.
Столько видели добра молодца ведь сядучись,

И как не видели Никитушки поедучи —
В чистом поли да курева стоит,
Куда падают копыта лошадиные,
И тут становятся колодцы ключевой воды;
А кой поспел уйти, дак того бог унес,
А кой не поспел уйти, того конем топтал.
И приезжает Никита в поле Куликово,
И закричал Никита громким голосом:
«Ай ты стой-ко-сь, палач да немилосливый,
Ай ты маленькой Малютушка Шкуратьевич!
И уж ты съешь кусок да сам подавишься».
Ай выпадает сабля со правой руки,
Ай у того ли палача да немилослива.
И отрубил у палача да буйну голову,
И что ль положил его да буйну голову,
И тут принес его да буйну голову
И сопротив полат да белокаменных,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
Ай сопротиво ли то зеркала хрустального.
И ведь тут как Грозный царь да запечалился,
Запечалился царь да закручинился,
Подает сигнал он по всёй Москвы,
Чтобы сбирались народ да православный
И поминать его да чада милого,
И одели бы они платьё печальноё.
И как собрались народ — люди православныи,
И приходили народ да во божью церкву,
Приходили они во том ли платье во опальноём.
Как Никитушка Романович приехал в платье драгоценноём,
И за собой привез он ёго, чада милого,
И сам становился он да супротив царя,
А племянника поставил позади себя.
Испроговорит да таково слово
Грозный царь Иван Васильевич:
«А гой же ты, старчише удалчише,
И ты Никитушка Романович!
Разве ты надо мной да надсмехаешься,
Как пришел ты да во божью церкву,
И как пришел ты в платье драгоценноём?
Весь народ-то, люди в платьице опальноём».
Испроговорит Никита таково слово:
«А гой же ты, Грозный царь Иван Васильевич!
Есть ли грешнику да там прощение,
А и виноватому да покаяние?»

— «И как простил бы я, да тóго негде взять».
И подает тут в руки Грозному царю Ивану Васильевичу
Своего ль ему да чада милого,
Чада милого, дитя любимого,
И что ль того ли Федора-царевича,
И как берет он чада за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Целует его во уста да во сахарние,
Испроговорит Никите таково слово:
«А гой же ты, старик Никитушка Романович!
Ты бери-тко-сь от меня да злата-серебра,
Ты бери-тко-сь от меня да камня драгоценного,
И города ты бери с пригородками,
И села ты бери да что ль с приселками,
И ты бери деревни со крестьянами».
Испроговорит Никита таково слово:
«И мне не надо твоей да золотой казны,
И мне не надо твоего да камня драгоценного,
И не надо твоих градóв да с пригородками,
И не надо мне твоих сел да со приселками,
И не надо мне-ка-ва деревён да со крестьянами,
Только дай-ко мне-ка-ва, Грозный царь Иван Васильевич,
Дай-ко-сь мне ты всю отчину:
И кто что сделал и сбежит — так того бог унес».

3

Как у нас было в каменной Москве
У Грозного царя Ивана Васильевича,
Столованьице было, пиროванье — почестный пир
На многие князи и бóяра.
Белый день идет к вечеру,
Батюшка Грозный царь весел стал.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Что же у меня в беседе никто ничем не хвастает,
Не хвастает, не похвалится?»
Один боярин хвастал чистым серебром,
Другой боярин хвастал красным золотом,
Третей боярин хвастал скатным жемчугом.
Не золота трубочка вострúбила,
Не серебряна сиповочка возыграла —
Грозный царь Иван Васильевич слово
вымолвил:
«Не делом вы, братцы, хвастаетесь,

Не добром вы, братцы, похваляетесь:
Злато-серебро не откупа,
Скатен жемчуг не оборона,
Чистый бисер не заступа.
Как я, Грозен царь, чем похвастаю:
Вывел я измену изó Пскова,
Вывел я измену из каменной Москвы,
Казанское царство мимоходом взял,
Царя Семиона под мир склонил,
Снял я с царя порфиру царскую,
Привез порфиру в каменну Москву,
Крестил я порфиру в каменной Москве,
Эту порфиру на себя наложил,
После этого стал Грозный царь».
Тут проговорил его родимый сын:
«Ах ты батюшка Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Где тебе вывести измену изó Пскова,
Где тебе вывести измену из каменной Москвы!
Может быть, измена за столом сидит,
Пьет, ест с тобой с одного блюда».
Говорит же Грозный царь Иван Васильевич:
«Покажи мне, где измена за столом сидит?».
От молода царевича на то ответа нет.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Ой вы гой еси, палачи московские!
Вы сказните младого царевича,
Выньте из груди сердце с печенью,
Принесите мне на показанье».
Все палачи приужахнулись,
Один Алешка Малютин Скурлатов сын
Не ужахнулся,
Скочил Алешка из застольца,
Выводил младого царевича,
Причитал Алешка Скурлатов сын:
«Много казнил князей и бояр,
Не казнил рода царского:
Пойти сказнить младого царевича!»
Снимал с него Алешка платье цветное,
Надевал на него платье черное,
Посадил его на добра коня;
Младый царевич наперед едет,
Алешка Скурлатов позаде едет,
Острый палаш на плече держит.

Перепала скорая весточка
Дяде Никите Романову.
Дядюшка был трудён-болён,
Трудён-болён, об одной ноге.
Разылся он скоро на конюший двор,
Обседлал своего добра коня,
Ухватил с собой конюха любимого,
Поехал скоро на чисто поле
И кричит-зычит громким голосом:
«Вор-собака Малюта Скурлатов сын!
Отдай мне-ка младого царевича,
Сказни конюха моего любимого,
Вынь из груди сердце с печенью
И свежи царю на показанье».
Алешка Скурлатов послушался,
Отдал ему младого царевича,
Сказнил конюха его любимого,
Вынял из груди сердце с печенью
И привез царю на показанье.
Ото сна встает царь Иван Васильевич,
пробуждается,

Своего сына он хватается,
Своего сына Дмитрия-царевича.
Прознав дело, рвется и мечется
И говорит таковы речи:
«Ой вы слуги мои верные!
Вы зачем меня не ўняли,
Вы зачем пупустили на дело окаянное?»
Отвечают ему слуги верные:
«Ой ты батюшко Грозный царь,
Царь Иван сударь Васильевич!
Не посмели мы перечить тебе,
Убоялися мы твоего гнева скорого».
Услышал царь Иван Васильевич
Радость-веселие у Никиты Романова,
Грозному царю за беду стало,
За беду стало за великую;
Ухватил он копье острое,
Бежит к дяде Никите Романову.
Во хоромых у Никиты Романовича пир
навёсело.

Учёл он у своих гостей:
«Бежит, говорят, царь Иван Васильевич,
Во руке держит копье острое,

Бежит прямо к нему, к Никите Романову».
Недосуг Никите гостей чествовать,
Бросился он на крылечко стекольчато,
Встрету ладит царю Ивану Васильевичу.
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Аль ты рад, Никита Романович,
Моему несчастью великому,
Аль ты веселишься кáзни сына моего любимого?»
Замахнул он копьё острое,
Тял в ногу Никите Романовичу.
Ответ держит Никита Романович:
«Грозный царь Иван Васильевич!
Погляди-ко ко мне во большой угол».
Поглядел царь во большой угол —
Увидел сына своего Дмитрия-царевича:
Сидит весел и здоров во большом углу.
Царь нашел в том радость великую,
Закурили на радостях зелена вина,
Заварили на радостях меду пьяного,
Пировали на радостях почестный пир.

18. СМЕРТЬ ЦАРИЦЫ

Приутихло, приуныло море синёе,
Приутихли, приуныли реки быстрые,
Приутихли, приуныли облака ходячие:
Благоверная царица преставлялася,
Воску ярого свешша перед ей да загорелася;
Перед ей стоят два млáдого два царевича,
Да стоят они, слéзно уливаются;
Во ногах сидит Настасья, дочь царевна-то,
А сидит она, слезно уливайтся.
Говорит-то царица православная:
«Уж вы гой еси, два младого царевича,
Две мои ли две свешши да воску яровые,
Две мои ли две вербы две кудрёвátые,
Вы две крúглы две скачёны две жемчужинки,
И два русского, два молодого, могучёго богáтыря!
Идите-ко сходите ко Грозному царю,
Вы ко Грозному царю Ивану ту Васильевичу,
К своему ли вы к батюшку к родимому:
Ишше пусть же придет со мной проститися».

Тут ведь млады ти царевичи не отслышилися,
Да приходят ко батюшку к родимому;
Они падали ко батюшку ко резвým ногам:
«Уж ты гой еси, батюшку родимый наш,
Уж ты Грозен царь Иван Васильёвич!
Ты поди-тко-се с матушкой проститися:
У нас матушка родима преставлётся».
Отвечает-то Грозён царь Иван Васильёвич,
Отвечает-от деточкам со всей грубости:
«Уж вы гой еси, млады мои царевичи!
Уж вы как да это дело, пришли, здумали, ко мне?
Недосуг мне-ка идти с нею проститися».
Как приходят с ответом к родной матушке,
Ишше к той нашей царицы православною.
Посылаёт царица во второй их након,
Посылаёт царица во третей их во након:
«Вы подите-ка, млады мои царевичи,
Вы подите-тко, вербы мои да кудреватые!
Вы зовите-тко его да немедленно сюды.
Уж вы милые млады мои царевичи!
Уж вы падайте ёму да во резвы во ногы».
Говорят опеть ёму таковы же речи:
«Ты пойди, пойди, батюшко, проститься зовет».
«Уж вы гой еси, млады мои царевичи!—
Он скрыщал на них опять да зычным голосом:—
Недосуг мне-ка идтить мне с ей прощатися:
Я сижу тут за пýсю, пишу грамотку,
Не пером я пишу, сижу, не чёрнилами,
Не по белой по гербовой по бумажочки —
Я по рыту пишу, сижу, по бархату,
Дорогим-то пишу я красным золотом,
Я про землю пишу да святорусскую,
Я про веру пишу да христианскую,
Про солдатушков пишу да новобранных.
Вы идите, два младыго два царевича,
Вы скажите царице благоверною:
Я всечас-то приду с нею проститися».
А приходят-то младыи царевичи,
Рассказали родимой своей матушке;
Отпирали всё полаты двери на пята.
Заходит-то Грозён Иван Васильёвич,
Он приходит ко царице благоверные,
Говорит-то ей слово со всей грубости:
«Ты пошто зовешь, царица благоверная?»

Воспроговорит царица благоверная:
«Уж ты гой еси, Грозен царь Иван Васильевич!
Благослови-тко мне да слово вымолвить,
Слово вымолвить мне, речи повыполнить,
Что без той мне без казени без скорые,
Что без той мне без сабельки без вострые,
Что без той ли без ссылочки без дальние,
Да без той ли без насмешочки великие».
«Говори-ко-се, царица, что тебе надобно».
«Будь ты доброй, будь ты смирной, будь ты мѣлосливой
До своих-то до млáдых двух царевичей;
Ты ишше же будь доброй, кроткой, мѣлосливой
До своей-то до молодой до царевны-то,
Что до той же до Настасьи до Ивановны;
Да ишше ты будь ведь доброй, будь ты мѣлосливой
До солдатушков да новобранных;
Да ишше ты будь доброй, будь ты мѣлосливой
Ты до вдов-то бедных, малых деточѣк их».

19. ИВАН ГРОЗНЫЙ МОЛИТСЯ ПО СЫНЕ

Эх да собирается наш православный царь
Да он ко заутрени,
Ко тому ли свету, свету-светику
Ивану Великому.
Эх да как становится наш православный царь
Да он на своем месте,
Как становится наш православный царь
У правого клироса.
Эх да уж как молится наш православный царь
Ивану Великому,
Уж он молится, наш православный царь,
Да он низко кланяется.
Эх да как позадь-то его все бояре-князья
Они остановились,
Как промеж-то себя ухмыльнулись,
Князья усмехнулись.
Эх да уж как гневно на них православный царь
Да он оглядается:
«И чему-то, чему вы, бояре-князья,
Чему больно радостны?
Эх да иль не знаете вы, иль не ведаете
Горя-то великого?»

Знать, не ведома-то вам кручинушка
Безысходна царская!
Эх да как угасла-то свеча местная,
Закатилась-то звезда,
Поднебесна моя светла звездонька —
Не стало млад царевича».

20. ПРАВЕЖ

Что у нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
Среди-то торгу, братцы, среди площади,
Тут бьют доброго молодца на правеже,
Нагого, босого и разутого.
Поставили его на бел горюч камень,
Стоит молодец — сам не тряхнется,
Русы его кудри не ворóхнутся,
Лишь из глаз горючй слезы.
Лучилóся тут ехати
Самому царю православному,
Грозному царю Ивану Васильевичу.
Как возговорит царь Иван сударь Васильевич:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
За что вы пытаете доброго молодца
Нагого, босого и разутого,
Поставя его на бел горюч камень?
Стоит молодец — сам не тряхнется,
Русы его кудри не ворóхнутся,
Только катятся из глаз горючи слезы
По белому лицу по румяному».
Тут возгóворают бурмистры-целовальнички:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!
Пытаем мы с него золоту казну,
Золоту казну, платье цветное,
Не много, не мало — сорок тысяч».
Возговорит тут православный царь:
«Ох ты гой еси, добрый молодец!
Почему тебе золота казна доставалася
И как она тебе приходила?»
Возговорит добрый молодец:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич!

Была у меня дубиночка вязóвенькая,
И клал я дубиночку на плечико,
Ходил я, добрый молодец, по чисту́ полю,
По чисту полю, по темну́ лесу,
Нашел я воров-разбойников,
Тут-то они дуван дуванили,
Золотую казну делили мерою,
А цветное платье делили ношами.
Тут-то я ее отбил у них».
Возговорит православный царь,
Грозный царь Иван сударь Васильевич:
«Куда ты девал эдаку золоту казну?»
Возговорит добрый молодец:
«Точил я ее всё по домам по питейным,
А поил я всё голь кабацкую,
А цветное платье — одевал всё наших босых».
Возговорит православный царь:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
Заплатите ему за каждый удар по пятидесяти
рублей,
А за бесчестие заплатите ему пятьсот рублей».

21. ТЕРСКИЕ КАЗАКИ И ИВАН ГРОЗНЫЙ

Не из тучушки они, ветерочки, дуют,
Ай не дубравушка во полé шумит,
Ай не дубравушка во полé шумит.
То не серые гусюшки кага... вот кагачут,
Ой по-над бережком гуси сидючй,
Ой по-над бережком гуси сйдючи.
Не сизы́е орлы в поле вьются,
Ой по-над небесью орлы летучй,
По-над небесью орлы лётучи.
Ай они пить, они есть хотят,
Ай они пить, они есть хотят.
Расплакались гребенские наши казаки,
Ой перед белым царем стоючи,
Ой перед белым царем стоючи,
Перед белым царем стоючи,
Ой, перед Иваном Васильевичем,
Перед Иваном Васильевичем:
«Уж ты батюшка, ты наш царь,
Ой наде... ай, вот надежда,

Ай православный ты наш государь,
Ай православный ты наш государь!
Не позволь казнить-вешать,
Ай позволь речи ты нам говорить,
Ай позволь речи ты нам говорить.
Как бывалыча ты, наш царь,
Вот наде... ой, надежда,
Много даривал, много жалывал,
Ой много жалывал,
А теперича ты, наш царь наде... вот надежда,
Никого из нас не пожалывал,
Ай никого из нас не пожалывал,
Только жалывал ты, наш царь,
Ой наде... вот надежда,
Только жалывал князей да бояр,
Ой только жалывал князей да бояр».
— «Подарю вас, моих каза... ой, вот казаченьков,
Быстрым Терекон со притоками,
Ай быстрым Терекон со притоками,
Ай до синя моря до Каспийского».

22. СМЕРТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО

Уж ты батюшка светел месяц!
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Из-за облачка выкатаешься,
Черной тучей закрываешься?
У нас было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
В каменной Москве, в золотом Кремле,
У Ивана было у Великого,
У Михайлы у Архангела,
У собора у Успенского,
Ударили в большой колокол.
Раздался звон по всей матушке сырой земле.
Соезжались все князья-бояре,
Собирались все люди ратные
Во Успенский собор богу молиться.
Во соборе-то во Успенским
Тут стоял нов кипарисов гроб.
Во гробу-то лежит православный царь,
Православный царь Иван Грозный Васильевич.

В головах у него стоит животворящий крест,
У креста лежит корона его царская,
Во ногах его вострый, грозный меч.
Животворящему кресту всякий молится,
Золотому венцу всякий кланяется,
А на грозен меч взглянет — всяк ужахнется.
Вокруг гроба горят свечи восковые,
Перед гробом стоят все попы-патриархи,
Они служат-читают, память отпевают,
Отпевают память царю православному,
Царю Грозному Ивану Васильевичу.

23—24. ЕРМАК В КАЗАЧЬЕМ КРУГУ

1

Как на речке было,
На реке было Камышинке, Камышинке,
Как там жили-проживали
Люди вольные, свободные, свободные,
Казаченьки волжские,
Гребенские да донские, да донские.
У казаков атаманушка
Да Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич.
Не звонка-то труба,
Не громка речь возговорила, возговорила —
Говорил-то атаман
Сам Ермак-то Тимофеевич, Тимофеевич:
«Уж вы слушайте-ка,
Ребятюшки, дайте думушку мне одумати!
Как проходит лето теплое,
Настает зима холодная, холодная.
Уж и где-то нам, ребята,
Зимушку-то долгу зимовать, зимовати?
Нам на Волге быти —
Нам на Волге всё ворами слыть, ворами слыть;
На Яик идтить нам —
На Яик-то переход велик, переход велик;
Под Казань идтить нам —
Там стоит Иван Васильевич Грозный царь.
У него-то много силушки,
Силушки той сто сорок тыщ, сто сорок тыщ.
Идтить, не идтить нам

На Иртыш-реку великую на сибирскую.
Мы возьмем-то в полон,
Возьмем в полон Тобольск-городок, славный город.
А как взявши город,
Пройдем к царю да поклонимся, воспокаемся».

2

Думайте, ребяташки, подумайте
Думу крепкую.
Как не сизые орлы
Ко соколикам солетались —
Соезжались мазурушки
Всё персидские,
Они старые, стародавние,
Беспачпортные,
Из тумы-то тумов мазурушки,
Чернославские, прироженные.
Соезжались мазурушки
На высок курган,
Становилися мазурушки
Во единой круг.
Они думали-подумывали
Думу крепкую
Заединую:
«Да кому бы из нас,
Ребятюшки,
Атаманом быть?
Атаманом быть,
Ребятюшки,
Ярмаку-казаку,
Ярмаку-казаку
Тимофеевичу».
Ярмак-казак,
Ребятюшки,
Речь возгóворит:
«Да вы слушайте,
Послушайте,
Что я буду говорить!
Полно нам, ребяташки,
Пить да гулять,
Полно бражничать.
Не пора ли бы нам
Успокоиться,

На сине море нам,
Ребятюшки,
Время отправиться».
На синем-то море,
Ребятюшки,
На острове,
Легка лодочка
Она плавала, всплавала,
Колыхалася,
К островочику прибивалася.
Не серебряная трубочка
Нам вострубила:
«Да пора нам,
Ребятюшки,
Во поход идти,
Во поход идти
Да Сибирь покорять.
А и вот нам,
Ребятюшки,
Быть повешенным.
А когда же мы,
Ребятюшки,
Да Сибирь покорим,
То за это нас,
Ребятюшки,
Царь простит, помиловает,
Царь простит нас,
Ребятюшки,
Всех пожаловат».

25. РАЗБОЙНЫЙ ПОХОД НА ВОЛГУ

Как далече было, дале, во чистом поле,
А еще того подале — на синем море,
Как на славном море было на Каспийском,
Вот не ясны тут соколы слетались,
Собирались морзорушки каспийские,
Еще стары бродяги беспашпортные,
Беспашпортные хайлы, да всё разбойнички,
Они думали тут думушку заединое:
«Да кому-де из нас, братцы, атаманом быть,
И кому из нас, удалы, есаулом слыть?
Атаманом быть Ермак сын Тимофевичу,
Есаулом слыть Никите сын Иванычу».

Атаман-то говорил, как в трубу трубил,
Есаул-то говорил, как в свирель играл:
«Еще полно ли нам, братцы, на морях стоять,
Не пора ли нам, удалы, воротиться
Как во славную во нашу мать Россиюшку?
Астрахань мы городочек с вечера пройдем,
А Царицын-то городочек на белóй заре,
Мы Самаре-городочку тут поклонимся,
В Жигулевских мы горах жить остановимся».

26. ВЗЯТИЕ ЕРМАКОМ КАЗАНИ

«Как проходит, братцы, лето теплое,
Настает, братцы, зима холодная,
И где-то мы, братцы, зимовать будем?
На Яик нам пойтить — переход велик,
А за Волгу пойтить — нам ворами слыть,
Нам ворами слыть, быть половленным,
По разным по тюрьмам порассоженным,
А мне, Ермаку, быть повешену.
Как вы думайте, братцы, да подумайте,
Меня, Ермака, вы послушайте!»
Ермак говорит, как в трубу трубит:
«Пойдемте мы, братцы, под Казань-город,
Под тем ли под городом сам царь стоит,
Грозный царь Иван Васильевич.
Он стоит, братцы, ровно три года,
И не может он, братцы, Казань-город взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
И под власть его ему покоримся!»
Как пришел Ермак к царю, на колена стал,
Как возговорит царь Ермаку-казаку:
«Не ты ли Ермак, воровской атаманушка?
Не ты ли разбивал бусы-корабли мои военные?»
— «Я разбивал, государь, бусы-корабли,
Бусы-корабли не орленые, не клейменные.
Отслужу я тебе, государь, службу важную:
Ты позволь мне, царь, Казань-город взять,
А возьму я Казань ровно в три часа.
Да и чем меня будешь жаловать?»
Как надел Ермак сумку старческую,
Платье ветхое, всё истасканное.
И пошел Ермак в Казань за милостыню,
Побираться, христарадничать.

Заприметил там Ермак пороховую казну,
И с тем вернулся он к товарищам.
«Ой вы братцы мои, атаманы-молодцы!
Да копайте вы ров под пороховую казну».
Скоро вырыли глубокий ров донские казаки.
Как поставил там Ермак свечу воску ярого,
Во боченок ли поставил полный с порохом,
А другую он поставил, где с царем сидел.
И сказал Ермак царю Грозному:
«Догорит свеча — я Казань возьму!»
Догорела свеча — в Казани поднялося облако.
Как крикнет Ермак донским казакам,
Донским казакам, гребенским и яиковским:
«Ой вы братцы мои, атаманы-молодцы!
Вы бегите в город Казань скорехонько,
Вы гоните из города вон всех бусурман,
Не берите вы в полон ни одной души:
Плен донским казакам не надобен!»
Ермак тремя стами казаками город взял,
Город взял он Казань и царю отдал,
Избавил Ермак войско царское от урона.
За то царь пожаловал Ермака князем
И наградил его медалью именною,
Да подарил Ермаку славный тихий Дон
Со всеми его речками и проточками.
Как возговорит Ермак донским казакам:
«Пойдемте, братцы, на тихий Дон, покаемся,
Неженатые, братцы, все поженимся!»

27. ЕРМАК У ИВАНА ГРОЗНОГО

Как на славных на степях было саратовских,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-друзи, люди вольные,
Собирались они, братцы, во единый круг,
Как донские, гребенские и яицкие.
Атаман у них — Ермак сын Тимофеевич,
Есаул у них — Асташка сын Лаврентьевич.
Они думали думушку всё единую:
«Уж как лето проходит, лето теплое,
А зима настает, братцы, холодная,
Как и где-то нам, братцы, зимовать будет?»

На Яик нам идтить — да переход велик,
Да на Волге ходить нам — всё ворами слыть,
Под Казань-град идтить — да там царь стоит,
Как Грозной-то царь Иван Васильевич,
У него там силы много-множество;
Да тебе, Ермаку, быть там повешену,
А нам, казакам, быть переловленным
Да по крепким по тюрьмам порассоженным».

Как не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная речь громко возговорит —
Речь возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте
И меня, Ермака, братцы, послушайте.
Зазимуем мы, братцы, всё в Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся.
А как вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во поход пойдем.
Мы заслужим пред Грозным царем вину свою:
Как гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Как и те-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка всё царского,
Как того-то ведь посланничка персидского».

Как во славном было городе во Астрахани,
На широкой на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый круг,
Они думали думу крепкую,
Да и крепкую думушку единую:
«Как зима-то проходит всё холодная,
Как и лето настанет, братцы, лето теплое,
Да пора уж нам, братцы, в поход идтить».

Речь возговорит Ермак Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, братцы атаманы-молодцы!
Эй вы делайте лодочки-коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаечки сосновые,
Мы поедемте, братцы, с божьей помочью,
Мы пригрянемте, братцы, вверх по Волге по реке,
Перейдемте мы, братцы, горы крутые,
Доберемся мы до царства бусорманского,
Завоюем мы царство Сибирское,
Покорим его мы, братцы, царю белому,
А царя-то Кучума во полон возьмем.

И за то-то государь-царь нас пожалует.
Я тогда-то пойду сам ко белу царю,
Я надену тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку под мышечку,
Принесу я царю белому повинную:
„Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели речь говорить.
Как и я-то, Ермак сын Тимофеевич,
Как и я-то, воровской донской атаманушка,
Как и я-то гулял ведь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому,
Как и я-то разбивал ведь бусы-корабли,
Как и те-то корабли всё не орленые.
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебе буйную головушку
И с буйной головой царство Сибирское“.
Речь возговорит надежа православный царь,
Как и Грозной-то царь Иван Васильевич:
„Ой ты гой еси, Ермак сын Тимофеевич,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войском твоим,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мне за верную,
И я жалую, Ермак, славный тихий Дон“».

28. КАЗАКИ УБИВАЮТ ЦАРСКОГО ПОСЛА

На славной Волге-реке,
На верхней изголове,
На Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках
А стояли беседы,
Что беседы дубовые,
Исподернуты бархатом.
Во беседочках тут сидели
Атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.
Они думушку думали заединое
Как про дело ратное,
Про добычу казачею.

Что есаул ходит по кругу
По донскому, яицкому,
Есаул кричит голосом
Во всю буйну голову:
«А и вы гой еси, братцы,
Атаманы казачие!
У нас кто на море не бывал,
Морской волны не видал,
Не видал дела ратного,
Человека кровавого —
От желанья те богу не маливались;
Останьтесь таковы молодцы
На Бузане-острове!»
И садились молодцы
Во свои струги легкие,
Они грянули, молодцы,
Вниз по матушке Волге-реке,
По протоке по Ахтубе.
А не ярые гоголи
На сине море выплыли —
Выгребали тут казаки
Среди моря синего,
Против Матицы-острова
Легки струги выдергивали
И веселочки разбрасывали,
Майданы расставляли,
Ковры раздергивали,
Ковры те сорочинские,
И беседы дубовые,
Подернуты бархатом;
А играли казаки
Золотыми тавлеями,
Дорогими вальящетыми.
Посмотрят казаки
Они на море синее —
От того зеленого —
От дуба крековистого
Как бы бель забелелася,
Будто чернь зачернелася —
Забелелися на кораблях
Парусы полотняные,
И зачернелися на море
Тут двенадцать кораблей:
А бегут тут по морю

Славны гости турецкие
Со товары заморскими.
А увидели казаки
Те корабли червлёные,
И бросались казаки
На свои струга легкие,
А хватали казаки
Оружье долгомерное
И три пушечки медные,
Напускалися казаки
На двенадцать кораблей:
В три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули.
Турки, гости богатые,
На кораблях от того испужались,
В сине море метались,
А те товары заморские
Казакам доставались,
А и двенадцать кораблей.
А на тех кораблях
Одна не пужалася
Душа красна девица,
Молода Урзамовна,
Мурзы дочи турского.
Что сговорит девица:
«Не троньте мене, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите мене, казаки,
К сильну царству Московскому,
Государству Российскому,
Приведите, казаки,
Мене в веру крещеную».
Не тронули казаки
Душу красну девицу
И посадили во свои струги легкие.
А и будут казаки
На протоке на Ахтубе,
И стали казаки
На крутом красном бережку,
Майданы расставляли,
Майданы те терские,
Ковры сорочинские,
А беседы расставляли,
А беседы дубовые,

Подернуты бархатом,
А столы дорог рыбей зуб.
А и кушали казаки
Тут они кушанье разное
И пили питья медяные,
Питья все заморские.
И будут казаки
На великих на радостях
Со добычи казачия.
Караулы ставили,
Караулы крепкие, отхожие,
Сверху матки Волги-реки,
И снизу таковые ж стоят.
Запилися молодцы
А все они до единого.
А втапору и во то время
На другой стороне
Становился стоять
Персидской посол
Коромышев Семен Костянтинович
Со своими солдаты и матрозами.

Казаки были пьяные, а солдаты не со всем умом; напустились на них драться ради корысти своя. Ведал ли, не ведал о том персидский посол, как у них драка сочинилася. В той было драке персидского посла солдат пятьдесят человек, тех казаки прибили до смерти, только едва остались три человека, которые могли убежать на корабль к своему послу сказывати. Не разобрал того дела персидский посол, о чем у них драка сочинилася, послал он сто человек всю ту правду расспрашивати.

И тем солдатам показалось,
Что те люди стоят недобрые,
Зачали с казаками драться.
Втапору говорил им большой атаман
Ермак Тимофеевич:
«Гой вы еси, солдаты хорошие,
Слуги царя верные!
Почто с нами деретесь?
Корысть ли от нас получите?»
Тут солдаты безумные
На его слова не сдавались
И зачали драться
Боем-то смертным,
Что дракою некорыстною.

Втапоры доложилсѧ о том
Большой есаул Стафей Лаврентьевич:
«Гой вы еси, атаманы казаки!
Что нам с ними делати?
Солдаты упрямые,
Лезут к нам с дракою в глаза!»
И на те его слѡва
Большой атаман
Ермак Тимофеевич
Приказал их до смерти бити
И бросати в матку Волгу-реку.
Зачали казаки с ними драться
И прибили их всех до смерти.

Только из них един ушел капрал островской и, прибежавши на свой корабль к послу персидскому Семену Костянтиновичу Коромышеву, стал обо всем ему рассказавати, кака у них с казаками драка была. И тот персидской посол не размыслил ничего, подымался он со всею гвардию своею на тех донских казаков. Втапоры ж подымались атаманы казачие — Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович. И стала у них драка великая и побоища смертное. А атаманы казачие сами они не дрались, только своим казакам цыкнули — и прибили всех солдат до смерти, ушло ли, не ушло с десяток человек.

И в той же драке убили
Самого посла персидского
Семена Констянтиновича Коромышева.
Втапоры казаки
Все животы посла персидского
Взяли себе, платьѧ цветное
Клали в гору Змеевую. Пошли они, казаки,
По протоке по Ахтубе,
Вниз по матушке Волге-реке.
А и будут казаки
У царства Астраханского.
Называется тут Ермак со дружиною
Купцами заморскими. А явили в таможене
товары разные
И с тех товаров платили пошлину
В казну государеву
И теми своими товарами
Торговали без запрещенія.
Тем старина и кончилась.

29. ЕРМАК ВЗЯЛ СИБИРЬ

Во славном понизовом городе Астрахани,
Против пристани матки Волги-реки
Соходилися тут удалы добры молодцы,
Донские славны атаманы казачие —
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич и Анофрей Степанович.
И стали они во единой круг,
Как думати думушку заединое,
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имени Ермак Тимофеевич:
«Ай вы гой еси, братцы атаманы казачие!
Не корыстна у нас шутка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидского
Со всеми его солдатами и матросами,
И всем животом его покорыстовались;
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахани жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — Грозен царь стоит,
Грозен царь-осударь Иван Васильевич;
В Москву идти — перехватанным быть,
По разным городам разосланным
И по темным тюрьмам рассаженным.
Пойдемте мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым;
Возьмем мы много свинцу, пороху
И запасу хлебного».

И будут они в Усолье у Строганова, взяли запасы хлебные, много свинцу, пороху, и пошли вверх по Чусовой-реке, где бы Ермаку зима зимовать. И нашли они пещеру каменну на той Чусовой-реке, на висячем большом камени; и зашли они сверх того камени, опускалися в ту пещеру казаки, не много не мало — двести человек, а которые остались люди похужей, на другой стороне в такую ж они пещеру убиралися. И тут им было хорошо зима зимовать. Та зима проходит, весна настает; где Ермаку путя искать? Путя ему искать по Серебряной реке. Стал Ермак

убираться со своими товарищами; по Серебряной пошли, до Жаровля дошли, оставили они тут лодки-коломенки; на той Баранченской переволоке одну тащили, да надселися, там ее покинули. И в то время увидели Баранчу-реку, обрадовались, поделали боты сосновые и лодки-набойницы; поплыли по той Баранче-реке, и скоро они выплыли на Тагиль-реку; у того Медведя-камня у Магницкого — горы становилися, а на другой стороне была у них плотбища, делали большие коломенки, чтоб можно им совсем убраться. Жили они тут, казаки, с весны до Троицева дни, и были у них промыслы рыбные, тем они и кормилися; и как им путь надлежал, совсем в коломенки убирались и поплыли по Тагиль-реке; а и выплыли на Туру-реку и поплыли по той Туре-реке в Епанчу-реку, и тут они жили до Петрова дни, еще они тут управлялися, поделали людей соломенных и нашили на них платье цветное; было у Ермака дружины триста человек, а стало уже со теми больше тысячи. Поплыли по Тоболь-реке, в Мяденски юрты приплыли, тут они князька полонили небольшого, дабы показал им путь по Тоболь-реке. Во тех устьях тобольских на изголове становилися, и собиралися во единый круг, и думали думушку крепку заедино: как бы им приплыть к горе Тобольской той? Сам он, Ермак, пошел устьем верхним, Самбур Андреевич устьем средним, Анофрей Степанович устьем нижним, которая устья впала против самой горы Тобольск(к)ия. И выплыли два атаманы казачие, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович, со своими товарищами на Иртыш-реку, под самую высокоу гору Тобольскую. И тут у них стала баталия великая со теми татары котовскими; татара в них бьют со крутой горы, стрелы летят, как часты дожди, а казакам взять не можно их. И была баталия целой день, прибили казаки тех татар немало число. И тому татары дивовалися, каковы русски люди крепкие, что ни едино убить не могут их: каленых стрел в них, как в снопики, налеплено, только казаки всё невредимы стоят, и тому татары дивуются наипаче того. В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич со своею дружиною тою лукою Соуксанскою, дошел до устья Сибирки-реки и в то время полонил Кучума — царя татарского, а первого князька пойманого отпустил со известием ко тем татарам котовским, чтобы они в драке с казаками помирился: уж-де царя вашего во полон взяли тем атаманом Ермаком Тимофеевым. И таковы слова услыша, татары сократилися и пошли к нему,

Ермаку, с подарочками, понесли казну соболиную и бурых лисиц сибирских; и принимал Ермак у них, не отсылаючи; а на место Кучума-царю утвердил Сабанака-татарина и дал ему полномочие владеть ими. И жил там Ермак с Покрова до зимнего Николина дня. Втапоры Ермак шил шубы соболиные, нахтармами вместе сшивал, а теплые мехи на верх обеих сторон; таковы ж манером и шапки шил. И убравши Ермак со всемя казаки, отъезжал в каменну Москву, ко Грозному царю Ивану Васильевичу. И как будет Ермак в каменной Москве, на канун праздника Христова дня, втапоры подкупил в Москве большого боярина Никиту Романовича, чтобы доложил об нем царю Грозному. На самой праздник Христов день, как изволил царь-государь идти от заутрени, втапоры доложил об них Никита Романович: что-де атаманы казачие, Ермак Тимофеевич с товарищи, к твоему царскому величеству с повинностью пришли и стоят на Красной площади, и тогда царь-государь тотчас велел пред себя привести того атамана Ермака Тимофеева, со темя его товарищи; тотчас их ко царю представили в тех шубах соболиных. И тому царь удивляется; и не стал больше спрашивать, велел их разослать по фатерам до того часу, когда спросятся. Втапоры царю праздник радостен был, и было пиrowание почестное на великих на радостях, что полонил Ермак Кучума — царя татарского, и вся сила покорилась тому царю Грозному, царю Ивану Васильевичу. И по прошествии того праздника приказал царь-государь того Ермака пред себя привести; тотчас их собрали и ко царю представили. Вопрошает тут их царь-государь: «Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын! Где ты бывал, сколько по воле гулял и напрасных душ губил, и каким случаем татарского Кучума-царя полонил и всю его татарскую силу под мою власть покорил?» Втапоры Ермак пред Грозным царем на колени пал и письменное известие обо всем своем походе подавал, и при том говорил таковыя слова: «Гой еси, вольной царь, царь Иван Васильевич! Приношу тебе, осударь, повинность свою, гуляли мы, казаки, по морю синему и стояли на протоке на Ахтубе; и в то время годилося мимо идти послу персидскому Коромышеву Семену Костянтиновичу со своими солдаты и матросами, и они напали на нас своею волею, и хотели от нас поживитися, казаки наши пьяные были, а солдаты упрямые, и тут персидского посла устукали со теми его солдаты и матросами». И на то царь-государь не прогневался, но и паче

умилосердился, приказал Ермака пожаловати. И посылал его в ту сторону Сибирскую ко тем татарам котовским, брать с них дани-выходы в казну государеву. И по тому приказу государеву поехали Ермак Тимофеевич со своими казаками в ту сторону Сибирскую. И будет он у тех татар котовских, стал он их больше под власть государеву покоряти, дани-выходы без опущения избирати. И год, другой тому времени поизойдучи, то татары збунтовались, на Ермака Тимофеева напущались на той большой Енисее-реке. Втапоры у Ермака были казаки разосланы по разным дальним странам, а при нем только было казаков на две коломенки. И бились, дрались с татарами время немалое. И для помощи своих товарищей он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку, и ступил на переходню обманчивую, правою ногою поскользнулся он — и та переходня с конца верхнего подымалася и на него опускалася, расшибла ему буйну голову и бросила его в тое Енисею, быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилась.

30. ЕРМАК И ИЦЛАМБЕР-МУРЗА

Ой на степе, степе, да
На дикой-то степе да на саратовой,
Там стоял-то, стоял на дикой-то степе
Тонкий белый шатер.
Ой как никто к нему, да
Кы белому шатру, не приезживал,
Да ни конного, да ни пешего
Следу не... следу не было.
Ой как приехали да
Кы белому-то шатру да князя крымские,
Князя крымские кы белому-то шатру,
Межгородские.
Ой как еще бывал да
Кы белому-то шатру Ицламбер-то мурза,
Он приехал к шатру, Ицламбер-то мурза,
На добром-то коне,
Ой на добром коне, да
Ицламбер-то мурза, сивогривеньком.
Он приехал, мурза, кы белому шатру,
Стал с коня слезать;
Ой он слезает с коня, да

Ицламбер-то мурза, стал привязывать,
Он привязывал, Ицламбер-то мурза,
Никому не сказывал.
Ой как и входит он, да
Ицламбер-то мурза, вы белой-то шатер,
Он и черную, да Ицламбер-то мурза,
Шляпу скидывал,
А он со всеми князьями,
Сы боярами сам поздравствовался,
Как с одним-то бы он с казаком Ермаком
Не здоровкался.
Ай как и тут казак, да
Что старик-то Ермак, он рассердился,
Он рассердился, да что казак-то Ермак,
Сам разгневался,
А он встает, встает,
Наш казак-то Ермак, сы постелюшки:
«Ох и что-й-то у нас за невежишша,
За диковина?
А что и входит в шатер
Да со всеми людьми всё здоровкается,
Как с одним-то бы он с казаком Ермаком
Да не здравствуется!»
Ай вот и взял Ермак-то
Ицламбер-мурзу за головушку,
Да срубал-то ему наш казак-то Ермак
Буйну голову.

31. ЕРМАК И ТУРКИ

По край моря синего,
На усть Дону тихого
Построилась башенка,
Башенка высокая.
На этой на башенке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак,
Стоял приумаялся,
С часов долго не сменяючись.
Немножко помешкавши,
С караула казак бежит,
Бежит — спотыкается,
Говорит — задыхается:

«Родимый наш батюшка
Ермак Тимофеевич!
У нас на синём море
Несчастье случилось:
Не бель забелелася,
Не чернь зачернелася —
Это зачернелися
Корабли турецкие,
Это забелелися
Паруса их белые».
— «Не бойтесь, ребятушки,
Донские мои казаченьки,
Берите бабаечки,
Садитесь во лодочки,
Поезжайте в синё море,
Скоро распрощайтесь,
Чем эти кораблички
Они нагруженные».
Они нагруженные
Разными товарами.

32. ТУРКИ НАПАДАЮТ НА КАЗАЧЬЮ КРЕПОСТЬ

Как у нас было на тихом Дону, да на том на Ивановиче,
Живут ли, слывут люди вольные, они всё казаки донские.
Как поставили казаки они крепостцу,
Как и крепостцу будто новую,
По углам ее стоят башенки,
Как на тех было на башенках,
Да и сверху на маковках,
Караулы поставлены, часовые расставлены.
Не задолгим помешкавши, пищаль турки ударила,
Через два часа мешкавши, еще одна прогрянула,
Через три часа мешкавши, с караула казак бежит,
Он бежит — спотыкается, говорит — захлинается:
«Ох ты батюшка, батюшка, ты донской атаманушка
Ермак сын Тимофеевич!
Как у нас было на море
Не черным зачернелось, не белым забелелось —
Зачернелися на море все турецкие корабли,
Забелелися на море все брезентовые парусы».
Как и тут-то возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Ох вы казаки, казаки, вы садитесь в легкие лодочки,

Берите вы бабаечки еловые, догоняйте вы корабли
турецкие,
Вы снимайте с турок головы, забирайте золото-серебро,
Забирайте же вы невольничков, провожайте их на святую
Русь».

33. ЕРМАК В ТУРЕЦКОМ ПЛЕНУ

А и по край было моря синего,
Что на устье Дону-то тихого,
На крутом красном бережку,
На желтых рассыпных песках,
А стоит крепкой Азов-город
Со стеною белокаменной,
Земляными раскатами,
И ровами глубокими,
И со башнями караульными.
Среди Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка земляная тюрьма.
И во той было темной темницы
Что двери были железные,
А замок был в три пуда,
А пробои были булатные,
Как засовы были медные.
Что во той темной темницы
Засажон сидит донской казак,
Донской казак
Ермак Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти,
Самому царю тому турецкому
Салтану Салтановичу.
А кричит донской казак
Ермак Тимофеевич:
«А ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить-кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!»
Постоялся турецкой царь
Салтан Салтанович:
«А мурзы вы улановья!
А вы сгаркайте из темницы
Того тюремного старосту».
А и мурзы-улановья

Металися через голову,
Привели его улановья
Они старосту тюремного;
И стал он, турецкой царь,
У тюремного старосты спрашивать:
«Еще что за человек сидит?»
Ему староста рассказывает:
«А и ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Что сидит у нас донской казак
Ермак Тимофеевич».
И приказал скоро турецкой царь:
«Вы мурзы-улановья,
Ведите донского казака
Ко палатам моим царским!»
Еще втапору турецкой царь
Напоил, накормил доброго молодца
И тожно стал его спрашивати:
«А ты гой еси, донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?»
Рассказал ему донской казак:
«А и я послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов-город,
А и послан был скорым послом
И гостиницы дорогие к тебе вез,
А на заставах твоих меня всего ограбили,
И мурзы-улановья моих товарищей
Рассадили, добрых молодцов,
И по разным темным темницам».
Еще втапору турецкой царь
Приказал мурзы-улановьям
Собрать добрых молодцов,
Ермаковых товарищев.
О〈т〉пущает добрых молодцов
Ермака в каменну Москву,
Снарядил доброго молодца
Ермака Тимофеевича,
Наградил златом-серебром,
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казак
От Азова-города,
Загулялся донской казак
По матушке Волге-реке,
Не явился в каменну Москву.

***ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XVII ВЕКА***

34. СМЕРТЬ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ

Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится,
То орел летит поднебесью,
Зорко смотрит он на Москву-реку,
На палатушки белокаменны,
На сады ее зеленые,
На золотой дворец стольна города.
Не лютая змея воздыбалася,
Воздыбался собака — булатный нож,
Упал он ни на воду, ни на землю,
Упал он царевичу на белу грудь,
Да тому ли царевичу Димитрию.
Убили ж царевича Димитрия,
Убили его на Углищи,
На Углищи на игрищи.
Уж как в том дворце черной ночью
Коршун свил гнездо с коршунятами!
Уж как тот орел Димитрий-царевич,
Что и коршун тот Годунов Борис,
Убивши царевича, сам на царство сел;
Царил же он, злодей, ровно семь годов.
Не вихрь крутит по долинушке,
Не седой ковыль к земле клонится,
То идет грозный божий гнев
За православную Русь.
И погиб коршун на гнезде своем,
Его пух прошел по поднебесью,
Проточилась кровь на Москве-реке.

Мои малыи дети побити,
Меня, пелепелку, поимати».
Сплачется на Москве царевна:
«Охти мне, молоды, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев Рострига,
Что хочет меня полонити,
А полонив меня, хочет постритчи,
Чернеческой чин наложити!
Ино мне постритчи ся не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет тёмна келья,
На добрых молодцов посмотри́ти.
Ино ох милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити
После царского нашего жítья
И после Бориса Годунова?
Ах милые наши терёмы!
А кому будет в вас да седети
После царского нашего жítья
И после Бориса Годунова?»

37. ГРИШКА ОТРЕПЬЕВ

Ты боже, боже, спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злого расстригу Гришку Отрепьева,
Уже ли он, расстрига, на царство сел?
Называется расстрига прямым царем,
Царем Димитрием Ивановичем Углецким.
Недолго расстрига на царстве сидел,
Похотел расстрига жениться,
Не у себя-то он в каменнóй Москве —
Брал он, расстрига, в проклятой литве,
У Юрья пана Седомирского
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешней праздник Николин день
В четверг у расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,

А Гришка-расстрига он в баню с женой.
На Гришке рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущето́й камки.
А час, другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка-расстрига из бани с женой.
Выходит расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и постное и скоромное:
Завтра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан со паньєю!»
А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?»
А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы стрельцы вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит
Расстрига Гришка Отрепьев сын;
Потерян мой сын, царевич Димитрей Иванович,
на Угличе

От тех от бояр Годуновых;
Его мощи лежат в каменной Москве
У чудных Софеи премудры;
У того ли-то Ивана Великого
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякия праздники совершают панафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинают завсегда».
Тут стрельцы догадалися,
Все оне собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися
И тут в Москве сбунтовалися.
Гришка-расстрига догадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается.

А злая его жена Маринка-безбожница
Сорокою обернулася
И из палат вон она вылетела.
А Гришка-расстрига втапору догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копыя вострые
Ко тем стрельцам, удалым молодцам,
И тут ему такова смерть случилась.

38—39. СКОПИН-ШУЙСКИЙ

1

Ино что у нас в Москве учинилось —
С полуночи у нас в колокол звонили?
А расплачутся гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
Мстисловской-князь, Воротынской,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулись:
«Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся!»
А расплачутся свецкие немцы:
«Что не стало у нас воеводы
Васильевича князя Михаила!»
Побежали немцы в Нов-город
И в Нове-городе заперлися
И многой мир-народ погубили
И в латынскую землю превратили.

2

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году восьмой тысячи
А и деялось, учинилось:
Кругом сильна царства Московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила — сорочина долгополая,
И те черкасы пятигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,

Еще чукши с олюторами.
Как были припасы многие,
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские —
А нельзя ни пройти, ни проехати
Ни конному, ни пешему,
И ни соколом вон вылетети
А из сильна царства Московского
И великого государства Российского.
А Скопин князь Михайла Васильевич,
Он правитель царству Московскому,
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли святорусския,
Что ясён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал —
Выезжал воевода московской князь,
Скопин князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчат стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в не(й) перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скорописчеты
Во Свицкую землю, Саксонскую,
Ко любимому брату названому,
Ко свицкому королю Карлусу.
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат,
А ты свицкий король Карлус!
А и смилуйся, смилосердися,
Смилосердися, покажи милость —
А и дай мне силы на подмочь;
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы пятигорские,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чукши с олюторами,
И не можем мы с ними управиться;
Я закладываю три города русские».
А с ерлыками послал скорого почтаря,

Своего любимого шурина,
А того Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в полувецкой орде
У честна короля, честного Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу.
Среди двора королевского
Скочил почтарь со добра коня,
Вязал коня к дубову столбу,
Сумы похватил, сам во палаты идет.
Ни за чем почтарь не замешкался,
Приходит во палату белокаменну,
Расковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король распечатывает,
Распечатал, сам просматривает,
И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено,
От любимого брата названного,
Скопина князя Михайла Васильевича,
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русские».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель:
А и первые силы-то свицкие.
А другие силы — саксонские,
А и третьи силы — школьские —
Того ратного люду ученого
А не много, не мало — сорок тысячей.
Прибыла сила во Нов-город,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешонько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царское,
А на знаменье было написано
Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —

Они вырубали чудь белоглазую
И ту сорочину долгополюю;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекратили черкас пятигорских,
А немного дрались, скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малороссия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами.
А кому будет божья помочь?
Скопину князю Михайлу Васильевичу,
Он очистил царство Московское
И велико государство Российское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литоргию великую,
На великих на радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир,
И велику славу до веку поют
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы
У того ли было князя Воротынского
Крестили младого князевича,
А Скопин князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых
гостей.

Будет пир во полупире,
Княженецкой стол во полустоле,
Как пьяненьки тут расхвастались.
Сильный хвастает силою,
Богатой хвастает богатством;
Скопин князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,

Не с большего хмелю он похвастанется:
«А вы глупой народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей;
Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалиться,
Что очистил царство Московское
И велико государство Российское;
Еще ли мне славу поют до веку
От старого до малого,
А от малого до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
В тот час они дело сделали:
Поддержнули зелья лютого,
Подсыпали в стакан, в меды сладкия,
Подавали куме его крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Примаёт Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово,
Услышал во утробе неловко добре:
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!»
Голова с плеч покатилася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он сядилса, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке;
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милая,
Скопин князь Михайла Васильевич!
Я тебе приказовала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому,
А и ты мене не послушался;
Лишила тебе свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!»
Он к вечеру, Скопин, и преставилса.
То старина, то и деянье —
Как бы синему морю на утишенье,

А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье,
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед, зелена вина;
Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

40. ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Как не из-за лесов-то дремучих стая воронов слеталася,
Соходился весь московский народ на площадь Красную,
На тою ли площадь Красную, на Ивановскую.
Уж на той ли на высокой колокольне
В большой колокол звонили.
Ох и братцы, что-то у нас делается,
Уж не чудо ли какое совершается?
Во дворце что-то все взволновалися,
Все лакеи, все прислужнички всуетилися.
Уж не бояре ли взбунтовалися,
Уж не злые ли собаки повзбесилися,
Уж и жив ли наш православный царь,
Православный царь Василий Иванович?
Уж и что, братцы, во дворце его не видно,
Что косящеты окошечки все завешаны?
Как и взгóворит в народе удалой молодец:
«Ох вы братцы, вы не знаете беды-горести,
Что царя нашего Василья злы бояре погубили,
Злы собаки погубили, во Сибирь его послали;
А уж сделали царем какого басурмана,
Что Петрушку-самозванца, злого боярина!»
Уж все люди перьпугалися,
В разны стороны побросалися.

41. ЛЯПУНОВ И ГУЖМУНД

Как было то у нас на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
Было время военное, времячко мятежное,

Заполонила-то Москву погана литва,
Погана литва, проклята польска сторона.
Как уж жил тут поживал нечестивый Гужмунд:
Жил он во святых местах,
Во святых местах, в царских русских теремах.
Недолго продолжалась его московска веселая жизнь,
Недолго продолжалась, только много горя нам накачалось.
Многи русские бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись;
Уж один-то боярин, думный воеводушко, крепко веру
защищал,
Крепко веру защищал, изменников отгонял,
Уж как думный воевода был Прокофий Ляпунов.
Как Прокофий-то Петрович разослал своих гонцов,
Как Прокофий Ляпунов рóздал письма гонцам,
Рóздал письма гонцам и приказ им приказал:
«Поезжайте вы, гонцы, на все русские концы,
На все русские концы, во большие города,
Вы просите воевод идти с войском сюда,
Свободить город Москву, защищать веру Христа!»
Как узнал-то Гужмунд от своих изменников-бояр,
Что разослал-то Ляпунов гонцов в города,
Гонцов в города, просить воевод с войском сюда,
Рассердился, распалился нечестивый Гужмунд;
Распалившись, велел воеводушку убить,
Того ли воеводу Прокофья Ляпунова.
И убили злы изменники воеводушку.
Как и двинулись думны воеводы со больших городов,
Все большие города — Казань, Нижний — пришли с вой-
ском сюда,
Как и начали русаки погану литву колоть-рубить,
Погану литву рубить, нечестивого Гужмунда
веревкой душить;
Удушили, всё нечестивое племя из Москвы повыгнали.

42. МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Как в старом то было городе,
Во славном и богатом Нижнем,
Как уж жил тут поживал богатый мещанин,
Богатый мещанин Кузьма Сухорукий сын.
Он собрал-то себе войско из удалых молодцов,
Из удалых молодцов — нижегородских купцов.

Собравши их, он речь им взгóворил:
«Ох вы гой еси, товарищи, нижегородские купцы!
Оставляйте вы свои дома,
Покидайте ваших жен, детей,
Вы продайте всё ваше злато-серебро,
Накупите себе вострых копиёв,
Вострых копиёв, булатных ножей,
Выбирайте себе из князей и бояр удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку.
Пойдем-ко мы сражатися
За матушку за родну землю,
За родну землю, за славный город Москву.
Уж заповолонили-то Москву проклятые народы, поляки злы.
Разобьем их, много перевешаем,
Самого-то Сузмунда-короля их в полон возьмем;
Освободим мы матушку Москву от нечестивых жидов,
Нечестивых жидов, поляков злых!»
Уж как выбрали себе солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички — нижегородские купцы,
Выбрали себе удалого молодца,
Удалого молодца воеводушку
Из славного княжеского роду —
Князя Димитрия, по прозванию Пожарского.
Уж повел их славный князь Пожарский
За славный Москву-город сражатися,
С нечестивыми жидами-поляками войной бранитися.
Уж привел-то славный князь Пожарский своих
храбрых воинов,
Привел ко московским стенам;
Становил-то славный князь Пожарский своих добрых
воинов
У московских у крепких стен;
Выходил-то славный князь Пожарский перед войско свое,
Как уж взгóворил он своим храбрым воинам:
«Ох вы гой еси, храбрые солдатушки,
Храбрые солдатушки, нижегородские купцы!
Помолимся мы на святые на врата на Спасские,
На пречистый образ спасителя!»
Помолившись, дело начали.
Как разбили-проломилы святые врата,
Уж взошли-то храбрые солдатушки в белокаменный
Кремль,
Как и начали солдатушки поляков колоть, рубить,
Колоть, рубить, в большие кучи валить;

Самого-то Сузмунда в полон взяли,
В полон взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собралися все князья, бояре московские,
Собиралися думу думати,
Как и взгóворют старшие бояре — воеводы московские:
«Вы скажите, вы бояре, кому царем у нас быть?»
Как и взгóворют бояре — воеводы московские:
«Выбираем мы себе в цари
Из бояр боярина славного —
Князя Дмитрия Пожарского сына!»
Как и взгóворит к боярам Пожарский-князь:
«Ох вы гой еси, бояре — воеводы московские!
Не достоин я такой почести от вас,
Не могу принять я от вас царства Московского.
Уж скажу же вам, бояре — воеводы московские:
Уж мы выберем себе в православные цари
Из славного, из богатого дому Романова —
Михаила сына Федоровича».
И выбрали себе бояре в цари Михаила сына Федоровича.

43. ЦАРЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ

Что же вы, ребяташки, призадумались,
Призадумались, прикручинились?
Или вы, ребяташки, каку слышали печаль?
Как и взговорит детина добрый молодец:
«Иль не знаешь ты, детина, горя нашего?
Переставился во полуночи Василий-царь,
И не знаем теперь и не ведаем, кому царем у нас быть».
Как взговорит детина добрый молодец:
«Позабудьте, братцы, горе общее.
Не возвратит нам царя белого,
Не оплакать его душу добрую.
Но скажу вам, братцы, весточку новую:
Уж бояры-воеводы нам выбрали царя
Из славного, богатого роду Романова —
Михаила сына Федоровича!»

44. ПОП ЕМЕЛЯ

Выпала порошица
На талую землю,
Ой с Дону, с Дону!

По той по порошице
Ишел тут обозец,
 Ой с Дону, с Дону!
Не мал, не величек —
Да семеро саней,
 Ой с Дону, с Дону!
Да семеро саней,
По семеро в санях,
 Ой с Дону, с Дону!
Во первых-то санях
Атаманы сами,
 Ой с Дону, с Дону!
Во вторых-то санях
Есаулы сами,
 Ой с Дону, с Дону!
А в четвертых санях
Разбойники сами,
 Ой с Дону, с Дону!
А в пятых-то санях
Мошенники сами,
 Ой с Дону, с Дону!
А в шестых-то санях
Дёрники сами,
 Ой с Дону, с Дону!
А в седьмых-то санях
Сам поп-ат Емеля,
 Ой с Дону, с Дону!
Сам поп-ат Емеля,
А крест на ремени,
 Ой с Дону, с Дону!
А крест на ремени
В четыре сажени,
 Ой с Дону, с Дону!
Рукой благословляет,
Крестом наделяет,
 Ой с Дону, с Дону!
«Ох вы дети, дети,
Полезайте в клетки,
 Ой с Дону, с Дону!
Головы рубите,
А душ не губите,
 Ой с Дону, с Дону!
Если бог поможет,
Попа не забудьте,

Ой с Дону, с Дону!
Если ж черт обрушит,
Двора мого не знавайте,
Ой с Дону, с Дону!»

45. ПОХОД ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА НА АСТРАХАНЬ

Снаряжался православный царь Михайло во дорожку,
Как во дальнюю дорожку в астраханску.
Снарядился он со воинством,
Всё с полками со стрелецкими,
Распростился он с царицею,
Благословил он малых детушек.
Распрощавшись, царица горько всплакала,
Всплакавши, слово молвила:
«Воротися, православный царь Михайло, поскорее!
Привези свое здоровье малым детушкам,
Привези ты мне, царице, жизнь долговечную!»
Распростился царь Михайло со боярами,
Распростился со всем причетом,
И поехал православный царь Михайло на воеваньце,
Что к тому ли ко большому городу ко Астрахани.
Подъезжает царь Михайло к крепким каменным стенам,
Как увидел царь Михайло — сила-рать больша стоит,
Посылает царь Михайло в силу ратную гонца:
«Ты ступай, гонец, в силу ратную, узнай,
Уж и чье это войско под стенами стоит?»
Воротился гонец со ратной стороны,
Как и взговорит гонец православному царю:
«Эта сила-рать недобрая —
Всё злодеи буруцкие!»
Как и двинулось войско православное,
Уж как билися, рубилися трое суток,
На четвертые они в город взошли,
Свободили славный град от злых буйных врагов,
От злых буйных врагов, всё буруцких бунтовщиков.

46. ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛАРЕТА

Зрадовалоя царство Московское
И вся земля святорусская:
Умолил государь православной царь,
Князь велики(й) Михайло Федорович.
А что скажут, въехал батюшко
Государь Филарет Микитич
Из неверной земли из литовской;
С собою он вывез много князей-бояр,
Еще он вывез государева боярина,
Князя Михайла Борисовича Шеина.
Съезжались многии князи-бояра,
(Князи-бояра) и многие власти
Ко сильному царству Московскому:
Хотят встречать Филарета Микитича.
Из славного града каменнóй Москвы
Не красное солнце катилося,
Пошел государь православной царь
Встречати своего батюшка,
Государя Филарета Микитича;
С государем пошел его дядюшка
Иван Микитич боярин:
«Дай, споди, здоров был государь мой батюшко,
А батюшко государь Филарет Никитич!»
А как будут оне в каменнóй Москве,
Не пошли оне в хоромы царские,
А пошли оне к Пречистой соборной
А пети честнóх молебенов.
Благословлял своего чада милого:
«И дай господи, здоров был православной царь,
Князь великий Михайло Федорович,
А ему сдержати царство Московское
И вся земля святорусская!»

47. КАЗАКИ ПОД АЗОВОМ

Ровно по три дни Азов-город не заперт был,
По четвертом день в Азове торгу не было,
С турску сторону ворота были не заперты,
Подворотенки у ворот были не заложены,
Оне ждали-ждали царя турецкого
Ах да со младым его да со царевичем.
Перепаала скоро весточка на тихой Дон
К большему атаману ко казачьему,
К его же есаулу запорожскому.
Сколыбался, сволновался славной тихой Дон,
На Дону сволновалися донские казаки,
Собирались донски казаки во единой круг,
Они думали крепку думушку заединое;
Атамана снаряжали турецким царем,
Есаула снаряжали младым царевичем,
Снаряжались донски казаки по Азов-город.
Не дошедши до Азова, становилися,
Знамена те распущали по-турецкому,
В барабаны те ударили по-швецкому,
Во сиповки заиграли по-⟨нрзб.⟩,
А во Азове мужики догадалися,
По крепким караулам разбежались,
Донски казаки того не утрашилися.

48. КРЫМСКАЯ ОРДА ИДЕТ НА АЗОВ

Как во славном было городе в Аникееве,
Собиралося там собраньице, собрание немалое,
Там немалое собраньице — только орда крымская,

Орда крымская бусурманская.
 Собиралася орда крымская во единый круг,
 Во единый круг орда крымская, на зеленый луг,
 Они думали крепку думушку заедино.
 Принимала-то она только орда крымская да свою
 присягушку,
 Целовала-то она у вострой шашечки только жало вострое.
 Принявши она да свою присягушку, только вся на-конь
 села.
 Вся на-конь села, только орда крымская заталалакала,
 Заталалакавши, только орда крымская вся на ура пошла,
 На ура пошла под Азов-город,
 Под тех ли добрых молодцов, донских казаков.
 После этого на побег пошла,
 За большим бугром становилася
 И между собой расхвалилася.

49. ВЗЯТИЕ АЗОВА

У нас было, братцы, на святой Руси,
 На святой Руси, на тихом Дону,
 На тихом Дону на Иваныче.
 Соходился тут хорош-пригож казачий круг,
 Донское казачье со яицкими,
 Гребенские с запорожскими.
 По кругу ходит Иван Заморянин,
 Он и речь ту говорит — во трубу трубит:
 «Вечор-то нам, братцы, указ пришел,
 Заутра нам, добрым молодцам, во поход идти,
 Под тот ли под Азов-город,
 Под тую ли под стену белокаменну.
 Ой гой еси, добрые молодцы,
 Донские казаки со яицкими,
 Гребенские казаки с запорожскими!
 Вы возьмите, молодцы, по топорику,
 Сделайте тележеньки карлинские,
 Карлинские телеги со палубами,
 Во тележеньки кладите живой товар:
 По восьми молодцев,
 А по девятому в провожалники,
 По десятому в повозчики,
 Ехать же нам, добрым молодцам,
 Во Азов-город».

Не доехатчи Азова, становилися,
Пущали они в зелены луги заповедные
Добрых коней,
Вот луга княженецкие.
Из того же из славного города из Азова
Выходили тут турецки целовальнички:
«Что это за диво, за дивóвище,
Что у нас в лугах за народ стоит,
Попущали они добрых коней на стреножники?»
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряны сиповочки возговорили,
А возгóворит Иванушка Замóрянин:
«Ой вы гой еси, верны клюшницы,
Турецки целовальнички!
Я стою, Иван, со товарами со дорогильными.
Очищайте вы дворы въезжие,
Где со товаром раскластися,
А я сам стану, Иван, середь города,
Средь города, середь Азова».
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возговорила —
Возговорит Иванушка Замóрянин:
«Ой гой еси, удалы добры молодцы!
Чтобы были у вас ружья чистые
И кремни вострые,
И во белых руках сабли вострые!»
На заре было, на зореньке,
На заре было на утренней,
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возговорила,
А возговорит Иванушка Замóрянин:
«Вставай ты, вставай, мой живой товар,
Во белы руки берите сабли вострые,
Вы рубите со татар буйны головы!»

50. ОПОЛШНОСТЬ КАЗАКОВ ПОД АЗОВОМ

Шли казаки с моря Черного,
Лузьями-болотами топилися,
Азова крепкого города таилися.
Не доехатчи Чагану, становилися,
Становились казаки во единый круг,
Они думу думали крепкую заединую,

Выбирали атамана походного.
Атаман у них по кругу похаживает,
Он камышей своей тросточкой помахивает,
Казакам-братцам работать наказывает:
«Ой вы слушайте, ребята, моего слова,
Моего слова атаманского:
Поедете гулять чрез большую степь,
Чрез такую чрез большую степь азовскую —
Не стреножимши добрых коней, не пускайте в степь,
Не поставимши караула, не ложитесь спать,
Без денного часового чтобы не было!»
Казаки его слова не послушали,
Не стреножимши добрых коней, попускали в степь,
Не поставимши караула, сами спать легли,
Наезжали на них кайсаки,
Всех казаков в полон побрали.

51. ДОНСКИЕ КАЗАКИ И АЗОВ-ГОРОД

У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городе,
Проявилась у нас, братцы, прирожоная тума,
Он из тум, братцы, тума, Сенька Маноцков злодей,
Крепкой думушки с стариками он не думывал,
Думывал крепкую он думушку с ярыжками,
Перекинулся собака ко азовскому паше.
А азовский-то паша стал его спрашивать:
«Ты скажи, скажи, приятель, правду истинную,
Что-то думают у вас во Черкасском городе?»
— «Да у нас-то на Дону, во Черкасском городе
Старики-то пьют-гуляют, по беседушкам сидят,
По беседушкам сидят, про Азов ваш говорят:
„Ой не дай, боже, азовцам ума-разума того —
Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи,
Не перекинули бы цепи через славный тихий Дон,
Не подвели бы они струны ко звонким колоколам!
Уж нельзя нам, братцы, будет во сине море пройтить,
По синю морю гулять, зипунов-то доставать“».
Как у нас было на Дону, во Черкасском городе,
Войсковой наш атаман во всю ночушку не спал,
Как со вечеру сокол наш Роговые проплывал,
Ко белу свету сокол наш по синю морю гулял,
По синю морю гулял, кораблики разбивал.

52. КАЗАКИ ОБОРОНЯЮТ ДАУРСКИЙ ОСТРОГ

Во сибирской во украине,
Во даурской стороне,
В даурской стороне,
А на славной на Амуре-реке,
На устье Комары-реке
Казаки царя белого
Они острог поставили,
Острог поставили,
Ясак царю собрали
Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячия.
Круг они острогу комарского
Они глубокой ров вели,
Высокой вал валилися,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано-ранешенько
Равно двадцать пять человек
Выходили молодцы они
На славну Амуру-реку
С неводочками шелковыми
Они по рыбу свежую.
Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкого,
С хребта Шингальского,
Из-за белого камня,
Из-за ручья глубокого
Выкаталася знамечко,
Выкаталася знамечко большее;
А знамя за знамен идет,
А рота за ротами валит,
Идет боидоской князец
Он со силою поганою,
Со силою поганою
Ко острогу комарскому.
Как вешняя вода
По лугам разлилася —
Облелеила сила поганая

Вкруг острогу комарского,
Отрезали у казаков
Ретиво сердце с печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек
С неводочки шелковыми
И с рыбою свежую.
А и ездит бойдоской князец
На своем на добром коне,
Как черной ворон летает
Круг острогу комарского,
Кричит бойдоской князец
Ко острогу комарскому:
«А сдайтесь, казаки
Из острогу комарского!
А и буду вас жаловать
Златом-серебром
Да и женки прелестными,
А женки прелестными
И душами красны девицы».
Не сдаются казаки,
Во остроге сидючи,
Кричат они, казаки,
Своим громким голосом:
«Отъезжай, бойдоской князец,
От острогу комарского!»
А втапору бойдоской князец
Со своею силою поганою
Плотной приступ чинит
Ко острогу комарскому.
Казаки они справилися,
За ружье сграбелися,
А было у казаков
Три пушки медные,
А ружье долгомерное.
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,
А прибили они, казаки,
Тое силы бойдоские,
Тое силы бойдоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался бойдоской князец,
Бегучи от острогу прочь,

От острогу комарского,
А сам заклинается:
«А не дай, боже, напредки бывать!»
На славной Амуре-реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая
И сделан гостиной двор
И лавки каменны.

53. ГИБЕЛЬ С. Р. ПОЖАРСКОГО

За рекою, переправую,
За деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленых
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.
А из далеча-далеча из чиста поля,
Из того ли из раздолья широкого,
Кабы черные вороны табуном табунились,
Собирались, съезжались
Калмыки с башкирцами,
Напущались татарове
На полки государевы.
Они спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопровтивника.
А из полку государева
Сопровтивника не выбрали,
Не из стрельцов, не из солдат-молодцов.
Втапоры выезжал Пожарской-князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большой слывет,
Пожарской-князь.
Выезжал он на вылазку
Сопровтив татарина
И злодея наездника.
А татарин у себя держит
В руках копье вострое,
А славны Пожарско(й)-князь —

Одну саблю вострую
Во рученьки правые.
Как два ясные соколы
В чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татаринном.
Помогай, бог, князю
Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей вострою
Он отводил востро копьё татарское
И срубил ему голову,
Что татарину-наезднику.
А завыли злы татарове поганые,—
Убил у них наездника,
Что не славного татарина.
А злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
Подстрелили добра коня
У Семена Пожарского,
Падает его окарачь доброй конь.
Воскричит Пожарской-князь
Во полки государевы:
«А и вы солдаты новобранные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,
Увезите во полки государевы!»
Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А металися грудю,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымские,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы.
Его стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменю;
Еще как ты царю служил,
Да царю своему белому,
А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому;

Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными
И душами красными девицами».
Отвечает Пожарской-князь
Самому хану крымскому:
«А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому;
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры шелковые,
Кабы мне сабелька вострая,—
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил (бы) тебе буйну голову!»
Скричит тут крымской хан,
Деревенской шишиморы:
«А и вы татары поганые!
Увезите Пожарского на горы высокие,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!»
Кабы черные вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на гору високую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Иссекли бело тело
Во части во мелкие,
Разбросали Пожарского
По далече чисту полю,
Они сами уехали
К самому хану крымскому.
Они день-другой не идут,
Никто не проведает,
А из полку было государева

Казаки двое выбрались,
Эти двое казаки-молодцы,
Они на гору пешком пошли,
И зашли тута на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по себе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы его тело собрали
Да в одно место складовали;
Они сняли с себя липовой луб
Да и тут положили его,
Увязали липовой луб накрепко,
Понесли его, Пожарского,
<К> Конотопу ко городу.
В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского.
И склали его бело тело в домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что его тело вместо срасталось.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

54. ПОХОД СЕЛЕНГИНСКИХ КАЗАКОВ

А за славным было батюшкой за Байкалом-морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнего острогу Селенденского,
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селенденским казакам,
А вторая высылка — посольским стрельцам,
На подачу им даны были тобуночки мужики,
Тобуночки мужики, люди ясашные.

Воевода походил у них Федор молодой Дементьянович,
Есаулом походил у него брат родной,
А по имени Прокопей Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку,
Напушались на улусы на мунгалские.
По грехам над улусами учинилось,
А мунгалов в домах не годилось:
Они ездили за зверями обловами.
Они тут казаки усмеваются,
Разорили все улусы мунгалские,
Они жен-детей мунгалов во полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Они стали казаки переправляться
На другу сторону за Селенгу-реку,
Опилися кумысу, кобыльего молока.
Из-за того было белого камня
Как бы черные вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля,
Учинилася бой-драка тут великая:
Они жен-детей мунгалов и отбили назад,
А прибили казаков много до смерти,
Вдвое-втрое казаков их переранили,
Тобуночки мужики на побег пошли,
Достальных казаков своих выдали.
А придут казаки в Селенденской острог,
По базарам казаки они похаживают,
А и хвастают казаки, селенденский молодцы,
А своими ведь дырами широкими.

55. РУССКОЕ ВОЙСКО ПОД СМОЛЕНСКОМ

Не злаченная труба в поле трубилася,
Не скаченная жемчужинка прокатилася —
Пригласил-то нас надежа православной царь:
«Ох вы дети мои, дети мои, мои детушки,
Развоенные мои да вы солдатушки!
Послужите вы, робята, верой-правдою,
Верой-правдою, робята, неизменною,
Вы достаньте, допустите взять Смолѣн-город».
Еще во ту пору робята запечалились:
«Как теперыче нам на свете живым не быть,
Не видать-то нам, робята, отца, матерей,

Отца, матерей, робята, молодых жен,
Молодых жен, робята, малых детушок». —
«Еще дам я вам воеводу неизменную,
Свет любимого мого шурина,
Света Якова дам вам да Люпопостовича».
Тут пошла-то наша сила.
Да по горе, горе Покровской,
Под славной город Смоленской.
Шел Илья сын Мирославской.
На приступ ставал не крепко,
Раздражал полки не ланно.
Велел схоня он подрубити,
По схоням скоро бегите.
Один маленькой панёнок
Ниоткуль он выбегаёт,
В пушку порох зажигаёт.
В пушке порох заражатся,
Люто зелье раздрываются.

56. ЦАРЬ И БОЯРЕ РЕШАЮТ СУДЬБУ СМОЛЕНСКА

Посредё ль было Московского царства,
Среди было Российска государства,
Как у света у Архангелы Михайлы,
У Ивана у Великого в соборе
Зазвонили во большой во колокол,
Всех князей-бояр к обедне созывали,
Там служили святыи молебен.
Выходил нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский,
Становился государь на ровно место,
На все стороны он поклонился.
Что не золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенела —
Зговорил нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же вы мои князья-бояра!
Пособите государю думу думать,
Дума думать государю, не продумать:
А отдать ли мне-то город Смоленец?»
Из того ли из боярского из круга
Еще первыи боярин выступает,

Тимофей сударь Иванович казанский.
Поблизешеньку к царю он становился,
Понизешеньку царю он поклонился:
«Ах ты свет нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за́ слово казнити.
А отдай-ко ты город Смоленец —
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казны немножко,
Не московскоё строеньице — литовско».
Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще другии боярин выступает,
А Илья сударь Иванович Хованской.
Преблизешенько к царю он становился,
Понизешенько царю он поклонился:
«Ах ты свет нашá надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский!
Благослови-тко, государь, мне слово молвить,
Не возьми-тко мое слово во досаду,
Не вели-тко скоро за слово казнити.
Ты отдай-ко ведь город Смоленец —
А Смоленец-то город не крепок,
Во Смоленце золотой казны немножко».
Государь-то ведь тем речам не принялся,
Алексей сударь Михайлович московский.
Из того ли из боярского из круга
Еще третии боярин выступает,
А Иван сударь Иваныч Милославской.
Приблизешенько к царю он становился,
Понизешенько царю он поклонился:
«Ах ты свет наша надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский!
Не отдай-ко ты города Смоленца —
А Смоленец-то ведь город очень крепок,
В Смоленце золотой казны бесщётно,
Не литовское строеньице — московско».
Тут проговорит свет наша надежа государь-царь,
Алексей сударь Михайлович московский:
«Ай же ты храбрый воин
Иван сударь Иваныч Милославской!

А ты знаешь ведь с царем и говорити.
Поезжай туда во полки воеводой!»
А как тех бояр велел да царь казнити.

57. ПОХОД ПОД РИГУ

А под славным было городом под Ригою,
Что стоял царь-государь по три годы,
Еще бывшей Алексей царь Михайлович.
Изволил царь-государь наряжаться,
Наряжается царь-государь в каменну Москву,
А и бывшей Алексей царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранешенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнушка,
Как бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные:
«А свет государь благоверной царь,
А и бывшей Алексей царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
Уж и так нам-де Рига наскучила,
Она скучила нам, Рига, напрокучила.
Много холоду, голоду приняли,
Наготы-босоты вдвое того».
Что злата труба под Ригою протрубила —
Прогласил государь благоверной царь:
«А и детушки вы солдаты новобраные!
Не одним вам Рига та наскучила,
Самому мне, государю, напроскучила.
Когда бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность-нужу великую,
А и выставлю вам погребы царские,
Что с пивом, с вином, меда сладкие».

58. СОЛОВЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ

Да господь бог прогневился, государь-царь воспалился.
Выбирал-то наш государь-царь боярина большого,
Из большия из породы, из породы Салтыковы,
Монастырь разорити, старую веру порудити,
Старые книги изодрати,

Старые книги изодрати, во сине море потопити,
И Зосима и Саватия соловейских чудотворцев монастырь
разорити

И всех старцев прирубити.

Что спроговорит боярин да царев воевода:

«Прикажи, сударь, слово молвить, хошь словечко едино,
А нельзя, сударь, подумать — не токмо дело делать!»

Воспалился государь-царь:

«Ты добро, добро, боярин, прикажу тебя казнить,
Рука, нога отрубить, буйную главу отсеши».

Выбирал-то наш государь-царь да второго боярина;

Что спроговорит боярин да царев воевода:

«Ты давай мне силы много да стрельцов и солдатов!»

Как садился воевода на червлёные корабли,

Как по божию изволению, по цареву пове⟨ле⟩нию

Подымалась погода с полуденныя страны,

Тонки парусы подымали, по синю морю бежали,

Подбегали под монастырь.

Они якори бросали, корабли все становили,

Они учили стрелять во пиченой да во монастырь,

Устрелили на престоле чуден образ.

Уже вси старцы испугалися, во одно место сбежалися.

Они думали и говорили:

«Нам хошь головы сложить, нам по-старому служить!»

Выходил тут един старец на святые на ворота,

Он правой рукою машет на червлёные корабли,

Он левою рукою машет на святые на ворота,

Ворота сам отпирает, он всю силу сам пушает.

Уже вся сила вступила да всех старцев прирубила.

Аминь.

59. РОЖДЕНИЕ ЦАРЕВИЧА ПЕТРА

Когда светел-радошен

Во Москве благоверной царь,

Алексей царь Михайлович:

Народил бог ему сына,

Царевича Петра Алексеевича,

Первого императора по земле светорусския.

Как плотники-мастера

Во всю ноченьку не спали,

Колыбель-люльку делали

Они младому царевичу.

А и нянюшки-мамушки,
Сенные красные деушки
Во всю ноченьку не спали,
Шинкарочку вышивали
По белому рытому бархату
Они красным золотом.
Тюрьмы с покаяннами
Они все распушались,
А и погребы царские
Они все растворялись.
У царя благоверного
Еще пир и стол на радости,
А князи собирались,
Бояра съезжались
И дворяна сходились,
А всё народ божей
На пиру пьют, едят,
Прохлаждаются.
Во веселье, в радости
Не видали как дни прошли
Для молодого царевича
Петра Алексеевича,
Первого императора.

60. УБИЙСТВО КАРАМЫШЕВА

Уж не травушка в чистом поле зашаталась,
Не муравая ко сырой земле приклонялась —
Подымается с Москвы большой боярин
Он на тихий Дон на Иванович гуляти.
Не доехавши он тиха Дону становился,
Похвалялся он казаков всех там перевешать.
Во единой круг казаки тотчас собирались,
Посередь круга становился царев боярин,
Он начал читать государевы для них указы.
Дочитался он до царского только титула,
Казаки тотчас все шапки тут поснимали,
А большой-ат царев боярин шляпы не снял,
Оттого-то все казаки тотчас взволновались,
Разъярившись, они на боярина вдруг бросались,
Буйну голову от бела тела отрубили,
А бело тело во тихий они Дон бросали,
А убивши, они его телу говорили:

«Почитай ты, большой боярин, государя,
Не гордися ты перед ним, боярин, и не славься».
Ко царю они с повинною приходили:
«Ты гой еси, наш батюшка православный царь!
Ты суди, государь, нас праведной расправой,
Повели над нами делать что изволишь,
Уже ты волен над нашими головами».

61. РАЗИН И КАЗАЧИЙ КРУГ

У нас то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городе,
Породился удалой доброй молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
В казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голутьбою:
«Судари мои братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

62. ЦАРЬ ТРЕБУЕТ ВЫДАЧИ РАЗИНА

Как у нас было на батюшке
На тихом на Дону,
Что на тихом Дону на Иваныче,
Что во славном городе
Было во Черкаске.
Как со вечера у нас есаул гребенской
Клич закликивал:
«Уж вы други мои донские казаки,
Вы испейте-ка дорогого вина,
Дорогого вина, пойлица некупленного!
Поутру-то у нас, у казаченьков,
Будет весь повальный круг.
Что и всех ли-то казаченьков
Сорок тысяч будет,

Кроме старых-стародавних,
Кроме малых-малолетних».
Во кругу стоит золотой бунчук,
Во кругу стоит атаманушка,
Перед ним стоит войсковой писарь,
В руках держит три указа государевы.
Он читает указушки скорописные,
Чтобы выслать Сеньку Разина
Во каменну Москву.
А до этого Сенька Разин
В круг не хаживал,
А теперь у нас он во кругу стоит,
Во кругу стоит он и речь говорит:
«Что не царские-де эвто грамоты,
А боярские-де эвто вымыслы».
И сказавши этак, он вышел из круга.

63. ПОХОД РАЗИНЦЕВ НА ЯИК

Течет Яик быстрехонько.
Урываючи круты бережки,
Желты пески сыпучи всё поверх воды, сверх воды несет,
Всё поверх-то воды он несет.
Ни сверх было Яика, ни сверх было Горыныча было самого,
Сверх Горыныча было самого,
Не серые гуси там всё возгоковали, возгоковали,
Возгоковали, не черные там,
Черны там три ворона взлетывали, взлетывали,—
Из устьяца там выбегали три стружка.
Один из них стружек наперед всех выбегал, вперед выбегал,
Вперед он бежит, как сокол летит.
Уж как этот-то стружечек изукрашен был, изукрашен был,
Изукрашен был знаменами он,
Дубовыми весельцами, копьями, ровно лесом усажен.
Середь этого всё стружечушка
Золотой бунчук стоит, а под бунчуком сидит атаманушка,
Атаманушка Степан, по имю Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил, он возговорил,
Он возговорил, как в трубу протрубил:
«Ужвы гряньте-ка, ребята, ко городу Гурьеву, да ко Гурьеву,
К крутому его, его бережку.
Мы стружечки причалим и положим сходенки на крут
бережок».

И по сходенкам сошел воровской,
Сошел на берег душа воровской атаманушка, атаманушка:
«Вы пойдите доложите своему
Атаманушке: жаловал, мол, к нему в гости
Степан Тимофеевич.
Я приехал к вам не пить, не гулять,
Не баталище с вами заводить, а святым храмам
поклониться,
Поклониться и молебен отслужить».
Воротички отворились и пустили Стенюшку со ватагою.

64. РАЗИН НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

Тихохонько сине море становилось,
Ничем наше Каспийское не шевельнулось,
Что осенним ледочком покрывалось.
Замерз-то наш воровской стружок.
Что на том ли на стружке атаман сидит,
Что по имени Степан Тимофеевич,
По прозванью Стенька Разин сын.
Он речь говорит, братцы, как в трубу трубит:
«Ах вы гой еси, удалы добры молодцы!
Вы берите еловчатые веселечки,
Вы бейте-пробивайте тонкой осенний лед,
Ах, как бы нам добиться до тихих мест,
Что до той ли до проточки Червонныя,
Как до славного до острова Кавалерского.
Ах, там ли нам, братцы, дуван делить,
Нам атласу и бархату по размеру всем,
Золотой парчи по достоинствам,
Жемчугу по молодечествам,
А золотой казны сколько надобно».

65. МОЛОДЕЦ НА ОСТРОВЕ

Как из славного царства Астраханского
Что не грозная тут туча подымалась —
Подымалась, снаряжалась грозна высылка.
Что разъезд она держит до кругла острова,
До славного пристанища молодецкого,
До соборища бурлацкого,
До притону ли казацкого.

Казачи, там сидя, догадалися,
Что во легкие во лодки пометалися.
Одного ли добра молодца покинули,
Что не лучшего ль из молодцов ясаула.
Доброй молодец по острову похаживает,
И он добрую свою фузею за плечам носит,
И он острою своею саблей подпирается,
Сам горячими слезами обливается.
Он вскричал ли, возопил ли громким голосом:
«Государи вы братцы товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности.
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Замену я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою».
Как товарищи от молодца уехали,
Поимали молодца на острове.

66. РАЗИН И ДЕВКА-АСТРАХАНКА

Уж вы горы мои, горы,
Прикажете-ка вы, горы,
Под собой нам постояти;
Нам не год-то годовати,
Не неделюшку стояти —
Одну ночку ночевати,
И тою нам всю не спати,
Легки ружья заряжати,
Чтобы Астрахань нам город
В глуху полночь проехать,
Чтоб никто нас не увидел,
Чтоб никто нас не услышал.
Как увидел и услышал
Астраханский воевода.
Приказал же воевода
Сорок пушек заряжати,
В Стеньку Разина стреляти.
«Ваши пушки меня не возьмут,
Легки ружьёцы не проймут,
Уж как возьмет ли, не возьмет
Астраханска девка Маша».
По бережку Маша ходит,
Шелковым платком машет.

Шелковым платком махала,
Стеньку Разина прельщала.
Стеньку Разина прельстила,
К себе в гости заманила,
За убран стол посадила,
Пивом, медом угостила
И допьяна напоила,
На кровать спать положила
И начальству объявила.
Как пришли к нему солдаты,
Солдатушки молодые,
Что сковали руки, ноги
Железными кандалами,
Посадили же Стеньку
Во железную во клетку,
Три дни по Астрахани возили,
Три дни с голоду морили.
Попросил же у них Стенька
Хоть стакан воды напиться
И во клетке окатиться.
Он во клетке окатился —
И на Волге очутился.

67. РАЗИН И ВОЕВОДА

Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось,
Не черным да зачернелось, не белым да забелелось,
Зачернелися на Волге черноморские стружочки,
Забелелися на мачтах тонкие белые парусочки.
Что не черной ворон гаркнул, что возговорит Стенька

Разин:

«Ой вы гой еси, казачье наше вольное собрание!
Вы гребите, не робейте, белых ручек не жалеете.
Нам бы Астрахань-город ополноче бы пробежати,
Черноморской городочек что на утренней на зоре,
Чтоб никто нас не увидел и никто бы не услышал».
Как один, братцы, увидел и один, братцы, услышал —
Господин большой боярин, черноморский воевода.
Шел от ранняя от обедни, велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити во большой во набатной,
Чтоб стрельцы да собирались, пушкари бы снаряжались,
Они пушки бы заряжали и по Стеньке бы стреляли.

Что возговорит Стенька Разин городскому да воеводе:
«И вы пороку не теряйте и снарядов не ломайте —
Меня пулечка не тронет, меня ядрышко не возьмет».
Что метался Стенька Разин на угольную на башню,
Со великого раскату воеводу долой сбросил,
Его маленьких деток он всех за ноги повесил.

68. РАЗИН НА ВОЛГЕ

Вы вставайте-ко, братцы, раненько,
Поутру встава... ой, вставайте раненько,
Умывайтесь-ко, братцы,
Утром раннею росою,
Умывайтесь-ко, братцы,
Да утром раннею ой да росою,
Обтирайтесь-ко, братцы,
Да тонким белым по... ой полотенцем.
Да помолимся, братцы,
Да мы святителю Николы,
Да мы помолимся, братцы,
Да мы святителю Николы.
Уж мы зайдем-ко, братцы,
На высокие на горы,
Уж мы зайдем-ко, братцы,
На высокие ой да на горы,
Мы посмотрим-ко, братцы,
Вниз по матушке по Волге,
Мы посмотрим-ко, братцы,
Вниз да по матушке по Волге.
Не белым-то за... ой забелело,
Не черным-то за... ой зачернело,
Не белым-то забелело,
Не черным-то ой зачернело,
Зачернела наша Волга
Черными легкими стругами,
Зачернела наша Волга
Черными легкими стругами,
Забелела наша Волга
Тонкими легкими па... ой парусами,
Забелела наша Волга
Тонкими белыми па... ой парусами.
Что на этих на стружочках

Стенька Разин сам ой сам при форме,
Что на этих на стружочках
Стенька Разин сам при форме.
Не лютой-от зверь воскрикнет —
Стенька Разин сло... ой слово молвил:
«Уж вы гребцы мои, гребцы,
Ой удалы добры молодцы,
Уж вы гребцы мои, гребцы,
Ой удалы добры молодцы!
Вы гребите, не гребите,
Своих ручек не жалеите,
Вы гребите, не гребите,
Своих ручек не жалеите.
По полуночи, ребята,
Казань-город проплывати,
А по утренней по зорьке
В Астрахань-город попевати!»

69. «СЫНОК» РАЗИНА В АСТРАХАНИ

Как во городе во Астрахани
Проявился тут детинушка незнамый человек.
Чисто, щепетко во Астрахани похаживает,
Смур кафтанчик, черной запанчик нараспаску, гуляет,
Плат персидский кушачок во правой руке несет,
Черну шляпу с прозументами на русых кудрях,
Вострой сабелькой булатной подпирается идет.
Никому этот детинушка не кланется,
Ни штабам, ни офицерам челом не бьет,
К астраханскому губернатору под суд нейдет.
Увидал же его губернатор из высокого окна,
Закричал он, губернатор, своим голосом:
«Ох гой еси, ребята, мои верные слуги!
Вы подите, приведите удалого молодца».
Они взяли, подхватили на высокой горе,
На высокой на горе, во царевом кабаке,
Проводили же детинушку к губернатору на двор,
Выходил же губернатор на высокое крыльцо,
И стал же губернатор детинушку выспрашивати:
«Ты скажи, скажи, детинушка, незнамый человек,
Али питерский, казанский или астраханский?»
— «Я не питерский, не казанский и не астраханский,

Заутро мой батюшка к тебе в гости будет». Поутру-то раным-ранехонько сверху лодочка бежит, На той ли же на лодочке немного людей, На счет полтора ста человек. «Приворачивайте-ка, ребята, к городу Астрахани. Приколочки ударим пихтовые, Причалим мы лодочку причалами шелковыми. Мы остроги и тюрьмы все по камню разберем, С астраханского губернатора с живого кожу сдерем».

70. ЕСАУЛ СООБЩАЕТ О КАЗНИ РАЗИНА

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе красного солнышка,
На закате светлого месяца.
Не сокол летал по поднебесью —
Ясаул гулял по на садику.
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцов побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря, Азовского.
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

1

Ты возмой, возмой, туча грозная,
 Ты пролей-ка, част крупен дождик,
 Ты размой, размой земляну тюрьму!
 Что тюремщички, братцы, разбежались,
 Во темном лесе собирались,
 Во дубровушке во зелененькой
 Ночевали тут добры молодцы,
 Под березонькой они становились,
 На восход богу молились,
 Красну солнышку поклонились:
 «Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Над горой взойди над высокою,
 Над дубровушкой над зеленою,
 Над урочищем добра молодца,
 Что Степана свет Тимофеича!
 Ты взойди, взойди, красно солнышко,
 Обогрей ты нас, людей бедных,
 Людей бедных, солдат беглых,
 Добрых молодцов беспачпортных!
 Мы не воры и не разбойнички —
 Добры молодцы всё охотнички,
 Атамановы мы работнички,
 Есауловы мы помощнички».

2

Ты взойди, взойди, солнце красное,
 Над горою да над высокою, над высокою,
 Над горою да над высокою,
 Над долиною над широкою.
 Ты осветь нас, красное солнышко,
 Мы не воры и не разбойнички —
 Атамановы мы помощнички,
 Степки Рузина мы работнички.
 Шли два плотничка, два ли растопорничка,
 Они строили церковь славную,
 Церковь славную — седмглавную.
 Как на той церкви крест серебряной,
 Крест серебряной, позолоченной,
 На кресте сидит мелкая пташечка,

Мелкая пташечка — кенареечка,
Высоко сидит, далеко глядит.
Уж как по морю, морю синему
Там и плавают два кораблика,
Два кораблика, третья лодочка.
Хороша лодка, изукрашена,
Пушками, ружьями установлена,
Пистолетами изутыкана.
На корме сидит есаул с веслом,
У руля стоит атаман с ружьем.

3

Вы леса наши, лесочки, леса наши темные,
Вы кусты ли наши, кусточки, кусты наши великие,
Вы станы ли наши, станочки, станы наши теплые!
Вы дружья ли наши, братцы-товарищи!
Леса наши все порублены,
А куста наши все поломаны,
Все станы наши разорены,
Все дружья наши, товарищи переловлены,
Во крепкие тюрьмы наши товарищи посажены,
Резвы их ноженьки в кандалах заклепаны.
У ворот-то стоят грозные сторожи,
Грозные сторожи, brave солдатушки.
Никуды-то нам, добрым молодцам,
Ни ходу, ни выпуску,
Ни ходу, ни выпуску из крепкой тюрьмы.

4

Вы леса ль мои, лесочки, леса темные,
Вы станы ль мои, станочки, станы теплые,
Уж как вы ль, мои станочки, поразломлены,
Все товарищи, все приятели поразловлены,
По злодейкам по тюрьмам порассожены.
Только я-то ли, добрый молодец, не пойман был,
По прозваньицу меня звали Стенька Разин сын.
Я не год гулял, я не два года,
Я гулял-то ровно тридцать лет.
Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал:
«Перевезите-ка меня, добра молодца,

На ту сторону, на белый камешек.
На белом камешке стал скончаться,
При кончинушке стал наказывать,
Стал наказывать и выговаривать:
«Ах вы милые сотоварищи,
Похороните меня, добра молодца,
Промежду трех дорог — первой питерской,
Другой владимирской, третьей киевской.
Во в правую ручку дайте саблю вострую,
Во в левую ручку калену стрелу,
В головах поставьте чуден-дивен крест,
Во ногах поставьте воронá коня.
Кто ни идет, кто ни едет мимо молодца,
Мимо молодца, всяк помолится:
„Что не вор ли лежит тут, не разбойничек,
Тут лежит-то Стенька Разин сын“».
Приходили тут сотоварищи,
Помолилися на чуден-дивен крест,
Тому-то братцы сдивовалися,
Стеньке Разину поклонялися:
«Уж ты выстань-ка, сотоварищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю вострую,
Во в леву руку калену стрелу,
Ты ударь-ка буйной палицей
По бедрам нашим широким.
Кабы знали мы, уж ведали,
Выручили бы с белá камня,
С бела камня, со Дунай-реки,
Со Дунай-реки со широконой.
Покажи-ка нам златы латы тут,
Златы латы тут серпентинные».
Погрузили во Дунай-реку
Сотоварищи Стеньку Разина.
Со Дунай-реки сотоварищи
На Амур пошли думу думати.
У Амур-реки крута гора,
Крута гора высокая.
На той горе распрощалися,
Друг другу поклонялися:
«Уж мы, братцы, разойдемтесь-ка,
Разойдемтесь-ка по диким местам».

Вы леса мои, леса, братцы, лесочки, леса темные,
 Вы кусты ли мои, братцы, мои кусточки, кусты частые,
 Вы станы ли мои, вы мои, братцы, станочки все
 поразорены,

Как и все мои, братцы, лесочки все порублены,
 Как и все-то мои, братцы, кусточки все повыжжены,
 Как и все-то мои, братцы, товарищи все половлены.
 Как один из нас, братцы, товарищей не пойманный,
 Не пойман из нас, братцы, товарищ наш Стенька Разин
 сын.

Выходил же тут Стенька Разин сын на Дунай-реку,
 Закричал же тут Стенька Разин сын своим громким
 голосом:

«Как и все-то вы, мои братцы товарищи, все половлены!
 Вы возьмите-тко, мои братцы товарищи, свой тугой лук,
 Натяните-тко, братцы мои товарищи, калену стрелу,
 Прострелите-тко, братцы товарищи, грудь мою бе-
 белую».

«Не шуми ты, шумка, во поле, зеленой дуброве,
 Не мешай же ты мне, младцу, думу думати».
 — «Мне нельзя, шумке, не шумети:
 Среди зеленой дубровушки армеюшка долго стояла,
 Да и всю зеленую травку-муравку притоптала,
 Да и все корешочки засушила».
 Не алы-то цветы в поле расцветали,
 Не ясен-то сокол по крутым горам летал —
 То Стенька Разин по армеюшке, шельма, разъезжал,
 Себе что ни лучшего казака, шельму разбойничка,
 выбирал:

«Кто бы во синем море достал желтого песочку
 Да чисто-начисто вычистил мой вострый булатик,
 Снял бы с него черную ржавчинку
 Да наострил бы его остро-наостро,
 Да и вскрыл бы мою белу грудочку,
 Да посмотрел бы в мое ретиво сердце:
 Отчего оно больно болит, без огня горит,
 Без огня-то оно сгорело и без полымя всё изотлело?
 Оттого-то оно сгорело —
 Мне завтра
 Пред белым царем
 Ответ надо держать».

— «Да и чем же ты меня, православный царь,
препожалуешь?»
— «Препожалую я тебя, шельма разбойничек,
Что ни лучшими хоромами высокими,
Что ни теми ли столбами с перекладиной».

7

Ище гóворит-то атаман всё Сенька Разин-от:
«Ей мне больше, атаману, по чисту́ полю не езживатьь,
Мне по чистому по по́лю, по темнѣм лесам.
У мя было на веку ту всё поезжено,
Ай не год у мя, не два было́, не три годá,
Я ведь ездил по чисту́ полю, темнѣм лёсом,
Ей тридцать-то годочков поры-времени.
Как теперь мою дружиночку хороброю
Изымали их во руки, посадили всё,
Посадили их во темну, темну тѣмницу,
Ей за те ли их за крепки за замочки тут,
За темá-ти всё за строгима за караулами.
После ихного-то я послѣ бываньица
Я ведь много-то делал пользы царю белому:
Я ведь много губил да людей добрых-то,
Я тут много убивал татар поганных,
Я ведь силы-то неверной бусурманскою,
Я тут много ведь грабил золотой казны.
Мне-ка больше золотой казны не граблывать,
Мне-ка больше чиста сѣребра не граблывать,
Дорогого мне скачѣного-то больше жемчугу.
Я поеду, атаман же, во чистó полѣ,
Во чистó полѣ поеду ко своим товарищам,
Посмотрю своих товарищей в белóm шатре,
Роспрощусь-то я с имá на жисть на вечную».
Из чистá поля поехал ко Дунай к реки.
Приезжает он ко матушки к Дунай-реки,
Хороша течет Дунай да речка быстрая,
Речка быстрая течет, очень широкая.
Закричу я у Дуная переводьшика;
Тут никто меня ведь всё не перевозят тут,
Што того ли атамана Сеньку Разина.
Говорил он своёму-ту он добру́ коню:
«Ты останься-ко, останься, ты мой доброй конь,
Ты останься-ко, конь мой, в зеленѣх лугах,
В зеленых лугах останься, в шелковой травы».
Тут поплыл-то реку́ да Сенька Разин-от,

Подоплыл ведь только речку до полу-реки,
До полу-реки доплыл да всё до камешка,
Всё до камешка доплыл до горячего;
Он выходит на горячой на сер камешок,
Написал он на камню, што ёму ведь надобно,
Што ведь надобно ёму, да про себя пишот,
Он всё пишот со слёзами со горячима,
Он своей пишот хороброю дружиночки:
«Уж вы милые, моя хоробра ты дружиночка!
Токо выпустят на волю вас же, добрых мóлодцов,
Токо будете на волюшке на вольнёю,
Найдите, бывает, вы атамана Сеньку Разина,
Што вы сильного могучого богáтыря,—
Роспишу ту вам, хороброй всё дружинишке:
Вы возьмите-тко отсюда тело белоё,
Вы возьмите-тко меня, всё увезите вы,
Повалите вы меня во матушку в сыру землю,
Положите между трех славных дорожочек,
Где съезжаются могучие сильны богáтыри,
Во котором они месте думу думают,
Думу думают они, совет советуя;
Ай ведь тут меня повалите между трех славных дорожочки:
Што перву меня дорожку питенбургскую,
Межу втору меня дорожку к матушке всё каменнóй
Москвае,
Ко третьей меня дорожке к славной киевской.
Повалите мое, положьте тело белоё,
Тело белоё мое всё богатырьскоё.
Вы кладите мне-ка в матушку в сыру землю,
Во голову кладите мне чудён-от крест,
Вы мне в ноги-ти кладите мой ведь страшон меч,
По праву ту руку мне кладите палицу тяжелую,
Ай к мечу ту ставьте моего да всё добра коня,
К левой рученьки кладите вы булатной нож.
Вы закройте мое-то тело белоё,
Навалите-ко плиту да камня серого,
Роспишите вы слова все до единого,
Опишите вы мое имя, фамилию,
Што лежит-то ведь Сенька тут богáтырь Разин-от.
А пойдут-то, поедут многы все люди добрые,
Бывает, русские могучие богáтыри,
И пойдут-то молодцы да красны девушки,
Всё помянут-то мое да тело грешноё,
Как чудну ту кресту они помолятся,

Они страшного меча всё приужахнутся». Тут ведь выпустили всю дружиночку-ту скоро храброю. Тут наехала дружиночка хоробрая, Отыскали тело бело богатырьской, Повезли-то тело бело через три дорожочки — Через киевску, московску, через питерску. Хоронили-то его, да атамана-то, богатыря, Што того-то ведь Сеньку его Разина. Ище в голову-то ставили чудён-от крест, Ко ногам они полóжили страшён-от меч, К правой рученьке полóжили да саблю вострую, К левой рученьке полóжили его булатной нож, Добрá коня они поставили к его страшнó мечу, Накрывали-то плиту всё камня серого, На плиты всё росписали, как и он велел: Отписали-то Сеньку всё богатыря, Што того ли богатыря могучего, Могучёго богатыря Сеньку Разина.

8

Не рябинушка со березенькой совивается,
А не травенька с травенькой соплетается,
Как не мы ли, добрые молодцы, совыкалися.
Как леса ли мои, лесочки, леса темные,
Вы кусты ли мои, кусточки, кустики таловые,
Вы станы ли мои, станочки, вы станы мои теплые!
И еще ли вы, мои лесочки, все порубленные,
Все кусты мои, кусточки, все поломанные,
Все дружья мои, братцы-товарищи, переловленные.
По разным тюрьмам все посаженные,
Оставался один товарищ, Стенька Разин сын.

9

Ах туманы вы мои туманушки,
Вы туманы мои непроглядные,
Как печаль-тоска ненавистные!
Не подняться вам, туманушки, со синя моря долой,
Не отстать тебе, кручинушка, от ретива сердца прочь!
Ты возмой, возмой, туча грозная,
Ты пролей, пролей част крупен дождик,
Ты размой, размой земляну тюрьму,
Чтоб тюремнички, братцы, разбежались,
Во темном бы лесу собиралися.

Во дубравушке во зелененькой
Ночевали тут добры молодцы,
Под березонькой они становилися,
На восход богу молилися,
Красну солнышку поклонилися:
«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубровушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички,
Есауловы все помощнички.
Мы веслом махнем — корабль возьмем,
Кистенем махнем — караван собьем,
Мы рукой махнем — девицу возьмем».

10

«Ой не вечер то ли, не вечер
Мне малым-мало спалось,
Ой мне малым-мало спалось,
Во сне виделся:
Ой будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Ой разыгрался, расплясался
Под удалым добрым молодцом.
Ой налетали ветры да буйны
Со восточной стороны,
Ой сорывали-то черну шапку
С моей буйной головы.
Ой отрывался лук звончатый
Со могучего плеча,
Ой рассыпались каленые стрелы
Как по матушке сырой земле.
Ой да и кто бы мне этот да сон
Разгадал его бы он?»
Ой есаулушка был догадливый,
Есаул тот сон всё рассуживал:
«Степанушка ты наш, Тимофеевич,
По прозванью Разин-сын!

Сопалада у тебѣ с головы черна шапка —
Пропадет твоя буйна головушка;
Отрывался, ой ли, лук звончатый —
То мне, есаулушке, ой ли, быть повешену;
Ой рассыпались каленые стрелы —
То казаки наши, ой ли, все разбойнички,
Они во побег пойдут».

11

Как по морю было, морю синему,
По тому морю по Каспицкому,
Супротив было островов Орловых,
Стоял на якоре воровской корабль.
На кораблике состроен был муравѣн чердак,
В чердаке состроен был золотой бунчук,
В бунчуке стояли царские значечки,
Позлаченные, распущенные.
У значечек стоит часовой казак,
Перед ним стоит раздвиженный стул,
На стулу сидит наш батюшка воровской атаман,
Степанушка Тимофеевич, по прозванью Разин-сын,
Перед ним стоит старшой есаул.
Атаман есаулу сон рассказывал:
«Что-то мне, брат, ночью мало спалось
И во сне мне много виделось:
Сопалада с меня с головы кунья шапка,
Распоясался у меня золот колчан,
И рассыпались у меня калены стрелы».
Есаул этот сон рассуживал:
«Сопалада у тебѣ с головы кунья шапка —
Это пропадет твоя буйная головушка;
Распоясался твой золотой колчан —
То мне, есаулу, быть крепко ранену;
Рассыпались калены стрелы — то казаки наши,
Воры-разбойники, на побег пойдут».

12

Из-за лесику, лесику, лесочику темного,
Лесу темного
Вылетала вот птица, птица камская,
Птица камская;
Птица камская, летела она из Уральского,

Из Уральского;
Во когтях-то она несет белу рученьку,
Белу рученьку,
Белу рученьку она несет со златым перстням,
Со златым перстням.
Как садилася эта птица она всё на сѣрой дуб,
Всё на сѣрой дуб,
Всё на сѣрой-ат она на дубок только над Крякай-рекой,
Над Крякай-рекой,
Над Крякай-то всё она рекой, над Волгой-матушкой,
Над Волгой-матушкой;
Уронила она эту рученьку во Кряку-реку,
Во Кряку всё реку, право, Волгу-матушку,
Волгу-матушку.
Вдоль по бережку тута ну-ка шли, право, красны девушки,
Красны девушки;
Увидала эту рученьку, право, Стешка-девушка,
Стешка-девушка:
«Ох эта, право, рученька вот мово милóго дружка,
Милá дружка,
Ох всё мила-та вот мово дружка, право, Стеньки Разина,
Стеньки Разина..
Знать, мово-та всё милá дружка, его во живых нету,
Во живых нету,
Ох растерзали его тело бело по дикóй степé,
По дикóй степé,
Ох по дикóй-то, право, степé по саратовской».

13

Как пó три года Азов-город заперче стоял,
На четвертый-то год отпирается он без ключика,
Без ключика, без замочика, без притворочка.
Выезжают два удалые елынчата,
У добрых коней по колен ноги закованы,
Присмотрели очи ясны́е во чистó поле,
Во белых руках придержали сабли вострые.
Выезжает к ним навстречу Сеньки Разина сын,
Победил этих двое елынчата.
«Победил я этих двое елынчата,
Выводите мово отца Сенька Разина из заклѣтия!»

Еще что же вы, братцы, призадумались,
 Призадумались, ребяташки, закручинились,
 Что повесили свои буйные головы,
 Что потупили ясны очи во сыру землю?
 Еще ходим мы, братцы, не первой год,
 И мы пьем, едим на Волге всё готовое,
 Цветно платье носим припасеное.
 Еще лих на нас супостат-злодей,
 Супостат-злодей — генерал лихой:
 Высылает из Казани часты высылки,
 Высылает всё-то высылки солдатские.
 Они ловят нас, хватают, добрых молодцов,
 Называют нас ворами, разбойниками.
 И мы, братцы, ведь не воры, не разбойники —
 Мы люди добрые, ребята всё повольские,
 Еще ходим мы на Волге не первой год,
 Воровства и грабительства довольно есть.

Ах ты наш батюшка Ярославль-город!
 Ты хорош-пригож, на горе стоишь,
 На горе стоишь на всей красоте,
 Промежду двух рек, промеж быстрых,
 Промежду Волги-реки, промеж Котрасли.
 С луговой было со сторонушки
 Протекала тут Волга-матушка,
 Со нагорной да со сторонушки
 Пробежала тут речка Котраска;
 Что сверху-то было Волги-матушки
 Что плывет, гребет легка лодочка.
 Хорошо-то была лодка изукрашена,
 У ней нос, корма раззолочена,
 Что расшита легкая лодочка на двенадцать
весел.

На корме сидит атаман с ружьем,
 На носу сидит ясаул с багром,
 По краям лодки добры молодцы,
 Посреди лодки красна девица,
 Ясаулова родна сестрица,
 Атаманова полюбовница;
 Она плачет, что река льется,
 В возрыданьи слово молвила.

«Нехорош-то мне сон привиделся.
Уж как бы у меня, красной девицы,
На правой руке на мизинчике
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталась моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая ярославская.
Атаману быть поиману,
Ясаулу быть повешену,
Добрым молодцам голова рубить,
А мне, красной девице, в темнице быть».

86. РАСПРАВА С ГУБЕРНАТОРОМ

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова,
Протекала, пролегала мать Камышинка-река.
За собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга.
Она устьицем впадала в Волгу-матушку реку.
Что по той ли было матушке Камышинке-реке
Как плывут тут, выплывают есаульные стружки.
На стружках сидят гребцы, всё бурлаки-молодцы,
Всё бурлаки-молодцы, все заволгски удальцы.
Хорошо братцы молодцы переряжены сидят,
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Однорядочны кафтаны все камкой подложены,
Канаватные бешметы в одну нитку строчены,
Все тафтяные рубашки галуном обложены,
На них штаники суконны по-старинну кроены,
Что желтой сафьян сапожки, все шильцом каблучки.
Они веслами гребут, сами песенки поют.
Становилися стружочки среди Волги к островку,
Они ждали-поджидали губернатора к себе,
Губернатора к себе астраханского еще.
Ах, что взговорят молодцы бурлаки-удальцы:
«Еще что-то на воде у нас белеется?
Забелелися тут флаги губернаторские,
Кого ждали-поджидали, того ляд и несет».
Астраханский губернатор догадается:
«Ах вы гой еси, бурлаки, люди вольные!»

Вы берите золотой казны что надобно,
Вы берите цветно платье губернаторское,
Вы берите все диковинки заморские,
Вы берите ли вещицы астраханские».
Ах, что взговорят молодцы люди вольные:
«Нам не дорога твоя ли золота казна,
Нам не дорого цветно платье губернаторское,
Нам не дороги диковинки заморские,
Нам не дороги вещицы астраханские —
Дорога нам буйная твоя головушка».
Как срубили с губернатора буйну голову,
Они бросили головку в Волгу-матушку реку,
И что сами молодцы насмеялися ему:
«Ты добре ли, губернатор, к нам строгой был,
Ах, ты бил ли нас, губил, много в ссылку посылал,
Ах, ты жен наших, детей на воротах расстрелял».

87. КАЗАКИ УБИВАЮТ КНЯЗЯ РЕПНИНА

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Из тое ли было нагорную сторонушки
Как бы прошла-протекла Камышевка-река,
Своим устьем она впала в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камышевке-реке
Выгробали-выплывали пятьдесят легких стругов
Воровских казаков,
А на всяком стружечку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов — воровских казаков.
Заплывали-загробали в Коловинские острова,
Становились молодцы во тихих заводях
Выгулять они на зеленые луга,
Расставили майданы терские
И раздернули ковры сорочинские,
А играли казаки золотыми они тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами — все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке:
Как бы чернь-то на Волге зачернеется,
А идут гребные из Астрахани;
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани,

Репнина князя Данилу Александровича.
А на что душа рождена, того бог и дал.
Подошли те гребные в Коловинские острова,
И бросали казаки они потехи все,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напускалися казаки на гребные струги,
Они все тута торговых перещупали,
Они спрашивают губернатора из Астрахани:
«А токо ли он с вами, покажите его нам,
А до вас, до купцов, удалых молодцов, и дела нет».
Потаили купцы губернатора у себя,
Они спрятовали под товары под свои.
Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что его спрятовали».
Обыскали под товарами губернатора
Репнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкие,
Разбросали по матушке Волге-реке,
А его-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками
Они все, молодцы, воровские казаки, помиловали,
А купцов-молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышевке-реке.

88. КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В МОСКВУ

Как не кулик по болотам куликает,
То князь Голицын по лугам гуляет
Со своими со стрелецкими полками.
Он думает, князь, гадает,
Про всё размышляет:
Где б пройти ему, проехать?
Если полем князю ехать,
Ему будет пыльно,
По глухим дорогам ему ехать,
Будет князю стыдно.
Вот поехал князь Голицын
На Тверскую заставу.
У Тверской ли у заставы
Его окликали:

«Как, кто это по дорожке,
Кто изволит ехать?»
Отвечает князь Голицын:
«Здесьний ваш начальник».
Подъезжает князь Голицын
К Казанску собору,
Скидывает князь Голицын
Шапочку соболью,
Полагает князь Голицын
Три поклона в землю.
Помолившись, князь Голицын
Во Кремль-город едет.
Как подъехал князь Голицын
Ко кремлевским палатам,
Как и вышла-та ему навстречу
Матушка-царевна,
Матушка-царевна Софья Алексевна.

89. АТАМАН ФРОЛ МИНАЕВ ЖАЛУЕТСЯ ПЕТРУ I

Приуныли, приутихли на Дону донски да казаки,
А яйцкие, донские, запороцкие.
А и почем они приуныли?
Потому они приуныли на Дону донски да
казаки,
Ах, что взял у них государь-царь (...) город
Со тремя с темя со малыми с пригородками,
А и со славною со Губаньей, с крепким Лютиком.
А во славном да во Черкасском во земляном городке
А стоит у казаков золотой бунчуг,
А на бунчуге стоит чуден золот крест,
А перед крестом туто стоит войсковой их атаман,
А по имени ли Фрол сын Минеевич.
Ко кресту тут собиралися донски казаки,
А и донские, гребенские, запороцки хохлачи.
Становились молодцы во единой войскою круг.
Среди круга стоит войсковой атаман,
А по имени ли Фрол сын Минеевич.
Атаман речи говорил, будто в трубу трубил:
«А и вы братцы казаки, вы яйцкие, донски, запороцкие!
Пособите мне, атаману, вы думу думати —

Челобитна ли нам писати, государю <...> подавать,
Самому ли мне, атаману, в Москву ехать.
Перемирье бы нам взять перед самим царем:
Залегли пути-дороги за сине море гулять,
Еще от вора от Васьки от Голицына с детьми,
Залегли пути-дороги за сине море,
А и не стало нам добычи на синем море
И на тихом Дону на Иваныче».
И поехал атаман в каменну Москву.
Еще будет атаман в каменной Москве,
Поклонился государю о праву руку,
Сквозь слезы он словечко едва выговорил:
«Ах ты свет наш надежда благоверны царь,
А и грозен сударь Петр Алексеевич!
Прикажи нам на Дону чем кормится:
Залегли пути-дорожки за сине море
От вора от Васьки от Голицына с детьми,
Еще те <.....> дороги увольные»...

Ах бедные головушки солдатские,
 Как ни днем, ни ночью вам покою нет!
 Что со вечера солдатам приказ отдан был,
 Со полуночи солдаты ружья чистили,
 Ко белу свету солдаты во строю стоят.
 Что не золотая трубушка вострубила,
 Не серебряна сиповочка возыграла —
 Что взговорит наш батюшко православной царь:
 «Ах вы гой еси, все князи и бояре!
 Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
 Еще как нам Азов-город взятьи».
 Еще князи и бояре промолчали,
 Еще ж сам наш батюшка прослезился:
 «Ах вы гой еси, солдаты и драгуны!
 Вы придумайте мне думушку крепкую,
 Еще как ли нам Азов-город взятьи».
 Как не ярые пчелушки зашумели —
 Что взговорят солдаты и драгуны:
 «Взять ли нам, не взять ли белой грудью».
 На восходе было красного солнышка,
 На закате было светлого месяца,
 На заре они на приступ пошли
 Под тот ли под славной под Азов-город,
 Что под те ли стены белокаменные,
 Ах под те ли под раскаты под высокие.
 Что не с гор ли белы камни покаталися —
 Покаталися со стен неприятели,
 Не белы снеги в поле забелелися —
 Забелелися белы груди бесурманские,
 Ах не с дождичка ручьи разливалися —
 Разливалася тут кровь нечестивая.

Нам пора-то, робятушки, с кабаку идти!
 Не вечерняя заря потухать стала,
 Не утренняя заря занимается —
 Бежит-то из Москвы скорый посол,
 Держит во руках грозный указ,
 Чтобы были мы, солдатушки, приубранные,
 Перевязи-портупей были бы белёные
 И ружьицы были бы чищенные.
 Нам завтра, солдатушкам, в поход идти,
 В поход идти под Азов-город,
 Нам стоять-то, солдатушкам, под Азовом три
 года.

Собирается православный царь под крепкой Азов-
 город,
 Собирает он тележенек сорок тысячей,
 В каждую тележку сажал по пяти молодчиков,
 По шестому приставливал по извощичку,
 Укрывали суконцами багрецовыми,
 Убивали гвоздочками полужоными.
 Подъезжали к азовским крепким воротичкам,
 Возгóворит православный царь таково слово:
 «Ой вы гой естя, азовские караульшички!
 Доложите во Азове свым начальничкам —
 Приехал к вам богатый гость Федор Иванович
 С теми ли с товарами со заморскими,
 Со куницами приехал и с соболицами.
 Отворили ёму азовски крепки воротички,
 Оне ехали во Азов-город трои суточки,
 На четвертые суточки уставились.
 Тут возгóворит православный царь таково слово:
 «Ох вы гой естя, извощички, добры молодцы!
 Отдирайте суконцы во единый мах».
 Отдирали они суконцы скоро-наскоро,
 Вылетали из кажней из тележки по пяти
 молодчиков,
 Они сабли востры наголо держут.

Испужались азовские начальнички.
«Уж ты батюшка наш
Православный царь Петр Алексеевич!
Не мути ты наш тихий Дон,
Мы станем те служить век верой-правдою,
Верой-правдою и как те надобно».

93

Как у нас то было, братцы, на святой Руси,
Во той ли во палаты государевой
Почестен пир идет на вечере,
Беседушка идет навеселе.
Тут на пиру да напивались,
Тут на пиру да наедались,
Тут на пиру да порасхвастались:
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей острою,
Еще кто-то хвалится да палицей боёвою,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой,
Еще кто-то хвалится да платьем цветным.
Как сговорил тут надёжа благоверный царь,
А царь Петр и Алексиевич:
«Ой же вы князья-бояре,
Сильные могучие богатыри!
Еще кто-то из вас съездит ко славному Азову,
Ко славному Азову крепкú городу?
Еще я того буду много жаловать».
Уж как бóльший за меньшего хоронится,
А мёньший за бóльшего хоронится,
А середний не знае ответу дать.
Как с-за тех столов да сыродубиых
Становился собака вор донской казак:
«Уж как съезжу с силушкой под тот Азов,
Под тот Азов ли под славной город.
Сострой мне тележек двоеколых,
Тележек двоеколых сорок тысячей,
И обивай тележки суконцем багрецовым,
Сажай в кажную тележку живой товар,
По семи человек, по вóсьмому провожатому,
По девятому да сторожатому,

По десятому да по извозчику».
Отправляется тут собака вор донской казак
Ко славному Азову крепку городу,
А быдто едет купчинушка заморская
Торговать он атласом и бархатом.
Стречают гости азовские,
А всё мужики да деревенские,
Что едет к нам с товаром атласом и бархатом.
Говорит собака вор донской казак:
«Ай же вы гости азовские,
А всё мужики да деревенские!
Отведите-ко мне местечко порожнее».
Отводили местечко порожнее
Посерёд Азова крепка города
Торговать атласом и бархатом.
Как пришла тут тёмна ночь,
Как стал собака вор донской казак,
Стал по обозику похаживать,
Стал ребятушек побуживать:
«Вам полно спать, пора вставать!
Берите-тко оружейка булатнии,
Палите по Азову крепку городу».
Как стали ребятушки поступывать,
Как стали ребятушки погримывать,
Не оставляют народу на сѣмена.
Уж за это надежа благоверный царь
А много казаченка да жаловал.

94. СОЛДАТЫ ПОЛУЧАЮТ ПРИКАЗ ИДТИ ПОД АЗОВ

Не сон меня клонит, не дрема долит —
Сыпит, валит кручина добра молодца,
Стоючи на карауле государевом,
Смотрючи, братцы, на Азов-город,
Что на те ли на раскаты на широкие,
Что на те ли на колонны на турецкие.
Что со вечера солдатам приказ отдан был,
Чтобы ружья были чисты и кремни востры,
Палаши отпущены, штыки примкнуты,
Чтобы перевязи, портупей были навохрены,
Манишки, рубашки и стиблеты были белые.

Что завтра нам, солдатам, на приступ идти
С генералом Левашовым и фельдмаршалом,
Со любимыми полками — со пехотою,
С белокаменной стеною — с гранодерами,
Со большими лбами — со калмыками,
С широкими бородами — со казаками.

95. АЗОВ ВЗЯТ С ПОМОЩЬЮ ПОДКОПА

Ах по морю, морю синему,
По синему морю по Верейскому,
Плыли-воспывали три военных корабля.
Наперед корабль бежит,
Что сокол летит:
Во том во кораблике
Император-царь сидит.
Во другом кораблике
Всё князья-бояра сидят.
Во третьем кораблике
Всё солдатушки сидят,
Солдаты сидели Преображенского полку.
Охоту имели под Азов-городок.
Подкопы копали всё глубокие,
Бочки закатали с лютым зельем,
С лютым зельем, с черным порохом,
Свечи прилепляли воску ярого:
Свечи догорали — бочки разорвало,
Разметало башни всё угольчатые.
Стали поздравляти императора-царя:
«Здравствуй, государь-император,
с Азовом-городом!»

96. ШЕРЕМЕТЕВ БЕРЕТ В ПЛЕН ТУРЕЦКОГО МУРЗУ

Во тысяча семьсот первом году
Во месяце было во июне, —
Из того было Московского государства
Не тученька грозная поднималась,
Поднимался князь Борис, боярин Шереметев

На те ли на луга на зеленые,
И наехал на турецкую большу пашню.
Не сохами эта пашенка распахана,
Не боронами эта пашенка боронена,
Не пшеною эта пашенка посеяна,
Не дождями эта пашенка поливана —
Распахана была пашенка штыками,
Боронена солдатскими тесаками,
Насеяна молодецкими русскими головами,
Поливана человеческой алой кровью.
Тому Борис-боярин устрашился,
На те дубравы зеленые отшатился,
Кругом лагерем становился.
Поехал на турецкого Влас-мурзу,
Заковал турецкого Влас-мурзу
В ручные и ножные немецкие железы,
И стал спрашивать турецкого Влас-мурзу:
«Скажи мне, Влас-мурза, сушую правду,
У вашего царя силы много ль?»
— «Гой еси, князь Борис, боярин Шереметев!
У вашего царя силы много —
У нашего короля втрое болей».
— «Вы гой еси, солдаты, слуги верны,
Подымите-ко Влас-мурзу на штыки острые,
Подымите повыше!»

Бывало-де православный царь
Любил стрельцов, много жаловал.
Нынче государь на нас прогневался
И хочет стрельцов казнить-вешати,
С самого с атамана голову рубить.
Сходились стрельцы во единый круг,
Они думали крепку думу заединую,
Посылали атамана к самому царю:
«Поди-ка, атаман, к самому царю,
Кланяйся царю в резвы ноженьки,
Проси у царя большой милости:
Не можно ли нас, батюшка, стрельцов простить?
Возьмем мы ему город, который надобно.
Без свинцу возьмем, без пороху,
Без его снаряду государева—
Возьмем город грудью белою».
Тут пошел атаман к самому царю,
Пошел он вдоль по улице,
Подходит он к государеву двору.
На то время государь-царь по дворцу гуляет.
Он и пал, молодец, на коленочки,
Стал кланяться царю в резвы ноженьки,
Стал просить у него большой милости:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Всея Руси царь Петр Федорович!
Не можно ли нас, стрельцов, простить?
Возьмем мы тебе город, который надобно,
Без свинцу возьмем, без пороху,
Без твоего снаряду государева,
Возьмем город грудью белою».

Выходит царь-государь на Красён крылец,
Возговорит он громким голосом:
«Ох ты гой еси, стрелецкий атаманушка!
И нет от меня вам милости.
Ступай, собирай стрелецко свое войско,
Гони ты их на Красну площадушку,
А которых на поля на Куликово то:
Кого стану казнить, кого вешати,
С тебя, с атамана, голову рубить».
Тут у молодца резвы ноги подогнулись,
Белы руки его опустилися,
Буйна его головушка с плеч долой кáтится,
Соболина его шапочка из рук выпала —
Соболина шапка на нем во сто рублей,
А кунья шуба на молодце во тысящу.
Пошел молодец с широка двора,
С того двора с государева.
Всходит во Стрелецку большу улицу;
Тут не золоты трубоньки вострубили,
Не серебряны сиповинки возыгрывали,
Тут вскричал атаман громким голосом,
Чтобы слышно было по всему городу:
«Ох вы гой еси, стрельцы, добры молодцы!
Вы ступайте, убирайтесь вон из городу:
И нет нам, братцы, от царя большой милости,
Велел гнать на Красную площадушку,
А которых на поля на Куликово то,
Кого хочет казнить, кого вешати,
А с меня, с атамана, голову рубить».

98

Дотолева зелен сад зелён стоял,
А нонче зелен сад присох-приблек,
Присох-приблек, к земле прилег,
Приуныли в садочке вольны пташечки,
Всё горькие кукушечки.
На заре было на утренней,
На восходе солнца красного,
Государь-царь по дворцу гулял,
Он в одних чулках без чоботов,
Тоненький созямчик наспашечку.

На все сторонки обзирался:
Никто нейдет к белу царю с повинной,
Ни князья, ни бояре, ни сильны могучи богатыри,
Только один из них пошел добрый молодец,
По имени Иванушка Иванович,
Стрелецкий атаманушка.
Несет с собой топор и плаху.
Подходил он к белу царю близехонько,
Кланялся белу царю низехонько,
Речь возговорил добрый молодец белу царь:
«Гой ты гой еси, батюшка православный царь!
Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
Никто нейдет к тебе, к белу царю, с повинною,
Только я пришел к тебе с повинною,
Принес с собой топор и плаху».
Речь возговорит православный царь:
«Да бог простит те за все вины, да и я прощу!»
Послал в силу-ратию посланника:
Шла бы шла ратия к белу царю с повинною.
Опять никто нейдет к белу царю с повинною.
На то же православный царь осержаился,
Приказал их всех казнить-вешать.

99. СТРЕЛЕЦКИЙ АТАМАН И ЦАРЬ ПЕТР

Водалече, водалече во чистом поле,
А еще того подале во раздольице,
Тут не красное солнышко выкаталось,
Выезжает-то удалый добрый молодец,
Еще тот же стрелецкий атаманушка.
Хороша больно на молодце приправушка:
Под ним добрый конь, ровно лютый зверь,
Кольчуга-то на молодце серебряная,
Соболина на нем шапка до могучих плеч,
На нем тугий лук, как светел месяц,
Калены стрелы, как часты звезды.
Он и держит путь-дороженьку в каменну Москву,
Он и горы и доли вперескочь скакал,
Темные леса межу ног пускал,
Быстрые реки перепрыгивал.
Возъезжает он во матушку каменну Москву,
Приезжает ко дворечушку к осудáреву.

Караульщик он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом.
Он и бьет своего добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгивал он стенишку белокаменну.
Подъезжает он ко крылечушку к осудáреву,
Воскрикнет он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич!
Ты за что, про что на нас, сударь, прогневался,
Ты за что наш зеленый сад хочешь выжечь, вырубить,
Все и ветвицы, кореньицы повысушить?
Не можно ли тебе, сударь, нас, стрельцов, простить?
Мы возьмем тебе город, какой надобно,
Без свинцу-то мы, без пороху судáрева,
Мы без ружеец, без сабелек без вострых,
Мы возьмем тебе город своей грудью белою».
Выходил-то тут батюшка православный царь
Во одних-то он чулочках, он без чоботов,
Во одной-то он сорочке, он без панцуров,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох ты гой, стрелецкий атаманушка!
Уж и вот-то я с боярами подумаю,
С сенатóрами, с фельдмаршалами переведаю».
Уж возговорит тут стрелецкий атаманушка:
«Ох ты гой еси, наш батюшка православный царь,
Во всеё Руси царь Петр сударь Лексеевич!
В глазах ты меня, сударь, обманывашь.
Не видать тебе меня у себя в дворце».
Он и бьет своего добра коня, не жалует,
Его добрый конь осержается,
От сырой мати-земли отделяется,
Перепрыгиват он стенишку белокаменну,
Он и держит путь-дорожку во далече во чисто поле.
Возъезжает он во стрелецкую армеюшку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох вы гой еси, стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими —
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!»

100. КАЗНЬ СТРЕЛЕЦКОГО АТАМАНА

Из Кремля, Кремля, крепка города,
От дворца, дворца государева
Что до самой ли Красной площади
Пролегала тут широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженьке
Как ведут казнить тут добра молодца,
Добра молодца, большого барина,
Что большого барина, атамана стрелецкого,
За измену против царского величества.
Он идет ли, молодец, не отступается,
Что быстро на всех людей озирается,
Что и тут царю не покоряется.
Перед ним идет грозен палач,
Во руках несет остер топор.
А за ним идут отец и мать,
Отец и мать, молода жена,
Они плачут — что река льется,
Возрыдают — как ручьи шумят,
В возрыданье выговаривают:
«Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Принеси свою повинную,
Авось тебя государь-царь пожалует,
Оставит буйну голову на могучих плечах».
Каменеет сердце молодецкое,
Он противится царю, упрямятствует,
Отца, матери не слушает,
Над молодой женой не сжалится,
О детях своих не болезнует.
Привели его на площадь Красную,
Отрубили буйну голову
Что по самы могучи плеча.

***ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XVIII ВЕКА***

101. ВЕЩИЙ СОН

Во городе во Кряконе, во горнице и во светлюю
И на складном стулу и на ремешчатом
Сидел тут батюшко шведской король.
Перед ним-ту стояти князя-бояра и шведы мудрые:
«Ой вы шведы мудрые, рассудите ночешный мой сон!
Не гора, бат, стоит, как снег бела,
На горе сидел млад сизой орел,
Во когтях-ту держал черна ворона».
Отвечают ему шведы мудрые:
«Батюшко шведской король!
Не можем мы рассудить ночешный твой сон».
Из-за той-ту из-за занавесы плотняною,
Из-за той-ту печи кирпиччатой выходила красна девица:
«Разе я, бат, батюшко шведский король,
Рассужу твой ночешный сон!
Не гора, бат, стоит — стоит русская армия,
Во армии сидит белой царь,
Во руках держит шведского короля.
А заутра тебе, батюшка, быть пойману,
Быть пойману али убитому».

102. СОЛДАТЫ ГОТОВЯТСЯ ВСТРЕТИТЬ
ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

Как далеченько было во чистом поле,
Как еще-то того подале — при долинушке,
При широкой при зеленой вот при дубровушке,
Как не белые в поле лебеди забелелися,

«Мы, князья-бояре, в платье цветном,
А наш государь в платье черном и в кручинном».
Свирепо государь-царь оглянулся на бояр:
«Ох вы глупые бояре, неразумные,
Вы не знаете моей кручины и не ведаете.
Изменил меня изменник большой боярин,
Артамон Головин сын Михайлович.
Потерял он три полка любимые:
Первый полк потерял Измайловской,
Второй полк потерял Ермолаевской,
Третий полк потерял донских казаков.
Не жаль мне столь двух полков,
Как жаль донских казаков, славных воинов».

104. РУССКОЕ ВОЙСКО ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД В ЗЕМЛЮ ШВЕДСКУЮ

По дороженьке по московской
Шли-прошли три полка солдат,
Три полка солдат, молодых ребят.
Впереди-то идут — в барабаны бьют,
За имá-то идут со знаменьем,
А во всем полку артикул мечут,
Замки крепко бьют, ружьица свítлеют,
Замки взбрякали, солдаты всплакали:
«Где нам день дневать, ночь коротать?
Нам денек дневать во чистóm поле,
Во чистом поле, под ясным небом;
Ночь коротати во темнóm лесу,
Во темнóm лесу, во сыром бору;
Нам постелечка — мать сыра земля,
Нам зголовьицо — зло кореньицо,
Умываньицо — частый, мелкий дождь,
Утираньицо — шелковá трава».
Позади полка идут, коня ведут,
Лошадь добрую, сивогривую,
На коне сидит сам полковничек,
Сам полковничек — Шереметев-граф.
Во руках держит саблю острую,
Во устах держит речь хорошую:
«Сряжается мой батюшка из Москвы в поход,
Как во ту ли землю шведскую, за границу государеву,
Меня, добра молодца, с собой берет.

Не хотелось мне, добру молодцу, из Москвы идти,
Хотелось мне, добру молодцу, при Москве пожить,
При Москве пожить, во дворце служить,
Московским чудотворцам молитися.
Остался у доброго молодца сир зеленый сад,
Во садике оставалось три деревца:
Первое деревцо — кипарисовое,
Другое деревцо — яблонь кудрявая,
Третье деревцо остается — груша зеленая.
Кипарис растет — родной батюшка,
Яблонь кудрявая — богоданная матушка,
Груша зеленая остается — молода жена.
Оттого мне-ка не хотелось из Москвы идти,
А хотелось мне при Москве пожить,
При Москве побыть, при дворце служить,
Чудотворцам московским покланяться,
Отца родного на старости печаловать,
За матью в немоготе ухаживать,
Молодой женой любоватися».

105. РУССКОЕ ВОЙСКО СРАЖАЕТСЯ СО ШВЕДАМИ

Собирался-то большой барин
Он со тем ли войском со росейским
Что на шведску-то границу.
Не дошедши он границы, становился,
Становился в чистом поле при долине,
Росейским войском поле изуставил,
Росейскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел король шведский:
«Что й то в поле всё за люди?
Нй торгом приехали они торговати
Или нашего городу глядети?»
Что приходили только й силы,
Что не люты зверкй проревели —
Что чугунные ядры проревели,
Сходилися туто й двои силы;
Что шибкие громы гремели,
Что не люты звери проревели —
Прогремели чугунные ядры.
Что между их протекали реки,
Протекали реки, реки кровавые.
Что и силы полегло — что и сметы нету.

106. СОЛДАТЫ ГОТОВЯТСЯ ШТУРМОВАТЬ ОРЕШЕК

Злодей, злодей ретиво сердце!
Что ты ныло, ретивое, занывало,
Ничего ты мне, сердечко, не сказало —
Да что быть мне, молодцу, в рекрутах,
Во солдатах быть мне и в походе,
Что под славным городом под Орешком,
А по нынешнему званию Шлиссельбургом.
Что слышав, воры шведы догадались,
Что ударили они в барабаны,
Наши русские солдатушки в литавры.
Да что взговорит наш государь-царь:
«Ах вы гой еси, братцы генералы!
Вы придумайте мне, братцы, пригадайте,
Еще как нам будет взять Орешек».
— «Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Что не лутче ль нам от города отступить?»
Что возговорит государь-царь ко солдатам:
«Ах вы гой еси, мои детушки солдаты!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте —
Еще брать ли нам иль нет Орех-город?»
Что не ярые пчелушки во улье зашумели,
Да что взговорят российские солдаты:
«Ах ты гой еси, наш батюшка государь-царь!
Нам водою к нему плиты — не доплыти,
Нам сухим путем идти — не досягнути.
Мы не будем ли от города отступати,
А будем мы его белою грудью брати».

107. КАЗАКИ ВСТРЕЧАЮТ ЦАРЯ ПОД ШЛИССЕЛЬБУРГОМ

Как по крутому по красному бережку,
Как по желтому сыпучему песочку
Тут ходил-гулял батюшко православный царь.
Он садился, государь-царь, на легок стружок,
Размахнули-разгребнули вверх Невы-реки,
Что ко славному ко городу ко Шлюшину.
Как навстречу государю донские казаки,
Что донские, гребенские, запорожские.

Что казаки государя не опознали,
Им подумалось — король земли шведския.
Заряжали свои ружья огневые,
Приготовились стрелять по своем царе.
Как не золотая трубушка вострубила —
Что промолвил ли наш батюшко православный
царь,

Казаки голос слышали,
Что кидались-бросались на легок стружок,
Приклоняли свои буйны головы.
«Ты прости-прости, наш батюшко православный
царь!

Еще мы тебя, государь-царь, не опознали,
Нам подумалось — король земли шведския».
Что возговорит наш батюшко православный царь:
«Вам спасибо ли, робята казаки донски,
Что донские, гребенские, запорожские!
С осторожностью вы по реке Неве гуляете,
Своего царя вы защищаете».

108. РУССКИЕ КОРАБЛИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Не под городом было под Оршевым,
Нагружались там три кораблика,
Они фуражем-сеном эти три корабличка,
Свинцом-то ли они, порохом.
Нагрузившись эти три корабличка,
Сами-то они становились,
Дожидались они повеленьица себе государева.
Они день-ат стоят, эти три корабличка,
Они и другой-ат стоят,
Не дождавшись себе повеленьица,
Они во поход-ат пошли,
Во поход они пошли во иную ее землю.
Как не грех-то, беда она сучинилась —
С гор погодушка она подымалась,
Заносила эти три корабличка она во иную землю,
Во иную-то землюшку ее, во Черное море.
Во первом-то сидит во корабличке,
Да сидит-то ли он майор Леверов,
На другиим-то сидит да он на корабличке,
Да он писарь ли сидит Сахаров,

Как на третиим-то сидит да он на корабличке,
Да он сам душа полковничек.
Он кричит-то, зычит своим громким голосом,
Да своим-то ли он слугам верным,
Слугам верным кричит, бравым казаченькам:
«Послужите-ка вы, мои казаченьки, царю белому,
Послужите-ка ему да верой-правдою.
Посадили-то меня, младого полковничка,
Меня только на худой-ат корабль.
Уж вы братцы мои казаченьки, да вы постарайтесь,
Не топите-ка меня, младого полковничка,
Да вы среди-то моря меня,
Среди-то моря, среди синего.
Если постараетесь, brave казаченьки,
Я вас представлю к белому царю,
Награжу-то я вас, brave казаченьков,
Награжу-то я вас чином, жалованьем».

109. ВЗЯТИЕ ОРЕШКА

Как по славной матушке Неве-реке,
Подле устьяца ее широкого,
Что при самом ли истоке быстром,
Как плавали-гуляли три легкие стружка.
На первом стружке Шереметев был,
На другом стружке офицеры сидят,
А на третьем стружке все солдатушки,
Преображенские и семеновские.
По реке они бежали к круту красну бережку,
К круту красну бережку ко слюсельбургскому.
Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна всё олонецкого,
Они якоря метали всё булатные,
Что того ли булата сибирского,
Приставали к круту красну бережку,
Они лесенки метали всё дубовые,
Выходили на желты пески сыпучие,
Начинали рыть подкопы глубокие,
Накатили бочки с лютым зелием,
С лютым зелием — с черным порохом,
Становили свечи воску ярого,
Зажигали те подкопы глубокие.

От того ли красной берег взорвало,
Развалило стену белу каменну,
Потрясло всю крепость шведскую,
Устрашило храбрых неприятелей.

110. ШЕРЕМЕТЕВ В СОБОРЕ

Еще что у нас в Москве, братцы, за кручина?
Накануне было светлого воскресенья,
Заунывно в царь-колокол звонили,
Съезжались князья и все бояре
Во Успенский собор богу молиться;
Молились они господу со слезами.
Что один из них боярин не молился —
Генерал Борис Петрович Шереметев.
Почастешеньку вон из церкви выступает,
Ко белой каменной ограде припадает,
Горючьми слезами обливался,
Миткалинным он платочком утирался:
«Уж тошно мне, боярину, тошненько,
Никогда-то мне так тошно не бывало!
Что болит-болит у боярина головка,
Щемит-щемит ретивое сердечко:
Что сказана боярину царска служба,
Указан путь — широкая дорожка
Под славной под город под Полтаву.
Как быть-то мне, боярину, убиту
Под славным под городом под Полтавой
На чистом на поле лебедином».

111. МОЛОДЕЦ СОБИРАЕТСЯ ПОД ПОЛТАВУ

Что за реченькою было за Небрагою,
За быстрѳй речкой было Перебрагою,
Не полынь-то ли травонька в поле качается,
Что качается, шатается добрый молодец,
Добрый молодец да душа моя.
Он не сам пошел, не своей охотою,
Повели его барскою большою неволею.
Ты неволя, неволя жизнь господская.

Жизнь господская, служба государева,
Государя-то царя белого,
Царя белого Петра Первого.
Что со вечера было, со полуночи,
Не частые звезды с неба сыпались,
Рассыпались звезды по чисту полю,
По чисту полю, зеленым лужкам.
То солдатики во поход пошли,
Во поход пошли во Полтавушку,
Они бить-губить неприятеля,
Неприятеля — царя шведского,
Царя шведского, короля немецкого.

112. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ПЫТАЕТСЯ ЗАХВАТИТЬ ПОЛТАВУ

Как во славной во степи во черкасской,
Как под славным городом Платавой,
Как стоял тут король земли шведской.
Он почасту ко Платаве приступает,
Он приступом Платаву взять не может.
Во Платаве есть московская пехота,
Ох со конницей, со драгуны.
Генералы к королю приходили,
На словах к королю доносили:
«Ох ты гой еси, король наш яснейший,
Как нам сколько под Платавой ни стояти,
А приступом Платаву не взяти!»
Что возговорит король земли шведской:
«Как вы, храбрые мои генералы,
Вы, военные свирепые кавалеры!
Не видавши, вы батальи убоялись,
Послужите королю всею правдой,
Мы возьмем ли Платаву мимоходом.
Как я дам ли вам великую выгоду:
Распишу ли вам пространные кварталы
Да и во том ли во Московском государстве;
Ох я сам ли, король, встану в Кремле-граде.
Я драбантов поставлю в Москворечье,
А квандронов поставлю по Мясницкой,
А драгунов поставлю по Неглинной,
А пехотные полки — по всей Москве».

113. ВОЙСКА ШЕРЕМЕТЕВА РАЗБИВАЮТ ШВЕДСКИЕ ПОЛКИ

Во тихой смиренной во беседе
Сидели люди начальные,
Начальные люди да генералы,
С ними сидел царев большой боярин,
Генерал, кавалер и фельдмаршал,
Князь Борис сударь Петрович Шелеметев.
Он слово говорил, как в трубу трубил:
«Вы гой еси, князи и бояра,
И храбрые люди да генералы,
Вам сказана служба всем царска,
Вам указана широкая дорожка,
Идти вам во шведскую землю,
Ко славному городу ко Смоленцу,
А и села-поместья разоряти,
Жен и детей в полон брати,
Отсылать их в Московское государство
Под крепкими солдатскими караулы,
Под острыми обнаженными палашами».
За темными, братцы, лесами,
За высокими каменными горами
Тут стоял наш император со своей силой,
А силы с ним было сорок тысяч,
А с ним был царев большой боярин,
Генерал кавалер и фельдмаршал
Генерал кавалер и фельдмаршал
Князь Борис Петрович Шелеметев
Со своими урядными полками,
С удалыми добрыми молодцами.
Вечер было поздно-поздненько,
Ах, утрось было рано-раненько,
На светлой заре раноутрянной,
На выкате было красного солнца,
Не грозна туча подымалась,
Не облаки, братцы, накатались,
Наступила тут шведская сила,
Со всех со четырех сторонок,
Благоверного царя хочет обсадити.
Благоверной царь во силе прослезился,
Шелеметев, во полках стоя, заплакал.
Он со вечера добра коня имает,

Изымавши, добра коня уздает,
Обуздавши, добра коня седлает,
Обседлавши добра коня, сажился.
Он сам по полкам разъезжает,
Офицерам приказы отдавает:
«Вы гой еси, храбрые офицеры,
Уряжайте полки всё наготово;
Вы, батюшки московские драгуны,
Вы садитесь на добрых своих коней,
Обнажайте свои острые сабли;
Вы, детушки, российские солдаты,
Заряжайте оружие долгомерно,
Послужите государю верой-правдою,
Вочью и заочью неизменно».
Вечор было поздно-поздненько,
Утрось было рано-раненько,
На светлой заре рануотрянной,
На выкате красного солнца,
Барабанщики в барабаны пробивали,
И сыповщики в сыповки заиграли.
Как не грозной, братцы, гром перед тучей грянул,
Грянули пушки боевые,
Боевые пушки полковые,
Полковые пушки-галанки
На все на четыре на сторонки,
А и сколько-то оне силы прибили,
Вдвое того силы примяли;
Запалила Шелеметева пехота,
Первая рота запалила,
Шведская сила испужалась;
Вторая рота запалила,
Шведская сила перепалась,
Перепалась сила шведска, помешалась;
Третья рота запалила,
Шведская сила отступила,
Шелеметев, во полках стоя, возъярился,
Он скоро на добра коня сажился,
За королем во чисто поле погонился:
«Вы батюшки московские драгуны,
Постигайте ту шведскую силу,
С головы их на голову колите!»
Ах затем, братцы, здравствуй
Наш благоверный царь

Всея России Петр Алексеевич,
На всероссийском отеческом престоле
Со своими князьями и боярами,
Со храбрыми людьми да генералами!

114. ШЕРЕМЕТЕВ ДОПРАШИВАЕТ ШВЕДСКОГО МАЙОРА

Во славном городе в Орешке,
По нынешнему званию Шлюшенбурхе,
Пролегла тут широкая дорожка.
По той по широкой дорожке
Идет тут царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
Со теми он со пехотными полками,
Со конницею и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.
Вошли они во Красную Мызу
Промежу теми высокими горами,
Промежу теми широкими долами,
А все полки становилися.
А втапоры Борис сын Петрович
В объезд он донских казаков посылает,
Донских, гребенских да яицкиих.
Как скрали они шведские караулы,
Мазора себе во полон полонили,
Привезли его в лагери царские.
Злата труба в поле протрубила,
Прогласил государь, слово молвил,
Государь московской, первой император:
«А и гой еси, Борис сын Петрович!
Изволь ты мазора допросити тихонько,
помалешуньку:
А сколько-де силы в Орешке
У вашего короля шведского?»
Говорит тут мазор не с упадкою,
А стал он силу рассказывать:
«С генералом в поле нашим — сорок тысячей,
С королем в поле — сметы нет».
А втапоры царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,

А сам он царю репортует:
«Что много-де силы в поле той шведской,—
С генералом стоит силы сорок тысячей,
С королем в поле силы сметы нет».
Злата труба в поле в лагере протрубила,
Прогласил первой император:
«А и гой еси, Борис Петрович!
Не устращися маэора допросити,
Не корми маэора целы сутки,
Еще вы его повторите —
Другие вы сутки не кормите,
И сладко он расскажет,
Сколько у них силы шведския».
А втапоры Борис Петрович Шереметев
На то-то больно догадлив:
А двое-де сутки маэора не кормили,
Во третьи винца ему подносили.
А втапоры маэор рассказал,
Правду истинну рассказал всем:
«С королем нашим и генералом силы семь
тысячей,
А более того нету».
И тут государь звеселился,
Велел ему маэора голову отляпать.

115. РУССКИЕ ВОЙСКА БЕРУТ РИГУ

По морю, морю синёму
Плыло-выплывало три ветлѣные стружка.
На первом стружечке император-царь сидит,
На втором стружечке князи-бѣяра сидят,
На третьем стружечке всё солдатики сидят,
Сидели солдаты полку Семеновского,
Той же первой роты гренадерское.
Их же приносило к Риге к каменной стены,
К той же к круглой башне трехугольное.
Якори метали всё булатные,
Шеймы выпускали всё шелковые,
Дорогого шелку шохматинского,
Сходенки метали всё дубовые,
Дорогого дубу, дубу польского,

Сами выходили на крут красен бережок,
Думали-гадали думу крепкую.
Подкопы копали всё глубокие,
Бочки выкатали со лютым зельём,
Со лютым со зельём — с чёрным порохом,
Свечки зажигали воскояровые.
Свечки догорели, бочки рóзорвало,
Скинуло-сбросило Ригу каменну стену
С той же с круглой башни с трехугольное.
Стали проздравляти императора-царя:
«Здравствуй, император, с Ригой каменной стеной,
С той же с круглой башней с трехугольной».

116. ШВЕДСКАЯ КОРОЛЕВНА ПРОСИТ ПОМОЩИ

Не белы снежки в поле забелелися,
А это забелелся славный город Колываньеца,
Что сы теми со верхами,
Со косятчатыми со окнами.
Там сидит шведская королевна,
Сама пишет.
Перед ней стоят шведские генералы.
Сами слезно плачут:
«Что ж ты, матушка
Наша шведская королевна,
Давно своему брату швету
Письма не писала,
А по почте газетушки не отсылала?»
А не успела королевна слово молвить,
А уж белый царь по городу гуляет.
Выходила королевна на крылечко,
Выносила золотые ключи на серебряном блюде,
Поздравляла царя белого с городами:
Как со первым городом с Колыванью,
А с другим городком Петербурхом,
А с третьим городом Эстербеком.

117. ПЕТР I НА КОРАБЛЕ

Ах по морю, морю синему,
По синю морю по Хвалынскому
Что плывут тут, выплывают тридцать кораблей.
Что один из них корабль, братцы, наперед бежит,
Впереди бежит корабль, как сокол летит.
Хорошо больно кораблик изукрашен был,
Парусы на корабле были тафтяные,
А тетивочки у корабля шемаханского шелку,
А подзоры у кораблика рытого бархату.
На рулю сидел наш батюшка православный царь.
Что не золотая трубушка вострубила —
Да что взговорит наш батюшко православный
царь:

«Ах вы гой еси, матрозы, люди легкие!
Вы мечитесь на мачты корабельные,
Вы смотрите во трубочки подзорные,
Что далеко ли до Стекольного».

118. ПЕТРА I УЗНАЮТ В ШВЕДСКОМ ГОРОДЕ

Как никто-то про то не знает, не ведает,
Что куда-то наш государь-царь собирается.
Чистым серебром кораблики изнаполнил,
Красным золотом суденышки изукрасил.
Он берет-то с собой силушки очень мало,
Что одних-то преображенских гренадеров.
Как приказ-то дает наш батюшка царь белый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморским купчиной».
Уж и грянул государь-царь по морю гуляти.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя белого другую,
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что к тому ли шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчину не узнаёт,
Узнавал только его гетман земли шведской.
Поскорехонько он к королевнушке метался:
«Ах ты гой еси, наша матушка королевна!

Не купчинушка по городу гуляет,
Что гуляет-то по городу царь белый!».
Как на красное крылечко королева выходила,
Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя белого узнавала,
Закричала королева громким голосом:
«Ой вы гой еси, мои шведские генералы!
Запирайте вы воротички покрепче,
Вы ловите царя белого скорее!»
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он шведских замыслах догадался,
Ко крестьянину он на двор скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, денег вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря!».
Скоро вывез его крестьянин на край синя моря,
А скорей того во кораблик государь-царь сажился,
Закричал он своим матросам и солдатам:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнее,
Вы гребите и плывите поскорее!».
Как и первая погоня царя белого догоняет,
А другая-то погонюшка настигает.
Как возговорит погоня к царю-государю:
«Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою.
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горьким, живыми на свете».
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во святую Русь возвратился.

119. КАЗАКИ ДОПРАШИВАЮТ ДОЛГОРУКОВА

По славному Дону тихому
Изволил наш Долгорукий-князь гулять.
Повстречали Долгорукого-князя
С тихого Дона его казаки,
Подхватили князя Долгорукого
Под белые руки его под пышные,
Повели Долгорукого-князя во станичную избу,
Посадили его, князя, на большое место под образа,
Стали князя Долгорукого крепко спрашивать:
«Ты скажи, скажи, наш Долгорукий-князь,
Скажи ты нам всю правдицу,
Еще сколько на тихом Дону славных казаков?»
Тут возговорил Долгорукий-князь:
«На всякого казака по десять стругов,
А на князя меня еще на один десяточек».

120. СОЛДАТЫ СУДЯТ ДОЛГОРУКОВА

Нам не дорого ни злато да чистое серебро,
И дорога-то наша любовь да молодецкая.
Ишшо злато, чисто серебро скоро минуется,
А и дорога-то наша любовь не позабудется.
Среди-то было Китаю да славного города,
А и тут стояли палаты да белокаменные.
Что во тех же да во палатах было да белокаменных,
Тут не мурава трава в поле да шаталася,
Не лазурьевы цветочки к земли преклонялися —
Тут и бьют челом царю солдаты да низко кланяются:
«Уж ты гой еси, надежда да православной царь!
Уж ты дай нам суд на князя да Долгорукого».
Говорил как тут надежда православной царь:
«У меня на Долгорукого суда нету,
Вы судите-ко Долгорукого своим судом,
Вы своим судом судите да рукопашкою,
Вы берите-ка слегу да долгомерною,
Долгомерною слегу да семи аршин,
Семи она аршин да семи она верхов.
Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота».
Тут берут ведь как солдаты да всё долгу слегу,
И долгу слегу да всё семи аршин,

И семи-то аршин она была, семи верхов,
Они ломают у Долгорукого хрустальни ворота.
Как выходит Долгорукой он на красно крыльцо.
«Уж вы гой еси, солдаты да новобраны!
Ишшо что да вам, робята, да тако надомно:
Ишшо надо вам, робятам, да разе чисто серебро?»
Тут спроговорят солдаты да новобраные:
«Нам не надомно, солдатам, чисто серебро,
Ты отдай нам наше жалованье,
Хлебно и мундерно и денежно».

121. КОРАБЕЛЬЩИКИ БРАНЯТ КНЯЗЯ ГАГАРИНА

Как по речке, по реке тут пятьсот стружков плывут,
А на всяkiem стружэчке по пятисот человек.
Они едут в веслы бьют, сами песенки поют,
Разговоры говорят, князь Гагарина бранят:
«Заедает князь Гагарин наше жалованье,
Небольшое, трудовое, малоденежное,
Со всякого человека по пятнадцати рублей.
Он на эти-то на денежки поставил себе дом,
Он поставил себе дом на Неглинной, на Тверской,
На Неглинной, на Тверской, за мучным большим рядом,
За мучным большим рядом, потолочек хрустальной,
А парадное крылечко белокаменное,
Белокаменное, стены мраморные,
Стены мраморные, пол-ат лаком наведён,
Как на этом-то полочке москварецкая вода,
Москварецкая вода — по фонтану ведена,
По фонтану ведена, живá рыба пущенá,
Жива рыба пущенá, кроватушка смощена.
Как на этой на кровати сам Гагарин-князь лежит,
Сам Гагарин-князь лежит, таки речи говорит:
«Уж и дай, боже, пожить, во Сибири послужить,
Не таки бы я палатушки соорил бы себе,—
Я не лучше бы, не хуже государева дворца,
Только тем разве похуже — золотого орла нет».
Уж за эту похвальбу государь его казнил».

122. КАЗАКИ БРАНЯТ МЕНШИКОВА

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролежала мать Камышинка-река,
Как с собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга,
Она устьицем впадала в Волгу-матушку реку.
Что по той ли быстрине по Камышинке-реке
Как плывут тут, выплывают два снарядные
стружка.

Хорошо были стружочки изукрашенные,
Они копиями, знамены будто лесом поросли.
На стружках сидят гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все донские казаки,
Да еще же гребенские, запорожские.
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачом подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки,
И с зачесами чулочки да всё гарусные.
Они веслами гребут, сами песенки поют,
Они хвалят-величают православного царя,
Православного царя, императора Петра,
А бранят они, клянут князя Меншикова,
Что с женою и с детьми и со внучатами:
«Заедает вор-собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное,
Да еще же не пускает нас по Волге погулять,
Вниз по Волге погулять, сдунинаю воспевать».

123. ЗАГОРЕЛАСЬ МОСКВА ОТ БОЛЬШИХ ГОСПОД

Ой ты хозяин, мой хозяин, своему дому господин!
У тебя-то, мой хозяин, хлеба-соли много на столе,
У тебя-то, мой хозяин, гости честные сидят,
Гости честные сидят, речь хорошую они говорят,
Всё про батюшку про Петра, про матушку кременну
Москву —
Отчего эта кременна Москва загоралася она и сперва?
Загоралася кременна Москва от больших славных господ,

От того-то ли было от боярина от Гагарина-купца.
У боярина у Гагарина девка-ключница была,
Выходила она, выносила золоты, девка, ключи,
Отмыкала девка, отворяла потайные все пороховые
погреба,
Обронила эта девчоночка воску ярого свечу,
Оттого-то ли было наша кременна Москва загоралась
она и сперва.

124. ЦАРЬ КАЗНИТ ДОЛГОРУКОВА

Воздалеченька православный царь
Убирается,
Во которую земелюшку
Снаряжается.
Как и все-то князья-бояры
Провожать идут.
Провожали они царя белого,
Слёзно плакали,
Как один из них Долгоруков-князь
Усмехнулся,
Как на ту пору православный царь
Оглянулся:
«Допросите-ка Долгорукова-князя,
О чем он усмехнулся».
Долгоруков-князь не винится,
О чем усмехнулся.
«Отрубите ему правую руку, левую ногу!»
Долгоруков не винится.
«Отрубите ему левую руку, правую ногу!»
Долгоруков не винится.
«Отрубите Долгорукову буйную голову!»
Долгоруков повинился:
«Ты не ездил, православный царь,
На край моря.
Приготовлена для тебя артиллерица
Заряжёная,
Пропадет твоя буйная головушка
Ни за денежку,
Извывается твое белое тело
По чистому полю,
Поразвеют твои черные кудри

Ветры буйные,
Порастащат твои ребра-кости
Черные вóроны».

125. МОЛОДЦЕВ ОТПРАВЛЯЮТ НА ЛАДОЖСКИЙ КАНАЛ

Поутру то было раным-рано,
На заре то было на утренней,
На восходе красного солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озер подымались —
Поднимались добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву.
Провожают их, добрых молодцов,
Отцы, матери, молоды жены
И со малыми со детками.

126. ПОСТРИЖЕНИЕ ЦАРИЦЫ

У нас в Москве нездорово —
В большой колокол звонят заунывно,
Заунывно и печально:
Государь-царь на царицу прогневался,
Высылает царь царицу из Москвы вон —
И в тот ли в монастырь во Покровской.
Как возговорит царица Евдокия:
«Где мое конюхи молодые!
Вы закладывайте коней вороных,
Вы поедьте Московое — не спешите,
Вы московских людей не смешите,
Что и может государь-царь умилиться,
Не прикажет ли назад мне воротиться».
Выездяла государыня из Москвы вон
И молилась московским чудотворцам:
«Вы простите ли, московские чудотворцы,
Что и мне ли в Москве уж не бывати!

Вы простите, московские обыватели,
Что и мне ли вас не видати!
Ты прости, прости, моя грановитая палата,
Что и мне ли в тебе не живати,
Мне московскою царицей не слывати».
Приеждяла государыня во Суздаль,
Что и в тот ли монастырь во Покровской,
И встречает государыню игуменья (с) сестрами.
«Ты поди, поди, царица Евдокия,
У меня про тебя келинка готова,
Что готовы тебе рабы и рабыни».
Скидовали с государыни светное платье,
Надевали на царицу черное платье,
Черное платье печальное,
Да и вскоре государыню постригли,
Нарекли ей имя Евфросинья.
А после государь-царь умилился,
Он поехал в монастырь во Покровской,
Чтобы царица воротилась.
Приеждяет государь-царь во Суздаль,
Во тли в монастырь во Покровской,
И встречает его игуменья (с) сестрами.
«Я прошу тебя, государь, воротиться,
Что твоя та ли царица постриглась,
Нарекли ей имя Евфросинья».
Что и тут ли государь-царь заплакал,
И поехал в Москву он печальный.

127. НЕКРАСОВ ПИШЕТ ПИСЬМО ПЕТРУ I

Помутился, возмутился наш славный тихий Дон,
Помутился, возмутился с вершин вплоть до устьяца,
До самого до славного до города Черкасского.
Возмутил его, помутил его, братцы, донской казак,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов.
Игнатьюшка сын Иванович со реки ушел.
Он ушел-увел силы-рати сорок тысяч,
Опричь-де, опричь-де стариков старожилых,
Опричь-де малолеточков малолетних,
От тумов-де, от тумов-де казачьих прироженных.
Со вечера добры молодцы в поход собиралися,
Во глуху полночь перелазили славный тихий Дон,
На белой заре перелазили славному Непричку,
На восходе солнца красного перелазили Дунай быстрюю.
Перелеземши Дунай быстрюю, становилися,
Становились добры молодцы в зеленых лугах,
Расположились добры молодцы казачьим теплым лагерем,
Распускали добры молодцы знамечку позлащенную,
Собирался к золотой знамечке казачий круг.
Во кругу стоит хорошенький раздвиженный стул,
На стулу сидит наш ласковый атаманушка,
Что Игнатьюшка сын Иванович Некрасов.
Перед ним стоят его сотнички, пятидесятнички
Да любезные его стоят всё хорунжие.
Они пишут от Игнатьюшки скорой липорт
И шлют его с скорым послем, с каленой стрелой,
Ко нашему ко батюшке ко белому царю,
Как ко Пётрушке сыну Алексеевичу:
«Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил,
Ты поил-кормил нас, батюшка, берёг-жаловал.
Ты в одном же на нас, батюшка, прогневался.

Ты прислал же к нам на тихий Дон разыщика,
Ты разыщика прислал к нам Долгорукого.
Без указа осударева он разорять нас стал,
Без московского курьера командировать нас стал.
Стариков наших старожилых велит казнить-вешать,
Молодых казаков берет он во солдаты,
Молоденьких малолеточков берет он во некруты,
Молодых красных девушек берет во постелю,
Он маленьких младенцев кидает за заборы.
Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богатство,
Мы пошли-то к турецкому хану в подданице».
Доведался о том батюшка православный царь,
Выходил батюшка на Красен крылец,
Возговорил батюшка православный царь таковы слова:
«Уж вы гой еси, мои слуги верные!
Вы подайте мне коня резвого сивогривого,
Оседлайте его вы седелищем черкасским,
Побегу я, православный царь, ко Игнатьюшке,
Ворочу его я Игнатьюшку, его, со путинушки».
Подбегал наш батюшка к Дунай-реченьке,
Он сымал, сымал с себя пухову шляпу,
Он махал, махал Игнатьюшке сыну Ивановичу:
«Воротись-ка ты, Игнатьюшка, назад домой!»
Говорит речь Игнатьюшка царю белому:
«Прощай, прощай нас, батюшка православный царь!
Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил,
Поил-кормил ты нас, православный царь, берёг-жаловал».
Пошел тут наш Игнатьюшка во путинушку,
Во путинушку пошел, в чужу дальнюю земелюшку.

128. НЕКРАСОВ ПИШЕТ ПИСЬМО ДОЛГОРУКОВУ

Возмутился славный наш тихий Дон,
Возмутился и совершился
До славного до устьяца,
До города до Черкасского.
Возмутил его донской казак,
По имени и по отчеству
Игнатьюшка Иваныч,
По фамильице Некрасов.
Он-то ушел, увел силы-рати сорок тысяч,
Окромe стариков староженных,

Опричь малолетков малолетних
И от тумов прироженных.
Да со вечера они собиралися,
А во полночь они во поход пошли,
На белой заре проходили
Славный тихий Дон.
На славную Днепр-реку они становилися,
Во чистом поле и во зеленых лугах расположилися
Казаченьки теплыми лагерями,
Распускали царску знамечку позлащенную.
Собирался к знамечку казачий круг,
Во кругу стоит хорошенький раздвижной стул,
На стуле сидит их молодой атаманушка
Игнатьюшка Иваныч сын Некрасов.
Перед ним стоят его сотники любимые его,
Он же пишет наскоро грамотку,
Не пером пишет, не чернилами,
А он пишет своими горячьми слезами
К графу Долгорукому:
«Ты спасибо, наш батюшка,
Поил, кормил и берег, жаловал!
Ты в одном же на нас, батюшка, прогневался,
Захотел старикам усы, бороды брить
И молодых детей во солдаты брать.
Ты приехал к нам на тихий Дон,
Без указу-то нас разорять стал.
Уж мы бросили свое бытъе-богатство,
С того-то мы со тиха Дона долой пошли,
Мы пошли к турецкому хану в подданство,
Он принял нас со честью, со славою
И пожаловал нам по коню, коню хорошему
И седельчику черкасскому».

129. НЕКРАСОВ УБИВАЕТ ДОЛГОРУКОВА

На заре то было ранней утренней,
На заре то было да на зорюшке,
На закате было да светла месяца,
На восходе было красной солнушки:
Да собиралися донские кóзачки,
Собиралися они да во единый круг,
Во единый круг да во единый луг,

Да всё ко дому князя-бóяра-а-а,
Князя-бóяра да всё Долгорукова.
Как выходил же а он, князь-бóяр,
Выходил же он на высок крылец,
Выносил же он царску грамоту:
«Вы послушайте, донские кóзачки,
Вы послушайте царску грамоту:
Как стариков — казнить, вешать,
Молодых кóзачков — всё в солдаты брать».
По кругу-то ходит всё Игнат-сударь,
Всё Игнат-сударь как сокол летает,
Да на вострую шашку упирается,
Да горячей слезой заливаётся:
«Ты прости-то, прости, весь и род-племян».
Да подходит он, Игнат-сударь, к князю-бóяру,
Ой да он срубил ему буйну голову.
Воскрутился же, возмутился батюшка,
А он батюшка славный тихий Дон,
Как от самой было от вершинушки,
Ой да от вершинушки до самой до устьюжи.
Как ушел-то, ушел да Игнат-сударь со тиха Дона,
Ой да со тиха Дона на Кубань-речку.

130. НЕКРАСОВ УВОДИТ КАЗАКОВ

Да никто про то не знает, да никто не ведаёт,
Отчего-то наш славный тихий Дон возмущается.
Воскутился же, возмутился славный тихий Дон
Он от вершинушки вплоть до устьяца широкого,
Он не сам собой воскутился же, славный тихий Дон,
Воскутил его, возмутил его Долгоруков-князь,
Он вычитывал нам указушки скорописные:
Как и старым-то нам старинушкам быть повешенным,
Молодым-то нам всем казаченькам во солдатах быть.
Вот повесили тут казаченьки буйны свои головы.
Как один-то из нас, из казаченьков, Некрасов сын,
веселый был,
Засвистал-то он, закричал нам он своим громким
голосом:
«Еще кто из вас, из казаченьков, пойдет за Кубань-
речку?»
Набралось тут нас всех казаченек тысяч до сорок.

Переправушку совершил он нам трое суток,
На четвертые вот он суточки переправился,
Переправясь через тихий Дон, богу молился:
«Ты прости-прощай, славный тихий Дон,— переправил
ты нас!

Не спасибо тебе, наша матушка Катеринушка:
Не умела ты, наша матушка, владеть крылом правым,
Крылом правым, наша матушка, войском Донским,
Войском Донским, государыня, всё некрасовским».

131. НЕКРАСОВ СОБИРАЕТСЯ ИДТИ НА КУБАНЬ

На закате было красной солнушки,
На восходе было светлого месяца,
Ох соходились, ой соезжались,
Эх во единый круг, эй во единый луг.
Есаулушка круг закликивал,
Атаманушка Игнатьюшка, эй, круг да становил:
«Соходитесь, эй, соезжайтесь
Со тиха Дона, донские кóзачки».
И ах они ж думали думу крепкую:
«Ой и кто ж из вас на Кубань-речке бывал?
Ой и кто ж-то из вас про Кубань слышал?»
Как один говорит: «От людей слышал».
А другой говорит: «Издали видал».
Как и третий говорит: «Я и сам там был,
Я и сам там был, и коня поил,
А кубанские стремины по колено бьют,
А шелковые поводья путают».

132. НЕКРАСОВ ТОСКУЕТ О РОДИНЕ

Страна ль ты, да вот, моя прежняя сторонушка,
Страна да ты, вот, всё чужая, вот да ты чужая.
Да никто ж-то про нее, да про эту сторонушку,
Ой да никто ж не знает, вот и да не знает.
Только знает про нее, про эту сторонушку,
Сердечко мое ретивое, вот и ретивое.
Да не сам-то я сюды на Кубань зашел,
Ой да я не сам на Кубань зашел да заехал,

Ой ну и вот занесла меня неволя царская,
Ой занесла меня ды, казака Некрасу, всё неволя,
Ой да неволя царская, вот да государская.
Ну прости, прости ж ты меня, сторушка,
Ой да прости, прости всё, да тихий Дон,
А еще ж меня прости, весь и род-племян.

133. НЕКРАСОВА ПОРОДИЛА ЗЕМЛЯ РУССКАЯ

Ой да как взошло-то, взошло солнце красное,
Да над горой оно взошло же над высокою,
Ой да над полями взошло оно над широкими,
Да над дубравами взошло да над дремучими.
То не солнце, братцы, взошло же оно красное,
То воспроиздился да казаченька, добрый молодец,
А он же добрый молодец, да по имени ж Игнат-сударь,
Ой да Игнат-сударь, а он ведь сын-то — некрасовец,
Ой сын-некрасовец, а он родной батюшка.
Ай и кто ж-то его, доброго молодца, воспроиздил?
Ай и кто ж-то его, доброго молодца, вспоил-вскормил?
Ай и кто ж-то его, доброго молодца, возлелеял?
Ой да как и личишко у добра молодца оно снегу белого,
А румянец у добра молодца он, будто маков цвет.
Ой да и бровьюшки у добра молодца они соболиные,
Ай и глазюшки у добра молодца они соколиные,
Ой да и сам-то он, добрый молодец, орел быстрый,
Ой да а он орел быстрый, сокол же ясный.
Ай и кто ж-то его, добра молодца, да воспроиздил?
Ой воспроиздила его, добра молодца, земля русская,
Ой да вспоил-вскормил добра молодца тихий Дон,
А взлелеял добра молодца а он млад светел месяц,
Ой да приукрасило добра молодца солнце красное.

134. ПОЕДИНОК КАЗАКА С ТУРКОМ ПРИ ПЕТРЕ I

Не черной то ворон по горам летал,
Молодой то турчан по полкам гулял.
Он своё ту войскою выхваляется,
Над донской ту войскою насмехается,
Называет донску войску всё вороною:
«Эх, ворона ты, донска войска,
Я и к вам-то прилетал вороною,
А от вас-то лечу ясным соколом».
Вот и просит турчан себе поединщика.
Выбирался казак лет семнадцати,
И съезжались они с турком, распрощались:
«Ты прощай-ко, прощай, казак донской войскою!»
«Ты ишшо-то прости ты, наш белой царь,
Ты ишшо-то прости, отец с матерью,
Ты ишшо-то прости, донская войска моя».
Ну съезжались они с турком ровно по семь верст,
Ну и снял-то срубил казак с турка голову,
Он и поднял главу на востром копье,
Он понес главу к самому царю,
К самому царю Петру Первому.
«Ишшо чем я тебя, казак, буду жаловать,
Али златом, казак, али серебром?»
— «Мне не надо твое ни злата, ни серебра,
Не руби-ко ты да наши головы,
Ты не брей-ко, не брей наши бороды,
Ты пусти-ко нас, пусти в домовою отпуск,
Ту к отцу ту нас, к матери на свиданьецо,
К молодой жене на забавушку».

135. ПОХОД БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО НА ХИВУ

Как на устье то было, братцы, Яикушки,
На краю моря было Каспицкого,
Что во славном городке было во Гурьеве,
Собирались тут войска царские,
Войска царские, ребята, всё из-за моря,
А с войсками, братцы, казаки были
Гребенские, братцы, и прияцкие, старожилые,
Как посланником царя был князь Бекович,
И сказал всем нам он словечушко:

«Вот наш батюшко православный царь
Посылает нас на Аму-Дарью реку,
На Аму реку, на Ургенч город.
Завоюем мы ханство хивинское,
Покорим его, братцы, царю белому,
Царю белому, ребята, Петру Первому,
И хивинцев всех расколотим там,
Самого хана мы в полон возьмем.
И за то за всё наградит он вас,
Наградит он вас всех по-царски.
А теперь, братцы, вы послушайте,
Вы послушайте, казаки-братцы,
Что поход будет нам труднехонек:
На пути своем не встретим речушек —
Одна гола степь без дороженек.
Ой вы братцы мои, вы казаченьки,
Прияцкие, старожилые, постарайтесь,
Сослужите службу небывалую,
Помогите вы царю-батюшке.
А возьмем Хиву — погостим мы там,
И к холодной зиме мы домой придем».

136. ПЕТР I И КНЯЗЬ ГАНДЖЕРИН

Православный царь Петр Алексеевич
Много силы набрал, много силы накопил,
Нам, казаченькам, в поход — объявил.
Он князей-то, бояр дарил-жаловал,
Дарил селами, дарил подселками,
Да еще-то он дарил городом Бебердом.
Как спросил православный царь Алексеевич:
«Вы князья мои, бояре, воеводы московские,
Да где ж это мой слуга Ганджерин-князь?»
— «Он ушел-то, бежал королю литвы служить,
Служить верой-правдою, без изменушки».
Воскликнул православный царь громким голосом:
«Вы подайте-ка мне доброго коня,
Еще дайте вы мне золоту трубу,
Я пойду в чистое поле на высок курган,
Посмотрю я воздалече-воздалеченько».
Не пыль, не кура по дороге курит-подымается,
Не туман в поле расстилается,

По той по дороге бежит слуга Ганджерин-князь.
В поводу он ведет двух предобрых коней,
В тороках он везет две головушки,
Две головушки, две не простые — княженецкие.

137. НАПАДЕНИЕ ГОРЦЕВ НА КАЛМЫКОВ

Как у нас то было во калмыкушках,
Собиралася тут, соезжалася
Вот ордынушка, сила неверная, —
Темергойцы-собаки с бессемейцами.
Они вместе собиралися.
Они думушку думали все единую:
«Во которую, братцы, во сторонушку
Да мы на удар пойдем?
Ударимте-ка мы, братцы, во улусишки,
Что во те улусы во калмыцкие,
На ту кибиточку белу ханскую».
Молодого хана дома не случилось:
Он поехал во матушку во Россиюшку,
В каменную Москву.
Молодая ханша крепко испугалася;
Кричит-то она, зычит своим нежным голосом:
«Уж вы вояси мои, слуги верные,
Вы дайте, подайте мне, молодой ханше,
Перевезите меня на ту сторону,
Вы возьмите с меня пятьсот рублей.
Коли мало, возьмите всю тысячу;
Коли мало, возьмите вороньих коней,
А в приданое вам дарю
Я свой золотой перстень!»

138. КРАСНОЩЕКОВ ПОД ДЕРБЕНТОМ

За славною за реченькой Низовою,
За высокою горою снеговою,
Под крепким городом Дербентом,
За высокою каменной стеною,
Стояла царя белого армеюшка.
Как восплачется атаманушка,
Наш батюшка Иван Матвеич,
Его сотнички, полковнички утешают.
И хорунжие с есаулом ублажают:

«Ты не плачь, не тужи, Иван Матвеевич!»
Не золотая трубонька вострубила,
Не серебряная возговорила,
Говорил атаманушка Иван Матвейч:
«Глупые, неразумные мои старшинушки!
Как мне, Ивану Матвейчу, не тужить,
Как же мне, Краснощекову, не плакать?
Какая наша казачья верная служба,
Что последний солдат казаков старшина,
Нас в глаза ругает.
Напишу я самому царю донесение».

139. ШЕРЕМЕТЕВ НАБИРАЕТ СОЛДАТ ДЛЯ АРМИИ

Ой ты матушка родная,
Спеть ли песенка новая,
Ой спеть ли песенка новая,
Что новая недавняя,
Ой что новая недавняя,
Ой что новая недавняя,
Недавняя, забавная.
Как у нас было в
Кронштадте,
Среди торгу-базару,
Среди площади красивой,
Тут стоит нова горница
Со косяшным со окошкэм,
Со хрустальным оконницам.
Что во той новой горнице
На ременчатом на стуле
Тут сидит большой боярин,
По имечку Борис Петрович,
По фамилье Шелеметев.
Он наборы набирает,
Солдатиков забривает.
Все солдаты стоят, плачут,
Что один солдат не плачет —
Вдоль по ярмарке гуляет,
В золоту скрипку играет,
Солдатиков забавляет:
«Вы не плачьте-ко, ребята,
Не тужите, новобраны:
Нам не пашенька пахати,

Не работа работати,
Только в фрунты постояти,
Только ружья заряжати».
— «Это как же нам не плакать:
Наши домики пустеют,
Отцы, матери стареют,
Молоды женки вдовеют,
Малы дети сиротеют».

140. ПЕТР I ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ЦЕРКВИ

Среди было царствá Московского,
Что среди государства Российского,
Середина Москвы, в Крёмле-городе,
Еще удеялося да учинилося
У того у дворца у государева,
У того у дворца у прекрасного.
Что то не грозная туча подымается,
Что то не синее облако выкатается,
Что не светёл месяц выкатается,
Как то не ясное солнце выкаталося,
Выходил ведь наш надежда православный царь,
То ведь бывший царь Петр Олексеевич.
Он садился, государь, в карету зóлотую,
Покатился государь наш ко божьей церквй,
Ко божьей церквй ко соборной,
Ко соборной ко Благовещенью.
Становился государь на место царское,
Он служил-то, государь, божьи службы да молёбены.
Покатился государь наш от божьей церквй,
От божьей церквй от соборной.
Впереди царя несут знамёнье царское,
Позади-то несут мисú серёбряную,
Что на мисы той золотых много,
Еще больше того всё серёбряных.
«Вы берите, ребята, сколько надоть вам!»

141. ЦАРЬ И СОЛДАТЫ В КРУЖАЛЕ

Ой да ходил-гулял добрый молодец,
Ходил-гулял тот по базару,
Ой да ну за ним-то идут они, вестовые,

За ним идут три солда... три солдатушки,
Ой да за ним идут три солдатушки,
За ним идут они, вестовые.
Ой да вот заходят они, вот добрые молодцы,
Входят они во кружа... во кружалы,
Ой да входят добры молодцы,
Входят они во кружалы.
Ой да как один-то из них, удал добрый молодец,
Скричал своим громким го... громким голосом,
Ой как один из них, добрый молодец,
Скричал громким голосом:
«Вот вы целовальнички мои, целовальнички
Вы все мои молодые!
Вот ну наливайте же мне вот и зелена вина,
Да и лейте ее безме... ну безмерно;
Вот вы получайте с меня, с меня золоту казну,
Её с меня безрасче... безрасчетно,
Ой получайте золоту казну
С меня ее безрасчетно!»
Вот и как и тут-то они, мои целовальнички,
Да и все-то они перьпуга... перьпугались,
Ой как и тут-то целовальнички,
Они перьпугались.
Ой да как один-то из них, вот старой солдат,
Ну один солдат не спужа... не спужался,
Ой как один из них, вот старóй солдат,
Один солдат не спужался:
«Ой да уж вы стойте же вы, вот мои товарищи,
Да вы стойте, вы не робе... не робейте,
Ой да вы стойте же, товарищи,
Да вы стойте, не робейте!
Ой да как у нас-то у нас ай да православный царь,
Только царь Петро Алексе... Алексеевич,
Ой как у нас-то ой да православный царь,
Вот сам Петро Алексеевич!»
— «Ай и почему же меня, почему, старой солдат,
Ты по чем же меня узна... узнаваешь,
Ой по чему же ты, старой солдат,
Ты по чем меня узнаваешь,
Ой да ну по имению, вот и по прозваньицу
Царем меня назы... называешь,
Ой ну по имению, по прозваньицу
Царем меня называешь?»
— «Ой да ну и как же тебя, как же тебя, православный царь,

Как же мне тебя не зна... мне не знати,
Ай ну и как же тебя, православный царь,
Ну и как же тебя не знати:
Ох и потому я тебя, вот я тебя, православный царь,
Вот я тебя признава... признаваю,
Ой потому тебя вот, православный царь,
Потому я признаваю —
Я служил у тебя только, православный царь,
Служил при вас в темном колидо... колидоре!»

142. МОЛОДЕЦ НА ПРАВЕЖЕ

Били доброго молодца на правеже,
На жемчужным перехрёстычке,
Во морозы во хрещенские,
Во два прутьишка железные.
Он стоит, удаленькой,— не тряхнется,
И русы кудри не шелохнутся,
Только горючй слезы из глаз катятся.
Наезжает к нему православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич.
Не золотая трубынка вострубила,
Не серебряна сиповычка возыграла,
Тут возговорит царь Петр Алексеевич:
«Вы за что добротного казните,
Бьете-казните казнью смертною?»
Тут возговорят мужики приходские:
«Уж ты гой еси, православной царь,
Царь Петр Алексеевич!
Мы за то ёго бьем-казним —
Он покрал у нас Николу ту Можайского
И унес казны сорок тысячей».
Тут возговорит добрый молодец:
«Уж ты гой еси, православной царь,
Православной государь Петр Алексеевич!
Не вели меня за слово казнить-вешати,
Прикажи мне слово молыти.
Мне сея, добра молодца, поправить.
Не я покрал у них Николу ту Можайского
И не я унес у него золоту казну,
А покрали ёго мужики-кашилы.
Только лучилося мне, доброму молодцу,
Это дело самому видети.

Гулял я, молодец, по бережку,
На желтым песку, при мелком леску,
И увидел, что они делят казну,
Не шшитаючи, делят, отгребаючи.
У меня, у молодца, сердце разгорелось,
Молодецка кровь раскипелась,
Ломал я, молодчик, мостовиночку дубовую,
Перебил я мужиков до полусмерти,
Иных-прочих чуть живых пустил.
И взял я у них золоту казну,
Взявши казну, стал перешшитывать,
Нашшитал казны сорок тысячней».
Тут не золота трубынка вострубила,
Не серебряна сиповычка возыграла,
Как возговорит надежа православной царь,
Православной государь Петр Алексеевич:
«Ты куда такову казну дёвал?»
Тут возговорит добрый молодец:
«Уж ты гой еси, православной царь,
Православной царь Петр Алексеевич!
Прогулял я во кружале
Со голытьбою со кабацкою!»

143. РОЖДЕНИЕ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

Как у нас было во царстве, каменной Москве,
У царя-то у Петра-то у Первого
Идет пир-пированьицо,
Пьют на веселе, на радости
Со князьями, со боярами:
Родился у него милый сын Алексей Петрович.
Уж и кличет царь клич, гаркает,
По три утра да по три вечера,
По три зори, зори утренние:
«Уж и есть ли в Москве плотнички,
Государевы работнички?
Уж вы сделайте, плотнички, золотую колыбелюшку
Младому царевичу Алексею Петровичу,
Ее мудрую, хитрую из кипарисного дерева.
В головах-то вырезывайте: всходи красное солнышко,
В ногах-то вырезывайте перекаточный светел месяц,
По праву руку вырезывайте частые звездочки,
По леву руку вырезывайте коня доброго, сивого,
косматого».

На утре было на утречке, на сходимом красном солнышке,
Приходили к царю плотнички с золотой колыбелею.
Уж и эта же ему колыбелюшка весьма да приглянулася,
Младому царевичу Алексею Петровичу.

144. ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ ХОТЯТ КАЗНИТЬ

Вы не каркайте, вороны, да над ясным над соколом,
Вы не смейтесь, люди, да над удалым молодцем,
Над удалым молодцем да над Алексеем Петровичем.
Уж и гусли вы гуслицы!
Не выигрывайте, гусельцы, молодцу на досадушку!
Когда было мне, молодцу, пора-времечко хорошее,
Любил меня сударь-батюшка, взлелеяла родима матушка,
А теперь да отказалася, царски роды помешались,
Что ударили во колокол, во колокол нерадостен:
У плахи белодубовой палачи все испужалися,
По сенату все разбежались...
Один Ванька Игнашеноч-вор,
Не боялся он, варвар, не опасился.
Он стаёт на запяточки ко глухой да ко повозочке,
Во глухой-то во повозочке удалой доброй молодец
Алексей Петрович-свет...
Без креста он сидит да без пояса,
Голова платком завязана...
Привезли повозочку на поле на Куликовое,
На степь да на Поташкину, ко плахе белодубовой,
Посылает Алексей Петрович челобитную
Ко родимому дядюшке ко Миките Романовичу.
Его дома не случилось, в терему не находилоя,
Он ушел да во мыльну во парушу
Да помыться, да попариться.
Приходят челобитьице ко родимому ко дядюшку
Во мыльну теплу банюшку.
Он не помылся, да не попарился,
Он кладет да шелков венчик
На дубовую на лавочку,
Кладет да костромское мыльцо
На косящето окошечко,
Он берет да золоты ключи,
Он идет да во конюшну белокаменну,
Он имае да коня доброго,
Он седлае да седло черкасское,

И поскакал он ко плахе белодубовой,
Ко любезному племянничку к Алексею да Петровичу,
Воротил он своего племянничка
От казнения, от вешанья.
Приезжает он во свои палаты белокаменны,
Завел он пир-гуляньицо на весело.
А у его-то родимого батюшки,
У Петра-то да у Первого,
В дому-то печаль да кручинушка,
Призавешаны окошечки черным бархатом.
Он зовет к себе да требует
Любезного зятюшку да Микиту Романовича:
«Что, любезный зятюшко, пьешь на радости, на веселе,
А у меня-то тоска да кручинушка:
Нету сына милого Алексея да Петровича».
Отвечает Никита Романович:
«Пью я на веселе, на радости,
У меня-то в гостях родимый племянничек
Алексей да Петрович...»
Царь-государь весьма этому обрадовался,
Приказал он свои створчаты окошечки
Открыть для света для белого
Да призавесить алым бархатом.

145. ЦАРЯ ВСТРЕЧАЕТ МЕНШИКОВ

Старики мои стародавние,
Из тумы-тумы прирожденные!
Ничего, старики, вы не ведаете.
А у нас во Москве не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему.
Называют-то Москву деревнею,
Государев дворец — конюшнею.
Не белая заря занималась,
Не красное солнце выкаталось,
То едет наш православный царь
Со князьми, со боярами
И со думными сенатóрами.
Сустречает царя князь Меншиков
Александр сударь Данилович.
«Здравствуй, батюшка наш православный царь!»
— «Здравствуй, князь ты сударь Данилович.
Что во нашей во Москве делается?»

— «Ой ты батюшка православный царь!
Во Москве не по-прежнему,
Не по-прежнему, не по-старому:
Называют там Москву деревнею,
Государев твой дворец — конюшнею».

146. ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ И ПЕТР I

А ходил-гулял добрый молодец по чисту полю,
Искал себе поединщиков,
И находил во чистом поле —
Сидят шестьдесят удалых добрых молодцев
И деляют ёны золоту казну.
И приходит этот дородний добрый молодец,
Сам говорит таковы слова:
«Ай же вы удалы дородни добры молодцы!
Дайте мне-ка-ва золотой казны
Хоть малый жеребеечек!»
И проговорят все удалы добры молодцы:
«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны.
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын!»
Показалось ему это слово
За досаду, за обиду за великую,
Ухватил черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле.
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбегалися,
И оставили ёны золоту казну.
Взял удалый добрый молодец золоту казну
И понес в каменну Москву.
Приходит в каменну Москву на царев кабак,
И купил-брал зелена вина,
Сам говорил таковы слова:
«А пейте, братцы, зелена вина,
Не пропить моей золотой казны —
Есть у меня золотой казны сорок тысячей».
И пригодилися служки монастырские,
И доносили его царскому величеству.

И приводят этого удалого добра молодца,
И стал царь его допрашивать:
«Скажи, скажи, удалый дородный добрый
молодец,

Был ли ты красть монастыря Румянцева,
И был ли ты нести золотой казны?»
Говорит удалый добрый молодец:
«Ай же ты царь Петр Алексиевич!
А не был я красть монастыря Румянцева,
И не был я нести золотой казны,
А ходил-гулял по чисту полю
И находил во чистом поле
Шестьдесят удалых добрых молодцев:
И поделают ёны золоту казну,
И золотой казны сорок тысячней.
И просил я у них золотой казны
Хотя малого жеребеечка,
А ёны говорят, удалые молодцы:
«Голячок ты, удаленький молодец!
Не можешь нажить себе золотой казны,
А не дадим тебе малого жеребеечка,
А не дадим тебе и трех рублей,
А не дадим тебе и трех алтын!»
Показалось мне это слово
За досаду, за обиду за великую,
Ухватил я черленый вяз
И ударил черленым вязом по сырой земле.
От того удара богатырского
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбегалися,
И оставляли ёны золоту казну».
Проговорит его царское величество:
«Ай же ты удалый дородный добрый молодец!
Ходи-гуляй по чисту полю
И стой за веру христианскую».

147. ПЕТР I БОРЕТСЯ С ДРАГУНОМ

У дворца, дворца было государева,
У того крыльца у красоного,
Стоял тут раздвижной стул,

На стулу сидит православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич,
Перед ним стоят князья-бояре.
Речь возговорил православный царь:
«Ой вы гой еси, князья-бояре!
Нет ли из вас охотничка
Со белым царем поборотися,
За проклад царя потешити?»
Все князья-бояре испужались,
По палатушкам разбежались.
Перед ним стоит молодой драгун,
Молодой драгун лет пятнадцати,
Речь возговорит он белу царю:
«Гой ты гой еси, православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не прикажи ты меня казнить-вешать,
Прикажи мне слово молвити,
Слово молвити, речь возговори.
Я охотничек с тобой, со белым царем, поборотися,
За проклад царя потешити».
— «Когда поборешь ты меня, молодой драгун, милую
тебя,

А я поборю — казнить буду тебя».
Речь возговорил молодой драгун:
«Есть воля божья и твоя, царёва».
Подпоясывал православный царь шелков кушак,
Выходили они с молодым драгуном, сухваталися.
Речь возговорил ему молодой драгун,
Белу царю Петр Алексеевичу:
«Гой ты батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Да я тебя, православного царя, побороть хочу!»
Левой рукой молодой драгун побарывал,
Правой рукой молодой драгун подхватывал,
Не пушал царя на сыру землю.
Речь возговорил православный царь:
«Сполать тебе, драгун, боротися!»
Подходил к нему молодой драгун близехонько:
«Гой ты гой еси, батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Не погневайся на мое бороньце».
— «Благодарю тебя, молодой драгун, за бороньце!
Чем тебя, молодой драгун, дарить-жаловать:
Селами ли те, деревнями,

Али те золотой казной?»
— «Не надо мне ни селóв, ни дёревнев,
Ни матушки золотой казны.
Дай ты мне безденежно
По царевым кабакам вино пить».

148

Как за реченькой за Волгою
Не камыш-трава в поле шатается,
Зашатался душа добрый молодец;
Он не сам собой, не своей охотою,
Он не охотушкой — большой неволюшкой.
Как неволюшка — наша жизнь боярская,
Жизнь боярская, служба государская,
Нашего царя белого Петра Первого.
Петр Первый же объявил солдащину,
Молодых ребят идут во солдаты брать.
У солдатушки нам идти не хочется,
А хоть и хочется — назад не ворочаться;
Хоть и вернемся — к сердцу не привернемся.

149

Не бела зоря занималася,
Не красно солнце выкаталося,
Выкаталося знамя царское,
Государево, царя белого,
Царя белого Петра Первого.
На значечке есть написано, напечатано
И про нас лишь добрых молодцев.
Из-под значечка идет добрый молодец.
Он не пьяной идет — сам шатается,
За ковыль-траву запинается,
Горючьими слезами заливается,
С отцом, с матерью прощается:
«Прости, батюшка, прости, матушка,
Прости ты, весь род и племя,
Вы простите, мои малые детушки,
Только не прости, моя молода жена!
Молода жена, пагуба моя:
Погубила мою буйную головушку,

От тебя пошел, от тебя пропал,
От тебя спознал чужу сторону,
Нужду крайнюю, службу царскую!»

150

Не во матушке было, было в Россиюшке,
Во Россиюшке было, было в каменной Москве,
У крыльца-то ли у дворца было государева,
Гребенской-ат казак уж он на часах стоит.
На часах-то стоит, сам он слезно плачет,
Во слезах-то ли он словечушко молвит:
«Вы подуйте-ка ли вы, уж ветры буйные,
Пошатните-ка ли вы горы высокие,
Пошатните-ка ли вы леса темные,
Разнесите-ка ли вы царскую могилушку,
Отверните-ка ли вы, уж вы гробовую доску,
Откройте-ка ли вы золотую парчу.
Ты встань, восстань, батюшка ты Грозный царь,
Грозный царь да ты Иван Васильевич!
Посмотри-ка, погляди на свою армеюшку,
Как стоит-то ли она всё не по-прежнему,
Все усы-то у ней, этой армеюшке, пообритые,
Больши бороды у ней, у этой армеюшке, пострижены».

151

Во славном городе во Санкт-Питере
Стояли палаты белокаменные.
Во тех во палатах белокаменных
Состроена тут кроватушка тесовая,
На кроватушке изголовьице точеное,
Точеное, позолоченое,
На изголовьице подушечки шелковые,
Шелковые и парчовые,
На подушках одеяло соболиное,
Того соболя сибирского,
Под одеялечком лежит удалый добрый молодец,
Удал добрый молодец, наш православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич.
Перед ним стоят все князья-бояре,
Все старшие фельдмаршалы.
Возговорят все князья-бояре,

Все старшие фельдмаршалы:
«Тебе, видно, худо можется,
Худо можется, конец близится.
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?
Кому у нас будет сенат судить,
Кому у нас владеть каменной Москвой,
Каменной Москвой, всей Россиею?»
Как не золотая трубонька вострубила,
Как не серебряная сиповочка возыграла,
А возговорил наш батюшка православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич:
«Сенат судить вам, князьям-боярам,
Каменная Москва и Россия вся — моей государыне».
Услыхала государыня,
Из палат идет, сама вопит:
«О ты гой еси, мой мил-сердечный друг,
Православный царь Петр Алексеевич!
На кого ты свое царство приказываешь,
На кого ты свое государство отказываешь?»
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возыграла,
Ан возговорит наш православный царь,
Православный царь Петр Алексеевич:
«Сенат судить князьям-боярам,
Всем старшим фельдмаршалам;
Каменная Москва тебе, моя государыня,
Каменная Москва и Россия вся».

152. ВЕСТИ О ВОССТАНИИ НА ДОНУ

Ах служили мы на границе три годочка,
Нам ни весточки, ни грамотки с Дону нету,
И словесного челобитьяца нам не прислано.
На четвертом годочке перепала весточка,
Не полуночная звезда с небес упала,
А скорая почта прибегала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушке Ивановичу Фролову:
«Уж ты здравствуй, походный наш атаман,
Уж ты здравствуй со походными старшинами,
Уж ты здравствуй со служащими казаками!
Как у нас-то на тихом Дону нездорово:

Как приехали к нам на тихий Дон всё рассыльщики,
Во рассыльщиках были два боярина;
Без указа-то они государева нас разоряют,
И они старых стариков всех ссылают,
Молодых-то малолеток берут во солдаты.
Оттого-то наш славный тихий Дон возмутился,
Возмутился славный тихий Дон вплоть до устьяца,
Как и до славного до города Черкасского».

153. ДОЛГОРУКОВА ВЕДУТ НА КАЗНЬ

По большой дорожке
Не купца ведут, не боярина,
Самого князя Долгорукого.
По бокам идут два полка солдат,
Два полка солдат, два тысячных.
Наперед идет сам грозной палач,
Позади идет боярыня,
Набелёна, нарумянена,
Она плачет — что река льется,
Слезы катются — что волна бьется.
«Ты не плачь, моя боярыня,
Набелёна, нарумянена!»
— «Уж как же мне не плакати,
Коль крестьянушек отписывают,
В золотой казне воли нету?
Только один золотой перстень мой».
— «Давай перстень палача дарить,
Чтобы придал скорую смерть».

154

Уж ты ягодка, ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, летом выросла,
Зеленехунька позаломлена,
По три прутичка в пучки вязана,
По дороженьке поразбросана.
На том-то было дворе Шереметевом,
За столом-то сидят три генералушка,
Перед столом-то стоит красная девушка,

Красная девушка просит генералушков:
«Раскуйте моего батюшку, разверзните мою матушку!»
— «Не плачь, Прасковьюшка, не тужи, не кручинься.
Не можем мы, генералушки, расковать твоего
батеньку,
Не можем мы разверзнуть твоей матушки.
Ты пойдй к самому царю белому,
Подойди тихохонько, проси смирехунько, поклонись
низехунько».

Идет Прасковьюшка к самому царю белому.
На крыльце-то сидит православный царь.
Как возговорит речь Прасковьюшка
Своим громким голосом:
«Ты прости, православный царь,
Моего батеньку и мою маменьку,
Прикажи, царь, расковать моего батеньку,
Прикажи разверзнуть мою маменьку».
Как возговорит в ответ православный царь:
«Не прощу я, Прасковьюшка, твоего отца, матерю,
А сошлю я его под Сибирь-город, а ее на фабрику».

155. КАЗНЬ БОЯРИНА

Голова ль ты моя, головушка,
Голова моя послуживая,
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года,
Со добра коня не слезаючи,
Из стремян ног не вымаючи.
Ах не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого,
Только выслужила головушка
Два столбика высокие,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.
По Мясницкой славной улице,
За Мясницкими за воротами
Ведут князя-боярина.
Перед ним идут попы, дьяконы,
Во руках несут большу книгу,
А за ним идет солдат рота,

Наголо несут шпаги острые,
А по правую по сторонушку
Идет его грозной палач,
Во руках несет саблю острую,
А по левую по сторонушку
Тут идет его родна сестра,
Она плачет — что река льется,
Возрыдает — как ручьи текут.
Унимает ее родимой брат:
«Ты не плачь, не плачь, родна сестра,
Не слези свои очи ясные,
Не руди своего лица белого,
Не надсажай своего сердца ретивого.
Как чего же тебе хочется:
Иль поместий моих, иль вотчины,
Иль имения тебе богатства,
Или злата, или серебра,
Иль моего тебе здоровьица?»
— «Ах ты свет же мой любезной брат!
Ничего-то мне не хочется —
Ни поместий твоих, ни вотчин,
Ни имений твоих богатства,
Ни злата, ни серебра.
Уж как только мне, братец, хочется
Твоего, сударь, здоровьица.
Да что взговорит родимой брат:
«И ты свет моя родна сестра!
Тебе плакать — не выплакать,
Молить бога — не вымолить,
У царя просить — не выпросить.
И так меня бог помиловал,
Государь-царь пожаловал,
Велел срубить буйну голову
По мои плеча могучие».
Как ввели князя на сруб высок,
На его место показанно,
Он молился Спасову чудну образу,
Он на все стороны низко кланялся:
«Ах прости, прости, мир и народ божий,
Помолитесь за мои грехи,
За мои грехи тяжкие».
Не успел народ лишь взозрити,
Как отсекли буйну голову
По его плеча могучие.

1

Ох не три поля кручинушки изнасеяно,
 Уродилось кручинушки три долинушки.
 Что под славным под городом подо Гранским
 Что расплачутся солдаты да со драгунами:
 «Ох, ты служба да наша служба да государева,
 Зачалася наша служба да бесконечная,
 Что на наши на солдатские на головушки,
 Что повывела на святой Роси добрых молодцев.
 Ох что хвалится Лещинской-вор, похваляется,
 Да что хочет побывать у нас на святой Роси,
 Что во стольное во царство во Московское:
 «Соберу я себе силы да, братцы, трех земель.
 Еще первую силу земли прусские,
 Еще другую сберу силу земли французские,
 Еще третью силу да земли польские,
 Еще-от Псков и Новгород во ногах стопчу,
 Еще села и деревни да выжгу, вырублю.
 Я и церкви и деревни да всё на дым спущу,
 Ох, я девок и баб всех на блуд возьму!»
 Не успел тут Лещинской-вор похвалиться,
 Светлорусская да сила облегла
 Что со всех, братцы, с четырех да сторонушек,
 Что да насилу тут Лещинской сам-третьей ушел,
 Бегучи, сам Лещинский да заклинается:
 «Что не дай, боже, бывать да на святой Роси,
 Что да во сильном во царстве да во Московском,
 Что не мне, братцы, Лещинскому, ни моим детям!»

2

Красно солнушко с светлым месяцем поразмолвилось,
 Называет солнушко светлый месяц назывочкой:
 «Назывочка-батюшка светлый месяц!
 Изменяешь ты красному солнушку
 И глядишь ты, назывочка, позднёшенько вечером,
 Унимаешь ты у невольничка путь-дороженьку
 С полону бежать князю Лещинскому».
 У Лещинского колясочка ровно жар горит,
 Во колясочку заложены кони во двенадцать пар,
 На конях фолейторы все подкуплены.
 Гонит погонь за князем Лещинским,

Гонит погонь во пятьсот жандар.
Прибежал Лещинский ко Дунай-реке,
На ту пору переправщиков не случилось.
«Ты позволь, Дунай-батюшка, переправиться!»
Попроша Дунай, князь Лещинский в реку бросился.

158. КРАСНОЩЕКОВ В ПЛЕНУ

Приуныло, приумолкло войско донское,
Приужаснулась армеюшка царя белого
Без верного служителя государева,
Без Ивана Матвеича Краснощекова.
Взяли Краснощекова в полон шведы,
Повели доброго молодца к Левенгаупту,
Как и стал его Левенгаупт спрашивать:
«Ты скажи, скажи, доброй молодец, не утай ничего —
Ты чем служил царю белому, как ты жалован:
Сотником, полковником иль бригадирушкой?»
Речь возговорил Краснощеков Левенгаупту:
«Я служил царю белому ровно тридцать лет,
И не сотником, полковничком, бригадирушкой,
Я служил царю белому — рядовой казак».
— «Нет, неправду, разудалой, открываешь мне.
На тебе, младец, управушка не казачая,
На тебе-то управушка командирская.
Я хочу тебя, младца, просить просьбою:
Ты служил царю белому ровно тридцать лет,
Послужи ты царю шведскому хоть три года».
Как воскрикнул Краснощеков Левенгаупту:
«Ах, если бы была при мне сабля острая,
Послужил бы я над твоей буйной головушкой».

159. КРАСНОЩЕКОВ СРАЖЕН ПУЛЕЙ

Ах во тысяча семьсот сорок втором году
Под славным было городом под Гельцемфорсом,
Ах не лютая змея в поле извивалася,
Извивалася тут пуленка свинцовая.
Она не падала ни на землю, ни на воду,
Она падала во армию во московскую.
Полюбила-излюбила она казачий полк,
Ах убила она казачьего полковничка,

Ах того ли кавалера Краснощекова самого.
Перепала скоро весточка в Санкпитебург,
Пишет государони сама грамотку:
«Ах вы гой еси, генералы и фельдмаршалы мои,
Ах вы сделайте добру молодцу дубовой гроб,
Постелите во гробницу черного бархату,
Проводите вы доброго молодца в Санкпитебург,
Погребите добра молодца в Успенском соборе».
Ах нет у добра молодца отца и матери,
Нет у добра молодца роду и племени,
Только есть у доброго молодца два сына.

160. ГИБЕЛЬ КРАСНОЩЕКОВА

Что сказать ли вам, братцы, про диковинку,
Как про верного слугу про Краснощекова,
Отчего, братцы, ему скоро смерть солучилася?
Солучилася ему скоро смерть от изменщика.
Поимали же Краснощекова на черной грязи,
Он слезал ли, Краснощеков, со добра коня,
Вынимал ли Краснощеков саблю острую,
Он срубил ли со добра коня буйну голову,
Он срубивши голову, говорил ему:
«Не доставайся ты, мой доброй конь, злу татарину!».
Уж как взяли Краснощекова за белы руки,
Повели же Краснощекова к хану крымскому,
Уж как стали же Краснощекова крепко спрашивать:
«Ты скажи, скажи, Краснощеков, истину,
Еще много ли у вас силы со фельдмаршалом?»
— «Со фельдмаршалом у нас силы ей сметы нет».
— «Еще много ли у вас силы с Краснощековым?»
— «С Краснощековым у нас — что цветов в полях».
— «Послужи же нам, Краснощеков, верой-правдою!»
Ах что взговорит Краснощеков злым татаринам:
«Послужу я вам, друзья мои, саблей острою
Что над вашими ль над буйными головками!».
Еще тут ли татаре осердились,
Они стали над Краснощековым наругаться,
Принялись у Краснощекова ноги резати,
Они разными муками его мучили,
А правды из него не выведали,
Хоть с живого с него кожу содрали,
Но души из него не выняли.

161. ПОМОЩЬ АВСТРИЙСКОМУ ЦЕСАРЮ

Пишет князь-цесарин к государыне в Москву:
«Ты россейская сударыня, ты пожалуй мне силы войскою,
Силы войскою двадцать пять полков!»
А сударыня с сенаторами думу думала,
Она думала думу крепкую заединое.
Набирала она силу войскою двадцать пять полков.
Набравши она силушку, переправлять стала
Через матушку реченьку через тихий Дон.
Переправивши свою силушку, в строй поставила.
В строй поставивши, государыня перекликала:
«Ох вы гой еси, князя со боярами!
Послужите вы верою-правдою князю-цесарину,
С белокаменной стеною — со пехотою,
Со свирепыми людьми — со гусарами,
Со проворными людьми — со калмыками!»

162. РУССКОЕ ВОЙСКО ВЫСТУПАЕТ В ПОХОД

По московской по широкой по дороженьке
Не ковьель-трава, братцы, зашаталася,
Не алы цветы, братцы, развеялися,
Зашаталася тут сильна армия,
Сильна армия царя белого,
Идучи, братцы, в землю прусскую,
На чужудальну на сторонушку,
На чужудальну незнакомую.
Раздувалися знамены белые.
Наперед идут новокорпусны,

Всереди везут артиллерию,
Позади едет сильна конница,
Славна конница кирасирская.
Уж как все веселы идут,
Веселы идут, принапудрены.
Что один из них невесёл идет,
Невесёл идет, призадумавшись.
Что за ним идет красна девица,
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят.
Уж как взговорит удалый добрый молодец:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лица румяного,
Не вздыхай, моя разумная!
Не одной-то ведь тебе тошно,
И мне, молодцу, грустнехонько,
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужудальну незнакомую,
Что на службу я государеву».

163. ПРУССКИЙ КОРОЛЬ ПОХВАЛЯЕТСЯ ЗАХВАТИТЬ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

Что никто, братцы, не знает, не ведает,
Мы стоим на карауле государевом,
Смотрючи и глядючи в землю прущую,
Хвалится, похваляется прущий король:
«Святорусскую земелюшку всю насквозь пройду,
Уж я Ладанское озеро суднами загрузу,
Я Нов славный город мимоход возьму,
Я Кодинский славный монастырь выжгу, выпленю,
Я во славную каменну Москву ночевать приду,
Благоверного государя во слуги возьму,
Благоверную государыню во рассыльщики».
Перепалася скоро весточка в каменну Москву,
Ко славному ко воину к Шереметеву.
Среди ли самой ночи, ночи темная,
Ото сна князь Шереметев пробуждается,
Надевает сафьянны чеботы на босу ногу,
Надевает кунью шубу на одно плечо.
Выходил наш князь на красен крылец
И кричал князь Шереметев громким голосом:

«Ой вы гой еси, солдатушки, слуги верные,
Собирайтесь в поход идти скоро-наскоро!»
Со вечера солдатушкам приказ отдали,
Со полуночи солдатушки ружья чистили,
Ко белу свету солдатушки во поход пошли,
Во славную во землюшку во прусскую.

164. ПРУССКИЙ КОРОЛЬ ВЕДЕТ АРМИЮ

На заре было, вот на зореньке,
На восходе было красна солнышка,
На закате было светла месяца,
Медна пушечка в поле возбрякнула,
Артиллериюшка песню возгаркнула,
Песню возгаркнула, слезно восплакнула —
Во поход пошла в дальни стороны,
В дальни стороны, в немецки слободы,
Впереди идет сам прусской король,
Он идет, ведет свою армеюшку.

165. ОСАДА КИСТРИНА

Еще тысяча семьсот было в пятьдесят седьмом году,
Что у нашей было матушки государыни,
Соезжались генералы к графу Фермору,
Они думали крепкую думушку заединую:
«Еще как бы нам, генералам, во поход идтить,
Во поход идтить генералам в землю прусскую».
Что со вечера при пароле приказ отдан был,
Чтобы были все солдатушки во готовности,
У них ружья были чисты и кремни востры,
Палаши были припущены, штыки примкнуты.
Что завтра вам, солдатам, во поход идтить,
Во поход идтить солдатушкам в землю прусскую.
Что на Вислу наша армия собиралася,
Через Вислу да по дивизиям переправлялась.
Переправившись, наша армия во поход пошла,
Недалече отошедши, становилася.
Они лагеря разбивали в зеленых лугах,
Оне ждали-ожидали нова корпуса,

Не дождавши нова корпуса, во поход пошла.
Чернышев шел с кавалериею чрез Саксонию,
Князь Краснощекой с казаками шел Померанией,
Граф Фермор со пехотою шел землею польскою.
Не дошед они до Кистрина, становилися,
Они лагери разбивали в зеленом бору.
Что со вечера гранодерам приказ отдан был,
Чтобы были гранодеры во готовности,
У них ружья были чисты и кремни остры,
Палаши были припущены, штыки примкнуты,
Что заутра вам, гранодерам, во поход идтить.
Со полуночи гранодеры под Кистрин пошли,
Они пушечки, мортиры на себе везли,
Канонеры с бомбандирами фитили несли.
Не дошед они до Кистрина, становилися,
Они шанцы-батареи испоставили,
Они пушечки-мортиры изнаставили,
Они ждали-ожидали графа Фёрмора.
Не дошедши, граф Фермор, он рукой махнул:
«Помози, боже, гранодерам с канонерами».
Они с третьего каркасу и Кистрин-город зажгли.
Что растужатся кистринские обыватели:
«Еще бог судить королю земли прусские —
Разорил ты наши квартиры обывательские».

166. РАЗГРОМ НОВОГО КОРПУСА

Травынька-муравынька, кавылочек!
Не одной-то тебе, травыньке,
В поле тошно:
И нам, солдатушкам, жить несладко!
Мы стояли во прусской земле,
На границе,
Под Кистрином-городочком, три годочка:
Нам ни весточки, ни грамотки с Руси нету;
На четвертым годочку весточка пала,
И за весточкой указы присылали,
Как у нас, братцы, на святой Руси
Нездорово:
Смутился-помешался весь тихой Дон.
Случилася батальица генеральна
На славным чистым поле Лебедяне.

Поступает пруской король очень крепко,
Разбивает наш молодецкой новой корпус
И со правого фланга да на левой.
Генералушки-бригадеришки испугались, .
А полковники со майорами разбежались,
Из пушечек палили всё сержанты,
Свинец-порох развозили маркитанты.

167. ЦАРИЦА УЗНАЕТ О ГИБЕЛИ НОВОГО КОРПУСА

Ах да невесела наша государыня пребывала,
Она кручинное черное платье надевала,
Она по белым палатушкам ходила-гуляла,
Младого своего князя она пробуждала:
«Ты вставай проснись, великий князь, пробудись.
Вечор ко мне курьерушки прибегали,
Нерадостные грамотки они подавали,
Что побил, порубил король прусской новый корпус.
Ах да мне жаль-то, жаль, государыне, новый корпус,
А жалчей-то, государыне, трех генералов.
Что как первого генералушку — Чернышёва,
А другого генералушку — Познышёва,
А третьего генералушку — Салтыкова!»

168. ЧЕРНЫШЕВ В ПЛЕНУ

Ты звезда, звезда восточная,
Высоко звезда восходила,
Выше светлого месяца,
По заявью красна солнышка.
Во земле было во прусския,
Во Кистрине, славном городе,
За Кистринскими воротами,
Во саду было во вишенья,
Во зеленом виноградыце,
Тут стояла светла свѣтлица,
Заключевна заключевница,
Со косящатым окошечком,
Со стекольчатой околенкой,

Со железной со решеточкой.
Что у этой светлой свѣтлицы,
Заключевой заключевницы,
Были двери всё железные,
Ободверины укладные,
А пробойцы-то булатные,
А замок был в полтора пуда,
Полтора пуда с четвертью.
Как во этой светлой свѣтлице,
Заключевой заключевнице,
Тут сидел да посидельщикек.
Он по свѣтлице погуливает,
Золоту трубку раскуривает,
Запеваёт свою песенку,
Свою песенку любимую,
Свою песенку служивую:
«Ты талан ли мой, талан лихой,
Злая участь, горе горькое!
На роду мне господь писал
Одному горе измыкати».
Мимо этот сад и вишенье
Случило́ся идти-ехати
Самому королю прусскому,
Королевскому величеству.
Как завидел посидельщикек
Из косящата окошечка
Во стекольчату околенку:
«Ах ты гой еси, прусско́й король,
Королевское величество!
Ты умел меня в полон поймать,
Ты умел меня в тюрьму садить —
Прикажи меня поить, кормить,
Не прикажешь поить, кормить —
Прикажи меня на Русь пустить,
Не прикажешь ли на Русь пустить —
Прикажи меня скорей сказнить».
Остоялся сам прусско́й король,
Королевское величество:
«Ах ты гой еси, российский граф
Чернышев Захар Григорьевич!
Уж ты будешь ли по мне служить?
Коли будешь ты по мне служить,
Прикажу тебя поить, кормить,
Прикажу дать двойно́ жалованье».

Закричал тут российский граф
Чернышев Захар Григорьевич:
«Ах ты гой еси, прусской король,
Королевское величество!
Кабы был я на своей воле,
Я бы рад был тебе служить
На твоей бы буйной голове,
На твоей бы шее белая».
Как спроговорит прусской король,
Королевское величество:
«Посиди-ка ты во той тюрьме —
Наберешься ума-разума».
Закричал тут посидельщик
Чернышев Захар Григорьевич:
«Напишу я свою грамотку
Не пером, не чернилами,
А своими горячьми слезьми
Превеликой государыне.
Еще нешто наша матушка
Превелика государыня
На подмогу бы силы прибавила,
Артиллерии бы к нам подкатила!»
Еще прусской король
Не доехал до своего дворца —
Уж и пушечки запукали
Во славной Кистрин-город.
Обездолился прусской король,
Королевское величество,
Выпускал же он посидельщика,
Отвозил к царю белому,
Превеликой государыне,
Он просил замиренница:
«Превелика государыня!
Помиримся со мной, прусским королем!»
Говорит тут посидельщик
Чернышев Захар Григорьевич:
«Превелика государыня!
Не мирися с прусским королем.
Мы возьмем его Кистрин-город,
Разобьем кистрински крепости».

169. СМЕРТЬ ЛОПУХИНА

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит,
Король с армией валит.
При долине на лугу
Лопухин гулял в полку,
Курил трубку табаку.
Он не для того курил,
Чтобы пьяному быть;
Он для того курил,
Чтоб смелее подступить,
Таки речи говорит:
«Починайте-ка, робята,
Вы со правого крыла!»
Наши зачали палить —
Только сажига валит.
Они билися-рубилися
Четырнадцать часов.
На пятнадцатом часу
Стали силу разбирать.
Лопухин лежит убит,
Сам во грамотку глядит,
Таки речи говорит:
«Князь Потемкин-генерал
Всёе силу растерял,
Коё пропил, промотал,
Коё в карты проиграл.
А котора оставалась,
И то по груди в руде;
А котора на горе,
По колена во траве;
А котора под горой,
Завалёна вся землей».
Караулы крепки,
Перемены редки,
Морозы студёны,
Камзолы зелёны.

170. КАЗАКИ КРАСНОЩЕКОВА СНИМАЮТ
ПРУССКИЕ КАРАУЛЫ

Что не пыль в поле пылит,
Пруцка армия валит.
Никуда конца не видно,
Пруцкой силы сметы нет.
Наперед идет Вензер
На своем храбром коне.
Как поближе подходил,
Генералам пригрозил:
«Уж я ли вас, генералушки,
В ногах всех потопчу,
В ногах всех потопчу,
В каменну Москву взойду».
Как и генералы говорили
На ответ слово ему:
«Не бывать тебе, злодею,
В каменной славной Москве,
Не видать тебе, собаке,
Золотых славных гербов».
Как начал Вензер палить —
Только дым столбом валит;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму.
Что не ясён сокол летал,
Краснощеков разъезжал.
Он и ездил по горе
На своем добром коне,
Он приехал, прискакал
Ко донским казакам,
Им словечко он сказал:
«Уж вы братцы, молодцы,
Вы донские казаки!
Вы без мерушки пейте,
Пейте зелена вина,
Вы без счета берите,
Берите государевой казны,
Только скрадите у Вензера
Его крепкий караул».
— «Не велика это страсть,
Караулы его красть».
Они ноченьку не спали,
Караулы Вензеровы скрали.

**171. КРАСНОЩЕКОВ В ГОСТЯХ У
ПРУССКОГО КОРОЛЯ**

Краснощеков у прутского (короля) загулял,
В белых каменных палатах побывал.
Они пили там, гуляли, прохлаждалися,
За дубовым столом, за скатертью шелковой,
Они сами собой выхвалялися.
Как возговорил король Федор Федорович:
«Я всех в Москве знаю и князей, и бояр,
И всех сотников, всех полковников,
Одного только не знаю я донского казака,
Донского казака — Краснощекова сына.
Если б я его узнал, я б голову ему снял».
Краснощеков догадался, из палатей убирался,
Он вскричал-взгичал своим громким голосом:
«Уж вы слуги мои, слуги, вы донские казаки!
Вы пойдите приведите моего верного коня,
Моего верного коня, сизокрылого орла».
Краснощеков на-конь сел, песню королю отпел:
«Ты ворона, ты ворона, загуменная карга!
Не умела ты, ворона, ясна сокола ловить,
В руках его держать, сизы перышки щипать».

172. КРАСНОЩЕКОВ УТЕШАЕТ СВОИХ КАЗАКОВ

Как из-за маленького-то лесочку
Чуть наносило, братцы, голосок,
Как не звериный голос, слышно, человеческий,
Человека-то, слышно, не простого,
Казака-то, слышно, да донского,
По прозванью казак да Краснощек.
Он по армии, казак, разъезжает,
Свою младость, казак, да украшает,
Молодых солдат, казак, увеселяет,
Молодых солдат, казак, увещевает:
«Не плачьте, не тужите,
Ай вы новобранцы!
Вам не пашенка, солдаты, вам пахать будет,
Вам не сенушко, солдатушки, косить,
Будет к одним оружицам, солдатушки, привыкать».
— «Уж как, сударь, нам не плакать,

Наши дома-то отсюда удалились,
Отцы, матери, сударь, устарели,
Родны братьица поженились,
Родны сестрицы-то взамуж вышли,
Молоды жены-то овдовели,
Малы детушки да осиротеют».

173. ВОЗВРАЩЕНИЕ КРАСНОЩЕКОВА

Как по питерской было по дороженьке,
По московскою по широкою,
Тут шли-прошли солдаты.
Веселы полки, очень радостны,
А один-то полк не весёл идет,
Не весёл и не радошен:
Добрых коней в поводу ведут,
Краснощекова на руках несут.
Увидала его родна матушка:
«Ох ты дитяtko мое милое!
Ты зачем больно пьян напиваешься?»
— «Государыня моя родна матушка!
Я не сам-то пьян напиваюся,
Напоил-то меня супостат прусско́й король
Тремá пойлами, тремá разными:
Первое пойлице — сабля острая,
Другое пойлице — ружье огненно,
Третье пойлице — каленá стрела».

174. КАЗАКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ С ПОХОДА

Прошли казачушки с моря Черного,
Со Черного со моря, со Каспицкого,
Со того ли со батальица со турецкого.
Утомленных своих коней в поводах ведут,
А кровавое цветно платьице в тороках везут.
А булатными тупейцами подпираются.
Случилось идти мимо городу,
Мимо городу мимо Питеру,
Увидела милосердная государыня,
Призывает она молоденького полковничка:

Что горька-горька полынь-травушка,
Горчей в поле нет,
Что тяжка-тяжка служба царская,
Тягчей в свете нет.
Собирался наш прущкой король
С своей армией на круту гору,
Становился наш прущкой король под дубровою,
Под дубровою зеленою под высокою,
Он глядел-смотрел в свою сторону:
«Сторона ль ты моя, сторонушка Берлин-город,
Ты укрепа ль моя, укрепушка,
Ты укрепа моя крепкая!
Ты кому ж, моя укрепушка, достанешься?
Доставалась моя укрепушка царю белому,
Царю белому, енаралу Краснощекому».
Краснощекой-енарал он догадлив был,
Он ходил-гулял с купцом по торгу,
Закупал наш енаралушка сорок семь пушек,
Разбивал наш енарал стены каменны,
Через речку через быструю мосты вымостил,
Молодую королеву во полон брали.

177. ЖАЛОБЫ ЕКАТЕРИНЫ II

Мимо рощи шла одинехонька,
Одинехонька, молодехонька,
Никого в роще не боялася,
Я ни вора, ни разбойничка,
Ни сера волка — зверя лютого.
Я боялася друга милого,
Своего мужа законного.
Что гуляет мой сердечный друг
В зеленом саду, в полусадничке,
Ни с князьми, мой друг, ни с боярами,
Ни с дворцовыми генералами,
Что гуляет мой сердечный друг
Со любимой своей фрейлиной
С Лизаветою Воронцовою.
Он и водит за праву руку,
Они думают крепку думушку,
Крепку думушку заединае.
Что не так у них дума сделалась,

Что хотят они меня срубить-сгубить,
Что на мне хотят жениться.

178. РУМЯНЦЕВ ВЕДЕТ ВОЙСКО ПРОТИВ ТУРОК

Возговорил наш-то батюшко Румянцев-генерал:
«Уж и чем-то нам, ребята, гостей потчевать?
Как у нашего царя припасено, собрано,
Пиво пьяно сварено и зеленое вино.
На закуску, на прикуску — всё сухие сухари.
Они в Туле напечены, в Москве высушены».
Наши начали палить, с турок головы валить,
А турецкие головки, ровно шапочки, летят.

179. РУМЯНЦЕВ И МУРХАН-ПАША

Как во середу славный праздничек,
Турки пьяны напивались,
Меж собою похвалялись.
Закричал-зазычал Мурхан-паша:
«Мы Рассею всю наскрозь пройдем,
Мы Румянцева во полон возьмем!»
Возговорил Румянцев-князь:
«Вы не бойтесь, ребяташки,
Мои храбрые казаченьки,
Мы всех турок перебьем,
А Мурхана с янычарами во полон возьмем».

180. КАЗАКИ СНИМАЮТ ТУРЕЦКИЕ КАРАУЛЫ

Еще кто у нас, ребята, в каменной Москве бывал,
В каменной Москве бывал, про визиря кто слышал,
Про того ли про визиря, про турецкую войну?
Мы под городом стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стену каменную пробивали.
Мы стенушку не пробили, только турка рассердили.
Турки из пушек запалили, наших дымом завалили:
Каково есть красно солнце — не видать его в дыму.

Князь Румянцев-генерал свою силу утверждал,
А Суворов подскакал ко донским казакам:
«Ой вы братцы молодцы, вы донские казаки,
Вы донские, гребенские, запорожски молодцы!
Сослужите таку службу, каку я вам велю,
Каку я вам велю и какою прикажу:
Вы пейте-ка без меры зеленёе вино,
Берите без расчёту государевой казны,—
Не можно ли, робята, караулы турски снять?»
— «Не велика, сударь, страсть караулы турски
скрасть».

Тихо ночью подъезжали, караулы турски скрали.
Закидался-забросался сам турецкий визирь,
Чёрзень-реку перешел, во постелюшку слег:
«Не чаял своей силушки в погибели бывать,
А топеря моя силушка побитая лежит,
Вся побитая лежит, вся порубленная.
Побили, порубили всё донские казаки,
Донские, гребенские, запорожцы молодцы».

181. ТАТАРСКИЕ МУРЗЫ УЗНАЮТ О ПОБЕДАХ РУССКИХ

Что не белы то снежки
Во поле забелелися,
Забелелися белы шатрики
Во дикой степи, во густой траве.
Как один-то из них побелее всех,
На отшибе стоит во полугоре.
К тому шатру соезжались
Все мурзы крымские.
Вдруг поодаль их приезжает к шатру
Расланбей-мурза.
Он слезал с коня,
Ни к чему-то его не привязывал
И никому его не приказывал.
Входил он в большой шатер,
Всех-то князей и бояр перездравствовал:
«Я привез вам, Еразлай-бей-мурза, весточку,
Нерадостную нам:
Очаков-город атакован
Царем белым».

182. ВОРОНЦОВ И КАЗАКИ

Из гор из высоких,
Не черные они тучи
Из гор подымались;
Не грозные ли громы
Они из туч они приударили,
Что не князь Воронцов по
своей армеешке
Да он разъезжает,
Он своих-то, своих
казаченьков,
Князь Воронцов, увещевает:
«Кзаки ли вы мои, казаченьки,
Кзаки вы, слуги верные!
Послужите вы, мои казаченьки,
Послужите царю белому,
Царю белому Петру Первому.
Вы поймайте вы пашу того,
Пашу турецкого,
Вы свяжите ему руки белые,
Вы закуйте ему ноги резвые,
Приведите его к царю белому,
К царю белому Петру Первому».

183. РУССКАЯ АРМИЯ ПОД БЕНДЕРАМИ

Как у нас было за городом за Вендэрой,
Не две тученьки не две грозные они
выкатались —
Выкаталася сила-армия во чистёе поле,
Во чистёе поле, в широкое раздолье.
Выходил тут сам-ат батюшко граф Суворов,
Камышевой своей тросточкой он комендует:
«Становитесь вы, солдатушки, по правому
фланку,
Вы берите, робята, и не робейте,
Своих белых рук не жалейте».

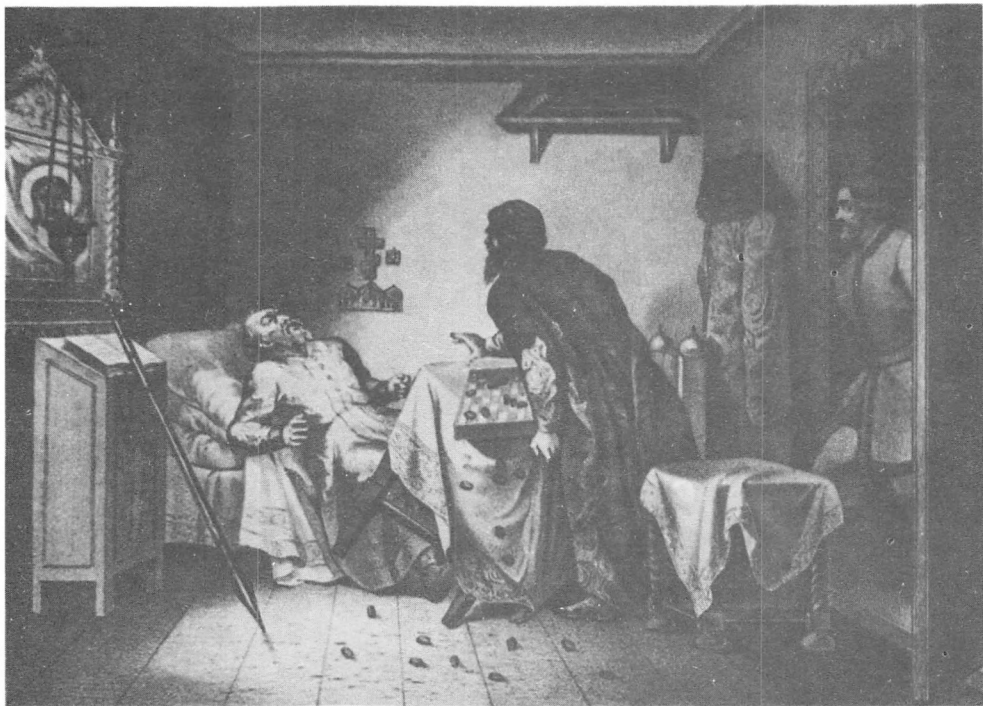
ВСТРЁКА КАЗАНИ ЦАРЯ И ДАМИЕРЪ ВАСИЛИЯ ГРОЗНЫЯ СЪ 1554 Г. ГОДУ.

Литограф. Царский Музей, 1848 г.

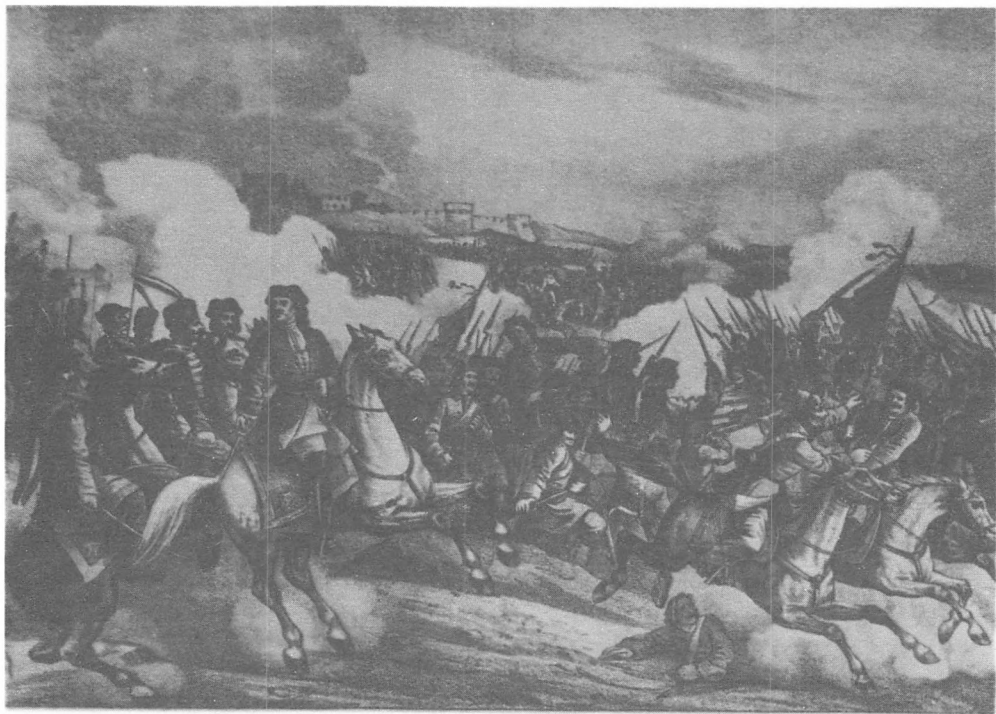
Печ. в. Лито. И. Павлова. Москва, У. С. в. д. Губерн. Казны 1872. Шрифт.

ПОСЛЫ ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА ПРЕДЪ ЮАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ

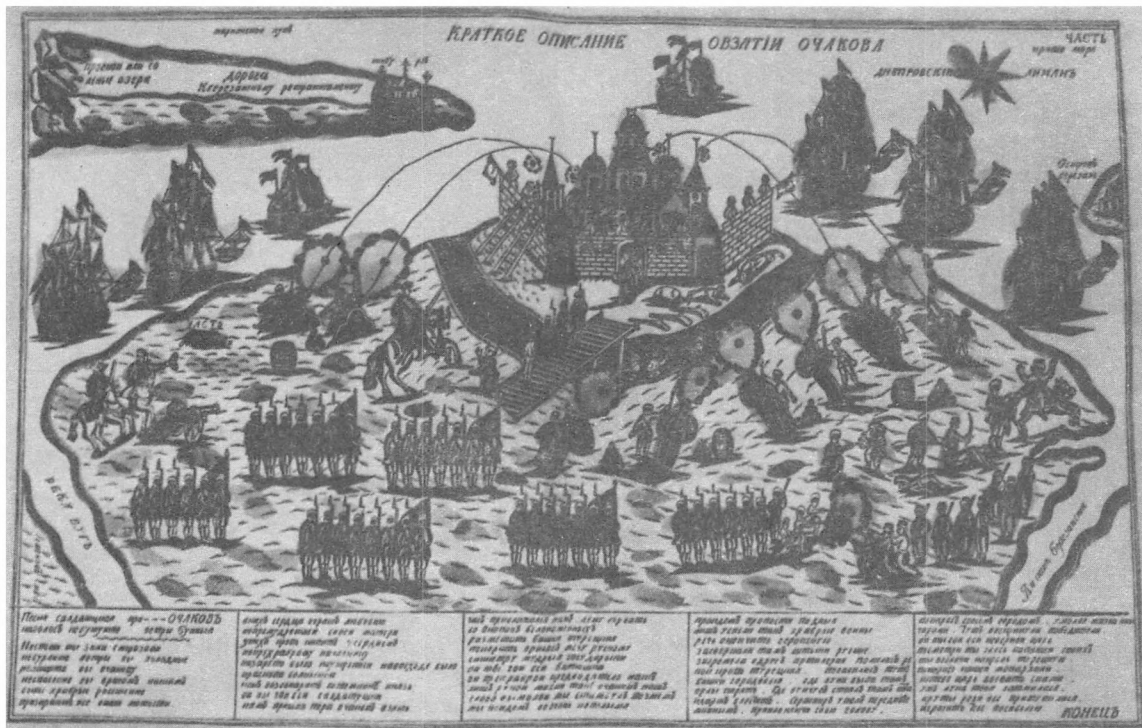

Гражданинъ Мининъ и Князь Пожарскій ополчаютъ войско

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ОБЪЕЗДА ОЧАКОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

План сражения при Очакове
 1791 года
 1. Русские войска
 2. Турецкие войска
 3. Позиция
 4. Очаков

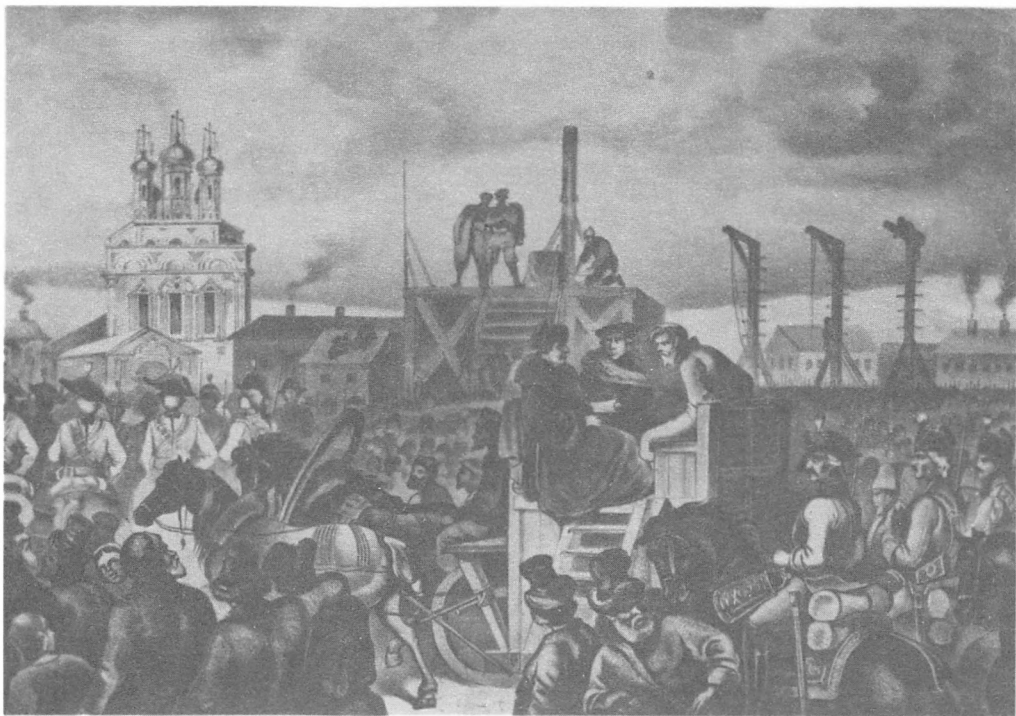
Вид с реки на Очаков
 1. Русские войска
 2. Турецкие войска
 3. Позиция
 4. Очаков

Вид с суши на Очаков
 1. Русские войска
 2. Турецкие войска
 3. Позиция
 4. Очаков

Вид с моря на Очаков
 1. Русские войска
 2. Турецкие войска
 3. Позиция
 4. Очаков

Вид с воздуха на Очаков
 1. Русские войска
 2. Турецкие войска
 3. Позиция
 4. Очаков

ROHELL

Александръ Италійскій Графъ Александръ Васильевичъ
СУВОРОВЪ РЫМНИКСКІЙ.

Но гать не сдо разь,
тмоь лучио памилъ насъ.

Руской рашникъ
Иванъ Гвоздила

у Бусурмана ножки Тоненьки
душа коротенька

Што, Мусье! промахнулся,
ань вошь те разъ, другой Бабушка дастъ

111 968

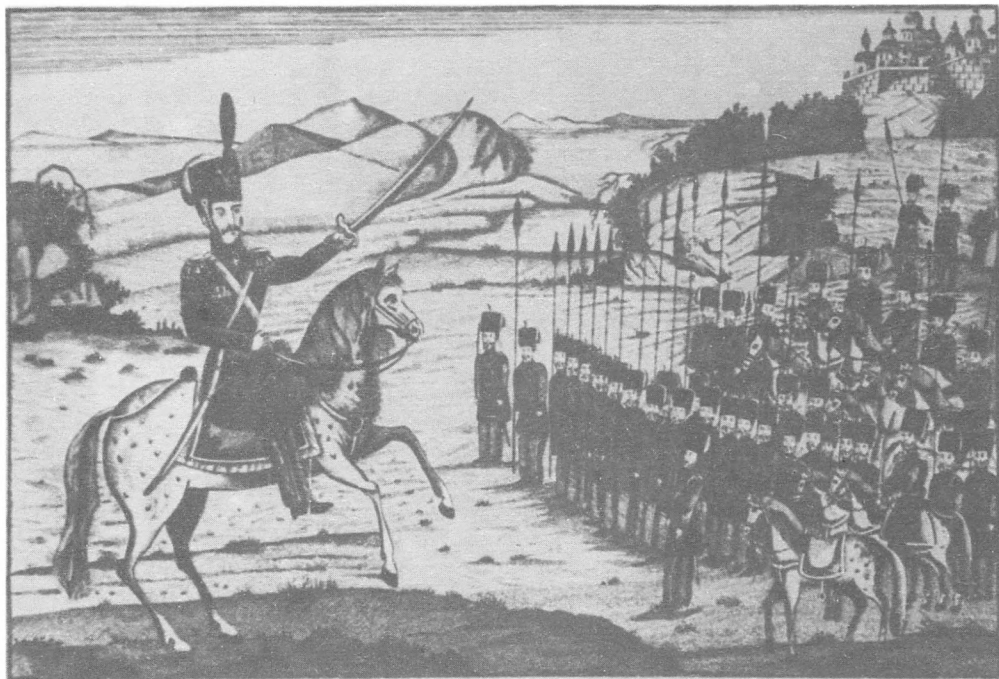
403.

Руской Гераклесъ.
жегаль французовъ въ Аляска
и довелъ къ себѣ туръ.

ГЕНЕРАЛЪ МАІОРЪ БАКЛАНОВЪ.

ПРИКАЗЪ ПО ВОЙСВУ ДОНСКОМУ Г НОВОЧЕРКАСКЪ. МАЯ 15 ГО. ДНЯ. 1855. ГОДА. ЗА ЛЪ 15 НЪ.

ГЕНЕРАЛЪ СКОБЕЛЕВЪ 2-Й ВО ГЛАВЪ ВСЕМИХЪ ВОЙСКЪ БЕРУЩИЙ ТУРЕЦКІЙ РЕДУТЪ.

184. ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Ночи темны, тучи грозны
По поднебесью плывут,
Наши стройные казаки
Под Измаил-город идут.
Идут, идут казаченьки
Своим тихим маршем,
Идут, идут, маршируют,
Меж собою говорят:
«Трудна служба нам, казакам, —
Под Измаил-город поход,
Да еще того раструднее
Под пушечки подбежать.
Под пушечки подбежали,
Закричали враз «ура».
Ура, ура, город взяли,
Потрясли мы стены, вал».

185. КАМЕНСКИЙ ЗА ДУНАЕМ

За славной то было за речушкой быстрым Дунаем,
Собиралась там наша армеюшка.
Повелитель у ней был сам Каменский-граф.
У турецкой было армеюшки — паши-мурзы.
Пишет паша-мурза ко графу Каменскому:
«Прошу тебя, Каменский-граф, не прогневаться.
Ты зачем зашел-завел армию российскую?
Я солдат-драгун повырублю,
А донских-то казаков во полон возьму,
Со донскими казаками я служить пойду!»
А Каменский-то граф во ответ ему:
«Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,
Небылыми речьми забавляешься.
Не поймавши гуся серого, ты щипать стал;
Я твою-то братию повырублю,
А с тебя-то кожу сниму, соломою набью!»

186. ЗОРГИН НА ПОЛЕ БОЯ

Не черным-то зачернелось,
Зачернелось турецкое чисто поле;
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами;
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.
Как не доехавши поля, Зоргин-генералушка
Становился над казачьими головушками,
Становившись, он прослезился:
«Понапрасну эти буйные головушки пропадают,
Без верного-то служителя с Дону государева,
Без Ивана сына Матвеева Краснощекова!»

187. ВЗЯТИЕ ХОТИНА

Как мы Польшею идем,
Сами песенки поем.
Идем братъ Хотин,
Промеж собой говорим:
«Ах ты славной наш Хотин,
Мы стоять в тебе хотим».
Становились во садах,
Во зеленых лугах.
Ровно месяц мы стояли,
Всё приказу ожидали.
Прозоровский-генерал
По корпусу разъезжал,
По корпусу разъезжал,
Всё приказы отдавал:
«Ах вы егари-стрельцы,
Гарнадеры-молодцы,
Гарнадеры-молодцы,
Бонбандиры-удальцы,
Вы стреляйте, не робейте,
Пуль-пороху не жалейте».
Только начали стрелять —
Турки прочь от нас бежать.
Бонбандиры осерчали
И мортиры заряжали,

Мортиры заряжали,
В шанцы бонбы бросали.
В шанцах бонбы разрывало —
Много турок погибало.
Мы до шанцев не дошли,
На штыках прямо пошли,
На штыках прямо пошли,
Во Хотин-город взошли.
Пришла в Хотин Москва,
А турок взяла тоска.
Не узнали турки мост,
Разбежались все (врозь).
Прозоровский-генерал,
Он в погоню догонял:
«Казачи-молодцы,
Вы гусары-удальцы,
Коли турок и руби,
В полон живых не бери!»
Караман-паша бежал,
Он в Бендеры поспешал,
В Бендеры поспешал,
Всем визирам объявлял:
«У нас силы было много,
Осталось очень мало,
Российской силы мало,
Но в поступочках удаля:
Где один солдат бежит,
Тут пять-шесть турок лежит,
А где корпус-от бежал,
Тут и мост турок лежал».

188. СПИРИДОВ И МАТРОСЫ

Не цветами сине море покрывалось,
Не лазоревыми Средиземное украшалось,
Расцветало сине море кораблями,
Белыми полотняными парусами,
Разными российскими флагами.
Не ясен сокол по поднебесью летает,
Скиридов-генерал по кораблику гуляет,
Он российских матрозов утешает,
Утешает их, забавляет:

«Не тужите вы, дети, по своей отчизне,
Не вовсе мы на синем море погибнем,
Воротимся мы в Русь с победой,
Увидимся с отцами-матерями,
Со братьями и сестрами,
Со молодыми своими женами,
Со милыми детьми со родными».
Матрозы печаль забывают
И с радости еще пробыть там желают.

189. РУССКИЕ ОБСТРЕЛИВАЮТ ОЧАКОВ

Ох и что же вы, ребяташки, не пьете, не едите?
Вы не пьете, не едите и невесело сидите?
Ох и кто же бы нам, ребяташки,
Беседу взвеселил,
Всю беседу взвеселил, про походы рассказал,
Про походы рассказал, про очакоску пальбу?
Под Очаковым стояли — много нужды принимали,
Много нужды принимали, свинцу-пороху теряли,
Свинцу-пороху теряли — белы стены пробивали.
Белых стенок не пробили — только турок раздразили.
Князь Потемкин на горе, на своем добром коне,
На горе-то он стоит, гарнадерам говорит,
Канонерам он да повторяет —
Скорей пушки, ох, да заряжают:
«Ой вы егари-стрельцы, гарнадеры-молодцы,
Вы стреляйте, ох да не робейте,
Свинцу-пороху, ох да не жалейте,
Я велю вам подкрепить —
Велю с пушек залпом бить».
Ох не грозная ли туча синим облаком тумит,
Не турецкая-то армия к нам навстречу ведь бежит.

190. ОСАДА ОЧАКОВА

Перезяб-то я, передрог, добрый молодец,
В коротенькой одеже, в полушубочке,
Во сафьянных во сапожках, во портяночках,
Стоючи, братцы, под стеной белокаменной,

Гляючи, братцы, на город на Очаковский.
Как во славном во городе во Очакове
Крепко заперты вороточки, запечатаны,
Караульные солдатушки очень крепко спят,
Очень крепко спят, не проснутся,
К сраженицу служивые не готовятся.
Ах вы братцы мои, вы товарищи,
Мы сразимся все по-русскому!
Как со поломя очи наши стали красные,
А на личиках служивые стали черные,
Со прикусочки уста наши прихватились,
С больших маршов резвы ноженки спотыкались!

191. СОЛДАТЫ ПОД ОЧАКОВОМ

Мы в лагерях стояли,
Всё дни красны провожали;
На ученье мы ходили,
Ружью строго нас учили:
Скоро ружья заряжать
И плутонками стрелять.
Мы собой не дорожили,
Командиры нас хвалили,
Мы недолго там стояли,
Нам в поход идти сказали.
И дорогой не одной
Проходили мы деревни,
Многочастые селенья,
Перешли мы реку Буг,
Нам сказали славный слух:
Запорожцы к нам склонились,
На мелки суда сажались.
К нам еще полки пришли
И в поход вместе пошли.
Горы, холмы проходили,
В степях лагерь становили,
Мы пришли к славну лиману,
К устью речки Березани.
Там мы лагерь становили,
Весь Очаков окружили.
Три недели мы стояли,
С флота пушки выгружали.

Мы там время не ронили,
Ближе к граду подходили...
Когда утрення заря —
У нас пушечна пальба,
В дыму головы нам ломит,
Стужа сердце переломит.
На покрытый льдом лиман
Флотом взята Березань.
С флота в город вобрались,
С нами турки не дрались.
Мы на том лишь утвердились,
На Очаков устремились.
День и ночь мы в шанцах были,
Осторожно всегда жили,
И палаток не снимали,
Зиму в лето поверстали,
Батарей оправляли,
С нами егеря стояли,
Нас в колонны становили,
Смело в шанцы заводили,
Кирки мы, лопатки подбирали,
Свои шанцы прорывали,
Мелки пушки там выправляли,
И лестницы подымали,
И фашинник зажигали,
Страшны мины обходили,
Палисадники рубили...
Страшны мины мы взрывали,
Прах на воздух поднимали.
Ярославцы в крепость тут вскочили.

192. ВЗЯТИЕ ОЧАКОВА

Как под славным под городом под Очаковом
Собиралася силушка-армия царя белого.
Они лагеря занимали в чистое поле,
А палатки разбирались по лиманту.
Они пушечки-манерочки становили,
Они шанцы-батареи покопали,
Предводителя графа Потемкина обжидали.
Предводитель граф Потемкин приказ отдал:
«Уж вы млады егори, надевайте бело вы платье,

Уж у нас завтра на праздник на Миколу
С турками штурм будет!»
Становились мы при мхах, при болотах,
Много голоду и холоду принимали,
Под Очаков-городочек подходили,
Белокаменные стены пробивали,
Барабанщики на белокаменну стену влезали,
Влезали и отбой отбивали,
Что Очаков-город взяли, взяли,
Закричали: «Ура! Ура!»
Ключи нам на золотом блюде выносили,
Нам от всех врат ключи выносили.
Слава, слава! Весь турецкий город взяли,
Что все турки под нашу власть стали,
Что Очаков-город взяли!

193. ЗЕМЛЯ ТУРЕЦКАЯ

Не сизы́ орлы,
Ой да они только ко фельдма... маршалу,
Ко фельдмаршалу,
Ой да орлы к нему солеталися,
Солеталися.
Ой да генералушки,
Ай да они только ко фельдма... маршалу,
Ко фельдмаршалу,
Ай да князья к нему соезжалися,
Соезжалися.
Они думушку ду... думали,
Ее, думушку,
Ай да думали ее гадали,
Ай да гадали.
Ай турецкаю,
Ай да вот эту ее, земелюшку,
Да земелюшку,
Ай да они межевали,
Межевали.
А и перемежемши,
Ай да вот эту ее, земелюшку,
Ой да они ее не хвалили,
Ой не хвалили:
«Нехорошая
Ай да вот эта земелюшка,
От земелюшка,
Ай да вот земля она турецкая,
Да турецкая.
Первела
Ай да вот эта она, земелюшка,
Да земелюшка,
Ай да она лучшие наши головушки,
Да головушки.
Первела,
Ай да она лучшие наши казачие,
Да казачие.
Первела,
Ай да вот эта она, земелюшка,
Вот земелюшка,
Ай да она больше того солдатские,
Да солдатские».

194. ВОЗВРАЩЕНИЕ СУВОРОВА

Как на желтых песках на рассыпчатых
Тут строилась церковь славная,
Церковь славная, семиглавная,
На семьей главе — крест серебряный,
Крест серебряный, весь повызлачен.
На кресте сидит мала пташечка,
Мала пташечка — млад ясен сокол.
Высоко сидел сокол, далеко глядел,
Далеко глядел в степь саратовску,
В степь саратовску, в землю шведскую,
В землю шведскую, в землю Турецкую.
По степе идут два полка казак.
Что первой-от полк весьма не радощен,
А второй-от полк весьма радощен —
В барабаны бьют, во трубы трубят,
Золотые знамена во чехлах несут.
Впереди-то идет сам Суворов-князь,
Идет-то, идет, сам шатается,
Со всемя ли-то людьми распрощается,
На все стороны поклоняется.
Шли они мимо городу мимо Питеру,
Что помимо стенишки белокаменной,
Увидала-то его родима матушка
Из того ли из нова терема,
Из косящата его окошечка,
Сквозь немецкое его стеклышко.
«Ты дитя ли мое, чадо милое,
Ты почто так крепко упиваешься,
С зелена вина забываешься?»
— «Ты молчи, моя родимая матушка!
Ничего ты не знаешь, не ведаешь.
Что не сам-то я напиваюся —
Напоил меня злой прущкой король,
Напоил меня он свинцом, порохом,
Опохмелел он из медной пушечки».
Что Суворова ли князя на руках несут,
Добра коня в поводу ведут,
Самоцветно платье в тороках везут,
Понесли его тело на круту гору,
Положили его тело между трех дорог.

195. РУМЯНЦЕВ И КРАСНАЯ ДЕВИЦА

Мы вечер в торгу торговали,
Свинцу, пороху закупали,
Медны пушечки заряжали,
В каменну стенушку стреляли,
Короля в глаза не видали.
Красну девицу в полон взяли,
Ко Румянцову подводили.
Граф Румянцов дивовался,
Красоте ее любовался:
Хороша девушка, румяна,
По-немецкому изубрана —
На ней шубеечка голубая,
Душегреечка парчевая,
В косе ленточка золотая.
«Ты позволь с нами говорити,
Про мою силушку спросити,
Про свою армию сказати.
Ты поди, поди в России замуж
За любимого мово сына
За Ивановича Ивана,
За российского инарала».
— «Не хочу с вами говорити,
Я нейду, нейду в России замуж
За любимого твого сына
За Ивана Ивановича,
За российского инарала».
Граф Румянцов рассердился,
Он без милости распалился,
Востру сабельку вынимает,
Красну девушку он страшает.
Красна девушка испужалась,
За Румянцовым погонялась:
«Уж ты батюшка граф Румянцов!
Ты позволь со мной говорити,
Про мою армию спросити,
Про свою силушку сказати.
Я иду, иду в Россию замуж
За любимого твого сына,
За Ивановича Ивана,
За российского инарала».
Мы со вечера спать ложились,
Поутру мы рано вставали,

Ключевой водой умывались,
Шелковым платком утирались.
Начала девица писати,
Королю письмо отсылати:
«Приезжал ты, король, на свадьбу
Ко любимому своему сыну
Ко Ивановичу Ивану».

196. ШВЕДСКИЙ КОРОЛЬ ТРЕБУЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОРОДОВ

Ой да пишё, пишё-то, пишё король шведские,
Да государыне пишё самой:
«Ой да милосердная наша государыня!
Ну да замиримся-ко мы с тобой.
Ой да ты отдай-ко мои города ты,
Которые прежде ты нам побрала:
Ой отдай Ригу ту, Ригу отдай, отдай Ревель,
Отдай Нарву ту крепкий городок.
Аль да распиши ты нам ли палатушки
В каменной Москвы постоять,
Ой да нашей конницы, нашим драгунам
В пирской в славной-то стоять улице,
Ой да нашим графам, графам офицерам,
Ино да по купеческим стоять по домам.
Ой да самому-то королю шведскому,
Ему в славном городе стоять в Кремле,
Ему в шелементьевом стоять вó дому».
Ой да милосердная наша государынька
Убоялася она того,
Ой да ее скорые резвые ноженки
Подломилися стоячись,
Ой да белотельные царские рученки
Опустились они о бока.
Ой да как по правую царскую рученку
Стоит Румянцов-от енерал,
Ой да как по левую царскую рученку
Стоит Потемкин-от енерал.
Ой да как возговорит ли-то, промолвит
Ну да наш Румянцов-от енерал:
«Ой да милосердная наша государыня!
Да не убойся-ко ничего.

Ой да не бывать-то вору ему собаке
Ну да в каменной во славной Москвы.
Ой да не стоять-то вору собаке
Ну да по купеческим славным домам.
Ой да уж мы встретим короля шведского
Среди моря во губы.
Ой да в славной в ревельской было во губы
Стоит тридцать-то кораблей,
Ой да стоит тридцать у нас три кораблика,
Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставим —
Черные ох мы корабли,
Ой да мы скатертки ему постелим —
Тонкие белые паруса,
Ой да уж мы кушанья ему составим —
Черные ох мы пушечки,
Ой да уж мы черны пушечки поставим,
Чугунные ох мы ядрышка,
Ой да мы силушку прибьем, прирубим,
Короля-то мы в полон возьмем».

197. НАЧАЛО ВОССТАНИЯ НА ЯИКЕ

В тем сударыня простила,
Жить по-старому пустила.
Полтора года страдали,
Всё царя себе искали.
Нашли себе царя —
Донского казака
Емельяна Пугача
Сын Ивановича.
Он со силой собрался,
Под Гурьев поднялся.
Стрельба была несносна,
Стоять было невозможно.
Он видит, что не взять, —
Воротился взад.
С большой силой собрался,
Под Яик поднялся.
Под Яик подходил,
Батальицу сочинил.
Они зачали палить,
Силу-армию валить.
Из Яика-городка
Протекла кровью река,
Круты горы закачались,
Сыра земля затряслась,
Сыра земля затряслась,
Мелка рыба вниз пошла,
Мелка пташка со гнезда.
Мелка пташка со гнезда
Укрепила Пугача
Сын Ивановича.

198. СОЛДАТА НЕ ПУСКАЮТ В ОРЕНБУРГ

Ох ты батюшка Ленбурх-город!
Про тебя, Ленбурх, идет славушка,
Слава добрая, наречье хорошее,
Будто ты, Ленбурх, на красе стоишь,
На крутой горе,
На крутой горе, на желтым песке,
На желтым песке рассыпчатым,
На трех речушках да на устьицах:
Да первая речушка течет Самарушка,
Другая речушка — Яик-река,
Третья речушка — Урал-река.
По Урале-реке живут казаченьки,
По Яик-реке калмыченки,
По Самарушке живут татарушки.
По Уралу гулял генерал Пугач.
Как во матушке было во каменной Москве,
Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах стоит, себе речи говорит:
«Не дают-то мне, доброму молодцу, волюшки
во Ленбурх сходить,
Во Ленбурх сходить, Пугача убить».

199. ПУГАЧЕВ КРУЧИНИТСЯ

Из-за леса, леса темного
Не бела заря занималася,
Не красно солнце выкаталося —
Выезжал туту добрый мóлодец,
Добрый мóлодец Емельян-казак,
Емельян-казак сын Иванович.
Под ним добрый конь сив-бур-шахматный,
Сива гривушка до сырой земли,
Он идет спотыкается.
< — — — — — — — — — — >
Вострой сабелькой подпирается,
Горючьми слезьми заливаается:
«Что ты, мой добрый конь, рано
спотыкаешься?
Али чайшь над собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьице?»

Мы билися троя суточки,
Не пиваючи, не едаючи,
Со добра коня не слезаючи.

200. ПУГАЧЕВ И ПАНИН

Судил тут граф Панин вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельян Иваныч,
Много ли перевешал князей и боярей?»
— «Перевешал вашей братьи семь сот семи тысяч.
Спасибо тебе, Панин, что ты не попался:
Я бы чину-то прибавил, спину-то поправил,
На твою-то бы на шею варóвинны возжи,
За твою-то бы услугу повыше подвесил».
Граф и Панин испужался, руками сшибался:
«Вы берите, слуги верны, вора Пугачева,
Поведите, повезите в Нижний городочек,
В Нижнем объявите, в Москве покажите».
Все московски сенатóры не могут судити.

201. ПУГАЧЕВ В АСТРАХАНИ

Как во славном городе Астрахане
Появился добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугач.
Обряженный он в кафтанчик сто рублей,
Шеферочек на нем в пятьдесят рублей,
Шапочку набекрень держит,
Во правой ли руке тросточка серебряная,
На тросточке ленточка букетовая.
Хорошо он по городу погуливает,
А тросточкой упирается,
Ленточкой похваляется,
Со князьями, со боярами не кланяется,
К астраханскому губернатору и под лад не идет.
Астраханский губернатор призадумался.
Он увидел его из хрустального стекла,
Посылает за ним слуг верных
Допросить его словесным допросом.
Нагоняли его слуги верные,

Допрашивали его словесным допросом:
«Какого ты рода-племени?
Царь ли ты, или царский сын?»
— «Я не царь и не царский сынок,
А родом — Емеля Пугач.
Много я вешал господ и князей,
По Рассеи вешал я неправедных людей».

202. НЕТ БОЛЬШЕ НАРОДНОГО ЗАСТУПНИКА...

Емельян ты наш рódный батюшка!
На кого ты нас покинул?
Красное солнышко закатилось...
Как остались мы сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...

203. ВОР ГАВРЮШКА

Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое,
Ничего на тебе, моя долинушка, не уродилось,
Уродился на тебе, моя долинушка, только садик зелен.
Мимо садика мимо зелена лежала дороженька,
Что лежала та дороженька неширокая.
Никто по той дороженьке нейдет, не проедет,
Проезжает же по той дороженьке один вор Гаврюшка,
Он на трех на своих троечках разношерстных:
Перва троечка у него коней вороных,
Друга троечка у него-то коней гнедых,
Третья троечка коней соловых.
Что гнались-то за вором Гаврюшенькой три погони:
Первая погонюшка — все солдаты,
Другая погонюшка — все жандармы,
Третья-то погонюшка — все казаки.
Не догнали вора Гаврюшеньку всего версты за три.
Приезжает вор Гаврюшенька во город Воронеж,
Он атласу и бархату закупает,—
Никто-то вора Гаврюшеньку не признает,
Что за купчика вора Гаврюшеньку почитают.
Случилось идти вору Гаврюшеньке мимо темницы,
Признавала вора Гаврюшеньку своя братья:
«Уж ты батюшка наш Гаврюшенька, разбей ты темницу,
Уж ты выпусти нас всех, молодчиков, на волю,
На ту ли на волюшку — на матушку на Волгу».
— «Уж вы братцы мои товарищи, мне теперь не время,
За мной гонят же, за Гаврюшенькой, три погони.
Первой-то я погонюшки не боюсь,
Второй-то я погонюшке поклонюся,
Третьей-то я погонюшке покорюся».

204. ВОР ЗАСОРИН

Завродился-то вор Засорушка-Засорин в городе Ростове,
А теперича Засорушка-Засорин за Доном кочует,
Он не один-то, вор Засорушка, кочует — с братом
Ковалевым.
Вечеру́ поздно-позднешунько Засорин Яшка спать
ложился,
Поютру́ рано Засорин Яшка подымался,

У крушинушки вершинушка отломилась,
Будто буйная моя головушка в море свалилась.
Ну, братцы товарищи, ступай, кто куда знает!»

206

Промежду-то Куры, между речушки,
Между Малки-реки да на мутненькой,
Не плугами-то оно, поле, вспахано —
Пораспахано оно, чисто полюшко,
Что не конскими оно копытушками,
А засеяно-то ли оно, чисто полюшко,
Что не всходами оно, семенушками,
А засеяно оно, поле чистое,
Казачьими головушками,
А заборовано оно, полюшко-то чистое,
Что не конскими оно хвостами.
Что никто-то, никто к этой рать-силе,
Что никто-то, никто к ней не привернется,
Лишь наезживал на эту силушку великую
Русский витязь князь Дмитрий,
Да дивился он на эту рать-силу побитую:
«От кого эта изменушка сучинилась?»
Отвечала одна голова ему, сказала:
«Солучилась эта изменушка не от казаченков,
Солучилась-то она, изменушка, от больших
начальников».

207

Как за речкою то было за Утвою,
За Утвинскими то было за горами,
Распахана была одна пашенка,
Пашня была яровая.
Не плугом была пашня пахана,
Не плугом да и не сохою —
Распахана была эта пашенка
Казачьими копиями;
Не ржою была пашня засеяна,
Не ржой она, не пшеницей —

276

Засеяна была эта пашенка
Казачьими головами,
Заборонена была эта пашенка
Коневьими копыта́ми.
Засеял-то эту легку пашенку
Один млад полковничек.
Засеявши эту свою пашенку,
Сам он слезно тут заплакал:
«Расти, расти, моя легка пашенка,
Расти в поле, зеленейся,
На поливочку, моя легка пашенка,
На поливу не надейся!
Что польет тебя, мою пашенку,
С небес частым дождичком».

208. ОПЛОШНОСТЬ КАЗАКОВ АГУРЕЕВА

На Линии было, на Линеюшке,
На славной было на сторонушке,
Там построилась новая редуточка.
Во этой во редуточке стояла командушка,
Команда казацкая,
Во той во командушке
Приказным был Агуреев сын.
За неделюшку у Агуреева сердце не чуяло,
За другую стало сказывать,
Как за третью за неделюшку вещевать стало.
Наехали гости незваные, непрошенные,
Стали бить и палить во редуточку
И повыбили всю командушку казацкую.
Агуреев сын ходит-похаживает,
Свои белые ручушки поламливает,
Буйной головушкой покачивает:
«Вы сами, ребятушки, худо сделали —
Не поставили караула, сами спать легли!
Не бывать нам, ребятушки, на тихом Дону,
Не видеть нам, ребятушки, своих жен, детей,
Не слышать нам, ребятушки, звону колокольного».

Между Кум-реки между Терекон,
 Между тех-то было трех Кумских отнженон,
 Там ходил-гулял удал добрый молодец,
 Млад донской казак, млад охотничек.
 За плечами он носил пищаль-турку, всё винтовочку,
 Долгомерную, семипядную, восьмибляшную,
 Вместо целика врезан у винтовочки бральянт-камень,
 У винтовочки насечка позлаченная,
 У винтовочки подсошечек кизиловый,
 На винтовочке как написано, напечатано —
 Что Иван-то сударь Краснощекон сын.
 Он шел-то не стежкой, не дорожкой,
 Всё тропинкою звериною,
 Навстречу ему мать сера ланья со ланятами.
 Как раскидывает он подсошечек кизиловый,
 Он прикладывается, благословляется:
 «Ты позволь, мать сера ланья, по тебе
 стрелять,
 По тебе стрелять, по твоим деточкам!»
 — «Ты меня убьешь — не шубу сошьешь,
 Ланят побьешь — не опушишь;
 Ты пойдн, пойдн, млад донской казак,
 Млад донской казак, млад охотничек,
 В зелены луга в заповедные,
 Там ходит турчин со турчаночкою,
 Он ублажает молодую турчаночку,
 Забавляет в звончатные гусельки.
 Ты турчина убьешь,
 А турчаночку замуж возьмешь».

Да за славною за рекою за Кумою,
 Под крутыми под Бештовыми под горами
 Стояла там белокаменная дугеня.
 Во дугени сидит млад черкесской князь Богоматов,
 Перед ним стоит млад донской казак невольничек.
 Да не так ли невольничек слезно плачет,
 Ретивым сердцем невольничек въздыхает,
 Он про батюшку тихий Дон вспоминает.

Богоматов-князь невольничка утешает:
«Ты не плачь, не плачь, молодой донской невольничек!
Отпущу я тебя, невольничка, на тихий Дон,
Поклонися ты, невольничек, всему войску Донскому,
А еще поклонись войсковому атаманушке».

211. АТАМАН СЕХИН

Что не белая заря занималася,
Не красное солнышко выкаталось,
Выходила она, наша армеюшка,
Со боярами большими, князем Гудовичем,
Да со храбрыми казаченьками:
Со донскими, гребенскими, со семейными.
Наперед-то идет добрый молодец,
Гребенской-от казак, атаман большой,
Что не сам-от Сехин-атаманушка.
А за ним-то идет Варяжский-князь,
Со полками идет со армейскими.
Ты куда идешь, направляешься?
И куда же ты, Варяжский-князь,
Через речушку Кубанушку ты переправляешься?
Понаделал-то ты заставушек не махоньких,
Понастроил шанцев-батареюшек много-множество.
Вдруг погодушка с гор Казбецких
В среду поутру она подымалася,
Подымалася, соходилася рать большая, сила неверная.
То не злые турушки с атакуйцами,
С атакуйцами, бжедухами, темергоевцами.
Не хотели они пустить вот нашу армеюшку...
«Уж я сам, атаман Сехин, наперед пойду,
Возьму вырублю рать поганую,
Самого-то Мустафу-пашу во полон возьму.
Уж вы други мои вы казаченьки,
Вы на славные мои станичники!
Вы постойте-ка, братцы, животом своим
За царицу ли за матушку, за Гудовича за князюшку,
За родимую за сторонушку, что за буйные головушки.

Как пропивши-промотавши, сел на лавочку он,
Потупил свои очи ясные и призадумался,
Он, призадумавшись, стал указы фальшивые писать и по
войску рассылать:

Старых стариков во Кубань-реку бросать,
А девушек на фабричный двор брать,
А молодых ребят во солдаты брить.

214. ЖАЛОБЫ СОЛДАТ НА ПАВЛА I

Уж ты батюшка светёл месяц,
Что же ходишь понизёшеньку,
Что ж ты светишь помалёхоньку,
Не по-старому, не по-прежнему?
В новом городе во Спленскому
Стоят верей точеные,
Всё точеные, раскрашённы,
Сдли верей стоит молодой солдат,
Молодой солдат, полковой сержант,
Он не так стоит, слезно плачется,
Он не так плачет, что река льется:
«Подымитесь, ветры буйные,
Разнесите все желты пески,
Распахнися, шелковá парча,
Разломися, гробовá доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело,
Всему царству почежёлело
При твоём сыну любезному,
Что при Павлу при Петровичу:
Он загнал силу во туретчину,
Поморил смертью голодную,
Познобил зимой холодною».

215. ПАВЕЛ I НАБИРАЕТ РЕКРУТОВ

Наш батюшка славный царь
Павел-государь
Во своей славной Россеюшке

Разъезживает,
У солдатушек-ребятушек
Расспрашивает:
«Хорошо ли вам, ребята,
Во Россеюшке стоять
И с турком воевать?»
— «Ах наш батюшка белый царь,
Павел-государь!
Как турецкая земля
Много горя нам дала,
Много слез пролила».
— «Вы не плачьте-ка, ребята,
Не тоскуйте, молодцы,
Мы в Россеюшку пойдем,
Мы некрутиков ⟨наберем⟩».
Отбирали молодцов
От матушек, отцов,
От матушек от родных,
От жен своих молодых,
От детушек милых.
Как охотников ведут,
Веселу песню поют,
За ним девушки идут,
Во платки слезы льют;
Женатых ведут —
За ним жены идут,
Горючи слезы льют,
Милых детушек несут.

***ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ
XIX ВЕКА***

ПЕСНИ О РУССКО-ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЕ

216. КОРОНАЦИЯ АЛЕКСАНДРА I И ПЕРСИДСКИЙ ШАХ

Ай да вот как не буйненькие
Ой они были в поле ветрики-ветры они подыма...
подымались.

Ой да вот да не тепленькие они с моря воздуха
Ай с моря в поле расстила... расстигались.

Ой да вот и не зелененькая
Ой она стала, скажем, лес-дубровушка,
Дубровушка разверта... разверталася.

Ой да вот и ни лазоревыми ой вот поля она светочками
Поля она украша... поля украшалася.

Ай да вот и как на тех же ну было, ну было, скажем,
на светиках

Русский царь он карну... ой царь карнуется.

Ай да ой посылаит же он то ли ай да посолничков,
Ай да он по, по всем он по всем землям.

Ай да ой изо всех-то земель
Ай да короли, князья они соезжали... ай соезжались.

Ай да как один-та из них только да шах персидский
Один не пожа... ай не пожаловал.

Ой да вот и приезжали к нему, к нашему, ему Александру-
царю

Они все князья... ай князья-бояры.

Ой да вот и со такими да они ой они, скажем, со
подарками,

Подарками даргоце... с даргоценными.

Ой да вот и они просят да его, нашего его Александру-
царя,

Его было всё на пир ай на пир погулять.

217. КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ ПОД ЭРИВАНЬЮ

Ой в восемьсот толичка было
Да было сорок втором, сорок во втором, во втором году,
Как под славным было, под славным городом было
Под Рива... да под Риванью.

Ой там стоял да стоял, стоял-то там Синция...

Синциянов-князь.

Ой не один он там стоял,

Да стоял со своим отря... со своим отрядом.

Ой не достало там в него да во князя Синциянова

Солдатам да провья... ой да провьянту.

Ой вызывал-то бы он да и князь наш Синциянов

Майора Ризо... да Ризорова:

«Поезжай же ты, поезжай, да майор же ты Ризоров,

За провья... за провьянтом.

Ай ну возьми же с собой, ой да ты, Ризоров, возьми

Солдат тре... солдат трезвых».

— «Да не надо же мне вот мне, князь Синциянов,

Солдат тре... солдат трезвых!

Вы дозвоьте мне узять солдат горьких пья... горьких

пьяницов.

Я со пьяницами, Синциянов-князь, со пьяницами

Дело сде... дело сделаю».

218. ГУДОВИЧ И ПЕРСИДСКИЙ ШАХ

На заре то было всё на зорюшке,

На белой заре на утренней,

На закате было месяца ясного,

На восходе было солнца красного,

Проявились у нас вести новые,

Вести новые, грузинские.

Растворялись горы крутые,

Круты горы Кавказские,

Засверкали пики вострые,

Пики вострые казацкие.

Как пошли войска российские

На того шаха персидского.

Напередидет Гудович-граф,

Он грозит шаху персидскому:

«Ты < — — — >, ты персидский шах!

Ты почто отрезал голову
Славному князю Цинцианову?
На кого ты, < — — — >, понадеялся?»
— «Я понадеялся на Грузию, на грузинских
князей,
Больше всего на Александрушку
на царевича».

219. КАЗАКИ ПОД ЛЕНКОРАНЬЮ

На заре то было, на заре на утренней,
Да на утренней,
На восходе было, было солнца красного,
Солнца красного.
Не белой-то ли кречет, белой кречет он кричал,
Да кречет кричал,
Есаул-то ли Попов по сотням он гулял,
По сотням гулял.
Он гулял-то гулял, есаулушка, погуливал,
Да погуливал,
Молодых-то своих казаченьков побуживал,
Да побуживал:
«Вы вставайте поутру, вставайте раненько,
Да раненько,
Умывайтесь, казаченьки, вы беленько,
Да белехонько,
Утирайтесь полой правой да шинельною,
Вы казаченьки,
Да молитесь богу, молитесь на восход
Красна солнца».

220. ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРУЗИНСКОГО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА

Расскажу я вам, братцы, про нужду свою,
Потужите вы, братцы, обо мне,
Что приехали ко мне, Александрушке,
Из-за крутых гор узденья
И зовут меня, просят, Александрушку,
На веселый пир побывать;

А я сам знаю, Александрюшка,
Про то ведаю, господя,
Что не пить меня зовут и не гулять,
Хотят-то с меня, Александрюшки,
С живого кожу снять
И соломою напхать!

**221. НАБЕГ ГРУЗИНСКОГО ЦАРЕВИЧА
АЛЕКСАНДРА С ТУРЕЦКИМ ОТРЯДОМ НА
КАЗАЧЬЮ СТАНИЦУ**

Пообещался Александра в гости побывати.
Страй, рай, рататай, в гости побывати.
А мы, легкие донцы, туда побежали.
Страй, рай, рататай, туда побежали.
Где скотины много, много, там и девки хороши,
Страй, рай, рататай, там и девки хороши.
А скотину позабрали, девок запленили,
Страй, рай, рататай, девок запленили.
А мы туток провожали до самих же крутых гор,
Страй, рай, рататай, до самих же крутых гор,
А назад мы воротились, стали головы считать,
Страй, рай, рататай, стали головы считать.
Насчитали мы голов четыре десятка.
Страй, рай, рататай, четыре десятка.

222. КУТУЗОВ И КАЗАКИ

Что не соколы крылаты
Чуют солнечный восход —
Царя белого казаки
Собираются в поход.
Как задумал князь Кутузов
Со дружиною своей:
«Как бы нам, братцы казаки,
Нам турецкий город взять?»
Тут казаки в черных бурках;
Они строят свой завал,
Они строят, поспешают —
Турка в гости к себе ждут.

223. КНЯЗЬ ВОЛКОНСКИЙ ДОПРАШИВАЕТ
КАЗАКА

На заре то было, всё на зореньке,
Заре было утренней,
На восходе то было у казаченьков,
Было солнца красного,
Было солнца красного,
Среди торгу, всё базарушки,
Среди красной площади,
Среди красной площади
Собирались тут все казаченьки
Они во единый круг,
Они во единый круг.
В кругу стоит у казаченьков,
Стоит раздвиженный стул,
Стоит раздвиженный стул,
На стулу сидит у казаченьков,
Сидит сам Волконский-князь,
Сидит сам Волконский-князь,
Перед ним-то стоит у казаченьков,
Стоит сам Павлов-казак,
Стоит сам Павлов-казак,
Он стоит, стоит разудаленький,
Сам не тряхнется, не ворохнется,
Сам не тряхнется, не ворохнется,
И русы его кудерушки не шелохнутся.
Как не бьют его, и не ругают,
Его крепко спрашивают:
«Ты скажи, скажи, разудаленький,
Расскажи ты правду-истину,
Расскажи ты правду-истину,

Ты какого роду-племени,
Ты не царь ли какой,
Аль какой-нибудь сын княжеский?
Аль какой-нибудь сын княжеский?
Али прислан ты, добрый молодец,
Из иной земли, к подговору нас?
Аль пришел ты к нам ты послом каким?»
И добрый молодец разудаленький
Стал ответ держать перед допросчиком:
«Не тебе б меня, добра молодца,
Не тебе б меня здесь допрашивать,
И не мне бы, разудалому,
На твои речи ответ сказывать,
Правду-истину поведывать.
А спроси-ка нас сам батюшка,
Православный царь,
Я б сказал правду-истину!»

224. «ВОРОВСКИЕ РЫБОЛОВЩИКИ» НА МОРЕ

Ох ты батюшка наш, наказный атаманушка,
Давид сын Мартемьянович,
Посмотри-ка, что там на море,
Да на море на Каспийском-то?
Не белым там забелелось,
Не черным там зачернелось,
Зачернелись на синем море
Все астраханские там лодочки:
Воровские рыболовщички,
В наши воды забираючись,
Нашу рыбу вылавливают,
И от воровских тайных выловов
Наш Урал-река стал пустехонек.
Помоги ты нам, атаманушка,
Заступись за нас, родной батюшка,
Не вели ходить злым разбойникам,
Не вели ловить нашу рыбушку!»
— «Ой вы братцы мои, вы казаченьки,
Что же вы, други мои, попужались?
Аль не знаете, как стеречь вора?
Эй вы, гурьевцы, лихи молодцы!
Вы садитесь-ка в легки лодочки,

Да возьмите-ка вы веселицы,
Догоните-ка астраханских рыболовщиков,
Накажите-ка их вы по-своему,
По-морскому, по-казацкому».

225. ЖАЛОБА КАЗАКОВ НАСЛЕДНИКУ

Не грозна туча из-за облака,
Туча поднималася,—
Приезжал к нам на быстрой Урал
К нам небывалый гость,
Небывалый гость — царь-наследничек.
Старики, братцы, старожилые к нему собирались,
С лицом радушным старики, братцы, ему поклонялися:
«Ты заставь, заставь, царь-наследничек,
Нас жить по-старому,
Ты покинь-покинь, царь-наследничек,
Нас на быстрой реке».
Не золоченая туто трубочка,
Трубочка вострубила,—
Говорит же тут наследничек
Своим громким голосом:
«Вы подите-ка, послужите за горы кавказские,
Усмирите-ка злую вы орду, орду некорливую,
Некорливую орду — черкес со лезгинами».

226. ОТКАЗ КАЗАКОВ ОТ ПОДПИСКИ

Как во пятый было год,
Заточен был наш город;
Как Бизянов-генерал
По станицам пробегал,
По станицам пробегал,
Стариков всех собирал
И братьями называл:
«Старики, братцы-уральцы,
Однокровец ведь я ваш,
Есть родня моя средь вас.
От царя прислан указ,
В год учить детей три раз».

Старики же отвечали,
Громким голосом кричали:
«Не желам принять ученья,
Лучше пойдем на мученье!»
Тут Бизянов-генерал
Рассерженный пробегал,
Во станицу прибежал,
Стариков он всех собрал,
Солдатами т-таковал
И в Уральский провожал,
Там по камерам сжал.
Из камеров выводили
И к подписке подводили:
«Не желам мы подписаться,
Все готовы заковаться».
Вот Бизянов-генерал
Заковать их приказал,
По этапу провожал.
Пошли они, зашумели
И железом загремели:
«Вы простите, родны, нас,
Не пишитесь здесь без нас.
Потеряете всех нас.
Ты прости, город Уральск
И Урал быстра река!»

227. ПРУССКИЙ КОРОЛЬ ТУЖИТ О ГИБЕЛИ ПЛЕМЯННИКА

Разбессчастненькой король,
Король бесталанненькой
На свете родился,
Он на конинькем, король,
Разъезжает,
Ничего ж-то король не знает,
И только знает-то король
Про свою армейку —
Пошла под француза.
Что пришли-то, пришли
К королю газетушки
Да нерадошные,
За черною печатью.
Распечатал-то король
Свои газетушки,
Сам слезно заплакал:
«Мне не жаль-то, не жаль,
Королю, армейкушки,
Жалко-то мне
Одного сенатора,
А и что-то мне жалко
Своего племянничка,
Своего родного».
Что повесил-то король
Свою буйную головушку
К на правую сторонушку,
Приутупил-то король
Свои очи ясные:
«Уж ты девица моя,
Раскрасавица моя!
Поддай же ты мне лист бумажки,
Перо со чернилом,
Напишу я во прусскую землю».

228. РУССКИЕ ВОЙСКА ПОД ГУТШТАДТОМ

Под славным было городом под Гутштатом,
Протекала там речушка, речка слезовая,
А по речушке струя бежит, струя кровавая:

По-над речушкой сады цветут, сады зеленые,
В зеленом-то саду не кукушечка она куковала,
Жалко, жалобно она голосочек свой выносила,
Она всю-то нашу армеюшку прослезила...
«Ну вы стойте, наши козаченьки, стойте, не робейте,
Государева свинцу, пороху не жалеите,
Как заутро будет вам, казаченьки, награжденье:
Будет жаловать государь, жаловать крестами,
Еще жаловать своим царским знаменем».
Но молодые тут малолеточки не испужались,
По темным лесам они разъезжались.

**ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1812 ГОДА**

**229. ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ ПИШЕТ ПИСЬМО
АЛЕКСАНДРУ I**

Не в лужах-то вода полая разливалась —
Тридцать три кораблика во поход пошли
С дорогими со припасами — свинцом, порохом.
Французский король царю белому отсылается:
«Припаси-ка ты мне квартир, квартир ровно сорок
тысяч,
Самому мне, королю, белые палатушки».
На это наш православный царь призадумался,
Его царская персонушка переменялася.
Перед ним стоял генералушка сам Кутузов,
Уж он речь-то говорил, генералушка,
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка православный царь!
А мы встретим злодея среди пути,
Среди пути на своей земли,
А мы столики поставим ему — пушки медные,
А мы скатерти ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим каленых картеч,
Угощать его будут канонерушки,
Провожать его будут все казачушки».

230

Как заплакала Россиюшка от француза.
«Ты не плачь, не плачь, Россиюшка,
Бог тебе поможет».
Собирался сударь Платов да со полками,
С военными полками да с казаками.

Из казаков выбирали да есаулы,
Есаулы были крепкие караулы,
На часах долго стояли да приушали,
Белые ручушки, резвы ножечки задрожали.
Тут спроговорит-спромолвил да князь Кутузов:
«Ай вы вставляйте ж, мои деточки, утром
пораняе,
Вы умывайтесь, мои деточки, побелея,
Вы идите, мои деточки, в чистое полё,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своего свинцу, пороху не жалейте,
Вы своего же французика побеждайте».
Не осточная звезда в поле воссияла —
У Кутузова в руках сабля воссияла.

231

Похвалялись злы французы
Всю Россиюшку пройти.
Расстроились, расплакались
Наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не тужите,
Нам Платов поможет!»
Едет силушка российска
Со четыре страны,
Генерал казачий Платов
Со правого флангу.
Он во левой ручке держит
Шелков поводочек,
А во правой ручке держит
Подзорную трубку.
Высматривал Платов
Французскую силу,
Наказывал-приказывал
Своим канонирам:
«Канониры, бомбадеры,
Слушайте приказу!
Пушки, ружья заряжайте,
Огня не скрывайте!»
Запалил же злой французик
Из пушек картечью,
Генерал казачий Платов
Из казачьих ружьев.

297

Увидал-то злой французик
Огонь россейский,
Увидавши огонечек,
Начал убегаги.
Мы французика догнали,
Знамя отобрали.

232

Не пыль во поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит,
Генералам говорит:
«Генералы, генералы,
Я возьму вашу Москву,
Я со ваших со церковей
Кресты, главы пособью!»
Уж как стал француз палить,
Только дым-сажа валит,
Во том ли во чаду
Красна солнца не видать.
Граф Платов-генерал
Разъезжает на коне,
На своем добром коне,
По крутой по горе;
Подъезжает граф Платов
Ко силушке своей,
Ко донским казакам:
«Ох вы братцы молодцы,
Вы донские казаки!
Нельзя ли вам, ребята,
Караулы крепки скрасть?»
— «Не велика эта страсть —
Караулы крепки скрасть».
Караулы покрадали,
За Дунай-реку метали.
Граф Платов-генерал
Усю силушку побил,
Он которую побил,
Которую потопил,
Остальную его силушку
Он у плен забрал,
Во Сибирь-город сослал.

298

Ай да и хвалится хранцуз он выхваля... ой да
 Ой да сам да на Тихий Дон итить он вот и убира... ой
выхваляется,
убирается.

«Вот да я матушку вашу да Рассею
 Всю я да наскрозь ее да пройду,
 Вот да я селы все ваши да деревни
 Пожаром их да пожгу.
 Вот да я матушку вашу да Москву
 Ой да на ногах ее да снесу,
 Ай да во Черкасский вот во славный город
 Зимовать хранцуз да пойду,
 Вот я-то стану, стану на квартиру
 К Иловайскому.
 Ай сенаторушек своих да поставлю
 Вот по богатым али господам,
 Ай да я чернь свою да поставлю
 Вот да по всему го... да по всему городу,
 Ай да я добрых коней своих я расставлю
 Всё по божьим вот я по церквам».
 Вот да во ту пору али в этот час
 Али генералом вот наш Платов был.
 Ай да повыслу(ша)вши да похвалы ой все хранцу...
 Ой все хранцузские,
 Вот бы он списал их же похвалы ой на ука...
 Да на указушки,
 Ой да со указушков да похвалы он на газе...
 Да на газетушки,
 Ой да посылает эти вон да газеты вон к самому
 Вот да царю.

234. РУССКИЕ ВОЙСКА ПОЛУЧАЮТ ПРИКАЗ ГОТОВИТЬСЯ К СРАЖЕНИЮ

Как на горке, на горе
 Да утром рано, на заре
 Не серебряна цеповочка
 Там возыгрывала,
 Не серебряна цеповочка
 Там возыгрывала.

Что не золотая трубынька
Там вострубила рано,
Что не золотая трубынька
Там востру... там вострубила рано.
Что не взговорил-промолвил
Граф Жуковский-генерал,
Что не взговорил-промолвил
Граф Жуковский-генерал:
«Господа вы сенаторушки,
Со полков... со полковничками,
Вы отдайте приказ строгий
По всей армии своей,
Чтобы ружья были новы,
Новы нарезны,
Во замках были, ребятушки,
Во замках кремни востры.
Как завтра к нам, ребятушки,
Король в гости хотел быть.
Уж как есть у нас, ребятушки,
Чем встретить и дарить,
Его встретить и дарить,
Есть чем потчевати,
Уж как есть у нас, ребятушки,
Есть крупа, есть мука,
Уж как есть у нас, ребятушки,
Аржаные сухари.
На заводах печени, ребятушки,
В Москве высушены».

235. ПЛАТОВ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ

От своих чистых сердец
Совьем Платову венец,
На головушку наденем,
Сами песни запоем,
Сами песни запоем —
Как мы в армии живем.
Мы в армеюшке бывали,
Провианты получали,
Провианты получали,
Ни в чем горя не знали.

У нас много пуль, картечь,
Нам некуда беречь.
Наши начали палить,
Только дым столбом валит —
Каково есть красно солнышко,
Не видать во дыму,
Во солдатским пылу.
Не ясён сокол летает —
Казак Платов разъезжает,
Он по горке, по горе,
Сам на вóроном коне.
Он проехал, проскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой еси, воины-казáки,
Разудалы молодцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчёту
Государевой казны!»
Как не пыль в поле пылит —
Француз с армией валит,
Генералушкам грозит:
«Уж и я вас, генералы,
Во ногах всех вотопчу,
В каменну Москву взойду,
Стену каменну пробью,
Стену каменну пробью,
Караулы все сменю —
Караулы крепки,
Перемены редки —
Свои новы постановлю!»

Наш батюшка казак Платов вооружался,
Под Москвою со полками собирался.
Набирает казак Платов ясаулов,
Посылает ясаулов под француза.
Ясаулы-то француза порубили,
А французского майора в полон взяли,
Повели этого майора ко фельдмаршалу,
Ко тому ко фельдмаршалу ко Кутузову.

В другой лавке —
Весовой жемчуг.
В третьей лавке —
Казны счету нет,
На меня, молодца,
Давно смерти нет.

238. ГЕНЕРАЛ ПРОДАЛ МОСКВУ

На гороньке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут строилась нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва.
Всем губернкам Москва красота,
Серым камешком Москва устлана,
Серым камешком, камнем скипером.
Размосковский был злой генерал,
Три суточки запил, загулял,
Он запродам матушку Москву
За три бочечки злата-серебра,
За четвертую — зелена вина.
Распечатали — мелкой желтой песок.
Сподымался с полден вихорек,
Разносил он по полю желтой песок.

239. ФРАНЦУЗЫ В МОСКВЕ

Был на горке, на горе,
Видел нову каменну Москву.
Москва славна разорена до конца,
Разорил Москву
Неприятель-вор француз.
Не один разорил —
Со всей армией,
Со всей армией,
С конной гвардией
Разорил Москву.
Заряжал француз

Ружья светленькие,
Ружья светленькие,
Пушки медненькие,
Он стрелял-палил
В каменну славну Москву.
Потряслася мать-сырая земля.

240. КУТУЗОВ ДОПРАШИВАЕТ ФРАНЦУЗСКОГО МАЙОРА

Что не красное-то солнце воссияло —
Воссияла у Кутузова острая сабля.
Выезжает князь Кутузов в чисто поле,
Он берет с собою силу да гранадеров,
Гранадеров и есаулов.
Гранадеры и есаулы да не сробели,
Что французского майора в полон взяли,
Повели они майора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову,
Ко Михайлу его да к Ларионовичу.
Начинает князь Кутузов его спрашивать:
«Ты скажи-скажи, майорик, сущую правду:
У вас много ль во Париже стоит силы?»
— «Стоит силы во Париже сорок тысяч,
По приступу генеральскому сметы нету».
Как на это князь Кутузов да рассердился,
Как ударил он майора да по роже,
Он по роже да во правую щеку:
«Уж ты врешь, ты врешь, майорик, врешь-плутуешь,
Меня, Кутузова-князя, всё проводишь,
Всё проводишь меня да ты стращаешь:
Уж я силы-то вашей да не боюсь,
За генеральские приступы я примуся».

241

Заводилася война
Среди бела дня.
А что начато палить,
Только дым столбом валит.

Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму,
Только видно во дыму:
Не ясен сокол летит —
Добрый молодец гуляет
Он по крутой по горе,
Сам на вороном коне.
По казакам проскакал,
Два словечика сказал:
«Вы казаки, вы казаки
Военные мои,
Удалые молодцы!
Без размерушки пейте
Зеленого вина,
Посмелее поступайте
Со французом воевать!»
— «Уж мы рады воевать,
Слезны капли проливать!»
Не пыль в поле пылит,
Не дубровушка шумит —
Француз с армией валит.
Он валит-таки, валит,
Сам подваливает,
Сам подваливает,
Речь выговаривает:
«Еще много генералов
Всех в ногах стопчу,
Всея матушку Россеюшку
В полон себе возьму,
В каменну Москву зайду».
Генералы испугались,
Платком слезы утирали,
В поворот слово сказали:
«Не бывать тебе, злодею,
В нашей каменной Москве,
Не видать тебе, злодею,
Белокаменных церквей,
Не стрелять тебе, злодею,
Золотых наших крестов».
На лужку было, лужку,
Стоит армия в кружку,
Лопухов ездит в полку,
Курил трубку табаку.
Для чего не курить,

Зелена вина, вина не пить!
Свинца, пороху довольно,
Сила во поле стоит.
Уж мы билися, рубилися
Четырнадцать часов;
С пяти на десять пробило —
Стали силу разбирать,
Стали силу разбирать,
Стали полковничков считать.
Не нашли таких убитых
Полковничков до семи,
Генералов до восьми,
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которы на горе —
По колен стоят в руде,
Которы под горой —
Тех засыпало землей.
Один такой лежит,
Таку речь говорит:
«Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу с пером,
Чернилицу с пером,
Лист бумаги со гербом,
Напишу я таку просьбу
Государю самому,
Государю самому,
Императору-царю:
Еще наш-от генерал
Много силы издержал.
Уж он пропил, промотал,
Досталь в карты проиграл,
Ин удары раздавал».

242

Собиралась наша сила-армия
В поход под француза,
Занимала себе лагерь
Да среди во чистого поля,
Покопали шанцы, батареи
Славно себе для запасу.

306

Батарейные командирушки
Славно квартируют,
Бомбардиры с гренадерами
Славно маршируют.
Случилась перепалушка
Со правого фланга,
Убили нашего полковничка
В грудь пулею свинчатою.
Упал наш полковничек
С конечка на сыру землю,
Закричал молодой полковничек:
«Стойте, дети, не робейте,
Свинцу, пороху не жалейте,
Свинцу, пороху достанет,
А нас, молодцов, не станет!»

243. РУССКИЕ ВОЙСКА РАЗБИВАЮТ ФРАНЦУЗОВ

Что во городе во Морше читали указы:
Пишет, пишет злой французик Росеюшку взять.
Расплакались, разрыдались наши сенаторы.
«Вы не плачьте, не рыдайте, авось бог поможет!»
Мы поутру рано вставали в поход с полуночи,
Уж мы ночью с полуночи коной оседлали,
Оседлавши своих коной, под город Варшаву
В чисто поле выезжали, во фронт становились.
Глядел-смотрел злой французик в подзорную трубку,
В подзорную трубку в росейскую силу.
Валит сила по всем сторонам по всем четырем,
Генерал казак Денисов по правому флангу,
Приказывал-наказывал своим бомбардерам:
«Вы женжуры, бомбардеры, слушайте приказу —
Пушки, ружья заряжайте, сабли вынимайте,
Без мого ли приказанья огня не открывайте».
Не успел сказать он речи, вдарил француз в плечи,
Застрелил его вор французик из пушки картечью.
Как росейский огонь горячий начал нагонять,
Солдатушки-ребятушки пошли в мостовую.
К быстрой речке подходили — перевозу нету:
Эта реченька Мяснушка — стоит вор французик.

245. ПЛАТОВ В ГОСТЯХ У ФРАНЦУЗА

Святорусская земля,
Много славы про тебя,
Много славы про тебя,
Про Платова-казака.
У Платова-казака
Небритая борода,
Нестрижены волоса.
Платов голову остриг
И бородушку обрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину почитал,
На улочку выбегал,
За оградою встречал,
За белые руки брал,
В нову горницу вводил,
За дубовый стол садил,
За дубовый стол садил,
Чаем, кофеем поил,
На серебряном подносе
Сладкой водкой подносил.
«Выпей рюмку, выпей две,
Всю ты правду скажи мне.
Уж я всех же в Москве знаю
Генералов и господ,
Одного только не знаю
Я Платова-казака.
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому б много злата дал,
И в полон бы его взял,
И с живого кожу снял».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове:
«А начто злато терять,
Можно так его узнать:
Он со личика беленок,
Ростом, корпусом с меня,
Русы волосы его —
Как у брата моего».
У француза дочь Орина
Что догадлива была,
Из палаты выходила,

С купцом речь говорила:
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Ты удалый молодец!
Ты подай мне свой портрет».
Портрет Платов вынимал,
На белые руки клал,
Из палаты вон бежал,
Зычным голосом кричал:
«Уж вы гой еси, ребята,
Вы донские казаки!
Вы подайте мне коня,
Как ясного сокола».
На коня Платов садился,
Как соколик ясный взвился,
Под окошки подбегал,
Таковы слова сказал:
«Ты ворона, ты ворона,
Подгуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Сокола в руках держать,
Что ясного сокола —
Платова-казака».

246. ФРАНЦУЗ ПОХВАЛЯЕТСЯ ПАРИЖЕМ

Разорёна путь-дорожка от Можая до Москвы.
Разорил-те путь-дорожку неприятель вор-француз,
Разоривши путь-дорожку, во свою землю пошел,
Во свою землю пошел, ко Парижу подошел.
Не дошедши до Парижа, стал на месте, постоял,
Стал на месте, постоял, сам головкой покачал,
Покачавши головой, стал он речи говорить,
Стал он речи говорить, стал Париж-город хвалить:
«Ты Париж ли, Парижок, Париж — славный городок!»
Не хвалися, вор-француз, своим славным Парижом:
Как у нас ли во России есть получше города.
Есть получше, пославнее, есть покраще, почестнее,
Есть получше, есть покраще — распрекрасна жизнь
Москва.

Распрекрасная Москва — всему свету голова,
Всему свету голова — все земельки забрала,
Распрекрасная Москва в путь-дорожку широка,

В путь-дорожку широка, диким камнем выслана,
Диким камнем выслана, желтым песком всыпана,
Что приют-город Москва — всей России честь-хвала».

247. АЛЕКСАНДР I ОБВИНЯЕТ НАПОЛЕОНА

Уж вы горы мои, горы крутые,
Из-под вас бегут реки быстрые,
Пронеслися с Дону вести новые,
Как идут-то к нам полки казачии,
Наперед едет много князей-бояр,
А вперед-то их едет Александра-царь,
Обнажил свой меч, на плече несет;
Он журит-бранит короля французского:
«Ты зачем зашел не в свою землю,
Ты завел с собой много армии,
Ты побил-порубил моих пятьсот рядовых солдат?
А с ними ты, шельма, убил моего старшего
майорушку!»

248. РУССКИЕ ВОЙСКА ПРЕСЛЕДУЮТ ФРАНЦУЗОВ

Похвалялся (вор) француз
Всю Россию разорить:
«Разорёмши Россиюшку,
К быстрой речке подойду!»
Подошедши к быстрой речке,
Стал хвалиться табуном:
«Запружу я речку Берёзу
Своим польским табуном,
Запружомши речку Берёзу,
Словно по мосту пройду,
Сам на отстань прочь пройду,
К государю подойду.
Государь ты князь;
Главный император наш,
Александра белый царь!»
Во Смоленском городі
Стояли по колен в крови.

Сухарёв нам, хлеба выдавали,
Платья всякого спускали:
«Надевайте, русские солдаты,
Цветнó платье на себя!»
Да не полно ль вам, солдаты,
Во неверной земле жить,
Не пора ли вам, солдаты,
Во Россию выходить?
Мы снегами шли в колено,
Показалось три версты;
По полену дров нашли.
Находили по полену дров —
Со всей радостью берем,
Огонечек разведем,
Нову моду заведем:
Из соломы строить дом,
Утешенье было в нем.

249

На границе мы стояли,
Мы не думали ни о чем,
Сколько думали-гадали
Снарядиться да хорошо,
Снарядиться, приубраться,
Разгуляться молодцам.
Мы не долго разгулялись,
Засылали, засылали приказы в поход.
Скоро идти — мы ни день, ни ночь не спали.
Маршем шли мы, до речки доходили в походе,
Перевозы снимали.
Разбессчастный перевозчик,
Нас встретили враги среди белого дня,
Вечером позднешенько
Француз берег занимал.
Поутру рано-ранешенько
С нами баталию открывал.
Мы из пушек-то палили,
Ровно туча с громом шла,
Из оружьев-то стреляли,
Будто градом сыпало.
Много раненых, убитых

312

По колен в крови стоят,
Уходила вся баталия,
Стали тела разбирать,
Не нашли таких генералов ровно трех,
Полковников до пяти,
Как солдатов, пехоты
Сметы дати не могли.

250

Обещался наш французик,
Вор-французик,
Рассеюшку взять,
Всю Рассеюшку взять.
В Москве постоять.
Заплакали наши сенаторы
Свои очи ясны,
Генерал наш казак Платов
Не очень печалит:
«Вы не плачьте, сенаторы,
Авось бог поможет,
Поутру рано вставайте,
Жандариков разбуджайте,
Вы жандаров разбуджайте,
Коней оседлайте.
Коней скоро оседлайте,
В поле выезжайте,
Глядеть, смотреть, выглядывать
Неверную силу».
Вот валит сила российска
Со всех сторон, со всех четырех.
Генерал наш казак Платов
Со правого фланту,
Глядит, смотрит, выглядит
В подзорную трубку:
Еще много ль у собаки
Неверные силы?
«Солдатушки, ребятушки,
Слушайте мово наказу,
А вы ружья заряжайте,
Сабли вынимайте,
А без моего приказу

Огню не открывайте». огонь жа-
И ударил в них рок —
Вор-французик
Из пушки картечью,
Генерал наш казак Платов
Из солдатских ружей.
Покажись наш российский

Француз утекати,
Генерал наш казак Платов
В погонь за ним гнати.
Тут течет речка Веснувка,
Перевозу на ней нету.
Уральские казачушки,
Ступай мостовою,
Солдатушки-ребятушки,
Давай скоро лодки.
Мы в лодках переедем,
Злодея догоним,
Злодея догоним,
В полон его вóзьмем.
Мы злодея догоняли,
В полон его взяли,
И конницу, и пехоту
За собой погнали.
Расплакалась-растужилась
Неверная сила:
«Говорили мы своему злодею:
Полно с Москвой воевати,
Силушки теряти,
Три месяца мы у нее стояли,
А Москвы не видали.
Питербурх город столичный,
Мы его узнали,
Потому его узнали —
Через него нас гнали,
В Сибирь отправляли».

251. НАПОЛЕОН ПОЛУЧАЕТ ИЗВЕСТИЕ О РАЗГРОМЕ АРМИИ

Уж ты пьешь, ты гуляешь, Наполеонушка,
Ничего не знаешь.
Не скорой-то курьер во глуху-то полночь

Курьер прибегал,
С нерадостной вестынькой
Его поздравлял:
«Разбили твою армеюшку, Наполеонушка,
Злые, храбрые казаченьки,
Твоих главных думчих сенаторов
В полон взяли,
Твоего родимого племянничка, Наполеонушка,
Его изрубили».
Как восплакнул же наш Наполеонушка
Горькими слезами,
Во слезах, во горячих слово вымолвил:
«Не жаль мне, не жаль
Своего родного племянничка,
Жаль мне сенаторов!»
Как вскричал-то, возгаркнул
Своим громким голосом:
«Писаря ли вы мои, писаря
Мои молодые,
Напишите вы царю грамоту
Поскорее,
Мы пошлем же к царю
Генералушку посмелее».

252. СРАЖЕНИЕ ДВУХ АРМИЙ

Ай не две-та тучушки грозные
Вместе сходи... они сходилися —
Ой две армеюшки они превеликие,
Вместе они съезжа... они съезжались.
Ой они билися только все рубилися,
Они трое су... они трое суток.
Ай как французская она всё российскую
Войску она призоби... она призобидела.
Ой как и тут-то бы вот наш Александра-царь
Ой смутной конем бе... смутной конем бегаёт.
Ой как журит-бранит вот наш православной царь
Свово благодее... свово благодетеля,
Ой как того-то бы того повелителя,
Всё графа Куту... всё графа Кутузова:
«Ай отчего же ты, с чего не успел послать
С Дону полки дон... с Дону полки донские?»

Ой не успел же тут вот наш православный царь,
Он тут слова мо... он тут слова молвити,
Ой как со правой-то, со правой сторонушки
Бегут они полки до... бегут полки донские.
Эх впереди-то бы, впереди казаченок
Бежит генерал... бежит генерал Платов.
Эх обнажил-то он свою саблю острую,
Несет наголо... ее наголо несет,
Ой обнажимши он свою саблю острую;
«Ох приклоняйтесь вот вы, мои казаченьки,
Свои пики во... свои пики острые,
Ах приклоняйтесь вы свои пики длинные
Коням на черну... коням на черну гриву!»
Эх приклонемши свои пики длинные,
Сами вперед ки... сами вперед кинулись,
Ай закричали ли то они, загичали,
Сами ох на ура... сами на ура пошли.
Ах они билися, билися, рубилися
Со утра было до ве... с утра ну до вечера,
Ой тут российская армия французскую
Она призоби... очень призобидела.
Ой как и тут-то бы вот наш Александра-царь
Весел ко́нем бе... весел ко́нем бегаёт,
Ой поздравляет вот наш православный царь
Наша войска до... наша войска донская,
Эх да и чем жа я вас, донских казаченьков,
Чем вас буду жа... чем вас буду жаловать?
Ах я пожалую вот бы казаков донских
Всех вас кавале... всех вас кавалерами».
Ой как и тут-то бы, тут-то бы наш граф Платов
Царю речь возго... царю речь возговорил:
«Ох ты не жалуй нас, своих казаков донских,
Всех нас кавале... всех нас кавалерами.
Ох как и некого из нас, казаков донских,
Некого-то в караул... будет в караул послать!»

253

Вы кусты мои, кусточки,
Вы ракитовы кусты,
Вы скажите-ка, кусточки,
Всеё правду про сынка:

316

Где сыночек пьет, гуляет,
Где надежда мой пребыл?
Пребывает мой надежда
В чужой дальней стороне,
Во матушке во Москве,
У француза на войне.
Уж мы билися-рубился
Разосенню темну ночь,
Разосенни ночи темны долги,
Близ четырнадцать часов.
Как во первом часу ночи
Сабли, ружья гремели,
Во втором часу ноченьки
С плеч головки летели,
Как во третьем часу ночи
Кроволитье протекло.
Протекло же это кроволитье,
Словно полая вода,
Заливало же это кроволитье
Все губернии, города.
Выходили ж царь с царицей
На прекрасное крыльцо,
Они крестились и молились,
Чтоб это кроволитье унесло.

254. РУССКАЯ АРМИЯ ГОТОВИТСЯ ВСТУПИТЬ В ПАРИЖ

Под славным было городом Парижем,
Собиралось российское славное войско.
Они лагери занимали в чистом поле,
Шанцы и батареи там порыли,
Пушечки и мортирушки там становили.
Константин-то наш по армии разъезживает,
Он пехоту и кавалерию рассчитывает:
«Надевайте вы, солдатушки, платье бело,
Поутру вам, милые, будет дело!
Когда бог нам поможет Париж взять,
Отпущу я вас, любезные, в него погуляти!»

255. УБИТ ПОЛКОВНИК БЕЛЯКОВ

Не черные, братцы, тучи поднимались —
Появлялись казаченьки царя белого, Петра Первого,
Наперед идет Атаманский полк, он весь радошен:
В барабаны бьют в полку по-новому,
В трубы трубят по-веселому,
Царско знамечко несут распущенное;
У знамя косыночка вьется до сырой земли.
Позади идет Беляков полк весь нерадошен:
В трубы трубят по-кручинному,
Царско знамечко несут во черном чехле.
Наперед едет Беляков на добром коне;
Под Беляковым сивый добрый конь идет спотыкается,
А сам Беляков с луки на луку всё качается.
Взговорил Беляков своим громким голосом:
«Ой ли, еси, казаченьки моего полка, моей первой
сотенки!

Не попомните-ка Беляковой спеси-гордости:
Вы сымите-ка скорее Белякова со добра коня,
Вы ведите-ка Белякова на синее море,
Вы обмойте-ка с Белякова мою горячу кровь,
Схороните-ка Белякова промеж трех дорог:
Между петербургской, московской и славно-киевской».

256. ДЕВУШКА В ПЛЕНУ У ФРАНЦУЗОВ

Не спалось девке, не дремалось,
Ничего во сне не видалось,
Только виделось — сон несчастный:
Как буйны ветры подымались,
Со хором верхá сорывали
Что по самые по окошки,
По хрустальные по стекольцы.
Не спалось девке, не дремалось,
Ничего во сне не видалось,
Только виделось девке,
Как француз Москву разоряет,
Красну девицу в полон взяли,
Генералушку подарили.
Красная девица слезно плачет,
Генерал девку унимает,
Шелковым платком утирает:

«Ты не плачь, не плачь, красна́ девица!
Я куплю тебе три подарка».
— «Не хочу твоих трех подарков,
Ты пусти, пусти во Россюю —
С родом-племеном повидаться,
С отцом с матерью распроститься».

257

Разбесщастненький-бесталанненький
Француз зародился,
Он со вечера рано спать ложился,
Долго почивать.
«Ничего ж ли-то я, французик ли,
Ничего не знаю:
Что побили его, его армию
Донские казаки;
Что мне жаль-то, мне жаль свою армию,
Есть еще жалчея —
Что вот сняли мому, мому родному,
Да родному братцу,
Что вот сняли ему, сняли йму головку,
Да головку.
Что мене ль-то, мене, всё французика,
В полон мене взяли.
Посадили мене, всё французика,
В темную темницу.
Что вот тошно ли мне, всё французика,
В темнице сидети.
Если б знал-то бы, знал я, французик ли,
Я б того не делал».

Во Уральском было, было славном городе,
 По большой-то было, большой славной улице,
 По проезжей было по Нетрясовой,
 Как ведут-то, ведут доброго молодца.
 Его резвы ноженьки крепко скованы,
 Его белы рученьки назад связаны,
 Чумбурчиком причумбурены.
 Никто-то его, никто провожать нейдет,
 Провожала его мать родимая;
 Как по правый-то бок идет отец с матерью,
 Как по левый бок идет весь род-племя,
 Позади-то идет молода его жена,
 Молода жена идет с малыми детушками,
 С малыми детушками идет, слезно плачет.

259. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ИЛЕЦКУЮ ЛИНИЮ

Прощай, Томский и Тобольский,
 Краснуфимский городок!
 Все сударушки прощайте,
 Нам теперя не до вас,
 Нам приходит горький час,
 Во солдаты везут нас,
 Во солдаты, во рекрúты,
 Во чистó поле гулять.
 В чýстом поле при долине
 Береза стоит.
 Из-под белою только березы
 Быстра речка протекла.
 Течет речка, течет быстра
 Мать широкая Уфа,
 Как по этой ли по речке
 Лёгка лодочка плывет,
 Как во той ли лёжкой лодке
 Всё казаченьки сидят,
 Про разлуку говорят:
 «Ты разлука, злая скука,
 Чужа дальна сторона!
 Разлучила, развела
 С отцом, матерью меня.
 Отца, матери лишился,
 Отъезжаю на Илек.

На Илинской на защите
Нет ни ягод, ни цветов,
Одна травка ковылок.
Уж и полно нам, ребята,
Полно горе горевать,
Уж мы станемте, ребята,
Станем пашенку пахать,
Мы арбузы рассевать,
Слезми горькими поливать,
В Еруслане продавать».

260. СЕМЕНОВЦЫ В КРЕПОСТИ

У нас было на святой Руси,
На святой Руси в славном Питере,
В Петропавловской славной крепости,
Что засажены были добры молодцы,
Добры молодцы всё семеновцы.
Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах-то стоит, думу думает.
Он и бьет штыком об сыру землю:
«Ох ты матушка сырая земля!
Расступись-ка на все четыре стороны,
Поднимитесь с гор, буйны ветры,
Разнесите вы желты пески.
Ты откройся, гробова доска,
Распахнися, золота парча,
Ты восстань, проснись, наша матушка
Катерина свет Алексеевна,
Ты выдь-ка на свой на парадный двор,
Посмотри-ка на свой на любимый полк,
На любимый полк на Семеновский.
У нас нынече в полку не по-старому,
Не по-старому, всё по-новому:
Начальнички у нас новые,
Всё новые, бестолковые,
Разбили наш полк по всей армии,
По всей армии, опричь гвардии,
По тем полкам по армейским,
Оставшихся нас сослали на Линию».

261. КОРАБЕЛЬЩИКИ БРАНЯТ АРАКЧЕЕВА

Бежит речка по песку, по песку, из Питера во Москву,
Из Питера во Москву,
Ой да не сама речка зашла, да зашла, неволюшка
да занесла,
Неволюшка да занесла.
Ох вот по этой по реке, ой по реке, много плыли, плыли
кораблей,
Много плыли, плыли кораблей,
Они плыли, перплывали ровно триста кораблей,
Ровно триста кораблей.
Как на кажным на корабличке по пяти сот молодцов,
По пяти сот молодцов,
По пяти сот молодцов, ох да пловцов-песельничков,
Пловцов-песельничков.
Хорошо пловцы плывут, веселó песни поют,
Весело песни поют,
Весело песни поют, разговоры говорят,
Разговоры говорят,
Разговоры говорят, всё Ракчеева бранят,
Всё Ракчеева бранят:
«Вор Ракчеев да он дворянин, расканальская сукин сын,
Расканальская сукин сын!
Всю Расею разорил, все дороженьки да он порыл,
Он порыл,
Все дорожки он порыл, лесом-садом он засадил,
Он засадил,
Лесом-садом засадил, солдат гладом поморил,
Солдат гладом поморил,
Солдат гладом поморил, наша жалованья утаил,
Наша жалованья утаил —

Хлебовая, харчевая, третья денежная,
Третья денежная.
Он на наши ведь на денешки он соорил в Москве дом,
Он соорил в Москве дом:
Он не низок, не высок, да трехэтажной вышины,
Трехэтажной вышины;
Раздиковинны палаты белы каменные,
Белы каменные,
Ой да белы каменные, стены раменные,
Стены раменные,
Стены раменные, ох да верхи бархатные,
Верхи бархатные,
Из хрусталу потолок да позолоченной конек».

262. ВАСИЛИЙ И АНДРЮШКА-ПАЛАЧ

Как за теми за рядами,
Всё за лавочками
Тут и шли-прошли солдаты,
Заслуженные господа.
У них ружья за плечами,
Штыки примкнутые.
Наперед идет Андрюшка,
Андрей — гру́зинский палач.
Позади ведут Василья,
Васю Демидова.
Как возговорит Василий
Андрюшке-палачу:
«Ах ты братец мой Андрюшка,
Андрей — гру́зинский палач,
Ты послушай, брат Андрюшка,
Моих глупых речей:
Уж вешай меня скоро,
Ты скорым меня скоро,
Не повесишь меня скоро —
Сам туда же угодишь!»
Испугался вор-собака
Он Васильевых речей,
Он со этого испугу
На рессорны дрожки сел,
Он поехал вор-собака
На Гражданску улицу,

Он заехал вор-собака
Ко Васильевой жене,
Он разрезал вор-собака
Белу грудь у ней.

263. НАБОР ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ

Загоняли нас, добрых молодцев, в Великое село,
Становили добрых молодцев в шеренгу всех,
Снимали с нас, добрых молодцев, шелковы волосы,
Нам бороды выбривали и шинели надевали.
Мы с манежи выходили ко цареву кабаку,
У царева кабака закричали все: «Ура».

264. СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I

Выезжает Александр наш свою армию смотреть,
Обещался Александр наш к Рождеству домой прибыть.
Все празднички на проходе — Александра дома нет.
«Пойду выду на ту башню, которая выше всех,
Погляжу я в ту сторонку, в коей Александр наш был».
По питерской по дорожке пыль столбом (она) стоит,
Пыль столбом (она) стоит, молодой курьер бежит.
«Я пойду спрошу (курьера): „Ты куда, курьер,
бежишь?
Ты скажи-ка нам (курьер) про Александрю-царя“».
— «Вы скидайте алы шали, надевайте черной траур,
Всю правдушку вам скажу про Александрю-царя:
Наш Александр-император в Таганроге жизнь
скончал,
(Что) двенадцать генералов на главах царя несут,
Вот не двое ли армейских воронá коня ведут,
Не четыре ли гвардейских со знаменами идут».

265. КОНСТАНТИН И ЛЕЙБ-ГВАРДЕЙЦЫ

На Царицыном лугу
Стоит гвардия в кругу,
То-то любо, любо да люли,
Держат ружья на руку.
Стоит гвардия в кругу.
Стоит гвардия в кругу,
Держат ружья на руку,
То-то любо, любо да люли,
Держат ружья на руку.
Держат ружья на руку,
Государя к себе ждут,
То-то любо, любо да люли,
Государя к себе ждут.
Государь к ним не бывал,
Константин к ним приезжал,
То-то любо, любо да люли,
Константин к нам приезжал.
«Вы здоровы, мои дети,
Лейб-гвардейцы, егеря.
То-то любо, любо да люли,

Константин к ним приезжал.
Надоело вам, наверно,
По казармам ночевать?
То-то любо, любо да люли,
По казармам ночевать?
Не отправиться ль, ребята,
С моим братом воевать?
То-то любо, любо да люли,
С моим братом воевать.
С моим братом воевать,
Себе землю забирать?
То-то любо, да люли,
Себе землю забирать?»
За такие слова брат
Константина слал в Кронштадт.
То-то любо, да люли,
Константина слал в Кронштадт.
И гвардейцы-егеря
Ненавидели царя,
То-то любо, любо да люли,
Ненавидели царя.

266. КОНСТАНТИН И АННА

При городе, при кунпанье,
При новом славном большом базаре
Стоит новая палата,
Да из себя она больно прекрасна,
Для людей она угожа.
Во той новой во палате
Живет пан-сударь с паньей,
Косенькин наш князь со Анной,
Со королевешной, со паньей.
Косенькин ее не злюбают,
На кровать спать не пускает,
Ой на кровать спать не пускает,
Одеяльца не дает,
Со кроватушки толкает.
Косенькин — князь премудреной,
А Анна-то его еще мудрее:
«Пойду к царю я Олександрю:
Ой ли царь ты наш великой,

Ты великая надежа,
Рассуди нас с Косенькином —
Косенькин меня не злюбаёт,
На кровать спать не пускаёт,
Одеяльца не даёт
И со кровати толкает».
Скоро царь слово промолвил:
«Ой вы слуги, мои слуги,
Запрягайте пару коней,
Пару коней вороную
Во карету золотую».
Скоро письмо писала,
С поштальёном отправляла
Она ко князю Косенькину:
«Прощай, князь Косенькин,
Я покорилась в свою землю!»

• 267. ЦАРЯ ТРЕБУЮТ В СЕНАТ

Время страшное подходит —
Пошел турок воёвать
Да с англичанином скумился:
«Да нам нельзя Россия взять».
Да не в показанное время
Да царя требует сенот.
Да царь недолго снаряжался,
Да на ямских он отъезжал,
Никому он не сказался,
Да только брату весть он дал:
«Ты сряжайся, брат, скоряе,
Да попроведаешь меня,
Предает скорую смертьку —
Да похоронишь, брат, меня».
Ишша брат его идет же
Да на руках книгу несет,
Книга страшна во пророках,
Да нищцо брат домой придет.
Брат немного время мешкал,
Да он за им в сугону гнал,
Ко сеноту приезджал же
Да часовым честь отдавал:
«Уж вы здравствуйте, ребята,

Да часовые вы стражи!
Не видали ле, ребята,
Да не прошел ле сенотóр?»
Друг на друга поглядели
Да все сказали «не видать».
Как один солдат-провор же
Да черным глазиком провел,
Черным глазиком провел
Да часовых всех прирубал
Часовых всех прирубал
Да двои двери вышибал,
Ко третьим дверям подходит —
Да на коленях брат стоит,
Перед им полковник ходит,
Да по прозванью офицер,
Носит саблю на весу:
«Да и царю голову снесу».
Ишша столько царю жизни,
Да покуль сабля не звилась.
«Ты ставай, брат, со коленей
Да из сеноту вон пойдем,
Из сеноту вон пойдем же,
Да мы сенотичёк зажгем.
Нам не дóроги сеноты
Да сенотóрские судьи».

268. ТУРЕЦКИЙ СУЛТАН ПИШЕТ ПИСЬМО

Пишет, пишет султан турецкий
К нашему белому царю:
«У разор я тебя разорю,
Во Москву стоять взойду,
Поставлю своих солдат
По всей каменной Москве,
Штапов-офицеров по купеческим домам,
Сам стану, султан турецкий,
В Миколаевском славном дворце!»
Как растужит наш Николай Павлыч,
Сам гуляет по Москве,
Говорит он своим сенаторам:
«Вы подумайте, братцы, со мной,
Пишет султан турецкий,
Хочет землю у нас отобрать,
Обещается султан турецкий
Во Москву итить стоять».
Обозвался граф Пашкеев,
За дубовым сидя столом:
«Не тужите, наш император,
Вы не думайте ни об чем:
Набирайте силы много,
Мы пойдем с туркой воевать,
Мы усех турок побьем,
Во полон их заберем,
Во Россеюшку возьмем,
По полкам их разберем,
По хватурам разведем!»

269. ТУРКИ ПОХВАЛЯЮТСЯ РАЗБИТЬ
РУССКИЕ ВОЙСКА

Поле ты, поленько, да поле,
Э-ох поле чистое, турецкое.
А-ох когда... ох когда тебя, поле, пройдем,
Мы когда тебя, поле, пройдем.
А-эх когда чистое прокатимся,
Когда чистое прокатимся.
Эх все пути наши дорожечки,
Все пути наши дорожечки,
И-эх все места наши прекрасные,
Все места наши прекрасные.
Э-эх все лужка наши зеленые,
Все лужка наши зеленые.
Э-эх по лужочкам речки быстрые,
По лужочкам речки быстрые.
Ох да речки быстрые, островистые.
Речки быстрые, островистые.
Эх на тех речках, на тех быстрых,
На тех речках, на тех быстрых,
Эх поле чистое, турецкое,
Поле чистое, турецкое.
Эх на том поле, на том широком,
На том поле, на том широком
Мы сойдемся с неприятелем,
Мы сойдемся с неприятелем.
Со такой ордой с неверной ли,
Со такой ордой с неверной ли,
Ох со турецким славным корпусом,
Со турецким славным корпусом.
Злые турки да собиралися,
Злые турки собиралися.
Э-эх на несчастный день, на среду ту,
На несчастный день, на среду ту
Ох злые турки напивалися,
Злые турки напивалися.
Э-эх во хмелюшках похвалялися,
Во хмелюшках похвалялися:
«Э-эх мы Россию всю насквозь пройдем,
Мы Россию всю насквозь пройдем.
Э-эх царя белого мы в плен возьмем,
Царя белого мы в плен возьмем».

Э-ох тут солдаты испужались,
Тут солдаты испужались.
Эх по лесочкам разбежались,
По лесочкам разбежались.
Эх по кусточкам да рассовались,
По кусточкам рассовались.
Эх говорил тут граф Баскеев нам,
Говорил тут граф Баскеев нам:
«Эй не дробейте вы, ребятушка,
Не дробейте вы, ребятушка,
Эй молоды наши солдатушки.
Молоды наши солдатушки,
Э-ох у нас пушки-ти направлены,
У нас пушки-ти направлены,
Э-ох черни порохи насыпаны,
Черни порохи насыпаны,
Э-эх литы ядрышки закачены,
Литы ядрышки закачены.
Эх мы начнем турка палить-валить,
Мы начнем турка палить-валить.
Э-эх выше леса дым столбом будет валить,
Выше леса дым столбом будет валить,
Э-ох мы покроем всю турецкую землю».

270. ГИБЕЛЬ ПОЛКА ТАЦЫНА

На ровной площади, на большой поляне
Стоял там Второй Тацын полк,
Стоял три неделюшки,
На четвертой-то на неделюшке приказ они получили —
Да идтить-то полку Тацыну под Шумной город.
Не пошел-то молодой полковничек большой дорогой,
Он пошел, молодой полковничек, крутыми горами,
Он крутыми-то горами, большими лесами.
Среди-то было пути, среди дороженьки несчастье
случилося:
Как не черные-то вороны из лесов солетались —
Турки храбрые из-за крутых гор на Тацына нападали.
Тут-то мои малолеточки дюжа перепужались,
По темным-то лесам они разбежались.
Кричит-то, кричит младой полковничек своим громким
голосом:

«Уж вы стойте, мои малолеточки, стойте, не робейте,
Государева свинцу, пороха не жалейте!»
Пробил-то бы, пробил молодой полковничек две заставы,
На третьей-то на заставе сам головушку сложил.

271. ВЗЯТИЕ ВАРНЫ

Трудно жить сироте
На чужой стороне.
Всё немило, всё постыло,
Нет веселия ни в чем.
Трудно жить без родных,
Всегда плачем мы об них;
Где поплачем, где потужим,
Тяжелехонько вздохнем.
Вспомнишь край свой родной,
Сам зальешься слезой.
Там ты волен, всем доволен,
Горя ни о чем не знал.
А теперь всё испытал,
Как я в Турцию попал.
В чистом поле — горе, страх
Каждый день и каждый час.
День намокнешь и дрожишь,
Ночь от страха не спишь;
Чуть заслышат наши уши,
Встрепенешься и стоишь.
Что ни свет, ни луна,
В чистом поле тишина;
Окликает, озирает
Стража стражу завсегда.
Мы под Варною стояли,
Себе смерти ожидали.
Здесь дерутся, там несутся
С страшной бомбой батарей,
Черно море шумит,
С кораблей огонь палит,
Стены рушит, турок душит,
В горах пламенем горит.
Кто бежит без руки,
Кто остался без ноги,
Кто извихан, кто исколот,
А кто плавает в крови.
Турки вопят: «Алла!»

Наши гаркнули: «Ура!»
Воздух стонет, каждый молит:
«Боже, жизнь мне сохрани!»
Вот окончился бой.
Из-под Варны пошли,
Мы дорогу домой
Во Россеюшку нашли.

272. СОЛДАТЫ ПАСКЕВИЧА В ПОХОДЕ

Уж вы горы мои, горы турецкие,
Уж вы горы, вы крутые мои горы!
Вы позвольте, мои горы, под собою ночь ночевать,
Под собою ночь ночевать и ту всю не спать,
Всю ночку не спать — порох, заряды получать.
«Стойте вы, турки, не стреляйте,
Вы заряды свои не теряйте!
Мелкого ружья да я не боюсь,
До Бильбурта я доберуся,
В Ирзарюме расположуся!»

273. ПОЛК ПАДУРОВА В ПОХОДЕ

Уж ты степь ли наша, степь, степь наша широкая!
Широко-долго, степь, ты протянулася.
Пролегала во степи больша дороженька,
По этой дороженьке никто не прохаживал,
Никто следиду не прокладывал,
Тут шел-то, прошел Падуров с полком.
Как за ним-то идет полк казаченьков,
Впереди-то идут brave хорунжушки,
За хорунжушками молодые уряднички,
За урядничками идет полк казаченьков.
Как у нас-то в полку несчастье солучилося —
Как убили у нас brave хорунжушку.
Как хорунжушки шашками возбрякнули,
А молодые уряднички песенку возгаркнули,
А полк-казаченьки слезнехонько восплакнули.
Не в чистом поле снежки забелелися,
Не алы цветы заалелися —
Забелелося тело белое,
Заалелася кровь алая.

274. РУССКАЯ АРМИЯ ПОД БРАЙЛОВОМ

Под славным было городом под Браиловым,
На ровной было на широкой площади,
Собирались там стрельцы-бойцы,
(Стрельцы-бойцы), все добрые молодцы.
Они бились и рубились с теми они со злодеями,
С теми турками они с неверными.
Несчастье у нас в армеюшке, беда она сочинилась,
Безвременье над нашей армеюшкой, беда она
несносная:
Убивали у нас из армеюшки молодого хорунжего,
Попадала пуля ему, доброму молодцу, в ретивое
сердце,
А коня-то доброго его грива прострелена,
Кровь течет по его груди, сбегает она по копытоткам.

275. НАБЕГ КАБАРДИНЦЕВ НА КРЕПОСТЬ
МАРЬЕВСКУЮ

Не сизые орлы ко ясному соколу солетались,
Узденья-то князя ко Мисостову сыну соезжались.
Выезжали-то они узденя-князя на высокий курган,
Свои шапочки-кабардиночки все долой поскидывали.
Как садились-то мои узденя-князя на черные стулья
юхтовые,

Надевали узденя-князя панцири трехколечные
С налокотниками позлащенными.
Они думали думу крепкую ее заединую:
«Во которую во сторонушку на удар пойдем?»
— «Как пойдем-ка мы, братцы, узденя-князя,
Под Бел-город мы!
Как пойдем-то и возьмем, узденя-князя,
Силу Марьевскую,
Возьмем-то ее, братцы, без свинцу, без пороху,
Без пушек без мартелушек,
Командирушек, бомбардирушек мы всех повырубим,
А пушечки-мартелушки во полон возьмем».

276. СРАЖЕНИЕ У ХАНКАЛИНСКОГО УЩЕЛЬЯ

Светила заря поздно вечером;
Посвети-ка ты, заря, пока взойдет
Батюшка светел месяц,
Чтобы видно было мне, молодцу,
Идти мне из неволюшки;
Из неволюшки идти,

С чужой дальней сторонушки —
С Большой Чечни, с большой Атаги.
Атагинцы-собаки собирались с ханкалинцами,
Ханкалинцы-собаки собирались с алдадинцами;
Не лучшее местечко выбирали,
Порыли себе шанцы глубокие,
Поделали себе завалушки высокие,
Не хотели пустить силу-армеюшку.
«Уж я сам-то, майор Зачетов,
Наперед пойду, братцы;
Свою острую шашечку наголо понесу,
И разобьем мы силу неверную,
Ту силу чеченскую».

277. СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА ВЛАСОВА

Как не травушка, не муравушка
К сырой земле клонится —
Царя белого армеюшка
Стоит, богу молится.
Помолившись богу, она поклонилась,
Поклонившись, на удар пошла.
Как и билися, и рубилися целый день до вечера,
И темную ноченьку до белой зари.
Да и много же там побито!
И убили полковничка Власова,
Да и там же с ним убили
Урядничка Дикова.

278. ОБОРОНА ЗИРЯН

Вспомним, вспомним мы, ребята,
Как стояли в Зирянах
И не раз Хаджи-Мурата
Мы пугали на горах.
Вот тогда случилось дело,
И куда нехорошо,
Как татарское всё племя
Возмутилось заодно.
Дружно, дружно налегали

На Аварский наш отряд,
Пули, ядра осыпали,
А картечи — ровно град.
Вот нам пули все знакомы
И картечи нипочем,
Наши храбрые солдаты
Встретят нехристя штыком.
Как проклятый басурманин
Хотел шутку подшутить —
В Зирянах стоять заставил,
Вздумал гладом поморить.
Мы рогатую скотину
Всю вконец перевели,
Стали есть мы лошадину —
И варили, и пекли.
Вместо соли мы солили
Из патрона порошком,
Сено в трубочках курили,
Распростились с табачком.
Обносились, оборвались,
С плеч свалилось всё долой —
Тут-то мы хлопот набрались,
Чтоб управиться с зимой.
Мы рогожи одевали
Вместо бурок и плащей,
Ноги в кожи зашивали
После съеденных коней.
Так кавказские солдаты
Ходят об руку с нуждой,
Завсегда горем богаты —
Его носят за спиной.

279. СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ПАССЕКА

Князь Воронцов наш похвалялся,
Хотел штурмом горы взять!
Мы штурмом горы проходили,
Разнесли врагам поклон!
Из-за гор, ворот индейских,
Шамиль с войском выходил,
Востро шашки наострил;
Наостримши Шамиль шашки,

Воронцова в гости ждал,
Воронцов идет с отрядом,
С генералом Пассеком.
Генерал наш храбрый Пассек
Наперед кричит: «Ура!»
Как и тут вдруг уязвила
Чеченска пуля белу грудь,
Как со этого удара
Пассек на землю упал;
Он, упавши-то, валялся,
А сам речи говорил:
«Ой вы братцы, мои братцы,
Вы донские казаки!
Чечню бейте, не робейте:
С вами бог и Воронцов.
Тело мое не покиньте
На чеченской стороне!»

280. ГЕНЕРАЛ СЛЕПЦОВ РАНЕН

Ой да ты заря,
То ли заря,
Да ясная наша зорюшка,
Ой да полуношная звезда
Она высоко взошла.
Ой да освети, да ты освети,
Освети нам штаб-квартирушку.
Как у нас во полку
Несчастье да случилось:
Генерал Слепцов
Крепко раненый.
Перед ним стоят
Суньжанцы, младцы казаченьки,
Стоят они, слезно плачут.
Ой да вы не плачьте,
Суньжанцы, младцы казаченьки,
Не плачьте вы,
Да вы не тужите,
Ой да поручаю я вас,
Суньжанцы, младцы казаченьки,
Всё майору Предимирову.

281. СОЛДАТЫ БАКЛАНОВА ИДУТ НА ПРИСТУП

Выше гор, выше гор и мечетей
Идет сотня казаков-усачей.
Вперед идет командир молодой,
Ведет бравых казаков за собой:
«Со мной, братцы, не робей,
На завалы поживей!
Скорым шагом на завал —
К крясту, первый кто вперед прибяжал!»
Чударочков впереди усачей,
Шашку в зубы — и в воду вскочил.
Вспомним, братцы, как громили Мечуки
Мы с Куринской высоты, высоты!
Смотрим, братцы, как быстро речка течет,
Полк Бакланов нам дорожку просечет.
Это, братцы, пустыки, пустыки,
Мы поднимем здешних горцов на штыки.
Как увидим мы значки у татар,
Приготовим им баклановский удар.

282. ЦИОЛКОВСКИЙ НА ЭМБЕ

Лежала путь-дороженька
По гóрам, по долáм,
До славной вплоть до речки,
До речки до Еньбы.
Никто по той дорожке,
Никто не проезжал,
А шел-прошел по тропке
Один казачий полк.
А впереди пред ратью
Несут все знамена,
За знаменами едет
Полковник-молодец.
Выходит наш полковник
На гору высоко,
Глядел-смотрел полковник
В подзорную трубу,
Но ничего полковник
Тут в поле не видал,
А видел наш полковник
Одну речку Еньбу,
А вдоль по той по речке
Растет камыш-трава.
Со вечера та травка
Чего-то поднялась,
К полуночи камышик
Опять поприутих.
Вот так и наш полковник
С зарею поднялся,
Лишь выглянуло солнце,

В поход он собрался.
Попросим-ко, ребята,
Полковника-отца,
Попросим его дружно
Нам сделать здесь привал.
«Позволь, позволь, полковник,
Нам здесь поотдохнуть,
Еще позволь, полковник,
Нам коней накормить,
Еще позволь, полковник,
Нам коней расседлать,
Казачие нам седла
Позволь здесь обсушить».

283

Мимо лесику, мимо бору сырого
Пролежала путь-дороженька,
Никто по ней не прохаживал
И никто по ней не проезживал,
Только шел-прошел один полк казаков.
Наперед у них ехал злой полковничек,
Злой полковничек ехал, князь Стрелковский.
«Прикажи ты нам здесь ночевати».
Князь Стрелковский на то рассердился,
И поехал он на крутые горы,
И берет во правую рученьку подзорную трубоньку.
И поглядывал на чисто поле далекохонько;
Как во трубоньку ничего ему не видно,
Только и видно ему — быстрая речка,
Как по речушке растет камыш-травка.
Как со вечера травка притихает,
Ко полуночи травка зашумела,
Ко белой-то заре травка завевала.

284. ПОХОД К СЫРДАРЬЕ

Пришел, братцы, новый год,
Мы идем все во поход.
Мы апреля дождались,
На поход мы поднялись.
Утром рано, чуть рассвет,

Трубач зорю протрубит —
Мы с постелей поднялись,
В путь-дорожку собрались.
Послы ноченьки не спали,
Их в походе провожали.
Мы песчаные мары
Проходили и в жары,
На утренней на заре
Подходили к Сырдарье.
На Дарье-речке стояли,
Легки лодки припасали,
Легки лодки припасали,
Посланничков переправляли.
Переправивши послов
До хивинских городов,
Проводили мы, простились
На родину возвратились.

285. НАБЕГ КОЧЕВНИКОВ НА ЕКАТЕРИНИНСКИЙ ФОРПОСТ

Как на той ли Горькой линии,
В Екатерининской славной крепости
Случилось вдруг несчастье-безвременница —
Простонала же мать сыра земля
Тяжелехонько да и грустнехонько.
Из-за гор то было, гор высоких,
Из-за колочка из-за зеленого
Возмывала же туча черная —
Злы киргизушки кенисаринские.
Они сделали удар на Екатерининский форштадт,
Они выжгли его, народ вырезали,
Во полон-то брали добрых молодцов,
Добрых молодцов, всё застрельщиков;
Во-вторых-то брали красных девушек,
Посадили они их на добрых коней,
Повезли они их на Дарью-реку,
На Дарью-реку к самому паше.
Там над молодцами дивовались,
А над девушками надругались.

286. ДУНИКОВСКИЙ ОТДАЕТ ПРИКАЗ ИДТИ
ЗА ДАРЬЮ-РЕКУ

Соберемся мы, казаченьки, во единый круг,
Станем мы на зеленый луг,
Станем думу думати заедино:
Кому из нас, казаченьки, атаманом быть?
Мы выберем атаманушку — Иванушку,
По прозванью полковника Дуниковского.
Со вечера Дуниковский приказ отдал всем:
«Чтобы были казаченьки во готовности,
Во готовности, во исправности;
Чтобы были у вас ружья чисты,
Ружья чисты, кремни востры.
А завтра нам, ребята, во поход идти
За тое ли за матушку за Дарью-реку,
Ко тому ли басурманину Кенисарову».

Издалеча, издалеча, из чиста поля
 Лежала-пролегала дороженька торная.
 Что никто по той дороженьке не прохаживал,
 Никто следичку по широкой не прокладывал,
 Только шли-прошли казаки с моря синего,
 Со такою со добычей шли со промыслу.
 Становилися казаченьки в Улутавские луга,
 Что во те же во кустички во тарновые,
 Расседлали добрых коней, потреножили,
 Потреножили добрых коней, в поле пустили.
 Уж как сами казаченьки глупо сделали —
 Не поставили караулу, сами спать легли,
 Не почаили из Ултаву грозной высылки.
 Подглядел-то, подсмотрел молодой шельма киргиз,
 Он кидался, он бросался во все стороны
 Ко тому же ли ко султану к азиатскому:
 «Уж ты злой еси, наш батюшка азиатской земли хан!
 Не прикажи ты казнить, прикажи речь говорить.
 Еще дай ты мне силы-армии много множество,
 Много множество силы-армии — сорок тысяч человек,
 Сорок тысяч человек на пятьсот казаков».
 Они билися-рубилися день до вечеру,
 Разосенную темну ноченьку до белу свету,
 Недостало у казаченек свинцу, пороху.

288. ПОХОД ПОД КУКАН-ГОРОД

Не белая заря, заря занималася,
 Красное солнышко из-за гор выкаталось,
 Получили мы приказ на второй эшелон —
 Идти под Кукан-город.

Получивши, все богу молились
И друг с другом распростились,
А потом на ура пошли,
На ура-то пошли с главной батареешки.
Вдруг несчастье у нас случилось —
Убивали-то у нас храброго воина
Прапорщика Гурьева:
Попадала ему свинцова пуля
Во белую грудь, в самое ретиво сердце,
Пал-то он на сыру землю.

289. СОЛДАТЫ ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ

Распроклятый француз-англичанин,
Возмутил ты чалму на нас.
Наипаче он налегает
На стрелковый третий баталион.
Пули, ядра нам знакомы,
Картечь, бомбы нипочем.
Заряжайте ружья поскорее,
Французов встретим мы в штыки.
Пули, ядра полетели,
Точно с неба сильный град.
Заставил он все пути-дорожки,
Хотел с голоду нас заморить.
Мы рогатую его скотинку
В чистом поле всю перевели,
Мы резать ее не щадили,
Мы варили, жарили, пекли.
Вместо соли посолили
Из патронов мелким порохом,
С горя трубочки закурили
И распростились с родной стороной:
«Ты прощай, родная сторонка,
Одесса славный городок.
Наши матери, наши родные
Остаются вечно горевать,
Наши батюшки родные
Остаются вечно работать,
Наши жены, жены молодые
Остаются в доме ни при чем,
Наши деточки малолетние
Остаются вечно сиротать».

290. КАЗАКИ ПОЛУЧАЮТ ПРИКАЗ ИДТИ
НА СРАЖЕНИЕ

Сильно буря прошумела,
Взволновалася в море вода,
Меж народу пролетело:
Нам весной идти скоро в поход,
Ружья чисты нарезные,
Шашки острые иметь.
Под начальством Горчакова
Нам и лестно было служить,
Хотя слова два-три скажет —
Мы пойдем на смерть.
Мы французов не боимся,
Мы летим туда стрелой.
Как под кустиком под ракитовым
Казак голову свою сложил.
Вот пронзила его сердце
Свинцова пуля, насквозь прошла.
Что никто к тому телу
Не прикоснется никогда.
Прилетели к тому телу
Три сизые голубки:
Как первая голубка —
Родна маменька была,
Как вторая-то голубка —
Родна сестрица была,
А как третья-то голубка —
Молода его жена.
Мать-то его плачет —
Как река льется,
Сестра его плачет —
С гор весной ручьи идут,
Жена его плачет —
Роса утренняя,
Солнце обогреет —
Роса утренняя долой.
Вы вороны, вороны,
Загуменные карги,
Разнесите мое тело
По чистому полю врозь.

А ой да ты корми... кормилец ты наш,
 Ей ты наш славный тихий Дон,
 Ты наш славный тихий Дон!
 А ой да как быва... бывалыча, Дон,
 Ей, бывало, быстер бежишь,
 Бывало, быстер бежишь,
 Ай и да как тепе... теперича, Дон,
 Ей ты наш славный тихий Дон,
 Теперя смутен ты стал.
 А ой да помути... помутился, Дон,
 Ей весь ты сверху донизу,
 Весь ты сверху донизу,
 А ой да как от са... от самого, Дон,
 Ей от самого озера, озера Иванова
 А ой да ну до са... до самого, Дон,
 Ей до самого города, города Черкасского.
 А ой да помути... помутили Дон
 Ей его три земелицы,
 Его три земелицы:
 А ой да как одна, ну одна земля —
 Ей да земелюшка, земелька турецкая;
 А вот и как друга... другая земля французская,
 Ей ну земелюшка она;
 Ай вот и ну как тре... третья земля —
 Ей земля агличанская,
 Земля агличанская.

292. НАХИМОВ ВЕДЕТ ЭСКАДРУ

Шла эскадра шун в Россию к нам.
 Не дошедши она синя моря,
 Набегает на нас сильный шторм.
 Набегает на нас сильный шторм,
 Снасти рвет, мачты у нас ломает,
 Ремни с треском рвутся от бортов,
 Ремни с треском рвутся от бортов.
 Тридцать парусов у нас сорвало,
 Руль отшибло у нас, братцы, прочь,
 Руль отшибло у нас, братцы, прочь.
 Нас качало, молодец, бросало

Ровнёхонько, братцы, восемь ден,
Ровнёхонько, братцы, восемь ден.
Ничего в волнах было не видно,
Кроме судна, братцы, своего,
Кроме судна, братцы, своего.
Наше судно было очень чудно —
Адмиральский славный наш фрегат,
Адмиральский славный наш фрегат.
Так матросики стоят, бедняжки,
Побледнели, братцы, все дрожат,
Побледнели, братцы, все дрожат.
Вы не плачьте, добрые молодцы,
Не печальте славный наш поход,
Не печальте славный наш поход.
С нами бог и сам Нахимов с нами,
Он не даст нам, братцы, потонуть,
Он не даст нам, братцы, потонуть,
Не погибнем, братцы, среди моря —
На фрегате храбрый адмирал,
На фрегате храбрый адмирал,
Сам Нахимов управлял эскадрой,
И не страшен был нам ураган.

Как решил султан турецкий
С нами шутку пошутить,
Он собрал господ пашей-начальников,
Стал им речи говорить,
Раз, два, три,
Стал им речи говорить:
«Господа паши-начальнички мои!
Я султан, султан турецкий,
Всему царству голова,
Я задумал думу крепку
И хочу вам рассказать:
В семьдесят седьмом году
Хочу с русским воевать,
Раз, два, три,
Хочу с русским воевать.
У меня войска немало,
Есть прекрасны крепостя,
Дунай-речка не малая,
Там есть горы и леса.
Подойдем с войском к Дунаю,
Будем место занимать,
Мы построим батареи,
Будем русского встречать,
Раз, два, три,
Будем русского встречать.
Через Дунай пойдем в Россию,
Мы к Одессе подойдем,
После полночи на зорьке
Вот Одессу мы возьмем.
Пускай русские не знают,

Что в Одессе мы стоим,
Пройдем Каменку и Киев,
Где наш дед шапку забыл,
Раз, два, три,
Где наш дед шапку забыл!»
Солнце греет, месяц светит,
Заря алая встает,
Не туман с моря поднялся
И не сильный дождик льет —
Растревожились солдаты,
Барабан тревогу бьет.
Войско русское поднялось,
На врага в поход идет,
Раз, два, три,
На врага в поход идет.

294. ШТУРМ КАРСА

Приказал Бакланов палатки снимать,
Верно нам, ребята, в поход выступать.
Поход недалеко, под город под Карс.
Во городе Карсе ни пыль, ни кура,
Молния блистает, сильный гром гремит.
Верно, гранадеры с турком сразились.
Линейные казаки по флангам стоят,
Шашками блискают, подраться хотят.
Мы пробили стену, пошли на ура,
Били, рубили, крепко ранили,
Назад возвращались, слезно плакали.
Наши друзья, братья ранены лежат,
Руки, ноги нету, все смерти хотят.

295. ПЕСНЯ СЕВАСТОПОЛЬСКИХ СТРЕЛКОВ

Что ж это мелькает, братцы, меж кустов,
Словно пропадает?
Цепь проворная, стрелки, вперед,
Ружья заряжайте!
Цепь проворная, стрелки, вперед,

Ружья заряжайте!
Без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся,
Ай без дорожки, братцы, без пути мы
Всюду проберемся.
Где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся,
Ай где река, где река, плыви смелей,
Выйдем, отругнемся.
Взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня, врассыпную!
Ай взвод стрелков, взвод стрелков, всегда вперед,
Сотня, врассыпную!
Протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся,
Ай протрубил, протрубил сигнальный рог,
Батальон сомкнулся.
Кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся,
Ай кто прилег, кто прилег в большой траве,
Кто за куст пригнулся.
Кто первый, кто первый на вал пойдет,
Тому честь и слава,
Ай кто первый, кто первый на вал пойдет,
Тому честь и слава.
Ай севастопольцы-друзья, вперед,
Равнение направо!
Ай севастопольцы-друзья, вперед,
Равнение направо!

296. ПОД ПЛЕВНОЙ

Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шел —
Князь великий перправлялся,
Через Дунай с войском он шел.
Он и шел с крестом, молитвой,
Чтобы турок победить,
Чтобы турок победить,
Всех болгар освободить.
Три мы ночи шли в походе,
Притуманилось у нас в глазах.

Государь нам дал свободу
На́ три ча́са погулять.
Мы гуляли эти три часа,
Про нас знали только небеса.
Вдруг в войсках огонь открылся
И ударил военный сильный гром,
Город дымом весь покрыло,
Три часа не виден город был.
Заплакала наша Плевна,
Зарыдали все ее места,
Запропала турецкая слава
И не будет боле никогда.

ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ

Вы послушайте, ребята, послушайте, господа,
 Что мы, стары старики, будем сказывати
 Про того царя Ивана про Васильевича.
 Как и наш-ат государь под Казань он подступал,
 Под тоё ли крепку стену белокаменную.
 Переправу он держал через мать Волгу-реку,
 Он подкопы подводил под Казань под реку,
 Закатили канонеры сорок бочек дубовых
 Как со лютым со зельем, свинцом-порохом.
 Закатимши, канонеры зажигали там свечи,
 А зажжемши свечи, от города отошли,
 От города отступали во зеленые луга.
 По лужкам-ти государь-царь разгуливает,
 На тоё ли крепку стенушку поглядывает.
 А татарушки по стенушке похаживают,
 Заголя своё гузёнычки, показывают:
 «Еще вот те, государь, наш Казань-городок,
 Не видать тебе Казани, как ушей на голове».
 Как и наш-ат государь рассерчаится,
 Он старшому канонеру хочет голову срубить.
 А старшой-ат канонер поумнее всех,
 Был поумнее, пославнее, почесливее:
 «Погоди нас, государь, казнить-вешати,
 А позволь-ка, государь, слово молвити,
 Словечушко молвити, речь возговорити.
 Под землей-то свечи хоть и ясно горят,
 Хоть и ясно горят — долго теплются;
 На ветру-то свечи хоть не ясно горят,
 Скоро теплются».
 Не успел наш канонер слово молвити,
 Словечушко молвити, речь возговорити,
 Как и взорвало стену белокаменную.
 Как и начало татарушек со стенушек побрасывати,
 Куда руку, куда ногу, куда туловища,
 А буйную голову — в луговую сторону.
 Как и наш-ат государь-царь возрадовался,
 Он старшим канонером восхваляется:
 «Еще чем вас, канонеры, дарить-жаловати?

Или Питером, Москвой, иль златой своей казной?»
— «Нам не надо, государь, ни Питера, ни Москвы,
Ни Питера, ни Москвы, ни златой твоей казны.
Только дай нам, государь, нам Яик-реку,
На Яике будем жить, будем оберег держать,
Будем оберег держать, всю Россию сберечь!».

* * *

Кто бы нам сказал про царев поход,
Про Грозного царя Ивана Васильевича?
Как он, Грозен царь Иван Васильевич,
Скоплял силушку ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет, еще три года;
Сокоплёмши свою силушку, воевать пошел
Он под славное царство Казанское;
Не дошедши до Казани, становился,
Становился наш батюшка в зеленых лугах,
В зеленых лугах заповедных.
Как он, Грозен царь, под Казань подступил,
Под речку под Казаночку подкоп подводил,
Под другую сторону — под Булат под реку.
Мы с порохом бочёнки закатывали,
Сорок бочек закатили с лютым зельем, с порохом,
Зажигали на бочках воску ярого свечи,
Зажжёмши свечи, сами вон пошли,
Сами вон пошли, сами прочь отошли.
А злые татаришки по стеночке похаживают,
Нашего царя белого Ивана Васильевича подразнивают.
На то Грозный царь осердился:
«Подавай мне пушкарёв казнить-вешать!»
Вот и выбрался из них молоденький пушкарь:
«Не изволь, государь, нас вешать и казнить,
Дай ты нам речи сговорить.
Наружи-то свечи оне скоро горят,
В подземельи-то свечи нескоро теплются».
Не успел слова сказать, стало бочки рвать,
Стало бочки рвать, землю нáрозно метать,
И побило всех татар каменничком.

* * *

Уж вы гости мои,
Дорогие вы мои,
Вы придите ко мне, гости,
Побеседовати.
Я вам-то, гостям,
Побасеночку скажу,
Я не сам про себя,
Я про белого царя,
Про того царя Ивана
Про Васильевича.
Подымался белый царь

Со матушки со Москвы,
И со всем-то главным войском,
Славным корпусом.
Не дошедши до Казани,
Он подкоп подкопал,
Сорок бочек накатал
С чистым порохом.
Тут татарушки
По крепости похаживают,
На Грозного царя Ивана
Лихо думают:
«Уж ты батька белый царь,
Да не взять тебе Казань
Что ни во сто лет, ни в двести,
Ни в тысячу лет!»
Тут и матушка Казань
Да разорвало,
Всех татарушек из крепости
Повыкидало,
Где рука, где нога,
Где буйная голова.
А татарский-то хан
На коленочки пал:
«Уж ты батька белый царь,
Ты что здесь не видал?
Салма наша не хлебал?
Женка наш не целовал?»

7—10

Приутихло, приуныло море синее,
Глядучись-смотрячись со черных кораблей,
И со тех марсов корабельных,
И со тех трубочек подзорных
И на те на круты красны бережки.
Приутихли, приуныли круты красны бережки,
Глядучись-смотрячись с черных кораблей,
И со тех марсов корабельных,
И со тех трубочек подзорных
И на те на горы высокие,
И на те на поля зеленые.
Приутихли, приуныли поля зеленые,
Глядучись-смотрячись на государев двор.
Преставляется царица благоверная,
Молодая Софья дочь Романовна;
В головах сидят два царевича,
В ногах сидят млада две царевны,
Супротив стоит сам Грозен царь,
Грозный царь Иван Васильевич.
Говорит царица таковы речи:
«Уж ты слушай, царь, послушай-ко,
Что я тебе, царица, повыскажу:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до младых двух царевичев;

Когда будут они во полном уме
И во твердом будут разуме,
Тогда будет оборона от новых земель.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Когда будут девицы во полном уме,
Во полном уме, в твердом разуме,
Ты тогда отдавай девиц замуж.
Еще слушай, царь, ты послушай,
Что я тебе, царица, повеysкажу:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих до князей, до думных бояр,
И до того ты до дядюшки любимого,
И до своего ты до крестного батюшки,
До того Богдана Сирского:
И тут твоя дума крепкая.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яр, будь ты милостив
До своих солдатешек служащих:
И тут твоя сила верная.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яр, будь ты милостив
До всего народу православного.
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебе, царица, прикажу,
Прикажу и повеysкажу:
Когда я, царица, преставлюся,
Не женись ты, царь, в проклятой литве
На той ли Марье Темрюковне,
А женись ты, царь, в каменной Москве
На той супаве татарские:
Хошь есть у ней много приданого,
Пановой-улановой и злых поганых татаровей,
Есть у ней брателко родимое,
Молодой Кострюк сын Темрюкович».
И тут царица просыпалась.
Тут царице славу поют.
Прошло времени три месяца,
Похотел сударь Грозен царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
И покатился он во ту ли матушку прокляту литву,
Покатится и женится
На той на Марье на Темрюковне.
Он не слушал своего крестного батюшки,
И того Богдана Сирского,
Приезжал он скоро в прокляту литву,
И брал он Марью Темрюковну
И со тем брателком родимым
Кострюком Темрюковичем.
Отправлялся он из проклятой литвы.
Не дошел он матушки каменной Москвы
Равномерных верст пятисотных,
За сто верст становил он свою силу-армию,
И сходил он скоро со добра коня,
И брал он чернильницу вольянскую,
И брал перо лебединое,

И брал бумагу лист гербовая,
И писал он скоро посолен лист,
И посолен лист на золот стол
Своему дядюшке любезному,
И крестному батюшке Богдану Сирскому:
«Дядюшка Богдан ты мой Сирский!
Стрень ты меня с честью и с радостью,
И со тем петьем божьим-церковным,
И со тем со звоном колокольным,
Со той пальбой пушечной».
Отправлялся его скорой гонец,
Скорой гонец и скорой посол:
Не стретил его дядюшка любимой за сто верст.
Не дошел он матушки каменной Москвы
Равномерных верст пятисотных,
За двадцать за пять становил он свою силу-армию,
Отправлял скоро гонца,
Скора гонца и скоро посла,
Чтоб чистить улицы широкие,
Исправить фатеры дворянские —
«Где стоять моей силе-армии».
И приваливал он во матушку каменную Москву:
И не стретил его любезной дядюшка,
И тот Богдан Сирский,
Ни с петьем божьим-церковным,
И ни с тем звоном колокольным,
Ни с той пальбой пушечной.
Заезжал сударь Грозен царь,
Грозный царь Иван Васильевич,
И во ту церковь божию,
Принимал златы венцы
И со той Марьей Темрюковной.
На той на радости великие
Заводил он почестен пир
На всех на князей, на думных бояр,
На сильных-могучих богатырей.
Солнышко идет к западу,
И к западу идет — ко закату,
И почестен пир навесело,
И все в пиру пьяны-веселы.
Говорит ему шурин любимой,
Молодой Кострюк сын Темрюкович:
«Ай ты мой зятюшко любезный,
Грозен ты царь Иван Васильевич!
Есть ли у вас в каменной Москве
Борцы-молодцы приученые,
Кабы мне с ними поборотися?»
Требовал сударь Грозен царь,
Грозен царь Иван Васильевич:
Борцей-молодцей не случилось,
Только случился Васенька хромоногенькой,
На леву ножку он припадывает,
По двору прихрамывает,
И ко двору государеву придвигается,
И входит в палаты царские.

И говорит Кострюк сын Темрюкович
Своему зятелку любезному:
«Черт у вас, не борцы-молодцы,
И не приучены!»
Говорит Вася хромоноженькой:
«Ай же ты сударь-таки Грозен царь!
Ежели бог пособит, Никола поможет
Кострюка побороть,
Из платья вон его вылупить
И по двору его нага спустить?»
Говорит сударь Грозен царь,
И Грозен царь Иван Васильевич:
«Ежели бы тебе бог помог
И Никола пособил Кострюка побороть,
Из платья вон его вылупить
И по двору нага спустить,—
Пятьдесят рублей тебе жалованья!»
На левую ножку он, Вася, припадывал,
А правой ножкой подхватывал,
И метал Кострюка о кирпичной пол:
На брюхе его кожа трёснула,
На хребте его кожа лопнула.
Из платья он его ногой вылупил:
Не Кострюк был Темрюкович,
Да и не брателко-то ей был родимое,
Была поляница удалая.
Брал царь свою Марью Темрюковну,
И вел он в далече чисто поле,
Стрелял он ей в ретиво сердце:
Тут ей и славу поют.
Тогда он слушал своего дядюшку любезного,
И Богдана того Сирского,
И женился он в каменной Москве,
В каменной Москве, на святой Руси.

* * *

Во матушке было в каменной Москве,
При Грозном царе Иване Васильевиче,
Были годы те недобшлые, времена были студеные.
Задумал царь Иван Васильевич жениться,
Благоверный обручится,
Он не в матушке в каменной Москве
И не в матушке славной Вологде —
Во той во земле во польския,
У короля у церконовского, у литовского,
У того у Кастрюка на меньшей сестре.
Еще скоро-поскору, скоро-наскоро
Тут поехал Иван Васильевич жениться.
Ему стрету ладит Кастрюк с барабанной музыкою:
«Уж ты здравствуй, царь Иван Васильевич!
Еще ты ли ко мне приехал торгом торговать,
Еще ты ли ко мне приехал собирать пошлину,
Сбирать пошлину за двенадцать лет?»

Отвечает Грозный царь Иван Васильевич:
«Я приехал к тебе не торгом торговать,
Я приехал к тебе не за пошлиной,
Я приехал к тебе жениться,
На твоей жениться на меньшой сестре».
Еще скоро-поскору, скоро-наскоро
Сряжает Кастрюк свою сестру.
Снимается Грозный царь Иван Васильевич
Во свои земли во русские,
Во свою во матушку в каменну Москву.
Пошло красное солнышко ко западу,
Пошел честен пир, все навеселе,
Все на пиру сидят — пьют-едят,
Пьют-едят, потешаются.
Кастрюк сидит — не пьет, не кушает,
Белой лебеди не рушает.
На кого лихо думает?
Еще или он на царя на православного,
Еще или он на сестрицу на любимую,
Еще или он на князей, на бояр,
Еще или он на торговых на гостей,
Еще или он на прислужащих всех?
Что возговорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Уж ты гой еси, Никита Романович!
Ты иди-ко, попроси его:
«Уж ты что, скажи, Кастрюк молодой,
Что сидишь — не пьешь, не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь?
На кого лихо думаешь?
Еще или на царя на православного,
Еще или на сестрицу любимую,
Еще или на князей-бояр,
Еще или на торговых гостей,
Еще или на прислужащих всех?»
Отвечает Кастрюк молодой:
«Уж я той думы не думаю,
Я тех мыслей не примысливаю.
Уж я все города ходом прошел,
Уж я всех славных борцов приборол;
Я теперь во Москву вступил,
В ту же матушку в славну в Вологду.
Из твоей из матушки каменной Москвы
Я хочу честь-честь свою и славу унести».
Походил Никита Романович
Ко царю Ивану Васильевичу:
«Уж ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Молодой Кастрюк той думы не думает,
Уж он все города прошел,
Он всех сильных борцов приборол;
Он приехал теперь в каменну Москву,
Хочет из Москвы честь-славу унести».
На это Грозный царь ответ держит:
«Уж ты гой еси, Никита Романович!
Ты бери-ко трубу золоту свою,
Выходи на крылечко на красное,

Ты труби-ко в трубу золоту свою
По тому переулочку Косящатому,
Кабы шли борцы на царский двор!»
Брал Никита золоту трубу,
Выходил на крылечко на красное,
Он трубил в трубу золоту свою.
По этому переулочку Косящату
Идет два борца, два молодца:
Один идет Илеюшко хроменький,
На одну ножку припадывает,
На другую ножку подковыливает,
Костыльком он подпирается;
Другой борец идет Иванушка маленький.
«Уж ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич!
У тебя хлеб-соль завсегда на столе,
У тебя борцы завсегда во дворце!»
Что на это Грозный царь ответ дает:
«Уж ты гой еси, Никита Романович!
Ты поди-ко, поспрошай его,
Не во хмелю ли у него слово молвилось,
Не во хмелю ли он призахвástнулся?»
Тут пошел Никита Романович:
«Уж ты гой еси, Кастрюк молодой!
Ты зачем сидишь — не пьешь, не кушаешь,
Нашей лебеди не рушаешь?
Наша хлеб-соль завсегда на столе,
Наши борцы завсегда при дворце.
Не во хмелю ли у тебя слово молвилось,
Не во хмелю ли ты призахвástнулся?»
Скакал Кастрюк на резвы ножки,
Он скакал через столики дубовые,
Через те ли скатерти бёрчаты,
Через те кушанья сахарные,
Через те напитки через наливные.
Он стоптал сто князей со боярами,
Он стоптал другое сто донских казаков.
Выходил Кастрюк на новы сени,
Он сам говорит таковы речи:
«Уж ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Мне-ка не с кем идти здесь боротися,
Мне-ка не на ком здесь белых рук патрать!»
Тут пошел Кастрюк на широкий двор,
Он пошел с Илеюшкой со хроменьким:
Тут пошел Кастрюк в большё колесо,
Тут пошел Илеюшко в маленькое;
Кастрюк побил Илеюшку хрóмого.
Выходил Иванушка маленький,
Он сам говорит таковы речи:
«Уж ты гой еси, Грозный царь Иван Васильевич!
Еще как мне-ка с ним идти боротися:
Еще или нам рука-нога вон выворотить,
Еще или нам буйна голова выставить,
Из рубашки ли повылупить?»
Что на это Грозный царь ответ несет:
«Ты борись, не печалься, лишь бы бог пособил!»

Походил Кастрюк в большѣ колесо,
Походил Иванушка побольше того.
Еще был Кастрюк на резвых ножках,
Очутился Кастрюк на буйной голове.
Хватал Иванушко с него платье цвѣтное;
Убегал Кастрюк на конюшний двор,
Где собаки щенками шѣнятся.

15—17

Как когда была столица в Нова-городе,
Тогда царствовал Грозный царь Иван Васильевич.
Собирал-то он да на почестный пир
Сильных могучиих да он богатырей
И купцей-то, людишек да все богатыих.
Набралось да дорогих гостей полный стол,
Как тут-то на пиру все стали сытѣшеньки,
Все-то гости на пиру-то стали веселѣшеньки,
Наедались да напивались,
Все-то гостюшки да порасхвастались.
Как богатыри так тыи хвастают
Своей они ведь силою богатырскою,
Ухваточкой они да молодецкой,
А богатыри да тыи хвастают:
«Как у нас-то много злата-серебра,
Как бессметочной да золотой казны».
А Грозной-то ведь царь да Иван Васильевич
Пред гостями ходит по палаты белокаменной,
Сизу бороду свою да он наглаживает,
Грозной-то сам хвастат, грозно хвалится,
Он же сам Грозной нахваляется:
«Как повыведу измену-то я из Киева,
А повыведу измену из Чернигова,
А как выведу измену с Нова-города,
Я с Казани-Рязани, из Вострахани».
Отправлял он своих грозных царевичев
А Федора и Митрея Ивановичев,
Они вывели измену-то из Киева,
Они вывели измену из Чернигова,
Вывели измену с Нова-города,
Из Казани-Рязани, из Вострахани.
Ехали ко матушки да к каменной Москвы,
Старшой-то брат Митрей-то Иванович
Он писал письмо да скорописчато:
«Мужички да вы московский!
Как спускайтесь с теремов да вы высокиих,
Обряжайтесь в погреба да во глубокии,
Едет тут да царский сын Федор Иванович».
Приезжал в Москву Федор да Иванович,
Не нашел он в Москве да никого-то ведь,
Ехал Федор к родному ко батюшку.
Грозной-то ведь царь Иван Васильевич
Для приезду своих да родных детушек
Открывал он свой почестный пир.

Собирал он себе да дорогих гостей,
Перед гостями Грозной царь Иван да Васильевич
Ище он пуще хвастат, грозно хвалится:
«Вывел я измену-то из Киева,
Вывел я измену из Чернигова,
А повывел я измену с Нова-города,
Как с Казани-Рязани, из Вострахани,
Ище выведу измену с каменной Москвы».
Говорил-то Федор да Иванович:
«Государь ли то, да родной татенька,
А не выведь нам измены с каменной Москвы!»
Грозной царь-то Иван да Васильевич
По палате грозно-то запохаживал,
Как немилу на Федора да завыглядывал.
Говорил Грозной царь Иван Васильевич:
«Ай же Федор да ты Иванович!
Ты скажи-тко мне да про изменщика,
А не скажешь мне да про изменщика,
Отрублю тебе я да буйну голову».
Тут же Федор-то да Иванович
Адохнул-то он да тяжелёшенько:
«Ох-ти мне-ко-ва да тошнёшенько,
А никто-то меня за щеки да дергает,
Нынь над отстать-то мне от буйной от головушки,
Если мне сказать-то ведь да про изменщика,
Над сказать мне на князя, на боярина,
Над сказать мне на брата на родимого,
Как на Дмитрия на Ивановича.
Государь, да родной тятенька!
С нами же измена из столом сидит,
С нами же измена ест-пьет и кушает:
Ехали ко матушки к каменной Москвы,
Старший мой брат Митрий Иванович
Он писал письмо да скорописчато:
«Как мужички-ты да вы московские,
Вы спускайтесь с теремов да вы высоких,
Обряжайтесь в погреба да во глубокии».
Приезжал я в Москву, не нашел никого-то ведь,
Возвратился к тебе, к Грозному, ко батюшке».
Тут же Грозный царь Иван Васильевич
По палате царь да запохаживал,
Как немилу на Митрея да завыглядывал.
Он же дал приказ на казнь да на смертную,
Как на тую на палю на кровавую,
Отвезти-то Митрея да Ивановича,
Отрубить-то Митрею да буйну голову
Как на той ли на палю на кровавую,
А на той-ты на казни да на смертной.
Все-ты палачи да перепалися,
Все палачи как из палю разъезжались,
Во своих домах палачи да не сказались.
Как один палач нашелся да наславился
Во том ли ряду во гостинном,
Во тых лавочках да во торговых —
Молодой Малютка да Скурлатович.

Он нашелся, он наславился,
Подогнал карету ведь он темную,
Он темну карету пригнал черную
Как ко тым ли палатам да ко царским.
Посадил он Митрея Ивановича,
Как повез Митрея на казнь-то на смертнюю,
Отрубить-то Митрею-то буйну голову.
Как его-то ведь да родна матушка,
Родна матушка его да государыня,
А ведь Марья-то да Романовна,
Как бежала на босу ногу без чоботов,
А без чоботов бежала она черных,
А без тых она чулочков шелковых
К своему-то ко братцу ко родимому,
Как к Микиты она ко Романовичу.
Отворяла двери-ты дубовьи,
Как на петелках они на шелковых,
Увидал-то ведь Микита да Романович,
Говорил-то Микита Романович:
«Как стать мне от царя гостья-то не вызвати,
Стать мне в гости ждать, то не дождати,
Как пришла ко мне гостьейка незваная,
А незвана пришла гостьейка, нежданая,
Только вижу, пришла гостья незваная,
А незвана гостьейка, нежданая,
Только гостьейка пришла да неубраная».
Отвечала тут государыня:
«Ай же братец мой родной Микита да Романович!
Я не в гости шла, не гостить пришла,
Как сегодняшним господним да дёнечком
Сердце царское разгорелось,
Разгорелось на свои-то на сімена,
А на сімена да на царьскии,
Как на старшего сына да на Митрея,
А на Митрея да Ивановича,
Как на твоего на племянника.
А отправил на казень да на смертнюю,
А на тую ли на палью да кровавую,
Отрубить-то ему да буйну голову».
Тут Микита да Романович
Как бежал он на босу ногу да без чоботов,
Без чоботов бежал Микита да черных,
Без чулочков он без шелковых,
А садился Микита на добра коня,
Не на уздана а садился, не на седлана,
Только брал с собой одну да востру саблю.
Выезжал Микита во чистó поле,
Как кричал своим громким голосом:
«Уж ты съешь кусок, собака, да подавишься,
А не съешь кусок, собака, да задавишься».
Услышал-то Малютка громкий голос,
Как громкий голос да во чистом поле,
Во плечи рука застоялася,
С рук востра сабля не повалилася.
Наезжал же Микита да Романович,

Отрубил Малютке буйну голову,
А рубил Микита своей вострой саблей,
Как рубил-то Микита на пальи канатики шелковыи
А на части рубил Микита мелкии,
Как снимал что с пальи своего племянника,
Как садил он Митрея на добра коня,
Вез в свою палату белокаменну,
Как кормил, поил своего дорогá гостя.
Как на другой-то да на денечек
Грозный царь Иван Васильевич
Как он окручинился да он спечалился,
Что решил-то своего сына любимого,
Как пишет афишки-ты печальные:
«Одевайте-ко вы платьицы опальные,
Пришло времячко мне печальное,
Как Митрея решил Ивановича».
Как Микита да Романович
Одевал он платьице, которых чище нет,
Приходит-то Микита к царю Грозному
Как в его-то палату белокаменну.
Как сидит Грозной царь Иван да Васильевич,
Сам скручинился, сам спечалился,
На Микиту тут сам да выглядывает,
Сам он Грозной-то выговаривает:
«Разве ты да не знаешь ведь,
Аль надо мной-то ведь насмехаешься?
Как я вчерашним да денечком
Как отправил-то я да на смертушку,
Я ведь Митрея отправил Ивановича,
Отрубить Митрею да буйну голову,
Как твоему да племяннику».
Тут выходил тут Микита Романович,
Приходил-то Микита в свою палату белокаменну,
Одевал своего-то любимого племянника,
Одевал-то в платье, которых чище нет,
Приводил-то Никита к Ивану Грозному.
Как Грозной-то царь Иван-ты Васильевич
Увидал, что жив Митрей Иванович,
Как с великой-то Грозной радости
А падал Микиты на плечка могучии,
Целовал в уста да во сахарнии,
Говорил Грозной царь Иван Васильевич:
«Как за ту да за заслугу-то
Чем мне будет пожаловать,
Чем-то будет да почествовать?
Города ли тебе дать с пригородками,
Али златом-то тя дарить да будет а серебром
За ту да за заслугу ведь?»
Говорил-то ведь Микита Романович:
«Мне не надо злата и серебра,
Дай-ко мне-ка-ва да что я у ты спрошу,
Дай-ко мне Микитину дай-ко отчину,
Чтобы не было в ней иску да не отыску,
Но котора мне была отчина назначена».
Тут с великой-то со грозной радости

Поднимал Грозной царь Иван Васильевич,
Подписал-то он да своей рукой:
Как в Микитиной-то да в отчины
Стали добрые людишки да спасатися
От великих бед стали освобождаются.
А на том-то былина и покончилась.
(Как попадешь в эту отчину, так уж никто не найдет.)

* * *

Ай же ты Грозный царь Иван Васильевич,
Царь Иван Васильевич да Вытосеевич.
Уж он собрал пир-пированьицо,
Все ли на пиру да наедались,
Все ли на пиру да напивались,
Все ли на пиру да порасхвастались.
Умный хвастал отцом-матерью,
А безумный хвастал молодой женой,
Молодой женой да золотой казной.
А ничём-то тут не хвастает
Один Федор Иванович.
Грозный царь Иван Васильевич,
Иван Васильевич да Вытосеевич,
Он по горенке похаживает,
Он сапог о сапог поколачивает.
Он уж крикнул своим громким голосом,
Громким голосом богатырским:
«Ай же ты сила моя силушка,
Сила сильная, сила могучая,
Я ли тебя, силушка, куды нё кладу!
Кто повыведет изменушку с каменной Москвы,
Кто повыведет изменушку со Астрахани,
Кто повыведет изменушку со Нова-городá?
Кто повывесет царскую перфёрьюшку?»
Со того ли с-за стола за окольнего,
Со того ли местечка из-за большего
Большый туляется за среднего,
А средний туляется за меньшего,
А от меньшего тóлечки ответу нет.
Грозный царь Иван Васильевич,
Иван Васильевич да Вытосеевич,
Он по горенке похаживает,
Он сапог о сапог поколачивает,
Уж он кричит своим громким голосом,
Уже он кричит да богатырским:
«Ай же ты Федор Иванович!
Ты ставай-ко на резвыи ноженьки,
Ты бери-тко рать-силу великую,
Ты бери-тко казну да всё несчетную.
Поезжай-ко московсима переулкамы,
Уж ты старых, малых конем топчи,
А сильных могучих богатырей саблей всё руби,
Ты повыведи изменушку из каменной Москвы,
Ты повыведи изменушку со Астрахани,

Ты повыведи изменушку со Новá-городá,
Ты повывеси царскую перфíрьюшку!»
Из-за того ли за стола да с-за окольного,
Из-за того ли из-за местечка с-за большего
Тут стаёт-то Федор Иванович,
Тут стаёт на резвы ноженьки,
Уж он крест кладет по-писáному,
Поклон ведет да по-ученому,
Нá две, нá три, на четыре сторонки поклоняется,
Грозному царю Ивану Васильичу в особину поклон.
Он берет-то рать-силу великую,
Он берет-то казну несчетную,
Уж он едет московскима переулками,
Уж он кричит своим громким голосом,
Уж он кричит да богатырским:
«Дайте мне дороженьку широкую!»
Уж он старых, малых конем не топтал,
Сильных могучиих богáтырей саблей не рубил,
Не повывел он измены с каменнóй Москвы,
Не повывел он измены со Астрахани,
Не повывел он измены со Новá-городá,
Не повывес он царской перфíрьюшки.
Грозный царь Иван Васильевич,
Иван Васильевич да Вытосéевич,
Собрал он пир да пированьицо,
Все ли на пиру да наедалися,
Все ли на пиру да напивалися,
Все ли на пиру да порасхвасталися.
Умный хвастает отцом-матерью,
А безумный хвастает молодой женой,
А молодой женой да золотой казной.
А ничим-то тут не хвастает один Федор Иванович.
Грозный царь Иван Васильевич
Он по горенке похаживаёт,
Он сапог о сапог поколачиваёт.
Уж он крикнул своим громким голосом,
Громким голосом да богатырским:
«Кто повывел измену с каменнóй Москвы,
Кто повывел измену со Астрахани?
Кто повыведет изменушку со Новá-городá?
Кто повывес царскую перфíрьюшку?»
Из-за того стола с-за окольного,
Из-за того местечка с-за большего
Больший туляется за среднего,
Средний туляется за меньшего,
А от меньшего тулечки ответу нет.
Грозный царь Иван Васильевич
Он по горенке похаживаёт,
Он сапог о сапог поколачиваёт.
«Не твоя ли тут измена во большом углу сидит,
Не твоя ли измена да на вас глядит?»
Уж он крикнул своим громким голосом,
Громким голосом да богатырским:
«Ай же ты Малюченька Потанюшка Курлатов сын!
Уж ты ставай на резвы ноженьки,

Ты бери-тко да Федора Ивановича
За белы́ руки да за желты́ кудри́».
С-за того ли с-за стола с-за окольного,
С-за того ли с-за мѣстечка из-за большего
Тут встает Малюченька Потанюшка Курлатов сын,
Он встает на свои-то на резвы ноженки,
Уж он крест кладет по-писаному,
Он поклон ведет по-ученому,
На́ две, на́ три, на четыре сторонки поклонился,
Грозному царю Ивану Васильевичу в особину поклон.
Он берет тут Федора Ивановича,
Он берет его из-за стола из-за окольного,
Он берет-то его всё неистово,
Он везет-то его во чисто полѣ,
Ко той ли ко лужи ко поганой,
Ко той ли ко плахе ко липовой,
И отрубить-то ему да буйну голову,
Ай вынуть сердечко со печенью.
Тут проведала рѣдна маменька,
Одевала кунью шубку на одно плечо,
Туфелѣчки одевала на босú ногú,
Ай выходит тут ли на широкой двор,
На тот ли на почестен пир.
Она крест кладет по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
На́ две, на́ три, на четыре сторонки да поклоняется.
Старому казаку Никите Романовичу в особину поклон:
«Ай же ты братец старый казак Никитушка Романович!
Уж ты ешь тут, пьешь и прохлаждаешься,
Про мою невзгодушку не ведаешь:
Как тут нету Федора Иваныча его в живности;
Как взял-то его тут Малюченька Потанюшка Курлатов сын,
Он взял ли его из-за стола с-за окольного,
Из-за местечка он из-за большего,
Уж он брал его да всё неистово,
Он повез-то его да во чисто полѣ,
Ко той ли ко лужи ко поганой,
Ко той ли ко плахе ко липовой,
Отрубить-то ему буйну голову,
Вынуть сердце ему со печенью!»
Тут стаёт старый казак Никитушка Романович,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Он одевает кунью шубоньку на одно плечо,
Он садится на коня да во одно стременѣ,
Уж он крикнул своим громким голосом,
Громким голосом да богатырским:
«Народ, сторонись, народ, сторонись!
Если ты, народ, не посторѣнишься,
Уж я старого и малого конем затопчу,
Сильных могучих богатырей саблей зарублю.
Дайте мне дороженьку продблговату.
Ехать мне да во чисто полѣ,
Ко той ли ко луже ко поганой,
Ко той ли ко плахе ко липовой!»

Тут повален-то Федор Иванович
На тую ли плаху на липову.
Уж он крыкнул своим громким голосом:
«Ай же ты собака Малюченька Потанюшка Курлатов сын,
Уж ты нальешь чару — так ты заклéкнешься,
Съешь ты кус — им подавишься!»
Он берет да Федора Ивановича,
Он берет, старый казак Никита Романович, за белы руки,
За белы руки да за златы перстни,
Он бросает ли Малюченьку Потанюшку Скурлатова
На тую на плаху на липову,
Отрубил ему буйну голову,
Вынул ему сердце со печенью.
Поехал-то он ко той ко божьей церкви.
Вот заходит он во божью церковь,
Старый казак Никита Романович;
Он крест кладет по-писаному,
Поклон он ведет по-ученому,
На две, на три, на четыре сторонки поклоняется,
Грозному царю Ивану Васильевичу в особину поклон:
«Ай же ты Грозный царь Иван Васильевич,
Есть ли грешному прощеньице,
Есть ли ему благословеньице?»
— «Простил бы я — так некого,
Благословил бы я — да уж поздно!»
Тут выходил Никита Романович
На тую ли на паперть на церковную,
Он берет-то Федора Ивановича,
Он берет его да за белы руки,
Он вводит его в церковь божию,
Он крест ведет по-писаному,
Поклон он ведет да по-ученому,
На две, на три, на четыре сторонки поклоняется.
«Ай же ты старый казак Никитушка Романович,
Чем мне тебя за это чествовати?
Ты бери-тко да золоту казну,
Ты бери-тко города с пригородками,
Ты бери-тко села с присёлками,
Ты бери-тко место подлэ меня,
А другое — где тебе любó». —
«Мне не надо городов с пригородками,
Мне не надо сел да с присёлками,
Ты дай-ко мне Никитину вотчину:
Кто в Никитину вотчину уйдет, того бог простит».
Это дело делалось в самую великую субботу,
На той на обедне на ранней.

* * *

Тур да олень за горы ушли,
Зайцы, лисицы по кустикам.
Как не сине море сколыхалось —
Царское сердце расходилось.
Грозный царь Иван Васильевич,

Чтоб заведывали городами и вывели измену,
Большой сын Иван Иванович —
В каменной Москве,
Средний Дмитрий Иванович — из Пскова,
А меньшей Федор Иванович — из Нова-города.
Возговорил старший сын Иван Иванович:
«Батюшка Грозный царь Иван Васильевич,
Повывел ты измену с каменной Москвы,
Повывел другую из Пскова,
А не вывел ты измены из Нова-города».
Федор-то Иванович благой был,
Он сказал: «Ай же вы мужики новгородские,
Вы идите во теплу сторонушку,
Как царское сердце уходится,
Придите назад и век жить будете».
А сам-то копьем подписывал:
«Все казнены и повешены».
Как царское сердце расхотелось,
Грозный царь Иван Васильевич
Закричал своим громким голосом:
«Ай же вы палачи немилостивы!
Вы возьмите Федора Ивановича за желты кудри,
Вы сведите на то на болото на Житное,
Отсеките ему буйну голову,
Принесите секиру кровавую».
Услыхала его матушка Авдотья Романовна,
Высочила на одних чулочках без чоботов,
Кинула шубейку на право плечо,
Побежала она к братцу родимому
Ко Никите Романовичу;
Как на пяту дверь отворилася,
Возговорит Никита Романович:
«Что это за чудо случивалось,
Что это за диво сдивовалось,
Незванная гостьица пешком пришла?»
Возговорила Авдотья Романовна:
«Ай же ты братец Никита Романович!
Ты ешь да пьешь, прохлаждаешься,
А не ведаешь над собой невзгодушки:
Как нет моего, моего сына любимого,
А твоего любимого крестничка-племянничка;
Взял-то Федора Ивановича Малюта Скуратов сын,
Он взял его за желты кудри,
Повел на болото Житное,
На тую плаху дубовую,
Отсесть ему буйну голову,
Принести царю секиру кровавую».
Как Никита Романович вскакивал
Из-за стола из-за дубового,
Выходил он на широкий двор,
Говорил он слугам верным:
«Вы седлайте-ко коня скоро-наскоро!
Ай же ты конюшко верный,
Одевайся во платье во черное
Да прощайся со белым светом!»

Едет Никита Романович,
Шляпой машет, голосом кричит:
«Сторонитесь, люди добрые!»
Повыехал на раздолье на широкое,
Закричал своим громким голосом:
«Ай же ты Малюта Скуратов сын,
Ты съешь этот кус да подавишься».
Приехал Никита Романович
На то на болото на Житное —
Положен Федор Иванович на плаху дубовую,
Закрыт тонким белым полотном.
Тот ли Малюта Скуратов сын
Натачивал большое ножище-кинжалище.
Приехал Никита Романович
Да и взял Федора Ивановича,
А конюха и оставил тут.
Взял он Федора Ивановича,
Целовал во уста во сахарные,
А как царское сердце уходилося,
Стало жаль любимого сына Федора Ивановича:
«Кто бы мог из мертва жива сделати,—
Дал бы я города с пригородками,
Села да с присёлками,
Злата-серебра длюбюи, а скатна жемчуга дóсыти».
Приходит Никита Романович:
«Здравствуешь, Грозный царь Иван Васильевич,
Здорово ль мои крестники-племяннички здравствуют —
Большой да Иван да Иванович,
А середний Дмитрий Иванович,
А меньшей Федор Иванович?»
Возговорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Аль ты надо мной надсмеаешься,
Аль ты надо мной надругаешься?
Аль ты не знаешь, аль ты не ведаешь,
Ведь нету Федора Ивановича;
Тот ли Малюта Скуратова сын
Отсек ему буйну голову,
Принес секиру кровавую.
Кто бы мог из мертва жива сделати,—
Дал бы я города с пригородками,
Дал бы я села с присёлками,
Злата-серебра длюбюи, скатна жемчуга дóсыти».
Возговорил Никита Романович:
«Мне не надо городов с пригородками,
Мне не надо сел да с приселками,
Мне не надо ни злата, ни серебра, ни скатна жемчуга,
Только дай мне Никитину вотчину:
Кто уйдет в Никитину вотчину,
Того и бог простит».
Как привел он Федора Ивановича,
Не за сына кидается
Грозный царь Иван Васильевич —
За Никиту Романовича,
Целует во уста во сахарные,
Что мог из мертва жива сделати.

На Страшнóй было неделе, во велик четверг,
 Во матушке было каменной Москвы,
 И кушал Грозный царь Иван Васильевич
 Со князмы и с думныма боярамы,
 Со своима рожоныма со детушкамы,
 Со Иваном со Ивановичем
 И с Федором со Ивановичем.
 И проговорит Грозный царь Иван Васильевич:
 «Повынес я порфиру царскую из Царя-града,
 И повывел я измену с каменной Москвы,
 Уж я выведу измену из Новгорода».
 Говорит Иванушко Иванович:
 «Свет государь мой батюшка!
 Повывел ты измену с каменной Москвы,
 А не повывести измены с Новгорода:
 Твоя-то измена за столом сидит,
 Ест-пьет измена с одного судка,
 А платьице держит с одного плеча,
 А думает дума заединое».
 Не синее море всколыбалось,
 Не сырые боры разгорались —
 Распылался Грозный царь Иван Васильевич:
 «Ай же ты Иванушко Иванович!
 Доказывай измену за столом сидючись!»
 Тут Иванушко Иванович пораздумался:
 «Мне на братца сказать — братца жаль,
 На себя сказать — мне живу не бывать.
 А столько не жаль братца, сколько себя».
 «Свет государь мой батюшка!
 А которой улицей ты ехал, батюшка,
 Всех сек, и колол, и на кол садил;
 И которой улицей я ехал,
 Всех сек, и колол, и на кол садил;
 А которой улицей ехал Федор Иванович,
 Он писал ярлыки милóстивые
 И кидал по улицам новгородским».
 Распылался Грозный царь Иван Васильевич
 На свои на семена на царские,
 На свое рожоное на дитячко,
 На того ли Федора Ивановича,
 Закричал он зынчным голосом:
 «Ай же вы палачи немилосливые!
 Берите-тко Федора Ивановича
 За него за ручки за белые,
 За него за перстни за злаченые,
 А ведите-тко его на болото на Житное,
 Отрубить ему буйну голову!»
 Все за столом призамолкнули,
 Меньший хоронится за большего,
 Большой хоронится за меньшего,
 А от меньшего мал ответ живет.
 За тым за столом за дубовым
 Сидел Малютушка Скурлатов сын;

Стал он говорить таково слово:
«Ай же Грозный царь Иван Васильевич!
А моя-то работушка ко мне пришла!»
Схватил он Федора Ивановича
За него за ручки за белые,
За него за перстни за злаченные
И повел его на болото на Житное,
Ко той ли плашке ко липовой,
Срубить ему буйну голову.
За тым столом за дубовым
Сидела родима его матушка
Хороша Настасья Романовна;
Скочила она на резвы ноги,
Шубоньку надела на одно плечо,
Бежала ко братцу ко родимому,
Хорошу Микиты Романовичу.
Она плачет горючьмы слезмы,
А братец сидит за столом за дубовым,
Ест-пьет, проклажается.
Проговорит Микитушка Романович:
«Чего ты плачешь горючьмы слезмы?»
— «Ай же ты братец мой родимый!
Ешь ты, пьешь, проклажаешься,
Над нами невзгодушки не ведаешь:
Пала звезда поднебесная,
Погасла свеча местная —
Не стало у нас красного солнышка,
Не стало у нас Федора Ивановича;
Повел его Малюта Скурлатов сын
На тое болото на Житное,
На тую на казень на смертную».
Молодой Микитушка Романович
Не крестил своего личика белого,
Не закрывал кушаньев сахарניים,
Скочил из-за стола за дубового,
Скричал же зынчным голосом:
«Ай же вы слуги мои верные,
Седлайте-ка коня богатырского!»
Он шапку надевал на одно ухо,
Халат надевал на одно плечо,
Скоро садился на добра коня
И поехал на болото на Житное,
Ко той ко плашке ко липовой,
Ко той ко казени ко смертныя.
Лежит Федор Иванович
На той на плашке на липовой,
Порасправлены его ручки белые,
Призаперты очи ясные.
Приезжает Микитушка Романович,
Скоро сходил со добра коня
И хватал Федора Ивановича:
«Ай же любимый мой племянничек,
Теперича тебе не к суду пришло!»
Садил его на добра коня,
Единой рукой коня ведет,

А дрúгой рукой его держит.
Привозил его во высок терем
И ладит пойти ко заутрени ко ранняя,
Ко христосьской ко заутрени.
И приходит ко заутрени ко ранняя,
Ко христосьской ко заутрени;
Он крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому
На все на три, на четыре на сторонюшки,
Проздравляет Грозного царя Ивана Васильевича:
«Проздравляю тебя, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своима рожоным со детушкамы,
Со Иваном со Ивановичем
И со Федором Ивановичем!»
Проговорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Пала звезда поднебесная,
Погасла свеча местная —
Нет жива рожоного дитятка,
Молода Федора Ивановича!»
Говорит Микитушка Романович:
«Проздравляю тебя, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своима рожоным со детушкамы,
Со большим Иваном Ивановичем
И со меньшим Федором Ивановичем!»
— «Ай же ты шурина мой любимый!
Разве тебе-ка-ва несведома незгодушка?
Не стало у нас Федора Ивановича».
Заходит шурина со бела лица,
Бьет челом, покланяется:
«Ты здравствуешь, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своима рожоным со детушкамы,
Со большим Иваном Ивановичем
И со меньшим Федором Ивановичем:
Есть Федор Иванович во живности».
Поглянул Грозный царь тухлым оком,
Закричал громким голосом:
«Ай же вы слуги оружейные!
Подите с Микитой Романовичем
Ко его ко терему высокому:
Если есть Федор Иванович во живности —
Буду Микитушку жаловать;
Если нет Федора Ивановича во живности —
Будет казень смертная для велика дня».
Приходил Микита Романович во высок терем,
Говорил он таково слово:
«Ай же ты Федор Иванович!
Пойдем ко заутрени ко ранняя».
Проговорил Федор Иванович:
«Ай же ты дядюшка Микита Романович!
Страшно мне другожды родитися,
К своему ко батюшку явитися».
Проговорит Микита Романович:
«Сказана нам казень смертная для велика дня».
Походит Федор Иванович
И приходит во церкву соборную

Ко той христоськой заутрени.
Увидел Грозной царь Иван Васильевич,
Взял его за белы руки
И целовал во уста во сахарние,
Сам говорил таково слово:
«Ай же ты Микитушка Романович!
Чем тебя пожаловать?
Красным ли золотом, чистым ли серебром,
Городамы ли с пригородками,
Селамаы ли со присёлками,
Господамы ли со крестьянамы?»
Проговорит Микита Романович:
«Не надо мне-ка-ва чистого серебра,
Не надо мне-ка-ва красного золота,
Городов с пригородками,
И сел со присёлками,
И господ со крестьянамы,
А дай мне Микитину вотчину:
Кто коня уведет, кто жену украдет,—
Столько быв ушел в Микитину вотчину,
А всем было бы прощеньице».
И пожаловал его Микитиной вотчиной:
Кто коня уведет, кто жену украдет,—
Столько быв ушел в Микитину вотчину,
Того бог помиловал,
А государь во вины простит.

18

А к чему же, братцы, приуныла всё быстра́ река,
Не гремят-то порожки быстрые?
А к чему же, братцы, приумолкло, приуныло солонó морё?
А к чему же, братцы, приуныли, не шумят-то да леса темные?
А к чему же, братцы, поднебесная звезда с неба отпáдала?
А к чему же, братцы, воску ярого свешша да потыхала же?
Благоверная царица представлялася;
Порушалась эта наша вера православная.
Говорит-то она таковы речи:
«Уж вы дети мои-то два царевича,
Два царевича мои-то два любимые,
Два любимы вы, учёные!
А подите-тко ко своёму родну батюшку,
Ко Грозному царю Ивану всё Васильичу:
Вы сходите-тко к ему в сенот-от же,
Позовите-ко-ся мне его проститися;
А вы знаете, как прийти к ему, всё слово сказать:
Вы придите, станьте на те же жилы подколенные,
Да вы говорите Грозну царю, своёму родну батюшку:
«Уж ты гой еси, Грозный царь Иван Васильевич!»
Вы подите-тко к ему, позовите ко мне-то всё проститися».
А как тут-то два царевича да не ослышались;
А недели оны свое платьё цветноё,
А приходят они в сенот к своему родну батюшку,
Ко Грозному-то царю Ивану-то Васильичу;

А он сидит-то на престоле всё на царском же,
А на головы надет на венец царские,
А в руках держит-то он чудной-от крест.
Они стали на жилы те на подколенные,
Они бы били своему царю-батюшку:
«Уж ты гой еси, Грозный царь Иван сударь Васильевич!
А зовё тебя царица наша матушка
Во последней-от раз с тобой проститися».
А тому-то ведь царь не ослушался:
Соходил-то он со престола-то со царского,
Скидывал-то он венец всё царския,
А сымал с себя порфиру царскую,
А он клал на престол на царския,
Он пошел-то скоро ко царицы-то, своей к молодой жены,
Он ведь скоро ходил к ей в светлу светлицу.
Увидала его молода жена,
Ишше та же царица благоверная:
«Уж ты гой еси, Грозный царь Иван Васильевич!
А как буду я тебе наказ наказывать:
Ты не будь же горяч, не будь спальчив же,
До своих ты малых деточек будь ты милостив,
А до двух-то всё младых царевичей.
Я ишше тебе буду наказ наказывать:
Ты постой-ко-ся за веру православную,
Ты постой-ко за монастыри те спасенные,
А за те же за церкви ти за божия.
Я ишше тебе буду наказ наказывать:
Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
До чужих-то до деточек,
Новобранных все солдатушек:
Стоят-то они за веру православную,
За тебя, царя Ивана Васильича,
За всих-то князей, за бояр,
Я ишше буду тебе наказ наказывать:
До своих-то князей будь ты кроток, будь ты милостив,
А до тих же ты князей, всё бояр же;
Я ишше тебе буду наказ наказывать:
Уж ты будь ты кроток, будь ты милостив
А до тих же хресьян да чёрнопахотных:
Ты наложь-ка на их подати по три денёжи,
Наберешь ты многи тысячи;
Ты наложь на их по три копеечки,
Уж ты много насбирашь казны несчетные,
Я ишше тебе буду наказ наказывать:
После мого-то бываньца
Не женись-ко-ся ты в проклятой литвы,
В проклятой литвы, орды поганые,
У Кострюка-Небрюка на родной сестры,
На той же на Марьи Небрюковны:
Как порушится наша вера православная».
А как тут царь розъярился же,
Розъярился он да россердился же;
Убежал-то от царицы из спальней он.
А во ту пору, во то время
Поднебесная звезда с неба отпáдала,

Воску ярого свешша да потыхала же,
Православна вера порушалася.
Благоверная царица преставлялася.
А потухла свешша да воску ярого,
А преставилась царица благоверная,
Порушилась наша вера православная.

20

Как у нас то было в матушке каменной Москве,
Что пымали доброго молодца безвинного, без поличного,
Повели доброго молодца на бел горяч камень,
И стали бить доброго молодца безвинного, без поличного.
Стоит добрый молодец — сам не тряхнетя,
Его русые кудерюшки не ворохнутя,
Только катятся у молодца горячи слезы
По его лицу по румяному.
Лучилось тут ехать самому царю Ивану Васильевичу,
Как не золотая трубонька вострубила,
Что возговорит наш батюшка православный царь:
«Ох вы гой еси, бурмистры-целовальнички,
Большие головушки, ларечники!
За что вы доброго молодца пытаете?»
Что возговорят бурмистры-целовальнички:
«Ой ты гой еси, наш батюшка православный царь!
Требуем мы с него золотую казну,
Не много, не мало — сорок тысяч рублей».
Как возговорит надежа православный царь:
«Ой ты гой еси, удамый добрый молодец!
Почему эта казна тебе доставалася
И почему причиталася?»
Что возговорит удамый добрый молодец:
«Это, батюшка, казна не царская и не барская,
А эта казна монастырская,
Того ли монастыря Соловецкого.
Я охоч был, батюшка, гулять по чисту полю,
И была у меня, батюшка, дубиночка,
Не мала, не велика — ровно в тридцать пуд.
Заходил я, батюшка, во темны леса соловецкие,
И вышел я, батюшка, на полянушку,
Тут добрые молодцы дуван дуванили.
Поднял я, батюшка, дубинушку выше себя
И ударил выше себя об зеленой дуб:
То они с шуму, с грому разбежались,
А со звуку, батюшка, раскидались.
Потому эта казна мне, батюшка, доставалася
И потому причиталася».
Что возговорит надежа православный царь:
«Ой вы гой еси, бурмистры-целовальнички!
Заплатите доброму молодцу за увечьице,
Заплатите за бесчестьице
И отдайте доброму молодцу сорок тысяч рублей».

Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке,
 Собиралися там, соезжались они люди вольные,
 Люди вольные собиралися, они беспачпортные —
 То донские, гребенские казаки, они со яйцкими.
 Атаманом был у них, братцы, Ермак Тимофеевич,
 Да он речи говорил, Ермак, ровно как в трубу трубил:
 «Уж вы думайте, ребятушки, да вы всё подумайте,
 Да меня ли, Ермака ли казака, вы меня послушайте.
 Вот проходит у нас, братцы, всё летушко теплое,
 Наступает вот у нас, братцы, зимушка холодная,
 Да и где же мы эту зимушку ее зимовать будем?
 На Яик идти, ребятушки,— да он переход велик,
 А на Волге быть, ребятушки,— да нам всё ворами
слыть,

Под Казань-город идти — да там Грозный царь,
 Грозный царь стоит сам Иван Васильевич.
 Нам, казакам, быть да нам переловленным,
 По разным тюремочкам всем быть порассаженным,
 А мне, Ермаку-казаку, да мне быть повешену.
 А вы думайте, ребятушки, да всё подумайте,
 Да где же мы эту зимушку ее зимовать будем.
 Уж вы делайте, ребятушки, лодочки еловые,
 Да вяжите вы, ребятушки, ташечки-колоночки,
 Да садитесь, ребятушки, во легкие лодочки,
 Вы пушайтесь, ребятушки, во мать во сине море.
 Зимовать мы будем, ребятушки, на речке Камышинке».

* * *

Ай да на славной было, братцы, да на ре...
 Да на речушке,
 Ай да на славной было, братцы, на Камы...
 На Камышинке,
 Ай собиралися там, братцы, люди во...
 Люди вольные,
 Ай всё донские, гребенские, казаки яи...
 Всё яйцкие.
 Ай собиралися они, братцы, во еди...
 Во единый круг,
 Ай во кругу-то стоят, они думу ду...
 Думу думают:
 «Ай ну кому-то из нас, братцы, атама...
 Атаманом быть?»
 Ай старику Ермаку сыну Тимофе...
 Тимофеевичу».
 Ай ну старик-то Ермак, братцы, не глупой,
 Не глупой казак,
 Ай ну он речь говорит, ровно во трубу,
 Во трубу трубит.
 Ай не золотенькая трубочка востру...
 Ну вострубила,
 Ай, ну Ермак-то казак, братцы, речь возго...
 Речь возговорил:

«Ай ну проходит у нас, братцы, лета тѣ...
Лета тѣплая,
Ай заступает у нас зимушка холо...
Ну холодная,
Ай ну иде же, братцы, зиму зимова...
Зимовать будем?
Ай на Яик-то идтить, братцы,— перехо...
Переход велик,
Ай на тихой Дон идтить, братцы,— нам вора...
Нам ворами слыть,
Ай как ворами-то слыть, нам быть перело...
Переловленным,
Ай да по крепким тюрьмам нам быть порассо...
Порассоженным.
Ай ну поидемте-ка мы, братцы, на Куму,
На Куму-реку,
Ай на Куме-то реке там и земли во...
Земли вольные,
Ай на Куме-то реке растут леса тѣ...
Леса темные.
Ай мы пороемте там, братцы, себе я...
Себе ямушки,
Ай мы поделаем там себе балага...
Балаганушки,
Ай ну построим себе, братцы, мы земля...
Мы землянушки.
Ах, вот и там-то, братцы, зиму зимова...
Зимовать будем.
Ай ну поедемте мы, братцы, на охо...
На охотушку,
Ай да на Кумские, братцы, на верши...
На вершинушки.
Ай как и будемте мы, братцы, бить куни...
Бить куниц, лисиц,
Ай мы куниц-то, лисиц, еще черных со...
Черных соболей.
Ай да мы куничии пошьем себе ша...
Куньи шапочки,
Ай ну лисичии, братцы, себе шу...
Лисьи шубочки,
Ай соболёванькие всё себе сапо...
Всё сапожечки!»

* * *

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
На крутом на красном бережечке,
Собирались тут казаки, люди вольные,
Становилися казаки во единый круг,
Они думали бы думушку заединую:
«Что кому из нас, братцы, атаманом быть,
Атаманом быть, есаулом слыть?
Атаманом будет Ермак сын Тимофеевич,
Есауличком — Никита сын Романович».

Поднимали они сходеньки дубовые,
Распускали они паруса полотняны
И поплыли вверх по Волге по реке.

* * *

Как на Волге, да на Камышинке,
КазакИ живут, люди вольные,
У казакИков был атаманушка,
Ермаком звали Тимофеичем.
Не златá труба вострубила им,
Не она звонко взговорила речь —
Взговорил Ермак Тимофеевич:
«КазакИ, братцы, вы послушайте
Да мне думушку попридумайте!
Как проходит уж лето теплое,
Наступает зима холодная,
Куда ж, братцы, мы зимовать пойдём?
Нам на Волге жить — всё ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
На Казань идти — Грозен царь стоит,
Грозен царь Иван сын Васильевич.
Он на нас послал рать великую,
Рать великую — в сорок тысячей.
Так подумайте ж мы — да возьмем Сибирь,
Покоримтесь мы царю белому,
Царю белому православному.
Мы снесем к нему свои головы,
Свои головы все повинные!»

25

Как далече-далече
На синниим моречке
Не ясны соколы солетались —
Собирались-соезжались
Добрые молодцы,
Они думали-гадали
Думу крепкую:
«Что кому из нас, ребятушки,
Атаманом быть,
Атаманом быть,
Эсаулом слыть?
Атаманом быть
Ермак сын Тимофеичу,
Эсаулом слыть
Ванюхе, знать, Колечушку».
Как возговорит тут
Добрым молодцам
Ермак сын Тимофеевич:
«Еще полно нам, ребята,
На море стоять,
На море стоять, ребята,
Здесь разбой держать».

381

Не пора ли нам, ребята,
Отправляться
Во тоё же ли
Во матушку
За добычушкой,
За добычушкой
Во Россиюшку!»

* * *

Как далеченько-далеченько, во чистом поле,
Да еще того подалей — на синём море,
Как на синём море было на Каспийским,
Что на славном было острове на персидским,
Собирались музурь добры молодцы,
Они думушку гадали всё великую,
Думу крепкую гадали заединую:
«Вот кому из нас, ребяташки, атаманом быть,
Да кому из нас, ребяташки, эсаулом слыть?
Атаманом быть Ермилу Тимофенчу,
Эсаулом слыть Никитушке Романычу».
Атаман-то речь возговорит, что в трубу трубит,
Эсаул-то речь возговорит, как в свирель играт:
«Не пора ли нам, ребята, со синя моря
Что на матушку на Волгу, на быстру реку?
Еще как-то нам, ребята, города пройти?
Астраханское славно царство пройдем с вечеру,
А Царицын-городочек во глуху полночь,
А Саратов на белой заре.
Мы Самаре-городочку не поклонимся,
В Жигулевских горах мы остановимся.
Вот мы чалочки причалим всё шелковье,
Вот мы сходенки положим всё кедровые,
Атаманушку сведем двое под руки,
Эсаулушка, ребяташки, он сам сойдет».
Как возговорит наш батюшка атаманушка:
«Еще как-то нам, ребята, Казань-город брать?
Вот под городом Казанью стоит белый царь,
Стоит белый царь Иван сударь Васильевич,
Он не много и не мало стоит — семь годов,
Он подкопушки подкапывал всё на семь верст,
Калены стрелы пускал бесчетные.
Мы пойдем-ка же, ребята, на подмогу к ним!»

26

На усть было матушки Волги-реки
Собирались казаки охотники,
Донские казаки со яицкими.
Атаманушка был у казаков
Ермак сын Тимофеевич,
Есаулушка был у казаков
С тихого Дона донской казак
Тот Гаврюшка сын Лаврентьевич.

Ермак возговорит, как в трубу вострубит:
«Вы други мои донские казаки,
Донские, гребенские со яицкими!
Вы слушайте, други, послушайте,
Вы думайте, други, подумайте:
Проходит, други, лето теплое,
Настает зима холодная,
И где-то мы, други, зимовать будем?
На тихий Дон идтить — переход велик,
А на Яик пойтить — так ворами слыть,
А под Казань грести — государь стоит,
У государя силы много множество,
Не много, не мало — сорок тысячей.
Там нам, казакам, быть половленным,
По темным темницам порассоженным,
А мне, Ермаку, быть повешенным
Над самой матушкой над Волгой-рекой».
Тут не черные черни зачернелися,
Не белые снежочки забелелися —
Зачернелись лодки-коломенки,
Забелелись парусы бязинные.
Тут казаки поиспужалися,
По темным лесам разбежались,
Один оставался атаманушка
Тот Ермак сын Тимофеевич.
Он речь говорит, как в трубу трубит:
«Ой вы други мои донские казаки,
Донские, гребенские со яицкими!
А что ж вы, други, попужались?
По темным лесам разбежались?
Это едет к нам посланник царев.
Садитесь вы в лодки-коломенки,
Забивайте кочеты кленовые,
Накладывайте весельца еловые,
Гряньте-погряньте вверх по Волге-реке,
По матушке Волге под Казань-город.
Я сам к царю на ответ пойду,
Я сам государю отвечать буду».
Приставали к крутому красному берегу,
Выкидали потопчины дубовые,
Выходили на крут красный бережок.
Тут-то Ермак убирается,
Тут-то Тимофеевич снаряжается,
Вздевает сапожки сафьяновые на босу ножку,
Кармазинную черкесочку наопашечку,
Соболиную шапочку на правой бочок.
Идет Ермак к самому царю,
К тому шатру полотняному,
Идет Ермак отряхается,
А государь глядит в окно улыбается.
Пришел Ермак к самому царю,
Стал государь его спрашивать:
«Хорош-пригож молодец народился,
В три ряды черны кудри завивалися,
На каждой кудринке по жемчужинке —

Не ты ли Ермак Тимофеевич,
Не ты ли воровской атаманушка?
Не ты ли ходил-гулял по синю морю,
Не ты ли разбивал бусы-корабли,
Тизицьи, мужицьи, мои государевы?»
Ермак говорит, как в трубу встругит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Не вели казнить, вели речь говорить.
Мы не воры были, не разбойники,
А мы были морские охотники,
Ходили-гуляли по синю морю
Не много, не мало — ровно тридцать лет,
Разбивали мы бусы-корабли,
Тизицьи, мужицьи, государевы,
Которые были не орленые,
Признавали мы их за фальшивые;
Коли б они были государевы,
На них бы были орлы двухглавые,
А то они не гербованные».
Государь возговорит, как в трубу встругит:
«Хорошо Ермак на суду стоял,
Хорошо перед государем ответ держал.
Но ой ты удалый добрый молодец
Ермак сын Тимофеевич!
Достань ты мне славный Казань-город,
Возьми у меня силы сколько надобно!»
Ермак возговорит, как в трубу встругит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Не надо мне твоей силы многа множества,
Прикажи идти с донскими казаками охотниками.
А ты подойди со своею армиею
Под славный под Казань-город,
А я на белой заре двери растворю
И армию в город впущу».
— «Ой мой удалый добрый молодец
Ермак сын Тимофеевич!
Как знать войтить в Казань-город?»
Ермак возговорит, как в трубу встругит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Если рыть подкопы глубокие под Казань-город,
Закатить бочонки зелья лютого,
Поставлю тебе две свечи воску ярого
И поставлю часового своего надежного,
Донского казака, есаулушку любимого,—
Ты узнаешь, как в Казань-город войтить,
Как догорят две свечи воску ярого».
Скликает Ермак Тимофеевич донских казаков:
«Ой вы донские казаки охотники,
Вы донские, гребенские со яйцкими!
Садитесь вы в лодочки-коломенки,
Гряньте-погряньте вверх по Волге-реке,
В тот славный Казань-город,
К тому повелителю казанскому».
Приезжает Ермак в Казань-город,
Встречают его жители казанские,

Берут Ермака под белы руки,
Ведут к повелителю казанскому
Во те палаты белокаменные.
Видит повелитель, радуется,
Ермаку Тимофеевичу низко кланяется,
Берет Ермака за праву руку,
Ведет в палаты белокаменные,
Сажает за столы дубовые,
За скатерти шелковые,
Ставит яство сахарное,
Пойло ставит разнопьяное.
Тут Ермака повелитель начал просить:
«Ой ты Ермак сын Тимофеевич!
Помоги отстоять Казань-город».
Ермак возговорит, как в трубу вступит:
«Могу отстоять, когда послушаешь.
Я займу места притинные,
Поставлю свои караулы крепкие
Над пушками долгомерными
И буду стрелять-от царя белого».
«Ой вы мои донские казаки!
Занимайте места притинные,
Становите свои караулы крепкие
Над теми воротами уездными,
Переворачивайте пушечки долгомерные
Во славный во Казань-город,
Отбивайте со вратах засовы железные,
Поставьте знамечко царя белого».
На белой заре на утренней
Воску ярого свечи догорают,
Глубокие подкопы разрываются,
Стены каменные разваливают.
Царя белого армяушка во врата убирается,
Наш белый царь радуется,
Входит в славный во Казань-город,
Вперед Ермака государь здравствует:
«Поздравляю тебя, Ермак Тимофеевич,
с радостью!»
— «А тебя, государь, поздравляю с победою!»
Берет государь Ермака за праву руку,
Ведет по славному городу Казанскому,
Выходит государь во чисто поле,
Расставляет шатры полотняные,
Призывает Ермака Тимофеевича.
Государь сговорит, как в трубу вступит:
«Ой ты удалой мой добрый молодец
Ермак сын Тимофеевич!
Чем ты хочешь, тем буду жаловать:
Селами или подсёлками
Или великими городами, поместьями».
Ермак возговорит, как в трубу вступит:
«Батюшка-надежда свет великий государь!
Не жалуй ты меня городами, подсёлками
И большими поместьями —
Пожалуй ты нам батюшку тихий Дон

Со вершины до низу со всеми реками, потоками,
Со всеми лугами зелеными
И с теми лесами темными».

27

Шатаился, мотаился Ермак сын Тимофеевич,
Он шатаился, мотаился по чисту полю,
По чисту полю Ермак, да по синю морю,
Разбивал же Ермак все бусы-корабли
Татарские, армянские, басурманские,
А и больше того — корабли осударевы,
Осударевы кораблики без приметушек,
Да без царского они без ерлычка.
Возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Ой вы гой еси, мон братьи-товарищи,
Вы морские удалые разбойнички!
Еще где нам зиму зимовать будет?
Нам на Волге жить, братцы,— всё ворами слыть,
На Яик идти — переход велик.
Идти ль нам, не идти — на Иртыш-реку.
Мы с Иртыш-реки возьмем Tobол-город,
Тобол-город возьмем белой грудью,
Белой грудью возьмем, без свинца, без пороху,
Без свинца, без пороху, с камчатной с одной плеткою.
И поедем мы к царю с повинною,
Повезем ему свои буйны головы,
Во правой руке повезем топор-плаху».
Ермак Тимофеевич ловил себе добра коня,
Добра коня что ни лучшего,
Добра коня богатырского.
Надеваил на него узду тесьмянную,
Накладывал потнички белы-бумажные,
Накидывал седелище черкасское,
Подтягивал двенадцать подпруг шелковых,
Не для красы — для крепости.
Садился-де Ермак на добра коня,
На добра коня Ермак, на иноходного.
Передом едет Ермак сын Тимофеевич,
Уж он едет, едет потихохоньку,
Уж он едет, едет посмирнехоньку.
Подъезжает он к широку дворцу,
К широку дворцу ко царскому,
Ко крылечку подъехал ко крашеному.
Как слез Ермак со добра коня,
И пошел Ермак в царские палатушки.
Уж идет-де он без докладушек,
Идет Ермак потихохоньку, посмирнехоньку,
Как вошел Ермак во палатушки,
Во светлые царские залушки,
Возговорил Ермак сын Тимофеевич:
«Здорово ты, наш батюшка православный царь,
Православный царь ты, Петр Алексеевич,
Со своими князьями и боярами!
Узнаёшь ли Ермака ты сына Тимофеевича?

Я приехал к тебе с повинною,
Привез тебе свою буйну голову,
Во правой руке — топор-плаху.
Я шатаился, я мотаился по чисту полю,
По чисту полю и по синю морю,
Разбиваил я, Ермак, бусы-корабли
И татарские, и армянские, и басурманские,
А и больше твои, осударевы,
Осударевы кораблики без приметушек,
Да без царских они без ярлычков».
Возговорит наш батюшка православный царь:
«Уж вы гой еси, мои князья-бояры,
И вы, думчие мои сенаторушки,
Еще что нам с Ермаком будет делати?
Иль казнить его, или вешати,
Иль во всех винах его простити,
Иль велеть ему Казань, Астрахань взять?»
Возговорит-де один боярин-то,
И старший думчий-сенаторушка:
«Ой ты гой еси, батюшка православный царь!
Еще мало нам Ермака казнить-вешати».
Тут возговорит Ермак сын Тимофеевич:
«Ой ты гой еси, ты врешь, собака!
Без суда, без допроса хочешь Ермака вешати!»
Богатырская сила в нем разгоралася,
Богатырская кровь в нем подымалася,
Вынимал он из колчана свою саблю вострую,
Он срубил, смахнул боярину буйну голову:
Буйная его головушка от плеч отвалилася
Да по царским залушкам покатилася.
А и царская картина перменилася,
А и думчие сенаторы испугалися
И по царским залам разбежались.
Возговорит наш батюшка православный царь:
«Ермак в беде сидит, бедой кутит.
Еще что нам над Ермаком делать?»
Ни один князь ответу не дал.
Во всех винах прощал его,
Только Казань, Астрахань взять велел.

28

Как собирались казаки на крут бережок,
Ах доньски, гребеньски, запорожские,
Запорожски казаки и все были яицкие.
Ах атаман был у донских у казаков,
Ой из тихого Дону Ермак был Тимофеевич,
А есаул был у донских у казаков,
Ах со Двины Остафей Лаврентьевич.
Как садились казаки на легки стружки,
Ай на легки стружки сели, на мелки повозки,
Как грянули, размахнули вниз по Волги-реки.
Ах еще будут казаки о полу оне пути,
О полупути-пути будут против Охтучи-реки,

Ах супротив того кустышка ракитового,
Супротив того лужочка ай зеленого.
А сверху вниз было по матушки по Ками-реки,
А по Ками-реки легка лодочка плывет,
Ах со лютым со зэльём с черным порохом,
А со страшной казной государевой.
Ай на казны-то сидит тут грозён посёл,
Ах по имени Семен Костянтинович,
Костянтинович Семен сидит Қорамышевич.
Ах как немношечко времечки миновалось,
Супротив кустишка лодочка сверсталася,
Ах как лунула пушечка медная,
Ах, как разбила эту лодочку-коломенку,
А как убило посла государева
Қорамышева Семена Костянтиновича.
«Ах мы неладно мы, два брателка, удумали,
Как убили мы посла государева,
А золотой казны нам немножко доставалось,
Доставалось казны нам же по три тьмы,
Ай по три тьмы доставалось, по три тысячи.
Как куды же мы, братцы, воровать теперь пойдём?
Ай нам в Казань-город идти — нам убитым быть,
Нам во Востракань идти — быть повешенным.
Ах пойдём-тко, братцы, в каменну Москву».

33

Что по край моря синего,
Посередки поля чистого,
Тут стояла темна темница,
Зло злодейка заключеная тюрма.
Что у той же темной темницы,
Злой злодейки заключеныя тюрмы,
Ворота были железные,
Ободверенки укладные,
Стамики были булатные,
Что замок в полтора пуд,
В полтора ли пуда с четвертью.
Что во той же темной темницы,
Злой злодейки заключеныя тюрмы,
Тут сидел же посидельщик,
Со тиха Дону донской казак,
Стеньки Разина племянничек,
Что Ермак сын Тимофеевич,
Он сидел же равно тридцать лет,
Равно тридцать лет и три года;
Он отростил черны кудерцы
По своим по могучим по плечам:
Он отростил русу бороду
До шелкова своя пояса.
Мимо ту же темну темницу,
Зло злодейку заключеную тюрму,
Случилось тут царю идтить,
Самому царю турецкому,
Царю Салтану Салтановичу.

Что из той же темной темницы,
Злой злодейки заключеныя тюрьмы,
Тут увидел посидельщик,
Со тиха Дону донской казак,
Стеньки Разина племянничек,
Что Ермак сын Тимофеевич,
Он кричал же зычным голосом:
«Ах ты ой еси, турецкий царь,
Царь Салтан сударь Салтанович,
И Махмет сын Бахметович!
Прикажи мне слово молвити;
Не прикажешь слово молвити,
Прикажи меня из тюрьмы выпустить;
Не прикажешь ты выпустить,
Прикажи меня поить-кормить,
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи меня скоро сказнить;
Не прикажешь скоро сказнить,
Прикажи меня повесити;
Не прикажешь ты повесити,
Отпишу я на Дон грамоту,
Не пером я, не чернилами,
Своими слезы горячими,
Еще тихой Дон сколыблется,
Казачи с Дону подынутся,
Что твое царство повырубят,
Что тебя, царя, в полон возьмут,
Засадят тебя в темницу,
Не дадут тебе ни пить, ни исть,
Заморят тебя смертью голодною».

* * *

Ах талан ли мой, талан таков,
Или участь моя горькая!
Ты звезда моя злосчастная,
Высоко звезда восходила,
Выше светлого млада месяца,
Что затмила солнце красное.
Ах талан ли мой, талан таков,
Или участь моя горькая!
На роду ли мне написано,
На делу ли мне досталось,
Что со младости до старости,
До седого бела волоса,
Во весь век мне горе мыкати,
Что до самой гробовой доски.
Во Азове, славном городе,
Во стене белокаменной,
Как была тут темна темница
Без дверей и без окошечек.
Ай во той ли темной темнице
Что сидит тут доброй молодец,
Доброй молодец, донской казак,

В заключение ровно двадцать лет,
Ровно двадцать лет и два года.
Лучилось тут мимо ехати
Самому царю турецкому,
Что султанскому величеству.
Что возговорит доброй молодец:
«Ай ты гой еси, турецкой царь,
Ты, султанское величество!
Прикажи меня поить-кормить;
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи меня скорей казнить;
Не прикажешь ты меня скорей казнить,
Прикажи на волю выпустить;
Не прикажешь ты вон выпустить,
Напишу я вскоре грамоту
Не пером и не чернилами —
Я своими горючими слезьми
Ко товарищам на тихой Дон;
Славной тихой Дон взволнуется,
Весь казачий круг взбунтуется,
Разобьют силу турецкую
И тебя, царя, в полон возьмут».
Ай что возговорит турецкой царь,
Что султанское величество,
Ко своим ли ко фельдмаршалам:
«Выпускайте доброго молодца,
Доброго молодца, донского казака,
Во его ли землю Русскую,
Ко его да царю белому».

36

А сплachtetся на Москве царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино боже Спас милосердой!
За что наше царство загибло,
За батюшково ли согрешенье,
За матушкино ли немоленье?
А светы вы наши высокие хоромы!
Кому вами будет владети
После нашего царского житья?
А светы браньи убрусы!
Береза ли вами крутити?
А светы золоты ширинки!
Лесы ли вами дарити?
А светы яхонты сережки!
На сучье ли вас задевати
После царского нашего житья,
После батюшкова преставленья
А света Бориса Годунова?
А что едет к Москве Рострига
Да хочет теремы ломати,
Меня хочет, царевну, поимати,
А на Устюжну на Железную отослати,

Меня хочет, царевну, постритчи,
А в решетчатой сад засадити.
Ино ох-те мне горевати:
Как мне в темну келью ступити
У игуменьи благословиться?»

37

На нас, братцы, господи разгневался,
На славное царство Российское,
На Российское царство, на Московское,
Дал господи царя несчастливого;
Называется собака прямым царем,
Прямым царем, царем Дмитрием,
Дмитрием царевичем Московским.
Не успел вор-собака воцариться,
Похотел вор-собака жениться —
Не в своей он России, в каменной Москвы,
Поженился вор-собака во хороброй литвы,
У Юрья пана Сердобольского
На него на меньшей на дочери,
На той ли на Маринушке Юрьевной.
Они свадьбу играли в Филиппов пост,
Венец принимали в Миколин день,
Миколы-то было в пятницу.
Дошло-то это время до великого дня,
До великого дня, до Христова дня.
У того ли у Ивана у Великого
Ударили в большой во колокол,
Все князи-бояра к обедне пошли,
Ко тыя ко христоськой заутрене,
Вор Гришка-расстрижка во мыльню пошел
Со душечкой с Маринушкой со Юрьевной;
Все князи-бояра богу молятся,
Вор Гришка-расстрижка в мыльне моется,
Со душечкой со Маринушкой блуд творит;
Все князи-бояра от обедни пошли,
Вор Гришка-расстрижка с мыльни идет
С душечкой с Маринушкой со Юрьевной.
На Гришке кафтан в пятьсот рублей,
На Маринушке саят в целу тысячу.
Выскакивал собака на крылечико на царское,
Закричал вор-собака громким голосом,
Чтобы было слышно по всей Руси,
По всей Руси, каменной Москвы,
Ко Юрью пану Сердобольскому.
Говорит вор Гришка таковы слова:
«Проходи-тко, Марина, в палаты белокаменны,
Не молись-ко, Марина, чудным образам,
Ты не кланяйся, Марина, князьям-боярам,
Проходи-то, Марина, за дубовый стол,
Кушай-рушай лебедь белую.
Послушай, Марина, что я говорю:
Проживу буде я три часа —
Проживу, Марина, тридцать лет;

Не проживу буде я трех часов —
Не прожить мне-ка и трех годов». —
Да еще тут господа все московские
Собирались господа во единый круг,
И думали думушку общую
И придали Гришке смерть скорую.

* * *

В шестом году восьмой тысячи
Как в нашем народе правда вывелась,
Вселилось лукавство великое.
Не люта ли змея вывелася,
Возвивалась собачка-пес — булатный нож.
Он не на землю пал и не на воду,
Он упал царю на белую грудь,
Пал тому царю, пал Димитрию,
Пал Димитрию Ивановичу.
Как убил его Гришка-расстрижка
Растрепанный, растревоженный,
Он убил его на царском игрище,
Как убивши его, сам на царство сел.
Он не много, не мало царем царил,
Он царем царил ровно семь годов.
На седьмом году Гришка жениться стал.
Он берет жену не у нас на Руси,
Не у нас на Руси, во иной земле.
Он не много, не мало приданого взял,
Не много, не мало — три тьмы тысячи.
А женился он в субботу великую,
Как добры люди идут к обедне, к заутрене,
А Гришка-расстрижка обедать сел,
Воскушает, ест скоромные, молочные.
Все лакеи догадались,
К государыне своей бросались:
«Уж ты матушка наша царица,
Твой сын Димитрий царем царит,
Он не закон творит!»
— «Господа ль вы мои, сенаторы,
Моего сына Димитрия давно в живые нет!»

38—39

Прикажи, сударь хозяин, Скопина просказать,
Скопина князя Михайла Васильевича!
Снаряжается Скопин в каменну Москву,
В каменну Москву да и во шведскую,
Во шведскую да во немецкую.
Ему матушка наказывала,
Молода жена наговаривала:
«Не ездь, Скопин, в каменну Москву,
Не водись со князьями-боярами,
Со всею поляницею удалю,

Со Малютвой дочерью Курлатовой,
С Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой».
Скопин своей матушки не слушает,
Он сам выходит на красно крыльцо,
Он сам говорил таково слово:
«Есть ли у меня млады конюги,
Млады конюги с подконюшниками?
Походите на конюшню белодубовую
По любимого по бахманца,
Седлайте в седло черкайское,
Уздайте уздою тесмяною,
Подтягивайте подпругами шелковыми,
Белого шелку шамахайского,
Застегивайте пряжками булатными
Не для-ради басы, ради крепости,
Ради крепости богатырския».
Сходил Скопин со красного крыльца,
Со того крыльца княжеского,
Садился Скопин на доброго коня,
На любимого на бахманца,
Поехал Скопин с широкого двора,
Он плеткой помахивал,
Золотой уздой побрякивал.
Приехал Скопин в каменну Москву
На ту площадь Красную
К тому собору Успенскому,
Скумился с кумой крестовою
Малютвою дочерью Курлатовой,
С Курлатовой Щербатовой,
Князя Дмитрия Петровича Шустовой женой.
У князя у Владимира
Был весел пир на радости.
Ах, белой день ко вечеру,
Ах, солнышко катится ко западу.
До полусыта бояра наедалися,
До полупьяна напивалися,
Между собой расхвасталися.
Первой-ет боярин хвалитя,
Он хвалитя-похваляется:
«У меня много золотой казны».
Второй боярин хвалитя,
Он хвалитя-похваляется:
«У меня много скатного жемчуга».
Еще боярин хвалитя,
Он хвалитя-похваляется:
«У меня много добрых коней».
Помолчавши, Скопин слово выговорил:
«Еще, пищики бояра, послушайте:
А кто-де Москву приочистил всю,
Кто поделал улочки широкие,
Переулочки чистые?»
За беду боярам слово показалось,
За досаду куме объявилось,
Сама говорила таково слово:

«Позабыла я, кума, поподшивати,
Поподшивати, почествовати».
Еще говорила таково слово:
«Где вы, слуги мои верные?
Скоро-борзо походите во питейной кабак,
Вынимайте мой золотой кабан,
Не велик, не мал — в полтора ведра вина;
Влейте ведро зеленого вина
Да полуведро зелья лютого,
Поднесите бокал Скопину-князю».
В середи чары огонь горел,
По краям чары ключи кипят.
Принимает Скопин единой рукой,
Выпивает Скопин на единой дух.
Как тут ясные очи замутились,
Белые ручки опустилися,
Резвые ножки подломилися,
Загорелось ретивое сердце —
Садился Скопин на доброго коня
Не по-старому, не по-прежнему.
Как издалече-далече из чистого поля
Завидела его матушка,
Сама говорила таково слово:
«Не кума ли ты, дитятко, уподшивала,
Не крестовая ли ты, дитятко, учествовала?»
Через три часа Скопин преставился.
Мыли его тело белое
Тремя водами ключевыми,
Пеленали его тело белое
Во ту фату мелкотравчату,
Клали его тело белое
Во ту колоду белодубову,
Выносили его тело белое
Ко свету Михаилу Архангелу
Во ту церковь соборную,
Хоронили его тело белое
Со всеми попами, со дьяконами,
Со всеми протопопы и архимандритами.

* * *

Как во той ли было каменной Москвы,
У того ли князя Воротынского,
Эй будет там да почестный пир
А на многих на князей-бояр,
А на святорусских да богатырей.
Эй все на пиру эй напивалися,
Ай все на пиру эй наедалися,
В полупиро все эй стали хвастати:
Богатый хвастает золотой казной,
Иной хвастает, что конь добрый есть,
Сильный хвастает ай своей силою,
Своей силою, удачей молодецкою,
Умной хвастает старой матерью,
А безумной хвастает молодой женой.

Говорит как тут князь Михайло Иванович:
«Уж вы хвастайте все небылью-небылицею,
А вот я чем я, молодец, похвастаю:
Я повычистил ведь каменну Москву,
Я от той ли-то ай силы вражеской да силы польской!»
А эти речи боярам не слюбилися,
А сами собой они перемигнулися,
И наливали ему чару зелена вина,
И опушали в чару яду крепкого,
Яду крепкого ай яду смертного,
Подавали дочери ай Малютовой,
Той ли кумы его крестовой.
Она знавши стакан что с ядом крепким,
Подавала его своему куму крестовому,
Что тому князю ай князю Шуйскому.
И не знавши князь эй принимал стакан,
И выпивал стакан он с ядом крепким,
С ядом крепким ай с ядом смертным.
Зашемило тут в его сердце ретивоем,
Ай тут он князь догадается,
Что выпивал ведь он яду крепкого,
Яду крепкого эй яду смертного,
И говорит куме своей крестовой:
«Эх сука ты, дочь Малютина,
Ай ты съела меня, змея подколотная!»
И хватил как он да саблю вострую,
Отрубил как он ей буйну голову.
Эй пошел он тут к своей матушке,
Ай матушка ему пенянь стала:
«Ах ты гой еси, рожоно мое дитяtko,
Не хотела ведь я тебя пустить,
Да не послушал ты своей матушки.
Так теперь тебе скоро смерть придет,
А скоро смерть придет от яду крепкого!»
Ай к вечеру он преставился
От того ли он яду смертного.

* * *

«Я много ли, Скопин, по землям бывал,
Я много, Скопин, да городов бирал,
Не боялся, Скопин, да двадцати полков,
Двадцати пяти полков да сорокатысячных.
Малютину-князя в услужанье брал,
А Малютюшку брал во служаночки,
Во служаночки брал чашки-ложки мыть,
Чашки-ложки мыть, поварёночки».
Да брала Малюта да золоты ли ключи,
Открывала Малюта кованы ларцы,
Разбирала Малюта посуду хрустальную,
Да повыбрала чару самую большую,
Пошла Малюта в тёмны погребя,
Наливала она чару да зеленá вина,
Да подсыпала она да зелья лютого ли,
Зелья лютого — зелья змеиногo.

Подают Скопину сыну Ивановичу:
«Ох ты ой еси, Скопин да сын Иванович!
Вчера мы с тобой покумилися,
А сегодня надо нам проздравиться,
А проздравиться надо нам отправиться!»
Скочил Скопин да сын Иванович:
По краям у чарочки ключи кипят,
По середке-то ключа огонь горит.
Говорит-то Скопин да сын Иванович:
«Уж мне чару пить — живому не быть,
А чару не пить — да виновату быть».
Говорит-то Скопин да сын Иванович:
«Ох ты ой еси, дружинушка хоробрая,
Хоробрая да заговорная!
Да выпью я чару да сам вон пойду.
Спроводите меня вон на улицу,
Посадите меня на добра коня.
Привяжите меня на добра коня,
Прогоните меня к моему двору,
Ко моей ли матушке родимой».
Да и выпил он чару да зеленá вина,
Спроводили его русские богáтыри,
Посадили его на добра коня,
Привязали его ко добру коню,
Ко тому же ко стремени турецкому,
Прогонили его ко его двору.
Да увидела его матушка родимая,
Да едет Скопин не по-старому,
Под им конь бежит да не по-прежнему,
Да Скопин на коне едва жив сидит.
Да приехал конь ко красну крыльцу.
Сорвал все пуйны шолковые,
Соскакивал он со добра коня,
Заскакивал на краснó крыльцо.
Выходит его мати родная,
Отворяет она двери на пята.
«Уж ты здравствуй, моя мати родимая!
Ещо привел бог свидеться».
— «Уж ты чадо мое милоё,
Уж тебе пир был не по́ уму?»
— «Пир был мне, полпиру,
Да невежа надо мной посмеялася,
Зла Малютá дочи Скурлатовна.
Сходи, мати, по попа-отца,
Надо мне покаяться,
Сказать три греха тяжкие».
Она привела попа. Он тут ли каялся. Тут ему смерть
случилася.

* * *

Да и много Скопин да по землям бывал,
Кабы много Скопин городов бирал,
Да не взявши от города не отъезживал,
Не боялся Скопин да двадцати полков,

Двадцати пяти полков, да полков тысячных;
Да Малютина князя во служенье брал,
Да Малютину Скурлатьевну во служаночки,
Чашки-ложки я мыть да поварёночки.
Да и это Малюты да за беду стало,
За великую досаду показалось,
Побежала Малюта да дочь Скурлатьевна:
«Ох ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ты поверь, ты поверь мне золоты ключи,
Ты поверь, ты поверь мне кованы ларцы,
Ты позволь мне сходить да во темны погребы,
Ты позволь мне налить чару зелена вина,
Да вчера мы ведь с кумушкой кумилися,
Да сегодня ведь крестника проздравить надь».
Говорит-то ведь солнышко Владимир-князь:
«Ох ты ой еси, Малюта дочь Скурлатьевна!
Да поверены тебе золоты ключи,
Да поверены тебе да темны погребы».
Побежала Малюта дочь Скурлатьевна,
Наливала она чару зелена вина,
Наливала не малу — да полтора ведра,
Да положила она тут зелья лютого,
Да положила она сала змеиного,
Да подносит Скопину сыну Ивановичу,
Поближешенько она да придвигается.
Понижешенько она да покланяется:
«Ох ты ой есь, Скопин да сын Иванович!
Уж ты выкушай чару да зелена вина».
Да краям-то у чары да ровно ключ кипит,
По середке у чары ровно огонь горит.
Да берет-то Скопин чару единой рукой,
Да и сам-де за чарой выговаривает:
«Ох вы ой есь, дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина да заговорная!
Уж вы русские могучие богатыри!
Уж как пить мне-ка чара — живому не быть,
А не пить мне-ка чара — дак виновату быть.
Уж я выпью как чара да зелена вина,
Вы тащите меня да вон на улицу,
Посадите меня вы на добра коня,
Привяжите меня да ко добру коню,
Спроведите коня да ко свою двору,
Пусть и знат про меня да родна матушка».
Кабы выпил Скопин чару зелена вина —
Покатилася с плеч буйна головушка,
Да свалилася она да на широку грудь,
Кабы ниже она стала могучих плеч.
Тут увидели русские богатыри,
Потащили его да вон на улицу,
Посадили его да на добра коня,
Привязали его да ко добру коню,
Спровели коня да ко свою двору,
Ко свою двору, высоко терему.
Как увидела матушка родимая,
Как и едет Скопин да сын Иванович,

Да выскакивала она да на красно крыльцо,
Да встречала она сына сердечного:
«Ох ты ой есь, Скопин да сын Иванович!
Да дитя мое, дитя родимое,
Да ты чадо мое, чадо мое сердечное,
Уж ты что же нынь едешь да не по-старому,
Не по-старому ты едешь, да не по-прежнему,
Повеся ты держишь да буйну голову,
Потопя ты держишь да очи ясные,
Потопя ты их держишь да в мать сыру землю».
Говорит-то Скопин да сын Иванович:
«Ох ты ой еси, матушка родимая,
Матера ты Омельфа Тимофеевна!
Уж я был у князя да на честном пиру,
Прибесчестил молоду да дочь Скурлатьевну,
Воспромолвил же я да нынь такую речь:
«Уж я много, Скопин, по землям бывал,
Уж я много, Скопин, да городов бирал,
Да не взявши от города не отъезживал,
Не боялся, Скопин, да двадцати полков,
Двадцати пяти полков, да полков тысячных,
Да Малютина-князя во служенье брал,
Да Малюту Скурлатьевну во служаночки».
Подавала она мне чару зелена вина,
Ни великую, ни малу — да полтора ведра,
Да положила она тут зелья лютого,
Да положила она тут сала змеинного,
Да и выпил я чару да зелена вина,
Ох ты ой еси, матушка родимая!
Да бежи ты скорее нынь по попа-отца,
По попа-де отца да по духовного,
У меня есь на душе да три тяжких греха».
Разорвала тут матушка родимая
Да и вси тут, вси пуинки шолковые,
Да снимала она его со добра коня,
Побежала старуха да скоро-на́скоро,
Привела она попа-отца духовного,
Да сказал он ему да три тяжких греха,
Да заключился у его тут говорун-язык.
Кабы тут-де старухе да за беду стало,
За великую досаду показалося,
Заскакивала она да на добра коня,
Да гонила она да в стольной Киев-град,
У ворот она не спрашивает приворотничков,
У дверей она не спрашивает придверничков,
Заезжает она на улицу широкую,
Да в крылечко клюкой стала поколачивать:
«Да подай-ко, подай, князь, виноватого,
Уж и худо потребил дитя сердечного,
Как того же Скопина сына Иванова;
Наливала Малюта чару зелена вина,
Ни велику, ни малу — полтора ведра,
Да положила она тут зелья лютого,
Да положила она сала змеинного».
А и тут Малюта нынь на юход ушла.

А садился тут солнышко да за дубовой стол,
Он писал ярлыки да скоры грамоты,
Рассылал он по городу по Киеву —
Розыскать Малюту дочь Скурлатьевну.
А на то-де старуха была догадлива,
А сама-де старуха в сугон поехала,
Да выдернула она нынче сырой дуб,
Уколотила она Малюту дочь Скурлатьевну.
А увидела старуха да стара-мáтера,
Как слетелись-де нынче два ворона,
А один-то ли ворон да царя белого,
А другой-от ли ворон да царя черного,
Они бьются-дерутся, пуше ратятся,
Ни которой другого победить не могут нынь.
А змолился ли ворон да царя белого:
«Помоги ты мне, старушка, да стара бабушка,
Потребити мне ведь ворона, мне ведь черного,
Уж я сделаю тебе добро великое».
Да натягивала старуха нынче тугой лук,
Заряжала-то стрелочку каленую,
Да подстрелила ворона неверного.
Да слетал нынче ворон по живу воду,
Да и отдал старухе, да старой бабушке;
Помазáла она сына нынче любимого,
Помазáла она его во первой након,
Помазáла она его во другой након,
Да плеснула она ему на бело лицо.
Стрепенулся Скопин да сын Иванович,
Кабы тут-де Скопин да пробуждается,
От великого сну да просыпается.
Да скакал-то Скопин на резвы ноги:
«Уж я долго-де спал, да всё пора ставать».

47

Тут сидит та честна́-хвальна́я беседашка,
Не старые они старики,
Атаманы и славные казаки.
Они пьют-та сидят они, гуляют,
Про Язовый город говорят:
«На Язовый славный городочек,
На турецкий на славный мы пошли!»
Ишо они пьют-та сидят, ой-та гуляют,
Про Язов-город говорят:
«Ишо в Язове во славном городочке,
На турецкому славному паши́,
Ишо он построил он да свою башню
На уз быстрой славной Каланче,
На уз быстрой славной Каланче,
Ишо он накинуд свою цепю
Через батюшку славный тихий Дон,
Ишо нельзя-та, нельзя нам, бравым казачёнкам,
По тихому Дону погулять.
Ишо ни лодкой, ишо что ни водою,

Что ни лодкой, ишо что ни водою,
Ни морским, ни сухим путем».

49

Как выходит ведь государь наш по день,
Выкликает надежда он по дру́гой,
Выкликает нас надежда царь по третий:
«Еще все же вы князи, все бояри,
А все думские царевы генерала!
Пособите государю думы думать,
Государю чтобы дума не продумать,
Как бы взять бы мне Азов-город без бою,
Без бою, без драки-кроволитья».
Еще больший тулится за середнего,
А середний тулится за меньшего,
А от меньшего государю ни ответа нет.
Выходит тут казак е донскій,
Еще он же молодец е удалыи,
Супротив он государя становился,
Понизешенько надежде поклонился:
«Ох ты батюшко надежда государь-царь,
Олексий сударь Михайлович московский!
Бласловите, государь, мне словца молвить.
Еще возьмем мы Азов-город без бою,
Еще без бою возьмем, без драки,
Еще без больша велика кроволитья!».
По головушке казаченка погладил:
«Благодарствуёшь, казак тебе донскій,
Еще ты же молодец е удалыи,
Еще ты же молодец-то есть смелыи,
Еще смел-то с государем говорити.
А как будет ли казать тебе с дела,
Я пожалую по дорогу кафтану,
А как со тыма с клинами золотыма
И со вещамы со тыма дорогима».
Пятьсот они тележек снарядили,
По пяти туды казаков положили,
Они черными юхтáмы накрывали,
Как булатнима гвоздцáмы обивали.
Еще они другие пятьсот тут снарядили,
Мякотным-то товаром нагрузили,
А туды же к Азову пропустили.
Они стали тут к Азову подъезжати.
Еще тут-то казаку ему не спится,
Еще брал-то он подарки дорогие,
К самому-то он Санталу относился:
«Ах ты здравствуешь, Сантал ты е турецкий,
Поздравляю тебя силой со немецкой!
Еще во́ тебе подарки дорогие
Как от нашего царя тебе от белого.
Да просил-то ведь наш царь тебя белый,
Да просил-то он в Азове торговати,
Как русийских товаров продавати,

А как ваших мы заморских покупати».
А как эти ему подарки прилюбились,
Приказал-то он в Азов-городъ въезжати,
Велел кажным тележки осмотрети.
Как пятьсот они тележек просмотрели,
Еще других тележек не сстигли,
Они всех они возов-то запустили.
Они зачали в Азове торговати,
А своих они товаров продавати,
А заморских они стали закупати,
А булатных возцов тех отдирати,
Еще черных юхтов тех открывати
Да оттудова молодцов тех выпускати.
Еще зачали казачки-то тут гуляти,
Они начали в Азове шурмовати
Да начали турчанов убивати,
Много множество турчанов тут прибили.
А одна-то тут Сантал и сам уехал
Еще во свою столицу в городъбу.
Еще тут казачкам им не спится,
Оны вал-то земляной тут завалили
Как повыше стены они городъбой.
Тут Сантал-то он турецкой
Набирает себе силы сорок тысяч,
Подъезжает он к Азову тут ко городу,
Еще начал он в Азов-город ломиться,
Еще вал-то земляной он рассыпал,
Стену каменну они да проломил,
Еще тут они в Азов-город забились,
Еще начали в Азове шурмовати,
Они стали казачков тут убивати.
Тут немножко казачков тут оставлялось.
Собирались казачки тут в божью церковь,
Отслужили тут молебен со обедней:
«Еще ай же ты, Микола-чудотворец,
Не придай-ко нам напрасно умерети!
Пострижемся мы тебе-ка все в монахи,
Все в монахи пострижемся, в патриархи,
Все в монахи пострижемся, в патриархи!»
Напустил тут Микола-чудотворец,
Напустил тут на турчан он темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Как густым ту реку загустили.

58

На Москве было на базаре,
Собиралися бояре,
Выбирали бояре
Из бояр воеводу,
Выбирали Ивана Петрова
Из того ли из роду Салтыкова,
Перед царские очи становили.

Как возговорит православный царь
Алексей-то Михайлович,
Его царское величество:
«Ох ты гой еси, большой боярин,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большому,
Ко тому к монастырю ко честному
К Соловецкому,
Ты порушь веру старую, правую,
Постановь веру новую, неправую».
Как возговорит большой боярин,
Любимый царский воеводушка:
«Ох ты гой еси, православный царь
Алексей Михайлович,
Твое царское величество!
Нельзя об том и подумати,
Нельзя об том и помыслити,
Как порушить веру старую, правую,
Как поставить веру новую, неправую».
Царь разозлился,
Царь распалился,
Воевода прогрешился.
Как возговорит большой боярин,
Любимый царский воеводушка:
«Ох ты гой еси, православный царь
Алексей Михайлович,
Твое царское величество!
Уж и дай мне силу не малую, не великую —
Сорок полков да всё тысячных,
Сорок пушек да всё медных,
Зелья-пороху сколько надобно».
Как и было в самый ли Петров-то день,
Как на синем было морюшке,
На большом было на острове,
Во честном монастыре было:
Отошла честна заутреня,
Пономарь звонил к обеденке,
Честны старцы пели молебены;
Как бежит пономарь,
Неразумный звонарь:
«Ох вы гой еси, честны старцы!
Как идет сила не малая, не великая —
Сорок полков да всё тысячных,
Сорок пушек да всё медных,
Зелья-пороху сколько надобно,
Да всё войско православное.
Не то идут они ратиться,
Не то идут они молиться».
— «Ох ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь!
Да то войско православное,
Не идет оно ратиться —
Идет оно молиться».
На ту пору пушкари были догадливы,

Брали ядрушко каленое,
Забивали во пушечку медную,
Палили во тот во честной монастырь
Во Соловецкий.

* * *

Во Москвы то было, во царстве,
Во прекрасном восударстве,
Перебор-то был боярам,
Пересмотр-от был воеводам.
Из бояр, бояр выбирали,
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту не простого,
Его роду же не простого —
Из бояр князь Салтыкова.
Воспроговорит-то осударь царь наш,
Алексей сударь свет Михайлович:
«Уж ты гой еси, воевода!
Я пошлю тебя, воевода,
Ко монастырю святому,
Ко игумену честному,
Стару веру ту порушите,
Стары книги истребите,
На огни вы вси сожгите».
Воспроговорит воевода:
«Уж ты гой еси, осударь-царь наш,
Алексей ты сударь Михайлович!
Как нельзя-то душой подумать
На свято ведь на это место,
На прекрасную кенорию,
Щё на светов-то преподобных —
Соловецких ведь чудотворцев».
Воспроговорит осударь-царь наш,
Алексей-от сударь Михайлович:
«Уж ты гой еси, воевода!
Прикажу я тебе казнити,
Руки, ноги же отпилити,
Буйну голову отрубити».
Воевода-то испугался,
Сам слезами же обливался:
«Уж ты гой еси, осударь-царь наш,
Алексей же сударь Михайлович!
Погоди ты меня пилити,
Уж мне дай речь говорити.
Мне-ка дай же ты силы много,
Мне стрельцов, борцов, солдатов».
Щё садился-то воевода,
Недалёко он, свет, отъехал,
Он расплакался, сам раздумался:
«Хощь я смерть ту я приму же!»
Он раздумался, воевода,—
Во пути будто разнеогся,
Он назад скоро воротился.

На то место-то накупался.
Из бояр, бояр князь Пешёрской.
Щчё садился-то воевода
Он во лёгоньки стружочки,
Потянули-то ветры буйны
С полудённую сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко монастырю святому,
Ко игумену честнóму,
Как ко свётам-то преподобным —
Соловецким же чудотворцам.
Как стрелял, стрелял воевода
Во соборну-ту божью церковь,
Уронил-то тут воевода
Богородицу со престола.
Вси монахи-ти испугались,
По стенам-то вси побросались,
В одну келью ту собирались,
В одно слово-то говорили,
Говорил-то всё игумен:
«Вы не бойтесь-ко, мои дети,
Не страшитесь-ко этой страсти.
Мы по-старому ведь отслужим,
С Христом в царстве с им прибúдём».
По грехам было сучинилось,
По тяжкím грехам сотворилось:
Захотел-то ведь деревяга
В святом озере (он) купаться,
По веревкам через стену ту опускаться;
Ишше пал этот грешник
Он на сыру ту землю,
Он сломил свою праву руку,
Извихнóл свою леву ногу.
Тут пришел к ёму воевода:
«Ты скажи-ко нам суцу правду,—
Ишше порохом-то ли довлён монастырь,
Ишше пушками-то доволен ли,
Ишше крепостью-то крепок ли,
Да людьми-то ведь он лю́дён ли?»
Говорил-то тут деревяга:
«Он ведь крепостью-ту крепок,
Он людьми только не лю́дён.
Попадите й вы зайдите
Дровяным-то в стену окошком».
Как зашел-то воевода,
Рассказал как деревяга,
Он зачáл тут, воевода,
Стару веру-ту порушýл взял,
Стары книги-ти божьи изорвал всё,
На огни-ти он прижигал их.
Всех монахов прирубил,
В сýнè морè-то помётал,
Над игуменом наругались:
Речист язык у его отрежут.
Через ночь было тако чудо —

Он ведь сделался весь здоровой;
Они взяли его убили —
Как небесно царство купили.
Во ту пору ту, во то время,
В саму в ту ведь в тёмну ночку
Ишше к нашему царю жо
К Алексею-то свет Михайловичу
Как приходят к ёму два старца,
Как хотят-то его убить,
Руки, ноги да отпилити.
Говорят ёму таки речи:
«Уж ты гой еси, осударь-царь,
Алексей ты сударь Михайлович!
Не разоряй-ко ты старой веры».
Посылат-то ведь царь же скоро
Он гонцов-то скорó, солдатów:
«Старой веры не разоряйте,
Вы ведь книг-то не разрушайте,
На огни-то не разжигайте,
Вы монахов-то не рубите».
Ишше стретили воеводу
В славном городе во Вологды,
Воевода-то разболелся,
Он в худой-то боли скончался.
Государь-от, государь наш царь,
Алексей свет сударь Михайлович
За воеводой собирался,
Жисть своёй жизнью скончался.
Понесли ёго в божью церковь —
Потекло у ёго из ушей-то,
Потекла у ёго всяка гавря.
Ишше уши-ти затыкали
Всё хлопчатой белой бумагой.

60

Вниз то было по матушке Камышинке-реке,
Супротив то было устьяца Самары-реки,
Что плывет тут легка лодочка-коломенка,
Что в той лодочке сидит млад посланник царев,
Карамышев князь Семен сударь Константинович.
Во левой он руке держит государев указ,
А во правой руке держит саблю острую.
Что по крутому по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку
Что ходили тут, гуляли добрые молодцы,
Добры молодцы гуляли, все донские казаки,
Что донские, гребенские, запорожские,
Да и славные казаки, братцы, яицкие.
Они думали крепку думушку заедино,
Что сказали все словечушко в единой глас.
Становили они пушечку, братцы, медную,
Закатили в нее ядрышко чугунное,
Что палили они в лодочку-коломенку.

Никого они в лодочке не ранили,
Только убили одного царского посланника.

* * *

Еще вниз то было по матушке Камышинке-реке,
Сопротив то было устьица Самары-реки,
Что плывет тут, выплывает легкая лодочка,
Легкая лодочка выплывает, братцы, коломенка.
Хорошо больно легкая лодочка изукрашена,
Серебром, златом легкая лодочка изнасечена.
Посередь стоит легкой лодочки знамя царское,
Что во лодочке сидит молодой посланник царев,
Карамышев князь Семен сударь Констанентинович.
Во правой руке он держит государев указ,
Во левой руке он держит саблю вострую.
Пристает он ко крутому красну бережку,
Ко сыпучему ко крупному желту песку.
Казаки все собираются во единой круг,
Становится млад посланничек середи круга,
Что читает им посланничек государев указ.
Казаки все для указа шапки посняли,
Млад посланничек не снимает шляпы черныя.
Казаки тут все в минуту взволновались
И со всею его гордостью из стану выгнали.

61

Как у нас то было на тихом Дону, в славном
Городе Черкасским,
Породился, появился
Удалой-то там казак,
По прозванью Степан Тимофеевич,
Степан Тимофеевич.
В войсковую канцелярию
Он совсем не хаживал,
Он совсем не хаживал.
С казаками-то во кругу
Дум горьких он не думывал,
Дум горьких не думывал.
Как ходил-то он во царев кабак,
Степан Тимофеевич,
Степан Тимофеевич.
Думал думушку со своей голью,
Он голью-голытьбою.
Он голью-голытьбою:
«Ты гольтыбушка ли моя,
Голь моя разбессчастливая!
Голь моя несчастная.
Собирайся-ка ты, гольтыбушка,
На сине море гулять,
На сине море гулять,

Разнесем-ка мы по брвенушкам
Кораблики басурманские,
Корабли-то вражие.
Побываем мы, погуляем
На Волге, широкой реке».

* * *

Разливалась в зеленых лугах вода поляя,
Потопляла у казаченьков теплы лагеря.
Среди моря было Каспицкова
Стоял тут Лиман-остров,
На этом на острове стоял воровской корабль,
На этом на корабличке муравлин чердак,
В этом чердачке золотой бунчук,
В этом бунчуке царски значечки,
У этих у значечков часовой стоит;
Перед ним, перед молодцем, раздвижной стул,
На стулу сидит воровской атаман,
По имени атаманушка Степанушка,
По батюшке Степанушка Тимофеевич,
По великому по фамильицу Степан Разин.
С старшинами он думушку не думает,
К казакам он, Степан Разин, в круг не хаживает,
Он думает крепку думушку с своей буйной головушкой.

63

Як ты наш, Як ли сударь Горынович Як!
Быстрее ты, Як ли сударь, всех речушек течешь,
Урываючи свои же да круты красные бережка,
Желты пески сыпучие поверх себя несешь.
Сверху тебя, Яика, поверх Горыновича,
Плывут тут выплывают три ветляные стружка.
Един, братцы, стружечек да наперед скоро бежит,
Наперед скоро бежит, что ясен сокол летит.
На том же на стружечике золотой бунчуг стоит,
Под бунчугом сидел же воровской, братцы, атаман,
По имени Степан сударь Тимофеев сын,
Прозваньем вор-собака Стенька Разинов атаман.
Он слово-то промолвит, как в трубу, братцы,

вострубит:

«Спасибо те, спасибо морю синему всему!
Еще ж, братцы, спасибо Кольванскому острову!
А и упито тут было, братцы, зеленого вина,
Еще ж, братцы, уедено сорочинского пшена,
Еще ж, братцы, уношено цветного платья».

* * *

Быстрехонько
Течет Уралушка-Урал, славная река.
А сверх того Уралушки, сверх-то Горыныча,
Сверх Горыныча,
Бегли-выбегали астрахански три новы стружки.

Как один-то из них-то стружечушко,
Стружечушко,
Вперед всех выбегал, как ясен сокол вылетал.
Изукрашен был стружечушко лучше-краше всех.
Лучше-краше всех,
По бокам-то у него медные всё пушечки,
Посреди было стружечушка — золотой бунчук.
Золотой бунчук,
Как под бунчуком стояла дубова скамья,
На скамье сидел донской воровской атаманушка.
Атаманушка
По имени Степан Разин Тимофеевич.
Уж он речь возговорил, как в трубу-то вострубил.
В трубу вострубил:
«Уж вы гряньте-ка, ребята, удалые казаки,
Вдоль по батюшке Уралушке, по славной реке».

64

Что пропились робятушки, промотались,
Во косточки и в карты проигрались.
На что-то мы, робята, понадеялись?
Понадеялись робятушки на сине море,
Что на синее на море на Хвалынское.
Соберемтесь же, робята, во единый круг,
И мы срядимте, робята, легку лодочку,
Еще легкую ли лодку семисаженну.
Как мы грянемте, робята, вдоль синя моря,
Вдоль синя моря, вдоль Хвалынского.
Мы пристанемте, робята, к круту бережку,
Как взойдемте ж мы, братцы, на круту гору,
Поглядимте мы, робята, на сине море,
Каково-то наше море становилось.
Что ничем наше Хвалынское не ворохнется.
Замерзало наше судно в воровских островах.
Потянула тут погода со святой Руси,
Как взломало наше море из конца в конец.
Выплывает наше судно из воровских островов,
И мы взяли это судно да поехали,
Что разъехавшись, робята, раззаводились.

66

Уж вы горы ли,
Вы мои горы,
Вы крутые мои
Горы Сиёвы,
И Сиёвы вы горы,
Горы Змиёвы!
Вы позволь-ка-те, горы,
Под собой постояти,
Под собой нам постояти,
И не годик нам, горы,

Под вами годовати,
Что не годик годовати,
Одну ноченьку ночевати,
Одну ноченьку нам ночевати,
Пуль-порóху набирати,
Пуль-порóху нам набирати,
Пушки-ружья заряжати,
Пушки-ружья нам заряжати,
Стеньку Разина стреляти.
Вы поди-ка-те, братцы-ребята,
На высокую крутую гору,
Посмотри-ка-те, братцы-ребята,
Вниз по матушке да по Волге.
Как на матушке да на Волге
Не черняночки чернеют,
Зачернелися на Волге
Легки дубовы стружочки,
Забелелися на Волге
Тонки белы парусочки.
Не черен-то ворон
В поле воскуркал,
Стенька Разин слово молвил,
Слово молвил, речь говóрил:
«Вы не бейте, братцы, не стреляйте,
Пуль-порóху, други, не теряйте!
Ваши пушечки меня не возьмут,
Мелки ружьицы не хлопнут.
Никого я, Стенька Разин, не боюсь,
Никого я, братцы, не страшуся,
Опричь Астраханского городочку.
В Астраханском городочку
Живет девка Машка;
Ко всему та девка
Меня научила,
Научила девка, приучила
С добрыми молодцами гуляти,
Из огнённных ружей стреляти».

67

Как у нас было на Волге, не чернým-то зачернелось,
Не чернým-то зачернелось, не белым-то забелелось,
Не белým-то забелелось, не краснým-то покраснелось,
Не краснým-то покраснелось, зачернелося на Волге,
Зачернелося на Волге Стеньки Разина собранье,
Забелелися на Волге Стеньки вольны парусочки,
Закраснелися на Волге Стеньки вольного стружочки.
Что не гром на Волге грянул, Стенька Разин слово молвил,
Стенька Разин слово молвил: «Вы, ребята, не робейте,
Вы гребите, не робейте, своей силы не жалейте.
Астрахань-город пройдем в полúночи,
А черный (Казань)-город на белой зорьке».
Увидали, усмотрели астрахански часовые,
Астрахански часовые со своей высокой башни,

Со своей высокой башни, воеводе доложили.
Астраханский воевода велел в колокол звонити,
Велел в колокол звонити да из пушечек палити.
Что возгóворит Стенька Разин: «Ой ты гой еси, воевода,
Пушкарей ты не турбачь же, свово пороху не трать же,
Меня пушечка не вóзмет, меня ядрышко не ўбьет».

69

Гребитесь, ребятушки, на сторонку на свою,
На своей сторонке жарко и тепло!
Во городе было в Астрахани,
Проявился разудалый молодец,
Шибко, щебетко по городу гулял,
Нараспашечку черный бархатный кафтан,
Во белых руках злат персидский кушачок.
Астраханским купцам он не кланяется,
Офицерам-господам он челом-челом не бьет,
Астраханскому губернатору он под суд ему нейдет.
Как увидел губернатор из косящета окна,
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
«Да вы слуги мои, слуги, слуги верные мои!
Вы подите приведите вы вдалого молодца».
Как и взяли молодца во царевом кабаке,
Приводили ж молодца к губернатору на двор,
Становили ж молодца супроти красного крыльца.
Выходил ли губернатор с губернаторшей своей,
Как и стал губернатор его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, бродяга, ты откуда, чей такой?
Или с Дону ты казак, иль казацкий ты сын,
Иль казацкий ты сын, или низовский купец?»
— «Не тебе ли, губернатор, мене спрашивати,
Не тебе ли было мне, было сказывати.
Со реки, реки Камышки Сеньки Разина я сын.
Мой батюшка хотел во гости побывать,
Хотел во гости побывать, ты умей его принятьь,
Ты умей его принятьь, умей потчевати.
Если умеешь ты принятьь, кунью шубу подарю,
А не умеешь ты принятьь, во острог я посажу».
Закричал ли губернатор громким голосом своим:
«Уж вы слуги мои, слуги, слуги верные мои!
Вы подите отведите удалого молодца
В белу каменну тюрьму».
Как и душечка молодчик он посиживает,
Да частешенько в окошечко он посматриваит,
На реку, реку Камышку он поглядываит.
По реке, реке Камышке там суденышко плывет:
«Вы ребята, вы ребята, удалые молодцы!
Посмотрите-тка, ребята, то мой батюшка сидит».
— «Вы ребята, вы ребята, вы товарищи мои!
Вы не знаете, ребята, про несчастьице мое —
Как и мой дитё Ванюша в белой каменной тюрьме.
Мы до городу дойдем,

Белу каменну тюрьму мы по камню разберем,
С самого ли губернатора мы шкуру сдерем».

* * *

Что и во городе во Астрахани
Тут чудился, проявился
Во незнамый, братцы, человек.
Чисто, шепетно
Мальчик по городу
Разгуливает,
Он разгуливает, молодец,
А во черной бороде.
На нем кафтанчик нараспашечку,
Нараспашечку мальчик идет.
Хирсовый кушачок
На его на правых плечах,
Белевые чулочки
На его резвых ногах,
Сафьян-сапожки
На его на белых чулках,
На нем черная шляпа
Только с прозументом
На его русых на кудрях.
Он ни князям, ни боярам
Не кланялся никому,
Астраханским купчикам
Он челом, мальчик, не бьет,
Астраханскому губернатору
Он под суд к нему, мальчик, нейдет.
Увидал же только губернатор
Детинушку, его, из окна,
Только вышел губернатор
На крашеный славной крылец,
Закричал же губернатор
Своим вышним голосом:
«Ой вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои!
Вы подите приведите
Удалого молодца».
Закидались, заметались
Слуги верные его
По трактирам, по кабакам,
По питейным домам.
Захватили молодца
Близ царева кабака,
Привели молодца
Губернатору прямо на двор,
Поставили молодца
Подле красного крыльца.
И вышел губернатор
На свой славной крылец,
Стал спрашивать губернатор
Детинушку, его, одного:

«Ты скажи, скажи, детинушка,
Всею правду про себя.
Да чьего рода, из которого города
И сколько тебе лет,
И питерский, аль московский,
Аль астраханский ты купец?»
— «Ни питерский, ни московский,
Ни астраханский я купец.
Не тебе, губернатор,
Меня спрашивать, молодца.
Я купец, только из огненной я реки,
Стеньки Разина я сынок».
И закричал губернатор
Своим вышним голосом:
«Слуги верные вы мои!
Эк, вы подите, его отведите
В новокаменну во тюрьму».
— «Ах, новокаменна тюрьма
Синя крепушка моя.
Ах, как откроется весна,
Придет батюшка скосна,
Придет новый батюшка скосна,
Новокаменну тюрьму
По камешкам всею разберет,
Да всё невольничек распустит».
Как открылася весна красна,
Пришел батюшка воскосна,
Новокаменну мое тюрьму
Всё по камешкам разобрал,
Всё невольничек распустил.

* * *

Вниз по Волге по реке по астраханской
Тут и шел-прошел мальчишка,
Он незнамый, разудалый, чей такой.
На нем серенький кафтанчик, голубой на нем камзол,
Голубой на нем камзолик нараспашечку идет,
Свой персидской кушачишко во правой руке несет,
Разбелехоньки перчатки во левой руке держал,
Разбумажненьки чулочки на резвых его ногах,
Козловые полусапожки на бумажненьких чулках,
Черна шляпа со бархоткой на русых его кудрях.
Шел он городом, базаром, не кланялся ни с кем,
Ни с купцами, ни с господами, ни с кем черну шляпу не
ломал.

С донскими казаками челом землю не бьет,
К астраханскому новому губернатору под суд нейдет.
Заходил молодчик удалый во царев новый кабак.
И берет вина много, никому расчет деньгам не дает,
Расчет деньгам не дает, на постав рукою бьет.
И увидел князь губернатор со высокого крыльца,
Закричал князь губернатор громким важным голосом:
«У меня ли при дворце слуги верные при мне?»

Вы подите, слуги верные, во царев новый кабак,
Там какой-то невежа вино пьет, расчет деньгам не дает,
Расчет деньгам не дает, на постав рукою бьет.
Вы возьмите, слуги верные, приведите его сюда».
Как взяли, ухватили его, удалого молодца,
Повели молодчика к губернатору к крыльцу.
И стал князь губернатор крепко спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, детинка, из каких ты из земель,
Иль ты князь какой, иль боярин, иль купеческий сын,
Иль из иных городочков не скорой ли ты посол?»
Разудаленький мальчишка ответ скоро держал:
«Я не князь, не боярин, не купеческий я сын,
Не из иных я городов не скорой я посол,
А я со тою сторонки, со Камы со реки,
Со Камы со реки, Стеньки Разина сынок».
Посадили молодчика в верхний каменный камар.
И по камару он похаживает,
Частехонько в окошечко поглядывает.
Вниз по Волге по реке плыли-выплывали эвсаулушки три
стружка:

Во первым во стружечке золотая его казна лежит,
Во другим во стружечке гребцы-песельники сидят,
Во третим во стружечке сам Степан Разин Тимофеев.
И возгаркнул он, воскликнул громким-важным голосом:
«Уж вы братцы мои, ребята, мне нынче темной ночи не
спалось».

Не спалось мне темной ночи, много виделось во сне:
Будто мой милой сыночек во поймани сидит,
Во такой во поймани — белокаменной тюрьме.
Я белокаменну тюрьму по камешку разберу,
Астраханского князя губернатора к себе под суд возьму».

* * *

В славном то во городе во Вастракани
Очудился, проявился там детинушка незнамый человек,
Да незнамый, незнакомый чей, неведомый откуль.
Баско, щепетко по городу погуливат,
Черной бархатний кафтанчик нараспашку таскал,
Перстирску опояску нёсил в первые руки,
Зелены сафьянны сапожки нёсил на шелковых чулках,
Черну шляпу со полями носил на жёлтых на кудрях.
Он ведь штафам-офицерам не кланяется,
Вастраканьскому губернатору челом не бьет,
А челом-то ему не бьет да под суд нейдет.
Ай увидел губернатор из окошка молодца,
Воскричал-то губернатор громким голосом своим,
Громким голосом своим на своих верных слуг:
«Уж вы слуги, мои слуги, слуги верные мои,
Слуги верные мои да банбандеры урванцы!
Уж вы подьте, приведите удалого молодца,
Удалого молодца да к губернатору на двор».
Приводили молодца да к губернатору на двор.
Становили молодца против паратнего крыльца.
Выходил-то губернатор на паратнеё крыльцо,

И говорил-то губернатор таково слово:
«Ты скажись-ко, скажись, детинушка незнамый человек,
Да незнамый, незнакомый, неведомый откуль:
Да ты какой орды, какой земли,
Да какого отца, да чьею матери?
Али со Дону казак, али казачий сын?»
Отвечал-то молодец не с упадкою:
«Я не со Дону казак да не казачий сын,
Я из-за матушки Москвы, да я со Камы со реки,
Со Камы со реки, да Сеньки Разина сын.
Завтра батюшко приедет, дак ты умей-ко гостя встретиши.
Хорошо ты гостя встретишь — кунью шубу подарит,
Уж ты худо гостя встретишь — во тюрьму тя посадит,
А и мало-то того — так и на виселицу».
Ах поутру, во полдён да солнышко пекет,
Ах по Камы по реки да легка лодочка бежит.
И всем-то лодка изукрашена,
Да молодцами ведь эта лодка изусажена.
В этой лодочке гребцов да сидит сорок молодцов,
Посреди-то этой лодки Сенька Разин сидит.
Как грянули, прихватили прямо к губернатору на двор,
Не успел-то губернатор Сеньки встретиши,
Ах посадил-то Сенька Разин губернатора в тюрьму,
Мало-то того — его на виселицу.

* * *

Мне вечер-то, вечер
Мне малым-то мало спалось,
Во сне много виделось:
Будто конь мой вороной
Разыгрался подо мной,
Разыгрался, расплясался
Под удалым добрым молодцем.
Как подули ветры буйны
Со восточной стороны,
Сорывали чёрну шляпу
С моёй буйной головы,
Оторвался лук звончатый
Всё со левого плеча,
Рассыпались калены стреля
Врозь по матушке сырой земле.
Да на кто же этот сон
Отгадать бы его мог?
Что бралася сон гадать
Что родная его мать:
«Да начто его гадать,
На словах можно сказать:
Что тебе-то, добру молодцу,
Быть убитому,
Ворону твоему коню
Быть подстрелену,
Молодой твоёй жене
Быти вдовушкой,

Малым детушкам твоим
Быть сиротушками».
Тут прослылся, проявился
Всё незнамый человек,
Что незнамый, незнакомый,
Стенька Разина он сын.
Уж он шипетко по городу
Поаживает,
Он козловые сапожки
На босу ногу носил,
Он зеленый свой кафтанчик
Нараспашечку,
Свою черную он шляпу
На ухе ее носил.
Уж он штабам-офицерам
Он не кланялся,
Молодому губернатору
Он поштенья не давал.
Увидал его, младца,
Губернатор со крыльца:
«Насколько бы я кóзны дал,
Кабы я его узнал!»
— «Начто кóзну терять —
Меня так можно узнать.
Ты умей-ка, губернатор,
Мого батюшку встретить!»

* * *

Не от пламечка ковыль-трава загоралася,
Горела она, разгоралася.
Подгорели у ясного сокола желты ноги,
Подпалило его крылья быстрые,
Крылья быстрые, златы перышки.
Не от ветричку белые палаты зашаталися,
Не от вихоря палаты отворялися —
Как идет-то во палатушки вор-изменник.
Во палатах-то расставлены столы дубовые,
На столах-то разостланы сукна дорогие,
На сукнышках стоят чернильницы золотые,
Во чернильницах-то перья лебедины.
За столом сидят три царя, три государя.
Стал-то белый царь добра молодца допрашивать:
«Ты откуда, добрый молодец, скажися,—
Ты не с Дону ли казак, казачий сын,
Али ты из матушки каменной Москвы?»
— «Я не с Дону казак, не казачий сын,
Не из матушки я каменной Москвы,
Я удалый добрый молодец с Волги-реки,
Атаманов я сын — Стеньки Разина.
Заутра-то будет сам батюшко,
Вы умейте его встретить, честь воздать».
Присудили цари его под суд отдать,
Под суд отдать, кнутом отбить.

А из тихого из шелкова из затону
 Плывут-восплавают два стружечка.
 Стружечек на стружечек набегают,
 Есаулушка есаулушку окликает:
 «Здоровы ли, братцы, спали-ночевали?»
 — «У нас, братцы, на суденышке нездорово:
 Коренного нашего атамана вживе нету,
 Что нет вживе Степана свет Тимофевича».
 — «Вы берите-ка, ребята, веслы в руки,
 Вы гребите-ка веслами, не робейте,
 Уж вы тайной своей силушки не жалейте.
 Пригрянемте, ребяташки, к бережечку».
 — «Прими ты нас, крута гора, ночевати,
 Не год-то нам, бурлаченькам, у те годовати,
 Одну ноченьку, одну темную ночевати,
 Дорогие нам товары просушити,
 Крутой кашицы нам, бурлаченькам, наварити».

88

Не куличушки в поле куликали,
 Не Голицын князь по роще гуляет;
 Про всё думает и гадает, про всё размышляет:
 Где же князю ехать, где ему проехать?
 Чистым полем князю ехать — ему будет пыльно;
 Темным лесом князю ехать — ему будет тёмно;
 Улицею ехать — ему будет стыдно;
 Уж и лугом князю ехать — трава спавелика.
 Уж и ехать ему, не ехать — глухим переулком,
 Что глухим переулком, улицей Москвою,
 Улицей Москвою, славною Тверскою.
 Подъезжает князь Голицын к церкви, ко собору,
 На коленях становился, сам богу молился:
 «Уж ты батюшка государь, вся наша надежа!
 Уж ты жаловал всех господ всеми городами,
 А меня пожалуй одним городочком».
 — «Я пожалую тебе, вор-собака, во поле хоромы,
 Что в чистом поле хоромы, не крыты, не мшоны,
 Не крыты, не мшоны, столбы не твержоны».

97—100

Тонко-звонко во Успенский большой колокол ударили
 У крыльца-крыльца было парадного;
 Стоял тут стрелецкий атаманушка:
 Во правой руке держит коня доброго,
 Соболиную шапочку — под пазушкой.
 Со крыльца идет надежа православный царь
 В одном ситцевом халате нараспашечку,
 В одних шелковых чулочках и без туфелек.
 Как возговорит стрелецкий атаманушка:

У одного ли же у шатрика
Позолочены.
Как на шатрике сидел
Млад ясён сокол,
Как возговорил чело­вечьим
Громким голосом:
«Уж вы гой-то еси,
Братцы мои, товарищи,
Еще есть-то на вас
наговорщички,
Наговорили наговорщички
Самому царю».
На заре то было на зореньке
Ранней утренней,
Как не золотая трубонька
вострубила,
Не жаркая позолочена да
возговорила,
Как возговорил наш батюшка
Православный царь:
«Вы слуги мои, слуги верные,
Приведите-ка вы мне
Стрелецкого атаманушку».
Как ведут-то, ведут
Стрелецкого атаманушку,
Не лисья-то на нем шубочка
Нараспашечку,
Соболиная его шапочка
Под пазухой.
Он упал-то перед царем
На коленочки:
«Уж ты батюшка
православный царь,
Да какую мы тебе
Проступочку сделали?
Мы за эту же тебе
За проступочку
Мы возьмем тебе три города
Стольных,
Без фуражу твоего возьмем,
Без жалованья,
Без свинца твоего, без поро­ху».
— «Мне не надо твоих три города
Столичных,
Прикажи ты своим стрельцам,
Добрым молодцам,
Чтобы с топорами шли,
Все со плахами».

* * *

На святой то Руси в кременной Москве
Было на площади,
Собирались там стрельцы-бойцы

Во единый круг.
Как увидел их с высока́ терема
Атаманушка,
Он подходит к ним,
Низко кланяется:
«Да и здравствуйте, ребятушки,
Вы стрельцы-бойцы!
Да и что это у стрельцов-бойцов
За круг собрат?»
— «Собирал-то нас, стрельцов-бойцов,
Православный царь.
Он дапрежде нас дарил жалованьем,
А теперь казнить велит,
Как и пятого и десятого
Кнутом сечь,
Как и третьего и четвертого
Казнить-вешати.
Попроси царя, атаманушка,
Чтоб простил стрельцов».
— «Если вас простит — так бояр казнит».

* * *

Как у нас то было во матушке кременной Москве,
На Красной площади,
Собиралися стрельцы-бойцы, добрые молодцы,
Во единый кружочек,
Они думу думали глубокую.
Как увидел их атаманушка
Из своего ли терема из высокого,
Из окошечка из косящатого,
Да и стал-то он, атаманушка,
Собиратися ко своим стрельцам-бойцам.
Надевал он сапожки на босы ножки,
А черкесочку нараспашечку,
Как пришел он к стрельцам,
Начал их пытаться-спрашивать:
«Вы стрельцы-бойцы, добрые молодцы,
Да и какую же вы думу думаете?»
— «Как же нам, стрельцам-бойцам,
Добрым молодцам, думу не думати?
Как бывал у нас православный царь,
Он любил нас и жаловал,
А теперь-то православный царь
Он на нас, стрельцов, разгневался;
Он велел весь зеленый сад повырубить,
Все кореньца-то в саду повыкопать,
А нас-то, стрельцов-бойцов,
Он хотит казнить-вешать,
А тебя, стрелецкого атаманушку,
Царь пятерить хочет».

«Вечор-то мне, матушка, малым-мало спалося,
 Что малым-мало спалося, много виделося.
 Как привиделась мне, матушка, крута гора во сне,
 Что на крутой горе бел-горюч камень лежит,
 А на камне выростал част ракитовый куст;
 Как на кустике сидит птица, млад сизой орел,
 Во когтях своих он держит черна ворона».
 Что возговорит родная ее матушка:
 «Ты дитя мое, дитя милое!
 Я тебе, дитя, сон этот рассужу:
 Что крута гора — то каменна Москва,
 Бел-горюч камень — то наш Кремль-город,
 А ракитов куст — то Кремлевский дворец,
 Сизой орел — то наш батюшка, православный царь,
 А черной ворон — то шведской король.
 Победит наш государь землю шведскую
 И самого короля во полон возьмет».

Всё белы шатры при буграх, братцы, стоят,
 Един белой шатер на высоком на бугре,
 По-нашему, по-русскому, на высокой на горе.
 Хороше, добре белой шатер изукрашен был:
 Полы у бела шатра хрущатья камки,
 Что подузорины у бела шатра рытого бархату,
 У подузорин были колечика красного золота,
 Что оттужины у бела шатра шелку белого,
 На шатре орел, как огонь, братцы, горит.
 В белом шатре наш благоверной царь сидит,
 Князь всея России Петр Алексеевич,
 Со своим князьями, со боярами,
 Со храбрыми людьми-генералами.
 Как не золота труба вострубила в шатре,
 Не скатен жемчуг по блюдечку рассыпался —
 Что проговорит наш благоверной царь,
 Князь всея России Петр Алексеевич:
 «Вы гой еси, князи и бояра мои,
 Завтра к нам шведской король в гости будет.
 Чем-то короля нам будет потчевать?
 Чем нам шведского будет чествовать?»
 Что проговорят князи и бояра его:
 «Ах ты гой еси, батюшко благоверной царь,
 Снаряженные столы-те у нас на руках,
 Снаряженные столы — твои государевы полки,
 Красное питье у драгунов в палашах,
 Каленные орехи у солдат во сумах —
 Тем-то короля станем потчевать,
 Тем-то шведского будем чествовать».

Накануне было Петрова дни, царского ангела,
 Как не золотая трубынька вострубила,
 Не серебряна сиповочка возыграла,
 Как возговорит наш батюшка православный царь,
 Всей ли же России, Петр Алексеевич:
 «Ох вы гой еси, князья со боярами!
 Пьете вы, едите всё готовое,
 Цветное платьице носите припасёное,
 Ничего-то вы не знаете, не ведаете:
 Еще пишет король шведский ко мне грамотку,
 Он будет, король шведский, ко мне кушати.
 Уж мы столики расставим — Преображенский полк,
 Скатерти расстелем — полк Семеновский,
 Мы вилки да тарелки — полк Измайловский,
 Мы поильце медяное — полк драгунушек,
 Мы кушанья сахарны — полк гусарушек,
 Потчевать заставим — полк пехотушек».

110

На царский праздник, на велик день,
 На светло Христово воскресенье
 Заунывно во царь-колокол заблаговестили.
 Все князи-бояре приуныли,
 Собиралися в Успенский собор богу молиться.
 Все князи-бояре богу молились,
 Заздравно молебны служили,
 Один из них боярин богу не молится,
 Заздравна молебна не служит,
 Частехонько из собору вон выходит,
 К белокаменной ограде припадает,
 Бел-горюч камень слезами заливаает —
 Граф Борис Петрович Шереметев.
 Возговорит боярин: «Господа бояре!
 Нешто мне больно-тошно,
 Грустным-то мне, боярину, грустненько:
 Сказана мне, боярину, служба царска,
 Указана мне, боярину, в поле дорожка —
 Под славный город под Полтаву,
 Ехать мне, боярину, на поединок».

114

В тысяча семьсот первом годе,
 Во месяце было во июле,
 Стояли солдаты на границе.
 А ни вестки, ни грамотки с Руси нету.
 В три годочка перепала скоро вестка,
 Что отцов и матерей вживе нету,
 Молодые жены замуж вышли,
 Малы деточки ходят сиротают:

Еще ли нам, ребяташки, не тошно!
Как под славным городом под Полтавой
Тут стоял-постоял король шведский.
К королю кавалеры приходили,
На речах кавалеры доносили:
«Ах ты батюшка король земли шведской!
Колько под городом ни стояти,
Нам Полтавы-города не взяти:
Во Полтаве есть московская пехота,
Сам царь-государь поспешает,
Он со конницей, со драгунами,
С регулярной силой со пехотой».
Он поход держит в землю шведску,
Поход держит под праву руку,
Под ту ли под Красну Мызу.
Не дошед Красной Мызы становился,
Всех солдат своих испостроил,
Пушки-мортирушки изоставил:
«Ах вы гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службе кавалеры не бывали,
Пушечного грома не слышали?»
— «Мы еще донесем тебе челобитье,
Что из славного города из Обска
Подымается царев большой боярин
Князь Борис Петрович Шереметев,
Поход держит во шведскую землю».
Не дошед Красной Мызы становился,
Наперед казаков расспешает,
Наперед казаки разъезжают,
Наезжают на шведские караулы,
Шведские караулы с поля сбили,
Много шведов в поле прирубил,
Увезли в полон большого майора.
Шереметев взял майорушка в допросы:
«Ты скажи-ка, майор, божью правду,
По крестному божьему целованью:
Где стоит генерал ваш,
Где стоит благодёр ваш,
Где стоит сам король ваш?
Много ли у вас силы у генерала,
Много ли у вас силы у благодёра,
Много ли силы с самим королем?»
— «У генерала у нас силы тридцать тысяч,
У благодёра силы сорок тысяч,
А с самим королем сметы нету».
— «Врешь, майор, врешь, плутуешь!
Я этого не боюсь,
В Обск назад не вернуся».
Приказал в барабаны скоро бити,
Скорей того в поход выступати
Ко этой реке ко Момже,
Чтоб король не догадался,
За Момжу-реку не перебрался.
А король догадался,

За Можу-реку перебрался,
Шереметев за ним погóнился,
Состигал короля середь поля,
Под славным городом под Полтавой.
Подымалась полтавская баталья.
Запалит шведская сила
Из большого снаряда — из пушки,
Запалит московская сила
Из мелкого ружья — из мушкета.
Не крупен чеснок рассыпáлся —
Смешалась шведская сила.
Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью,
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами,
Боронёна шведская пашня
Солдатскими руками,
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами,
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

* * *

Во тысяче семьсот двадцать первом году,
Во месяце было во июне,
В дванадесят было в первых числах,
Собирался царев большой боярин,
Генерал Борис Петрович Шелеметев,
Из славного города изо Пскова
Поход держать в шведскую землю,
Под славной под город под Юрьев,
Под тот ли под Юрьев ливонской.
Не дошед он Красной Мызы, становился,
Становился на речке на Гонзе,
Во те во поземные хоромы.
Не две тучи сильные сходились,
Сходились два войска большие,
Московское войско со шведским,
Донские казаки с калмыками.
Не гром перед тучею грянул,
Грянула Шелеметева пехота
Из мелких из ружьев из мушкетов,
Трое [ль] наша пушка разряжалась,
Шелеметево сердце разъярилось,
Он и день, и ночь под город подступает,
Триденно и тринощно безотступно.
Полонили мазора молодого,
Молодого мазора земли шведской.
Приводили мазора к генералу.
Ах стал генерал вопрошати:
«Ты скажи, скажи, мазоре, суцу правду,
По нашей по русской по присяге,
По нашему крестному целованью.
Ах много ли в Юрьеве силы?»

Ах ответ держит маэор земли шведской:
«Я скажу ли-то вам истинную правду,
По вашей по русской по присяге,
По вашему крестному целованью.
Ах в Юрьеве силы сорок тысяч,
С самим королем сметы нету».
— «Ах врешь ты, маэоре, всё плутуешь,
Неправду, маэор, репортуешь.
Ах надоть маэора распытати,
Распытати маэора, допрошати».
Ах прибыл под Юрьев государь-царь,
Ах он ли на Юрьев воспалился:
«Ах вы гой еси, конница-драгуны,
Уж-то вы гой еси, канонеры молодые,
Заряжайте вы пушки мартевые,
Ах бейте в Юрьев до подошвы,
Белокаменны палаты по окошккам!»
Он начал ведь Юрьев проклинати:
«Да будь же ты, Юрьев, проклят
Отныне ты, Юрьев, и до веку,
Не будет тебе, Юрьеву, построенья,
Белокаменным палатам поставленья».
По край было синего моря
Распахана пашенка большая,
Большая ты пашенка немала,
Теми драгунскими копытами,
Засеяна пашенка большая
Теми солдатскими головами.

* * *

Из славного из города из Пскова
Подымался царев большой боярин,
Граф Борис сударь Петрович Шереметев,
Он со конницею и со драгуны,
Со пехотными солдатскими полками.
Не дошедши Красной Мызы, становился,
Он ставил полки городками.
Не ясён сокол по поднебесью летает,
То боярин по таборам гуляет.
Что не золотая трубочка вострубила,
Да что зговорит царёв большой боярин,
Граф Борис сударь Петрович Шереметев:
«О вы детушки, драгуны и солдаты!
Можно ли мне на вас понадеяться —
Супротив неприятеля постояти?»
Да что зговорят драгуны и солдаты:
«Мы ради государю послужити,
Един за единого умерети!»
Тут скоро боярин подымался
Со конницей и со пехотой.
Нашли они на шведские караулы.
Они шведские караулы сами скрали,
Маиора в полон к себе взяли,
Привели они маиора генералу,

К напольному кавалеру;
Приказал его генерал допросити:
«Скажи ты, манор земли шведской,
Скажи нам всю истинную правду,
Не могли ты у царя утаити:
Далече ли стоит ваша сила,
И много ли силы с генералом,
С самим генералом Шлюшенбахом?»
Что зговорит манор земли шведской:
«Ах ты гой еси, царев большой боярин,
Граф Борис сударь Петрович Шереметев!
Не могу я у царя утаити,
Скажу я всю истинную правду:
Стоит наша сила в чистом поле,
За теми за мхами, за болоты,
За той за великой переправой,
По край-близ Варяжского моря,
А силы с генералом сорок тысяч,
С любимым генералом Шлюшенбахом».
И тут боярин не утратился,
Он скоро с полками подымался.
Не две грозные тучи на небе всходили,
Сражались два войска большие,
Московское войско со шведским,
Запалила тут Шереметева пехота
Из мелкого ружья и из мушкетов.
Как не гром пред тучею грянул,
Троил-пушка разродилась,
У боярина сердце разъярилось.
Не сыра мать-земля расступилась,
Не синее море всколебалось,
Примыкали штыки на мушкеты,
Бросали ружья на погоны,
Вынимали вострые сабли,
Приклонили булатные копыя,
Гнались за шведским генералом
До самого города до Дерпта.
Как расплачутся шведские солдаты,
Во слезах они едва сие промолвят:
«Лихая-де московская пехота
Что часто на вылазку выступает
И тем нас жестоко побеждает!»
Тут много мы шведов порубили,
А втрое и больше в полон взяли;
Государю тем прибыль учинили.

* * *

Середь было красного лета,
В первых числах в июле,
Что из славного города Петербурга
Подымался царев большой боярин,
Генерал, и кавалер, и фельдмаршал,
Граф Борис Петрович Шереметев,
Подымался под шведскую Красную Мызу.

Не дошел до Красной Мызы, становился,
Он крепкие батареи на шведа наладил,
Он пушки-мортиры разоставил.
Не две тучи на небе сходились,
Сходились два войска в чистом поле,
Русское войско — со шведским;
Что не молния на небе проблеснула,
Голубец, наша пушка, разряжалась;
Не громкий гром на небе взгрянул,
Запалила Шереметева пехота.
Ни денно, ни ночью нет покою,
Ни много, ни мало не отступят,
Они крепко к шведу приступают,
Шведскую силу побивают.
Полонили майора земли шведской.
Повели они майора звать-пытати:
«Ты скажи, скажи, майор, всю сушу правду,
Что по этому крестному целованью:
Много ли стоит силы в Красной Мызе?
Много ли силы войска с Левеноптом?»
— «Ах ты батюшка царев большой боярин!
Ты дай сроку, сударь, на единый час,
Расскажу я тебе, сударь, сушу правду,
Порукою крестное целованье.
Стоит силы в Красной Мызе тридцать тысяч,
С генералом с Левеноптом сорок тысяч».
Отвечает царев большой боярин,
Генерал, и кавалер, и фельдмаршал,
Граф Борис Петрович Шереметев:
«У меня, генерала, двадцать тысяч,
А и тут ведь я шведа не боюсь,
Под Красную Мызу становлюся!»
Генерал Шильпебахт испугался,
Из-под Красной Мызы убирался.

* * *

Тысяча семьсот девятого года
Того было месяца июля
И тех было чисел двадцатых,
Хвалился собака король шведский,
Хвалился собака, похвалялся,
Со мною силою собирался.
Он хочет качнуться на Рассеюшку,
То под славный город под Полтаву.
Подкупил он русского Мазепу,
Но Мазепа ему не попрочил
И повел его не путем, не дорогою,
А повел его топами, водами
Да быстрыми реками.
Вот дошли они до речки Ворсклы,
Стали через речку переправляться.
Переправясь через речку, становилися,
Шанцы-батареи высыпали,
Да отъезжие бакеты становили.

Там далече-далеко в чистом поле,
Там лежала новая дороженька,
Да никто по ней, по дороженьке,
Ни пройдет, ни проедет.
И по ней-то шел-прошел боярин,
То Борис Петрович Шереметев,
Со своими ли московскими полками,
Со своими ли донскими казаками.
На подмогу взял охотничка,
Разудалого полковничка
С гребенскими казаками.
Там поймали они шведского майора,
Поймали, связали,
Связали, спросили:
«Скажи, майор, не утайся,
Всею правдою откройся:
Сколько с вами пришло силы?»
— «Пришло силы сорок тысяч».
Не грома громкие гремели,
Не светлы молнии светлели,
То гремели пушки ломовые,
То блистал ручной огонь
Да летели ядерцы чугунные,
От того-то король шведский ужаснулся,
От города Полтавы откачнулся.

115

Как по морю, морю синему, по синю морю Хвалынскому
Плыли-восплавали три военных корабля.
На первом кораблике император-царь сидит,
На другом кораблике все бояре сидят,
На третьем кораблике все солдаты сидят,
Сидели солдаты полку Семеновского
Той ли первой роты бомбандирские.
Парусы они роняли белы полотняные,
Того ли полотенца всё голландского,
Якори они бросали булатные,
Того ли булату всё сибирского,
Мосты они намостили всё дубовые,
Подкопы они копали всё глубокие,
Глубокие подкопы на двенадцать верст,
Бочки закатали со лютым зельем,
Со лютым зельем — с черным порохом,
Свечи зажигали воску ярого.
Свечи догорали — бочки рёзорвало,
Взрывало ту стену белокаменную.
Вот и стали государя-царя поздравлять:
«Уж ты здравствуй, государь-царь, с крепким городом,
С крепким городом со Ригою!»

Как во славном то во городе было в Колывани,
 Что по-нонешнему названьицу славный город Ревель.
 Там стояли палатушки белы каменные,
 Что во тех-то ли во палатушках шведская королева,
 Перед нею-то, нашей матушкой, стоят генералы,
 Позади-то генералушков да всё офицеры.
 Что стоямши туто, все начальнички сами слезно плачут:
 «Ох ты гой еси, наша матушка шведска королева!
 Но и что же ты своему братцу писем ты не пишешь —
 Что прислал бы, прислал вам братец-то войска сорок тысяч?»
 Не успела-то наша матушка словечка промолвить —
 Не ясён-то сокол по поднёбесью, соколики летает —
 Как российский-то царь по своей армейшке вот он разъезжает,
 Своих-то солдатушков в наш город впускает,
 Наши строгие-то караулушки он все посмеяет.

121

Уж как вниз было по матушке по Волге-реке,
 Как плывут тут, выплывают три снарядные стружка.
 Уж на тех ли на стружках удалые молодцы,
 Удалые молодцы, всё донские казаки.
 На них шапочки собольи, верхи бархатные,
 На них штаники кумашны в три строчки строчены,
 Александрийски рубашки с золотым галуном,
 На них беленьки чулочки, сафьянны сапожки.
 Они сели да гребнули, сами песенки запели,
 Что про князя и с детьми и со внучатами:
 «Заедает вор-собака наше жалованье,
 Кормовое, годовое, третье денежное.
 Уж на те ли он на денежки палаты становит
 За Мучным большим рядами, за Неглинною рекой,
 Что не хуже и не лутче государева дворца,
 Только тем они похуже, что верхи не золочены.
 Похвалялся этот князь во Казани побывать,
 В Казани побывать, верхи вызолотить.
 Уж как там, братцы, князек и головку положил,
 Он головку положил, его гром тамо убил».

126

Возле реченьки хожу млада —
 Меня реченька стопить хочет,
 Возле огоньчика стою млада —
 Меня огоньчек спалить хочет,
 Возле милого сижу млада —
 Меня милый друг журит-бранит,
 Он-то журит-бранит,
 В монастырь иди велит:
 «Постригись, моя немилая,
 Посхимися, постылая!

На постриженье выдам сто рублей,
На посхи́менье тебе тысячу.
Я поставлю нову келейку
В зеленом саду под яблоней,
Прорублю я три окошечка:
Первое — ко божьей церкви,
Другое-то — во зеленый сад,
Третье-то — во чисто поле.
В божьей церкви ты намолишься,
В зеленом саду нагуляешься,
Во чисто поле насмотришься».
Случилось ехать князьям-боярам,
Они спрашивают: «Что за келейка,
Что за келейка, что за новенька,
Что в ней за монашенка за молоденька?
Еще кем она пострижена?»
Отвечала им монахиня:
«Я пострижена самим царем,
Я посхимлена Петром Первым,
Через его змею лютую».

129

Не красное солнце из-за гор выкаталось,
Собиралось войско донское ко тому двору долгорукову.
Как выходит же Долгоруков-князь на красен крылец,
Выносит же он указушки скорописные,
Скорописные всё фальшивые.
Как прослушавши указушек, Некрасов сын
Подходил к Долгорукову близехонько,
Говорил речи с ним смелехонько;
Как отвел же Некрасов свою руку правую,
Ссек-срубил с Долгорукова буйну голову
И потом стал объяснять старикам.
И набрал он с собою силы, Некрасов сын,
Много-множество — тысяч до сорок,
Кроме старого и малого, всё военного,
И повел эту силу через Кубань-речку;
Переправу имел трое суток;
Переправившись через Кубань-речку, богу молился.

* * *

Да на заре то было, братцы, да вот на зорюшке,
Ой да на заре то было да вот ранней утренней,
Да на закате то было, братцы, светлого месяца,
Ай ну и на восходе то было да красной солнышки,
Да не из-за гор-то она, туча грозная, выкаталася,
Ой она, туча грозная, братцы, да выкаталася,
Ой выкаталася, собиралось, братцы, войско донское.
Ой да собирались они, донские казаки, во единой круг,
Ой во единой-та круг да на единой, братцы, они луг.
Всё ко тому было, братцы, дому князя Долгорукого.
Выходил-то он, братцы, князь Долгорукий, на высок крылец,

Да он читал-то, читал всё указушки государевы:
«Да вы послушайте, донские казаки, царскую грамоту:
Стариков-то сторожилых да всех казнить-вешать,
Молодых казаков-донцов всех в солдаты брать,
Молодых-то жен всех на боярский двор, малых деточек...
Ой да малых деточек а вот в тихий Дон бросать,
А житье-то, бытье, все казачьи да именицы огнем поपालить».
Посередь-то круга ну да казачьего ходит а он, сын Некрасов,
Во кругу-то он ходит да, как сокол, братцы, летает.
Он, Некрасов сын, как сокол летает на вострую шашечку...
Ой на вострую шашечку а он, донец, упирается.
Подходил он, Некрасов сын, братцы, ко князю Долгорукому,
Он срубал-то ему, срубал, братцы, да буйну голову.
Возмутился, воскрутился тут наш тихий Дон,
Ой да наш тихий Дон от вершинушки до устьяца,
Ой да до устьяца, да до самого города Черкасского.
Ой да как ушел-то Некрасов на Кубань-речку,
Ой ушел-то, увел, братцы, сорок тысяч казаков.

130

Что на славной на речке
Было на Кошумовке,
Там жили-были казаки-други,
С Дону некрасовцы.
Служили они, казаки-други,
Верой-правдою,
И за то же их православный царь
Любил-жаловал,
Золотой казны много даривал.
А теперь на них православный царь
Распрогневался,
Хочет им, казакам-другам,
Усы, бороды брить,
Да и хочет их православный царь
Казнить-вешати.
Не златая трубонька вострубила,
Не серебряная свирелочка взговорила —
Возговорил речь атаманушка:
«Мы пойдемте-ка, братцы, за Дунай-реку,
Мы пойдемте-ка со всей святостью.
Мы без святости пойдем —
Пути-дороги не найдем,
А как святость мы возьмем,
Мы как по мосту пройдем».

141

Что из славного города из Санкт-Питера
Пролегала путь — широкая дорожечка.
Что по той пути — широкой дорожечке
Тута шло-прошло удалых (тридцать) молодцов:
Молодец к молодцу, волос к волосу,
Волос к волосу молодцы да голос к голосу.

Случилось им идти мимо царев кабак,
Мимо то кружало государево.
Еще все они, молодцы, на проход прошли —
Что один из них, добрый молодец, остается,
Приворачивает молодец на царев кабак,
Что на то же кружало государево.
Отворяет он кабацкие двери на пята,
Да он молится Спасу и пречистому,
Проздравляет он бурмистров со ларешными:
«(Уж) вы здравствуйте, бурмистры и ларешные,
Вы отмеряйте питья мне за пятьсот рублей,
А товарищам моим — за целую тысячу».
Уж как в то время бурмистры соглянулись,
Соглянулись бурмистры, рассмехнулись,
Уж как стали у молодца выпрашивать:
«Еще как тебя, доброй молодец, по имени зовут?
Еще коего города уроженчек?»
Что ответ держит удалой добрый молодец:
«Уроженчек города каменной Москвы,
Что квартирушка стоит в Кремле-городе,
В Кремле-городе против Ивана Великого».
Уж как в то время бурмистры испугались:
«Ох ты ой еси, батюшко наш православный царь,
Золотая казна не запечатана,
Твои погреба глубокне не заперты».

151

Ах ты батюшко светел месяц,
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не по-прежнему,
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдат на часах стоял,
Стоючи, он призадумался,
Призадумавши, он плакать стал.
И он плачет — что река льется,
Возрыдает — что ручьи текут,
Возрыдаючи, он вымолвил:
«Ах ты матушка-сыра земля!
Расступися ты на все стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
И ты встань, проснись, православный царь,
Посмотри, сударь, на свою гвардию,
Посмотри на всю армию,
Уже все полки во строю стоят,
Все полковники при своих полках,
Подполковники на своих местах,

Все майоры на добрых конях,
Капитаны перед ротами,
Офицеры перед взводами,
А прапорщики под знаменами.
Дожидают они полковника,
Что полковника преображенского,
Капитана бомбандирского».

158

Не от тучи, не от грома, не от солнышка —
От великого оружия солдатского
Загоралася в чистом поле ковыль-трава,
Добиралася до белого до камышка.
Что на камешке сидит млад ясен сокол,
Подпалил он свои быстрые крылышки,
Обожег он свои скорые ноженьки.
Прилетали к соколу стадо воронов,
Что сажались чёрны вороны вокруг его
И в глаза ли ясному соколу насмехались,
Называли они сокола вороною:
«Ты ворона, ты ворона подгуменная!»
Ах, что взговорит в кручине млад ясен сокол:
«Как пройдет моя беда со кручиною,
Отращу я свои крылья, крылья быстрые,
Оживлю я свои ноги, ноги скорые,
Я взовьюся, млад ясен сокол, выше облака,
Опущуся в ваше стадо я скорей стрелы,
Перебью я черных воронов до единого».
Ах, когда был Краснощеков во неволюшке,
Он вскричал ли, он взопил громким голосом:
«Ой вы гой еси, друзья, братья, товарищи!
Не покиньте доброго молодца при бедности.
Уж как в некоторо время пригожусь, братцы, вам,
Замену я вашу смерть животом моим,
Животом моим и грудью белою».

165

Что у нашей было матушки государыни,
Собиралася наша армия во собраньице,
Во собраньице собиралася в землю прусскую.
Что во далече, далече во чистом поле,
Еще того подале, во раздольице,
Что не белые снежочки в чистом поле забелелись,
Не лазуревые цветы в поле расцветали,
Забелели в поле шатры в поле полотняные,
Расцветали в полках знамена государевы.
Подступала наша армия под Кистрин-город,
Они думали-гадали, как Кистрин-город взять,
Они шанцы-батареи испоставили,
Они пушечки-мортиры изнаставили,
Что палили они, дробили во Кистрин-город,

Разбивали они стену белокаменну,
Что держали они баталию семеры сутокки,
На осьмые они сутки отступ сделали.
Отступала наша армия во чисты поля,
Что во те же поля лебединые.
Соходилася наша армия со новым корпусом.
Что король ли прусской храбро поступал,
Храбро поступал, гаубицы отбивал,
Гаубицы отбивал и корпус разбивал,
Корпус разбивал, генерала Чернышева в полон брал.

* * *

Через Вислу наша армия переправилась,
Переправившись, она в поход пошла,
Что ко славному ко городу Кистрину.
Не дошед они Кистрина, становилися,
Они лагерь свой разбили по сыру бору.
Они шанцы-батареи все исправили,
Они пушки и мортиры испоставили,
Ожидали повеленья графа Фермора.
Не доехавши, граф Фермор сам рукой махнул:
«Вы палите по Кистрину с божьей помощью!»
Еще с третьего картуза Кистрин зажгли.
Что возговорят жители кистринские:
«Уж ты гой еси, король земли прусские!
Ты почто пустил графа Фермора,
Графа Фермора под Кистрин-город?»
Что возговорит король земли прусские:
«Я российскую всю армию на штыках приму,
Самого графа в полон возьму!»
Что возговорит граф Фермор королю тому:
«Не загадывай до время! Кому бог подаст!»

168

Что под славным было городом,
Под стеною белокаменною,
Что под той стеною кистринскою,
Во саду было во вишенью,
Во зеленом виноградице,
Тут стояла светла светлица
Со косящетым окошечком.
Что во той ли светлой светлице
Посажен сидит российский граф.
Он по светлице похаживает,
Он руками размахивает,
Он в окошечко поглядывает,
Свою армию высматривает.
Лучилось мимо ехати
Самому королю прусскому,
Лучилось голос слышати,
Что взговорит король земли прусския,
Королевское величество:

«Ой ты гой еси, российский граф!
Послужи мне верой-правдою,
Верой и правдой неизменною,
Как служил царю белому
Ровно тридцать лет и три года;
Послужи мне хотя три часа».
Что взговорит российский граф:
«Ой ты гой еси, король земли прусския!
Прикажи на волю выпустить».
Что взговорит король земли прусския,
Королевское величество:
«Ой ты гой еси, российский граф!
Ваша армия побита вся,
Остальная вся в полон взята».
Что взговорит российский граф:
«Ой ты гой еси, король земли прусския,
Королевское величество!
Хотя ж армия побита вся,
Остальная вся в полон взята,
Напишу я скоро грамотку
Что во славной во Санктпетербург,
Припишу набрать рекрутиков,
Молодых я всё солдатиков.
Я велю идтить под Кистрин-город,
Ваш Кистрин-город разобьют весь,
А тебя, короля, в полон возьмут,
А меня, графа, вырчат».

* * *

Высоко, братцы, звезда взошла:
Выше лесу, выше темного,
Выше ельничку-березничку.
Далеко звезда осыяла,
Далеко звезда осыяла, во Кистрин-город.
Во Кистрине было во городе,
За кистринскими воротами,
Стояла тут светла светлица
И со красными окошками.
В той ли светлой светлице
Сидел тут добрый молодец,
Добрый молодец, российской граф
Чернышев Захар Григорьевич.
Он по светлице похаживает,
Сам белыми руками помахивает,
Табаку трубку раскуривает.
Он поет песни, как лес шумит:
«Уж талан ли мой, талан худой,
Или участь моя горькая!
На роду ли талан уродился,
Жеребью ли участь досталася?
Людей ли у людях не было,
В полону ли быть бы некому —
В полону быть мне, добру молодцу?»

Случилось тут ехати
Самому королю прусскому,
Он и ехал — остановился.
«И что это за свѣтлица,
И что это в ней за человек сидит?»
— «Тут человек сидит — российской граф».
— «Ты скажи мне имя — отечество,
Послужи ты мне верой-правдою,
Верой-правдой неизменною:
Через чин я буду тебя жаловать».
Что возговорит российской граф:
«Ох ты гой еси, прусский король!
Нет теперь при мне, при молодце,
Нету сабли вострой:
Послужил бы я над твоей над буйной головушкой!
За кого я присягу принимал,
За того я и умереть должен!»

173

Все полки-то весело идут,
Как один полк невесел идет,
Невесел идет, он не в радости.
Наперед-то полка и коня ведут
Неседланного и неубранного.
На коне-то Краснощеков сын
Пьян сидит, пьян шатается.
Как подъехал он ко двору-дворцу,
Сустретила его родимая матушка:
«Ты зачем, дитя, пьешь-напиваешься?»
— «Ты мать моя родная, матушка,
Не тебе бы было меня спрашивать,
И не мне бы было тебе сказывать:
Напоил меня прущий король,
Напоил тремя пойлами, тремя разными:
Первое пойло — пулечка свинчатая,
Другое пойло — сабля булатная,
Третье пойло — копьѣ вострое».

176

Что не стадишко из черных галочек подымалось —
Подымалася наша армия государева,
И не много, и не мало — семьдесят семь полков.
Вперед бежит молодой почтарь,
Молодой почтарь, сам не трѣхнется,
По плечам бежат русые кудерьки,
Русы кудерьки не ворѣхнутся.
Подбегает к матушке каменной Москве,
Наустречу московские целовальнички;
Целовальнички испугались, все разбѣглися.
«Вы не бойтесь, целовальнички, не пугайтесь ничего!
Отпустите вы сладкой водочки на пятьсот рублей,
Зеленá вина на всю армию государеву».

На ограде сидел прусской король — черным вороном,
По поднебью летал прусской король — ясным соколом,
Под столом-то сидел прусской король — серым котиком.
Как возговорил прусской король:
«Ты укрепа ль моя, укрепушка,
Славный Берлин-город!
Ты кому же, моя укрепа, достанешься?
Доставалась моя укрепа царю белому,
Царю белому, генералу Краснощекому.
Я строил тебя, укрепушку, ровно тридцать лет,
Разорили тебя, укрепушку, в три часа».

180

Что же мы, робятушки,
Невесело сидим,
Мы невесело сидим,
Мы не пьем, не едим?
Кто бы нам, робята,
Про мирзир-город сказал?
Мы трое суток стояли,
Не пивали, не едали,
Стену белу пробивали.
Стены белой не пробили,
От города отвалили
Во зеленые луга.
Становилась сила вокруг,
А Румянцев с ними внук,
Объезжат силу вокруг.
Поскорее поскакал
Ко донским казакам:
«Выбирайтесь казаков
Сорок тысяч молодцов,
Что хотите, то берите,
Государеву казну,—
Вы скрадите у мирзира
Отъезжий караул».
— «Не диковина какая
У мирзира караулы скрасть».
Наперед у нас пехота,
Казаки позади,
Турецка сила впереди.
Не дубровушка шумит —
Турецка силушка валит.
Не ясён сокол летит —
Наперед мирзир катит,
Вострой сабелькой грозит.
Генералы испугались,
Кой-куда все разъезжались.
А солдатушки стоят,
Они то же говорят:
«А нам некуда деваться,
Пришло дело раздеваться».

Кзаки силу секут —
Кровавы́ ключи текут.
Коя сила при долине —
Заметало песком, глиной,
Коя сила на горе —
Стоит по́ пояс в крове.

189

Как возговорил князь Потемкин
Своим детям-солдатушкам:
«Начинайте-ка, ребятушки,
С божьей помощью!»
Заряжали солдатушки первую бомбу.
Первую бомбу бросали — не добросили;
Вторую бомбу потрудились ребятушки
И за стены белокаменные перебросили,
Но стен белокаменных не зажгли;
Третью же бомбу бросили — Очак-город зажгли.
Тут возрадовались русские солдатушки:
Не золотые трубушки вострубили,
Не серебряны сиповочки заигрывали.

* * *

Поле, поле чистое,
Широко поле турецкое,
Что турецкое-немецкое!
Когда, поле, перейдем тебя,
Горы-долы перевалимся,
Быстры реки переправимся?
Мы дойдем до города,
До города до Очакова,
Становимся в зеленых лугах,
В зеленых лугах, под грушею,
Под яблонькой под кудрявою.
Тут Потемкин-князь похаживает,
Своей армии приказывает:
«Солдатушки наши батюшки!
Вы постойте грудью белую,
Грудью белую, неизменною!»
Не спеши, зима, с морозами:
Не замена ты Очакову!
На Николу было в середине,
Не гром гремит перед тучами,
Не молния блеснит перед дождичком,
Загремели пушками наши солдатушки,
Провалились башни каменны,
Потопляла кровь турецкая и немецкая.

* * *

Не бушуйте вы, ветры буйные,
Не спеши ты, зима, с морозами:
Не защита граду Очакову —

Стены русские грудью разобьют!
На заре то было, на зорюшке,
На закате светлого месяца,
На восходе красного солнышка,
Уж как возговорит наш Потемкин-князь:
«Ой же вы царские солдатушки,
Ведь пора пришла град Очаков взять,
Приблизился к нам час луну сорвать!»
Как воскликнули все солдатушки:
«Ох ты батюшко наш Потемкин-князь!
Лишь рукой махнешь, и Очаков — наш;
Слово вымолвишь — мы Стамбул возьмем».
Как засверкали штыки русские,
Загремела вся артиллерия,
Полилась рекой кровь турецкая.

195

Как под Бэндером мы стояли,
Трое суток простояли,
Мы не пивали и не едали,
С добрых коней не слезали,
Мы белу стену пробивали.
Белой стены мы не пробили,
Короля в доме не застали,
Королевишну в полон взяли,
К белым шатрам привозили,
Пред Румянцова становили.
Румянцов-князь дивовался,
Красоте изумлялся:
«Что это за девица,
Белолица, круглолица,
Черноглаза, черноброва,
Хороша больно уродилась!
Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Я отдам тебя замуж
За лучшего генерала,
За родного моего брата».

196

Пишет, пишет король шведский свое грозное письмо,
Свое грозное письмо к государыне нашей в Синод:
«Ты российская государыня, замирился мы с тобой!
Замиреньице положим на трех славных городах.
Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный город
Коронштадт.
Не отдашь ты мне этих городочков — я не честию возьму,
Я не честию возьму, батальицу сочиню,
Батальицу сочиню, Петербург с Москвой возьму,
Я в Питере переднюю, в Москву приду ночевать.
Распиши-ка ты мне квартирушки по всей каменной
Москве,

Моим славным бригадирам по господским домам,
Моим славным всем солдатушкам по всей каменной

Москве,

Вот и мне ли, королю шведскому, в государевом дворце».

Испугалася, оробела государыня наша,

Закричала же государыня громким голосом своим:

«Ох вы гой еси, мои слуги, слуги верные мои!

Вы подите приведите Суворова-графа ко мне».

Вот приходит граф Суворов к государыне самой:

«Уж ты гой еси, государыня, не страшися ничего!

У нас есть чем принять, есть чем потчевать его.

У нас есть ли пироги, они в Туле печены́,

Они в Туле печены́, в Москве маком чинены́;

У нас есть ли сухари, они в Туле крошены́,

Они в Туле крошены́, в Москве высушены;

Еще есть ли у нас похлебочка — у солдата

на бедре,

У солдата на бедре, да что на левой стороне».

213

Эту ночь-та не спал

Да наш Илованский-князь,

С москаликком во карточки проиграл.

Ой да москалёвни́чья козырная карточка

По-сверх его она скрылася.

Ой да проиграл, да он проиграл,

Да наш Илованский-князь,

Свое да он злато-серебро;

Как еще да он проиграл,

Да наш Илованский-князь,

Свое да он войско донское;

Как еще да он проиграл,

Наш Степан Данилович,

Да батюшку славный тихий Дон.

Ой да как и сел, там он сел,

Сел он в кресла — призадумался,

Сел он — крепко призадумался,

Как повесил он свою буйную головушку

Ниже своих могучих плечей,

Ой да как притупил он

Свои ясные очушки

Во матушку во сыру землю,

Он вскричал-то, он вскричал

Да он громким голосом,

Своим да он громким голосом:

«Уж вы слуги вы мои,

Слуги вы мои верные,

Казаченьки вы линейнай!

Послужите вы мне

Да вы верой-правдою,

Своей да вы грудью белою!»

Отчего тихий Дон смущается?
 Смущается тихий Дон от генералов трех:
 От первого генерала — от Поповича,
 От другого генерала — от Гудовича,
 От третьего генерала — от сына Каменцова.
 Каменцов-сын всю ночь не спал,
 Он с москалями проиграл,
 Не в шашечки, не в бирюлечки, а в карточки.
 Проиграл он славный тихий Дон,
 Проигравши, сел призадумавшись,
 Он роняет свои слезы на шелкову скатерть:
 «Не бывать мне, сыну Каменцову, на Россеюшке,
 Не видать мне, сыну Каменцову, отца и матушки,
 Быть мне, сыну Каменцову, в застенушке».

223

На заре то было на утренней,
 На восходе было солнца красного,
 Среди торгу-базару, красной площади,
 Собиралися казаченьки во единый круг,
 Во кругу-то стоит добрый молодец,
 Он стоит, стоит, сам не тряхнется,
 И русы-то его кудрюшки не ворохнутся,
 Перед ним-то стоит воеводушка,
 Он не бьет его, не пытается — крепко спрашивает:
 «Ты скажи, скажи, добрый молодец,
 Скажи ты правду-истину:
 Не атаман ли ты, разудаленький, или атаманский сын,
 Не воевода ли ты, разудаленький, воеводский сын,
 Не с иной ли земли ты, разудаленький, грозен посол?»
 Ответ держал добрый молодец воеводе:
 «Не тебе, собаке, меня, молодца, спрашивать,
 А не мне-то было тебе ответ держать!
 Расспросил бы меня батюшка православный царь,
 Я сказал бы ему, батюшке, правду-истину:
 Разорил ты прежде войско Донское,
 А другое войско Оренбургское,
 Приехал ты к нам разорять в город,
 Потревожил наших стариков старых».

227

Побессчастненькой, бесталанненькой
 Наш ты король прусской:
 Ничего-то королечек
 Про свою армешку не знал;
 Только знал про свою армешку —
 Пошла под француза.
 Приходили к королечку
 К нему два кульера,

Приносили к королечку,
К нѣму два газета.
Не веселые твои газѣтички
За черной печатью.
Распечатал королечик
Твои два газѣтичка —
Сам слезно заплакал:
«Не жаль мне армеюшки,
Не жаль силы войскои,
Только жаль мне своо
Племянничка мово родного!
Поковали мово племянничка
Во трои железа,
Отвозили да мово, мово племянничка
В город, во столицу,
Посадили мово племянничка
В темную темницу!»

230

Похвалялся да во... вор-француза,
Да взя... ой задумал взять Рассею,
Взять Рассею.
Ой да чтой заплакала ой вся Рассея
Чтой ой от француза,
От француза.
Э-ох да ты не плачь, не плачь, мать ты моя,
Сторонка, бог поможет,
Бог поможет.
Э-ох да собирался да сударь казак Платов.
Он со ... верно со полками,
Со полками.
Ох да со любезными было полками,
Да со ... ой было с казаками,
С казаками.
Ой да из казаков вы... ой да выбирали
Да я... ой я... ясаулов,
Ясаулов.
Ой да ясаулы-то были наши
Да с ка... ой и с ка... с караула,
С караула.
Ой да чтой спроговорил да что спромолвил
Да кня... ой верно-то князь Кутузов,
Князь Кутузов:
«Да вы вставайте да мо... да мои детоньки,
Да по... утром поранее,
Поранее,
Ой да вы седлайте да до... да добрых коней
Да по... ой да поскорее,
Поскорее.
Ой да мы поедемте, эх братцы-ребятки,
Дай во ... во чисто поле,
В чистое поле.
Ой да уж мы встретимся, братцы-ребятушки,

Ой да по... посреди поля,
Среди поля!
А-ой как ударила первая пушечка
Дай о... от француза
От француза.
Ой да вы палите мо... ой да мои детоньки,
Да не ой да не робей... не дробейте,
Не дробейте.
Ой да государева свинца-пороха
Да не я... ядра ли много не жалейте,
Не жалейте.
Ой да своего жа, вы братцы, злодея
Да по... ой верно победили.

234

Как на зорьке, на заре, на утренней было на росе,
Как не золотая трубонька привострубил,
И не серебряная сиповочка привозыгрывала —
Да возговорил-промолвил наш граф Циповсков-генерал:
«Господа вы генералушки со полковничками,
Вы отдайте-ка приказы по всей армии своей,
Чтобы были у вас казаченьки во исправности своей —
Шашки острые и ружья чистые, во замках кремни острые.
Как заутра к нам француз в гости хотел быть,
Чтобы было у нас чем его потчевать».

245

Россия ли, Россия,
Все московски города!
Француз в Москве бывал,
По шести недель живал,
По шести недель живал,
Много князей-бояр видал,
Не видал он одного,
Грубияна своего,
Грубияна своего,
Он Платова-казака.
Наш-от Платов-генерал
По армейшкe ежжал,
По армейшкe ежжал,
Приказ строгий отдавал.
За то царь его любил,
К себе в гости попросил,
Русу бороду обрил,
Купчинушкой снарядил,
Купчинушкой снарядил,
Ко французу проводил!
Француз его не узнал,
За купчика принимал,
За белые руки брал,
Во палаты заводил,

В белокаменны палаты,
За дубовые столы.
За дубовый стол садил,
Стакан водки подносил,
Стакан водки подносил,
Таки речи говорил:
«Кто бы, кто бы мне сказал
Про Платова-казака?
Кто бы, кто бы мне сказал,
Тому много б казны дал!»
— «Зачем тебе казну терять,
Его можно так узнать.
Ты гляди-ка на меня,
Что Платов-от, как и я,
Русы кудри у него,
Как у брата моего,
Лицо беленькое,
Щечки аленькие».
У француза дочь Арина
Таки речи говорила:
«Ой ты купчик,
Сиз голубчик!
Покажи-ка свой портрет».
Купец портрет вынимал,
Из палаты побежал,
Из палаты побежал,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы гой еси, казаки,
Оренбургцы-молодцы,
Вы ведите-ка скорее
Мне вороного коня,
Коня вороного,
Приоседланного».
Он садился на коня,
Сам поехал со двора,
Сам поехал со двора,
Нову песенку запел:
«Ты ворона ли, ворона,
Загуменная карга!
Не умела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Ясна сокола поймать,
Сизы перышки щипать».

* * *

Уж ты матушка Россия, святорусская земля,
Много славы приняла про Платова-казака.
У Платова-казака да небритая борода,
На груди-то всё кресты да позументы золоты.
Через закон переступил, свою бороду обрил.
Да к французу подоспел, да его француз не узнал:
За купчика принимал, за дубовый стол садил,
Да скатерть браную стлал.

«Выпей рюмку, выпей две, расскажи всю правду мне.
Я у вас в Москве бывал, всех купчиков признавал,
Одного только не знаю я, Платова-казака.
Кабы я его узнал, так со живого кожу снял,
А кабы кто про него сказал, так тому много казны дал».
У француза дочь Орина с отцом речи говорила:
«Почему казну терять, можно так его признать.
Уж ты купчик, ты голубчик, покажи-ка свой портрет».
Во карман руку совал да два портрета вынимал.
Вон из терема бежал, все заставы приломал
Да зычным голосом кричал:
«Уж вы братцы мои, вы донские казаки.
Приготовьте-ка коня про Платова-казака».
Он стремя на ногу совал да на коня скорей скачал,
Под окошко заезжал, зычным голосом кричал:
«Уж ты черная ворона, ты французская сова;
Не успела ты, сова, имать ясна соколá,
Ты Платова-казака».

* * *

Мать Россия, мать Россия,
Мать российская земля,
Мать российская земля,
Прославилась хороша.
Знать она не про себя,
А про Платова-казака.
У Платова-казака
Была не обрета борода,
Не обрета борода,
Не стрижены волоса.
Платов бороду обрел
Да ко французу в гости шел.
Француз его не признал,
За купчика почитал,
За убранный стол сажал,
За убранный стол сажал,
Чаем-кофеем поил,
Чаем-кофеем поил,
Стакан рому подносил,
Стакан рому подносил,
Из речей сам говорил:
«Уж ты купчик, мой голубчик,
Выпей, выкушай до дна».
Выпил рюмку, выпил две,
Зашумело в голове.
Зашумело, загремело:
«Скажи сушу правду мне:
Я у вас в Москве бывал
Да генералов много знал.
Генералов и купцов,
Все донских казаков.
Одного только не знаю
Я Платова-казака.

Кто бы Платова сказал —
Тому много казны дал». —
«Не нужно казны терять —
Можно так его сказать.
Его волосы с кудрями,
Как у брата моего,
Лицом белой, брови черны,
Вы смотрите на меня». —
У француза дочь Парижа —
Догадалась она,
Догадалась она,
С купцом речи говорит:
«Ах ты купчик, мой голубчик,
Покажи-ка свой портрет». —
Платов на ноги скакал,
Во карман руки совал,
Свой портретик вынимал,
Свой портретик вынимал,
На убранный стол метал,
На убранный стол метал,
Из палат вон побежал,
Зычным голосом кричал:
«Вот ура, ура, ура,
Ай уральски казаки,
Вы уральски казаки,
Мне подай скоро коня
Да под Платова-казака!»
Конь готовый под его,
На коня скоро сядился,
И скоро в поле уезжал,
И скоро в поле уезжал,
Поворот себе давал,
Поворот себе давал,
Да под окошко подъезжал,
Отсмешочки отсмеял:
«Ты ворона пустопера,
Ты французская свинья!
Захотела ты, ворона,
Сокола в поле имать,
А не умела ты, ворона,
Во своих палатах
Платова сохватить». —
На коне Платов скакал,
В три ускока версту брал,
Из ноздрей-то дым столбом,
Из ушей искры пылом.

246

Разорёна путь-дороженька
От Можайска до Москвы.
Еще кто ее ограбил?
Неприятель-вор француз.
Разоримши путь-дорожку,

445

В свою землю жить пошел,
В свою землю жить пошел,
К Парижѹ подошел.
Не дошедши до Парижа,
Стал хвалиться Парижѹм.
«Не хвались-ка, вор француз,
Своим славным Парижѹм!
Как у нас ли во России
Есть получше Парижѹа,
Есть получше, посланнее —
Распрекрасна жизнь Москва.
Распрекрасна жизнь Москва,
Москва чисто убранѹа,
Москва чисто убранѹа,
Дикарѣчком высланѹа,
Диким камнем высланѹа,
Желтым песком сыпанѹа,
Желтым песком сыпанѹа,
На бумажке списана,
На бумажке списана,
В село Урень прѹслана».

* * *

Мы на ѹграде стояли, не думали ни о чем,
Только думали о том — приубраться хорошо.
Не успели приубраться, к нам указы часто шлют,
К нам указы часто шлют — в поход скоро идти нам.
Во походе трудно было — всю дорогу маршем шли,
Всю дорогу маршем шли, к Волге-речке подошли.
Мы у речки простояли — перевоза здесь нет,
Несчастливый вышел час — подымался с гор туман,
Подымался с гор туман, француз силу собирал.
Разорѣнный путь-дорожка от Можайска до Москвы,
Уж кто эту путь-дорожку уж кто это разорил?
Разорил тоѹ дорожку неприятель-вор француз,
Разорѣвши путь-дорожку, в свою землю жить пошел,
В свою землю жить пошел, ко Парижу подошел:
«Уж Париж мой, Парижѹк, Париж славный городок!»
— «Не хвались своим Парижем, не хвались, вор
француз!»
Есть получше, покраснее — распрекрасна жизнь Москва,
Москва камнем высланѹа, желтым песком всыпанѹа».

248

Восхвалялся вор-француз
В Россеюшке царем быть.
Мы встречали его с мечами,
Накрывали на столы.
Ему хлеб-соль не казалась —
Из Москвы француз пошел,
Недалеко поход сказал:

446

До Березы до реки,
До Березы до реки,
Дальше некуда идти.
Выпадали тут снежки.
Выпадали тут снежочки
По колени в один час.
Ручки-ножки познобили,
Огонечки развели.
Огонечки разводили,
Мы повыстроим дома,
Повыстроим домочки —
Полотняные шатры,
Полотняные шатрочки,
Засмоленные верхи;
Станем зиму зимовать,
Станем зиму зимовать,
Провиант мы получать.
Провиант-то получали
Фунт три четверть сухарей,
Фунт три четверть сухарей,
По манерочке воды,
Чтобы пьяным нам не быть,
Государю послужить.

252

Как не две тученьки, не две грозные
Вместе соходились —
Как две силы-армеюшки
Вместе соезжались:
Как одна сила-армеюшка
Она царя белого,
Как вторая сила-армеюшка
Короля французского.
Господа ли генералушки
Вместе соходились,
Они думали крепку думушку
Все заедино:
«А когда же у нас, братцы, будет
Бой-батальница?
На осенний первый праздничек, братцы,
На Семенов день».
Как Семенов день приходит, братцы,
Как гора валит,
Как Семенов день проходит, братцы,
Как река бежит.
Как ударили из пушек, братцы,
Из винтовочек —
Покатились с могучих плеч
Головушки,
Полилася басурманская кровь
На все четыре стороны.

Под славным было городом под Липцами,
 Не две тучи, не две грозные сходились —
 Сходились две армеюшки великие:
 Царя белого армеюшка с французскою.
 Они билися-рубилися день до вечера!
 И французская россейскую побеждать стала,
 Александра-царь по армии конем бегаёт,
 Палашом он бьёт добра коня по сторонам,
 И кричит он звонким царским голосом:
 «Без ума ли мы, товарищи, без разума!
 Что такое мы, друзья мои, наделали?
 Не дождавшись донских полков, ударили!»
 Не успел он, Александра-царь, слово вымолвить,
 Как с востока показала туча пыльная,
 А в той туче светят копьями казаченьки!
 Приклонили коням дротик на лево ушко,
 Загичали-закричали, на удар пошли!
 Тут полки наши казачьи удалые
 Ее гнали и кололи поздно до ночи!
 Приезжает после этакой победушки
 Александра-царь в полки славные казачьи
 И приветствует всех ласково и радостно!

260

Как во славном, славном городе,
 Славном городе во Питере,
 Там стоял-проживал
 Славный, славный полк Семеновский.
 А теперь этот полк во поход идет,
 Во поход идет он под Хранцию,
 На сражение под каменну Москву.
 Как и этот полк, полк Семеновский,
 Весь засоженный, завоеванный,
 Весь за крепостью, за каменной стеной.
 Как во славном полку, полку Семеновским
 Все солдатушки думу вздумали,
 Думу вздумали, слезно всплакнули,
 Слезно всплакнули, ружьям брякнули,
 Ружьям брякнули, громко вкрикнули:
 «Вы взбушуйте-ка, ветры буйные, всё холодные,
 Все холодные, полуденные,
 Вы снесите-ка с гор желты пески,
 С гор желты пески, мелки камушки.
 Расступися ты, мать сыра земля,
 Вздымися ты, гробова доска,
 Распахнися ты, золота парча.
 Ты увстань-ка, наша матушка,
 Наша матушка Катеринушка,
 Посмотри-погляди на свой любезный полк,
 На любезный полк, на Семеновский.
 Как и этот полк во строю стоит,

Во строю стоит, он в огню горит,
Он в огню горит во всем полыме.
Нам поможет господь сам бог,
Сам господь бог Иисус Христос
И царица сама мать,
Пресвятая богородица небесная.
Наша матушка Катеринушка,
Посмотри-ка-ся да на любезный полк,
Ах да на любезный полк да на Семеновский!
Мы горячу кровь проливали
И хранцузов в полон брали,
И каменну Москву отбивали».

* * *

Что во славном городе что было во Питере,
Во славной крепосте да Петропавловской,
Тут сидѣли, сидѣли было да посиделшички,
Посѣделшички, всё солдатушки,
Всѣ солдатушки, всё братцы гвардейские.
Из-за одно они думушку думали:
«Ты раздайся, раздайся, мать сыра земля,
И расколись-ко, было, гробова доска,
Ты восстань-ко, восстань, наша судароня,
Княгиня Катерина, было, Олесьевна!
Нам без тебя да житье трудное,
Житье трудное, да жизнь тяжелая.
Всѣ начальнички пошли строгие,
Всѣ полковнички бестолковые.
Тут разбили, разбили Семеновский-то полк
Было по всей армии».

261

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорѣну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пушена.
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей.
Во всяkiem корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков.
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Всѣ Ракчеева бранят:
«Ты, Ракчеев-господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат голодом поморил,

Дороженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами посадил,
Бедных людей прослезил».

* * *

Как по речке, по речке,
По матушке, по Неве
Легка лодочка плывет;
За собой лодка ведет
Тридцать восемь кораблев.
Во кажинном во корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песельничков.
Хорошо гребцы гребут,
Веселы песни поют,
Разговоры говорят,
Всё Рахчеева бранят:
«Ты, Рахчеев-осподин,
За столом сидишь один,
Перед ним водки графин,
Пропиваешь-проедаешь
Нашо жалованье,
Что другоё трудноё,
Третьё денежноё.
Как на эти же на деньги
Стал заводы заводить,
Стал палаты становить,
Белокаменны палаты,
Стены мраморные,
Весь хрустальной потолок,
Что с подвырезом окошки,
Позолоченной конёк —
Из Москвы первой домок,
И не хуже он, не лучче
Осударева дворца.
Только тем-то же похуже —
Золотого орла нет.
«Тысяч сорок издержу,
Золотой орел солью,
Всю Руссею удивлю,
Всю я чернедь разорю».

264

Как поехал наш Александра
Вторую армию смотреть.
Обещался наш Александра
К Рождеству домой прибыть.
Ждала его матушка, мать родная,
Ждала дитятка своего.
Уж все празднички на проходе —

Александра дома нет.
Я пойду с горя на башенку,
Что которой выше нет.
Посмотрю ли я с этой башенки,
Что на все четыре стороны.
Как вдоль по питерской по дорожке,
По московскому шоссе,
Что не пыль столбом вьется —
Молодой курьер спешит.
«Ты курьер, курьер, голубчик мой,
Ты куда скоро спешишь?
Ты курьер, курьер, голубчик мой,
Какую весточку несешь?»
— «Скидавайте красны шали,
Набросайте черные.
Скидавайте белые платья,
Надевайте траура:
Наш батюшка Александра
В Таганроге жизнь скончал,
Я там был, и всё я видел,
Как и гроб его несли,
Два любимые гусарики
Позади коня вели.
Двенадцать штаб-офицеров
На главах его несли,
Черная шляпа с острой шпагой
На груди его лежит.
Двенадцать штаб-офицеров
Поход полный ему бьют».

270

Как под славным было городом под Шумлюю,
Что на ровной было площади, на большой поляне,
Стоял там Второй Тацын полк,
Стоял он ровно три неделюшки,
На четвертой-то недели приказ они получили;
Наш молодой полковничек стал читать его;
Прочитавши его, стал он слезно плакать,
Переплакавши, стал он речь сказывать,
Что итить нам, казаченькам, под Шумлу-город,
Что по той-то дороженьке по цареградской,
Да по тем-то лесам по дремучим,
Пошел он, молодой полковничек, крутыми горами,
Он крутыми-то горами, большими лесами,
Среди пути той дороженьки несчастье случилось:
Не черные-то вороны из лесов солетались —
Турки храбрые из-за крутых гор на Тацына нападали,
Начали рубить донских казачушек, бедных малолеточек;
Тут-то мон малолеточки дуже перепужались,
По темным-то лесам они разбежались!
Молодой наш полковничек крепко испужался,
На своо доброго коня он скоро метался,
Кричал он своим громким голосом:

«Уж вы стойте, мои малолеточки, не робейте,
Государева свинцу-пороху не жалейте!»
Бил-пробил молодой полковничек две заставы,
На третьей на заставе свою головушку сложил!
Вислые с него эполетушки срывали,
А кресты, ордена снимали —
Отрубили ему буйную головушку.

274

Под славным городом под Браиловом
Собиралось тут собраньице, собрание немалое.
Предводителем был наш православный царь,
Он журил-бранил своего брата,
Своего брата, брателку родимого, всё князя
великого:

«И зачем, почто, брателка, сюда зашел,
Ты сюда зашел, не в свою землю?
Не один ты зашел, завел силу-армию,
А еще ты завел лейб-гусарский полк.
У гусар в полку случилось несчастье —
Убили в полку старшего полковничка,
А еще-то убили пятьсот гусар».

* * *

За Кубанью огонь горит — в поле стало дымно,
Пошли наши казаченьки — чуть сбрúицу видно.
Идут, идут казаченьки, назад поглядáют,
Назад, назад поглядáют, чежело вздыхают:
«Остаются наши дóмы, молодые жены,
Молодые наши жены и малые дети».
Как задумал казаченька в Грузии померети,
Помер, помер казаченька во середу рано,
Положили казаченьку на травку-муравку:
«Лежи, лежи, казаченька, с вечера до úтра.
Мы доложим полковничку — выроем могилу,
Как позволит граф Паскевич — сделаем гробницу,
И мы сделаем гробницу — темную темницу».
Тело несут, коня ведут, конь голову клонит.
«Проржи, проржи, конь вороной, против его дома».
Услыхала его мати в каменной палате:
«Кабы я была голубкой, была сизокрылой,
Я взвилáсь бы, полетела в турецкую землю,
В турецкую землю, на крайню границу,
На крайню границу, на его гробницу».

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые публикации исторических песен относятся к 70—90-м гг. XVIII в. В эти годы издается множество разного рода фольклорных и полуфольклорных сборников, в которых исторические песни соседствуют с былинами и балладами, с народной лирикой и литературными песнями-романсами. Таковы, например, известные сборники М. Д. Чулкова, Н. А. Львова, В. Ф. Трутовского, И. И. Дмитриева и др. Тексты, помещенные в них, извлекались, как правило, из различных рукописных песенников, в которых, естественно, не содержалось никаких пояснений относительно того, кем и когда эти песни были записаны, кто были их исполнители; к тому же многие из текстов, по-видимому, подвергались определенному редактированию как со стороны собирателей, так и публикаторов.

Эта эдиционно-собираТЕЛЬская традиция продолжалась вплоть до 1830-х гг., когда П. В. Киреевский выступил со своей знаменитой «Песенной прокламацией» (1838), в которой изложил новую, научно обоснованную программу собирания памятников народной поэзии. Руководствуясь этой программой, Киреевский и его многочисленные корреспонденты (среди них были Пушкин, Гоголь, братья Языковы, Даль, Кольцов, Погодин, Якушкин и многие другие) собрали огромный материал, в котором одни только исторические песни составили целых пять томов. Сам П. В. Киреевский при жизни успел опубликовать лишь небольшое количество духовных стихов и былин. Основная же часть его собрания, в том числе исторические песни, была издана в 1860-х гг. под редакцией П. А. Бессонова. Издание это, однако, оказалось во многом неудовлетворительным, и в 1911 г. под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского было начато новое, гораздо более полное и исправное издание «Песен, собранных П. В. Киреевским», завершившееся лишь в 1929 г.

Во второй половине XIX — начале XX в. собираТЕЛЬская деятельность в России приобретает исключительный размах. Выходят десятки и десятки фольклорных сборников, сотни и сотни публикаций в периодической печати, в центральные и областные архивы поступают тысячи и тысячи новых записей. Исторические песни среди этих материалов занимают одно из самых видных мест. Они записываются в Центральной России и на русском Севере, в Сибири и на Алтае, в Карелии и на Кавказе. Особенно богатой оказывается историко-песенная традиция в казачьих областях, фольклорные материалы которых вошли в сборники А. А. Савельева, А. Н. Пивоварова, И. И. Железнова, Н. Г. Мякушина, А. И. Мякутина, А. А. Догадина, Ф. С. Панкратова и др.

Крупнейшим изданием дореволюционной поры, которое подвело своего рода итог многолетнему собиранию исторических песен, явилась вышедшая в 1915 г. книга В. Ф. Миллера «Исторические песни русского народа XVI — XVII вв.». (издание было закончено после смерти Миллера его учениками). Долгое время эта книга оставалась наиболее полным, а по существу единственным сводным изданием исторических песен, хотя фонд их в советские годы продолжал непрерывно расти: было выявлено довольно много текстов, не учтенных в книге Миллера, не говоря уже о значительном количестве новых записей из самых разных районов страны (сборники Т. М. Акимовой, В. П. Бирюкова, Б. Н. Путилова, Ф. В. Тумилевича и др.). Одновременно с накоплением новых материалов совершенствовался и текстологический опыт советской фольклористики, принципы научной критики текстов, вследствие чего все настойчивее стала выдвигаться необходимость нового, более строгого и точного подхода к изданию фольклорных памятников.

В 1960—1973 гг. в известной академической серии «Памятники русского фольклора» вышли четыре тома «Исторических песен» (XIII — XVI, XVII, XVIII, XIX вв.), подготовленных Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. При подготовке этого фундаментального издания, представляющего фактически первый полный свод русских исторических песен, были заново просмотрены все печатные и рукописные песенные сборники, многочисленные периодические издания (центральные и местные), труды по истории и этнографии, материалы различных рукописных хранилищ Москвы, Ленинграда и других городов страны. Была проведена огромная работа по атрибуции записей, в результате чего сложился свод текстов, подлинность которых ныне может считаться твердо установленной. Тексты песен были тщательно выверены по источникам, освобождены от позднейших привнесений, искажений и во всем объеме пересмотрены в соответствии с едиными текстологическими принципами.

Опыт работы над этим изданием, а также ее основные исследовательские результаты используются и при подготовке настоящего издания.

Учен и в значительной степени использован опыт и другого важного издания — известной антологии «Народные исторические песни», подготовленной Б. Н. Путиловым в Большой серии «Библиотеки поэта» (1962). Например, в отборе текстов составитель руководствовался теми же самыми (антологическими) принципами; сохранен также и историко-тематический принцип расположения текстов.

Соблюдая в этом отношении необходимую преемственность, составитель, однако, нашел возможным пойти в настоящем издании и на некоторые новации. Касаются они главным образом состава антологии, который устанавливается в соответствии с иным пониманием природы и генезиса исторической песни как особого вида народной поэзии. В частности, не печатаются песни, в которых отсутствуют какие-либо конкретно-исторические «приметы», но которые в прежних изданиях тем не менее относились к историческим («Татарский полон», «Авдотья Рязаночка», «Соловей кукушку уговаривал» и т. п.).

Тексты, вошедшие в настоящее издание, группируются в двух разделах: 1. Тексты, условно выделяемые в качестве «основных» и 2. Тексты, относимые (также условно) к разряду «Другие варианты». Условный характер такой классификации определяется тем обстоятельством, что фольклорный текст, в отличие от литературного, не существует иначе как именно в совокупности вариантов, которые в текстологическом плане представляются совершенно равнозначными и равноправными. Связи

между ними могут быть самыми разнообразными. Одна часть вариантов, например, может быть возведена к какому-то одному тексту, «пра-варианту»; другие тексты, напротив, по-видимому, возникли независимо друг от друга (так сказать, «параллельно») как самостоятельные версии одного и того же сюжета; третьи образовались в результате всякого рода контаминаций, и т. д. Общая картина их исторического движения, эволюции, развития устанавливается в большинстве случаев достаточно просто; конкретная же подчиненность и соподчиненность вариантов, их взаимная соотношенность во времени, за редчайшими исключениями, не поддается определению.

Отбор и расположение текстов в настоящем издании осуществляются с учетом двух основных моментов. Первый — это «возраст» текста или, точнее говоря, время его записи. Вполне сознавая, что время записи текста не есть время его возникновения, естественно все же считать, что текст, записанный, скажем, в XVIII или XIX веке, в гораздо большей степени отражает черты того текста, который лег в его основу, и, следовательно, в гораздо большей степени позволяет судить о характере фольклорного историзма.

Второй момент — это, так сказать, художественная «репрезентативность» текста, проявляющаяся в наиболее полной развитости основных компонентов сюжета. Не претендуя на абсолютный историзм, такое расположение дает, однако, достаточно полное представление как о художественной стороне исторических песен, так и о тех многообразных историко-творческих процессах, которым они были подвержены на протяжении своей многовековой истории.

Все тексты, как правило, печатаются по первой публикации. В случае, когда текст известен лишь в одной записи (публикации), он по ней и печатается. При наличии нескольких почти одновременных источников текста выбирается наиболее авторитетный, и в таком случае в примечаниях применяется формула: «Печ. по...». В случаях, если тексты введены в научный оборот составителями таких изданий, как академический свод исторических песен, или Б. Н. Путиловым в «Народных исторических песнях», указываются эти публикации. Указания на промежуточные публикации не даются, поскольку они в полном объеме содержатся в названном академическом своде. Однако сведения о публикации наиболее интересных вариантов приводятся в круглых скобках вслед за указанием первой публикации.

Тексты песен подвергнуты некоторому редактированию (а точнее — унификации) преимущественно со стороны фонетической. В основном это касается архаических окончаний прилагательных в именительном и винительном падежах, типа -ья, -ия (тем более что в текстах наблюдается разницей даже внутри одной записи), окончаний глаголов типа -се («субялосе», «становилосе», «преставлялосе», и т. д.), случаев употребления мягкого «т» в 3-м лице ед. числа («посылаить», «говорить», «стоять» и т. д.) и мягкого «р» внутри слов («царство», «верьбы» и т. д.). Во всех текстах снимается «цоканье»; унифицируется написание фамилии «Шереметев». Пунктуация в основном современная. Иногда сохранены ударения, присутствовавшие в источниках (в тех случаях, когда они необходимы). Не сохранены имевшиеся в некоторых текстах указания на повторы строк. Эти указания, как правило, носят случайный характер, зависевший целиком от желания или компетентности собирателя. Все тексты печатаются без каких-либо купюр, за исключением не принятых в печати выражений (они опускаются, на что указывают угловые скобки и тире внутри них (<--->)). Круглые скобки в текстах принадлежат источникам, в угловых даны дополнения и конъектуры соста-

вителя, в круглых же скобках с отточиями (...) обозначаются непрочитанные или пропущенные в публикациях слова. Трудные для понимания или устаревшие слова поясняются в «Словаре местных, архаических и малоупотребительных слов», за исключением слов искаженных или употребленных в особом, редком значении. В таком случае пояснения даются в составе реального комментария с оговоркой: искаж. (искаженное) или: здесь, или: вместо.

При составлении примечаний учтены и использованы наблюдения, сделанные в ходе подготовки «Народных исторических песен» Б. Н. Путиловым и томов академического свода с примечаниями С. Н. Азбелева, О. Б. Алексеевой, Л. В. Домановского, составителя данной книги, Э. С. Литвин, А. Н. Лозановой, Б. Н. Путилова и Л. С. Шептаева.

Подбор иллюстраций осуществлен М. П. Лелехиным. За помощь в работе по подбору впервые публикуемых иллюстративных материалов составитель тома и редакция «Библиотеки поэта» выражают благодарность главному библиотекарю Отдела эстампов Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Н. И. Рудаковой.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Акимова — Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Сост. Т. М. Акимовой/Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.
- Аристов — Аристов Н. Я. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875.
- Астахова, Былины — Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье/Подгот. текста и комм. А. М. Астаховой/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.
- Баранов — Песни оренбургских казаков с напевами в 3-х выпусках/Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов. Оренбург, 1913.
- БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
- Бирюков — Фольклор Урала, вып. 1: Исторические сказы и песни/Собрал и составил В. П. Бирюков/Под общ. ред. И. Н. Розанова. Челябинск, 1949.
- Васнецов — Песни северо-восточной России/Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии. М., 1894.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Тт. I — III. Изд. 4-е. М.; Л., 1949—1951.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ГО — Географическое общество.
- Гребенцы в песнях. — Гребенцы в песнях: Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примеч./Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.
- ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. I, М., 1904; Т. II. Прага, 1939; Т. III. М., 1910.
- Гуляев — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева/Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- д. — деревня.
- Догадин — Догадин А. А. Былины и песни астраханских казаков. Вып. 1. Астрахань, 1911.
- Донские войск. вед. — газета «Донские войсковые ведомости».

- Донские губ. вед. — газета «Донские губернские ведомости».
- Донские обл. вед. — газета «Донские областные ведомости».
- Железнов — Железнов И. И. Уральцы: Очерки быта уральских казаков. Тт. II и III. Изд. 3. Спб., 1910.
- Железновы — Песни уральских казаков/Записали Александр и Владимир Железновы. Спб., 1899.
- Ж — журнал.
- ЖС — журнал «Живая старина».
- Записки РГО — журнал «Записки Русского географического общества».
- Записки Терского общ. — журнал «Записки Терского общества любителей казачьей старины». Владикавказ.
- Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницим в Вологодской губ./Подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.
- Известия АН — «Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук».
- Исторические песни XIII — XVI веков — Исторические песни XIII — XVI веков/Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960.
- Исторические песни XVII века — Исторические песни XVII века/Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.
- Исторические песни XVIII века. — Исторические песни XVIII века/Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.
- Исторические песни XIX века. — Исторические песни XIX века/Изд. подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.
- Казачий сборник — Казачий сборник. Вып. I. Новочеркасск, 1887.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. VI — VIII. М., 1864, 1868 и 1870.
- Киреевский. Новая серия — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия/Под ред. М. Н. Сперанского. Вып. II, ч. 2 (Песни необрядовые). М., 1929.
- Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым/Изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958 («Лит. памятники»).
- Кирша Данилов, 1804 — «Древние русские стихотворения». М., 1804.
- Кирша Данилов, 1818 — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818.
- Корнилович — Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. Изданная А. Корниловичем. Спб., 1825.
- Крестьянская война — Крестьянская война под предводительством Степана Разина/Сборник документов: Тт. 1, 2. М., 1954.
- Леонтьев — Леонтьев Н. П. Печорский фольклор/Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Листопадов — Листопадов А. Песни донских казаков/Под общ. ред. Г. Сердюченко. Т. I. М., 1949.
- ЛН — «Лит. наследство».
- Лозанова — Песни и сказания о Разине и Пугачеве/Ред. и примеч. А. Н. Лозановой. М.; Л., 1935.
- Лопатин — Прокунин — Лопатин Н. М. и Прокунин В. П. Русские народные лирические песни/Под ред. и с вступ. статьей В. Беляева. М., 1956.
- Макаренко — Макаренко А. Сибирские песенные старины//ЖС, 1907. Вып. II.

- Марков — Марков А. В. Беломорские былины. М., 1901.
- Миллер — Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI — XVII вв. Пгр., 1915.
- Миллер, 1904 — Вс. Миллер. Исторические песни из Сибири. Известия АН. Т. IX. № 1. Спб., 1904.
- Мицк — Савушкина — Сказки и песни Вологодской области/Сост. С. М. Мицк и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, 1955.
- Мякутин — Песни оренбургских казаков. Собрал сотник А. И. Мякутин. Т. I, II. Оренбург, 1904, 1905.
- Мякушин — Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н. Г. Мякушин. Спб., 1890.
- Народные исторические песни — Народные исторические песни/Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. М.; Л. 1962 (Б-ка поэта. БС).
- ОЗ — журнал «Отечественные записки».
- Пальчиков — Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губ. Н. Пальчиковым. М., 1896.
- Памятники великорусского наречия — Памятники великорусского наречия. Прибавления к Известиям Академии наук. Спб., 1855.
- Панкратов — Гребенцы в песнях/Собрал Ф. С. Панкратов. Владикавказ, 1895.
- Пассек — Пассек Т. П. Из дальних лет. Т. I. Спб., 1881.
- Песни Печоры — Песни Печоры: Памятники русского фольклора/Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- Пивоваров — Донские казачьи песни/Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885.
- Позднеев — Позднеев А. В. Песня о Полтавской битве//Уч. зап. Моск. заочн. пед. инст-та. Вып. 20, 1968. С. 3—24.
- Потанин — Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. Этнографический сборник Императорского русского географического общества. Вып. VI. Спб., 1864.
- Пыпин — Пыпин А. Н. Дела о песнях в XVIII веке/Известия АН. 1900. Т. V, кн. 2. С. 554—562.
- Путилов — Исторические песни на Тереке/Подг. текстов, статья и примеч. Б. Н. Путилова. Грозный, 1948.
- Путилов, 1946 — Песни гребенских казаков/Подг. текстов, вступ. статья и примеч. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946.
- Путилов, 1948 — Исторические песни на Тереке/Подг. текстов, статья и примеч. Б. Н. Путилова. Грозный, 1948.
- РА — журнал «Русский архив».
- РС — журнал «Русская старина».
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым/Под ред. А. Е. Грузинского. Тт. I—III, М., 1909—1910.
- Русский фольклор — Русский фольклор. Материалы и исследования. Тт. I—XXIII. М.; Л., 1956 — издание продолжается.
- с. — село.
- Савельев — Сборник донских народных песен/Сост. А. Савельев. Спб., 1866.
- Саратовские губ. вед. — газета «Саратовские губернские ведомости».
- Сахаров — Сахаров И. П. Песни русского народа. Ч. 4. Спб., 1838.
- Секретов — Песни исторические (из сборника В. П. Секретова)//Донские обл. вед., 1875, 3/4 сентября.
- сб. — сборник.

- Сборник материалов — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1—40. Тифлис, 1880—1895.
- Соболевский — Великорусские народные песни/Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. I. Спб., 1895; Т. VI. Спб., 1900.
- Соколов — Соколов М. Е. Исторические песни Саратовской губернии//Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. XXIV. Саратов, 1908.
- Соколов, 1896 — Соколов М. Е. Былины, исторические, военные, разбойничьи и воровские песни, записанные в Саратовской губ. Петровск, 1896.
- Соколов — Чичеров — Онежские былины/Подбор былин и научная ред. текстов Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948.
- Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Зап. Б. и Ю. Соколова. М., 1915.
- Соловьев — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. М., 1959—1966.
- ст.— станица.
- Стахович — Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал Мих. Стахович. Тетради III и IV. М., 1854.
- Терские вед.— газета «Терские ведомости».
- Трутовский — В. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами/Под ред. и с вступ. статьей В. Беляева. М., 1953.
- Тумилевич, 1947 — Песни казаков-некрасовцев/Запись песен, вступ. статья и сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Под общ. ред. П. Г. Богатырева. Ростов-на-Дону, 1947.
- Тумилевич — Фольклор Дона. Сб. 2/Сост. Ф. В. Тумилевич и М. А. Полторацкая. Ростов-на-Дону, 1941.
- Тумилевич. Неопубликованные песни — Тумилевич Ф. В. Неопубликованные песни об Игнате Некрасове/Народная устная поэзия Дона. Ростов, 1963. С. 125—156.
- у.— уезд.
- Уральский фольклор — Уральский фольклор/Под ред. М. Г. Китайника. Свердловск, 1949.
- Чеканинский — Чеканинский И. Енисейские старины и исторические песни. Этнографическое обозрение. 1915. Кн. 1, 2.
- Чичеров — В. И. Чичеров. Русские исторические песни//Исторические песни. Л., 1956 (Б-ка поэта, МС).
- Чтения — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. Кн. 3. М., 1859.
- Чулков — Сочинения М. Д. Чулкова. Т. I. Собрание разных песен. Ч. I — III. 1770—1773. Спб., 1913.
- Шейн — Русские народные песни, собранные П. В. Шейном: Песни былевые. Изд. Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1877.
- Якушкин — Якушкин П. И. Народные русские песни. Спб., 1860.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIV—XVI ВЕКОВ

1—3. Единственная из дошедших до нас исторических песен XIV в. Историческая основа песни — восстание 1327 г. в Твери против татарского баскака Чолхана. Чолхан (Шевкал, Шолкан, Шелкан Дюденевиц, как именуют его летописи) был послан ордынским ханом Узбеком

в Тверь в качестве наместника. Правление его в Твери было непродолжительным: жестокие притеснения, творимые им в городе, привели к широкому народному восстанию, в ходе которого захватчики были истреблены. Вот как об этом рассказывает «Рогожский летописец»: «Беззаконный же Шевкал, разоритель христианства, пошел на Русь со многими татарами, и пришел в Тверь, и выгнал великого князя с его двора, а сам поселился на великокняжеском дворе, исполненный гордости и ярости. И сотворил великое гонение на христиан — насилие, грабеж, избиение и поругание. Люди же городские, постоянно оскорбляемые христианами, много раз жаловались великому князю, прося оборонить их. Он же, видя озлобление своих людей и не имея возможности их оборонить, велел им терпеть. Но тверичи не терпели, а ждали удобного времени.

И случилось так, что 15 августа, ранним утром, когда собирается торг, некий диакон-тверянин, — прозвище ему Дудко, — повел кобылицу, молодую и очень тучную, напоить водой в Волге. Татары же, увидев ее, отняли. Диакон же очень огорчился и стал вопить: «Люди тверские, не выдавайте!»

И началось между ними драка. Татары же, надеясь на свою власть, пустили в ход мечи, и тотчас сбежались люди, и началось возмущение. И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи, и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала» (Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 63—65). Сохранив общую канву событий и некоторые характерные исторические подробности (в частности, даже тот факт, что исторический Чолхан был родственником Узбека), песня, однако, решительно разошлась с летописями в изображении финала восстания: в действительности, как свидетельствует, например, тот же «Рогожский летописец», в мятежную Тверь «беззаконный царь» послал «пять темников» (т. е. 50-тысячное войско), «и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню» (там же; подробнее об истории песни см. во вступ. статье с. 13—19).

1. Кирша Данилов, 1818. *В дальнюю землю литовскую* — эпическое обозначение «иной земли», распространенное в былинах и исторических песнях. Описание татарских поборов отражает, однако, реальные исторические воспоминания русских людей об ордынских сборщиках дани. *И друга дарить, Шелкана Дюдентевича*. Некоторые исследователи усматривали здесь позднейшую замену слова «даруга» (сборщик дани). Предположение неосновательное, ибо только при слове *друга* золотая царская узда сохраняет значение (важное в данном случае) особого, «заветного» предмета. Присоединение же сюда имени Шелкана Дюдентевича — образец той же труднообъяснимой путаницы в тексте, которая обнаруживается и в строках: *Любимых шуринов, Двух удалых Борисовичев*. Ведь по сюжету песни братья Борисовичи — предводители тверского восстания и, следовательно, «любимыми шуринами» хана Узбека (Азвяка) быть никак не могут. Сомнительной представляется и гипотеза, согласно которой прототипами Борисовичей были тверской тысяцкий с братом. Вероятнее другое: братья Борисовичи — это одно из любимых эпических обобщений, широко известные в фольклоре «поединнички», неизменно одерживающие победу в борьбе с сильным и наглым врагом. Под разными именами, отчествами, прозваниями они встречаются, например, в десятках вариантов песни о Кострюке (XVI в. — см. № 7—10). А в варианте Кирши Данилова они обозначены точно такую же формулой, как и в комментируемой песне. Ср.:

Хотя бы ему голову сломил,
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцев родимых,
Двух удалых Борисовичев.

2. Соколов — Чичеров; зап. П. А. Грушниковым, Б. М. Соколовым, В. И. Чичеровым от И. М. Калитина на Суетин-острове в Карельской АССР в 1927 г. И. М. Калитин — сын Д. И. Калитиной, от которой записал песню Гильфердинг в 1871 г. Характерная особенность песни — дальнейшее развитие «балладной» линии за счет забытой описательной части.

3. Русский фольклор, III (публ. Б. Н. Путилова); зап. А. В. Марковым от И. М. Мяхнина в д. Гридино Кемского у. Архангельской губ. в 1909 г.

4—6. В песнях отразились исторические впечатления народа, связанные со вторым походом Ивана IV под Казань (1552), завершившимся разгромом одного из последних оплотов татаро-монгольской экспансии на Руси — Казанского ханства. Песня весьма точно передает последовательность событий, правдиво и ярко воспроизводит картину заключительного штурма города, во многих красноречивых подробностях переключаясь с литературно-историческими памятниками того времени, в частности с известной «Казанской историей». Так, например, она запомнила, что наступление русского войска началось от Свяжска, что под казанские стены были сделаны три подкопа и что на предложение русских о сдаче татары отвечали оскорбительными насмешками. Центральный эпизод песни — столкновение Грозного с пушкарями, по-видимому, вымышлен, хотя можно предположить, что он представляет собой «продолжение» того диалога Грозного с фряжскими «мастерами», который отражен «Казанской историей»: «Когда же фряги предстали перед ним и увидели его лицо, то пали перед ним и поклонились ему до земли. Царь же, видя, что они достойные мужи и на вид благообразны, рассказал им о крепости города и о стойкости казанцев. Они же ответили ему: «Не печалься, господин царь, мы быстро, за несколько дней, если дашь нам волю, до основания разрушим город,— ведь это наше ремесло, затем и пришли мы, чтобы послужить богу и тебе». Он же, услышав это от фрягов, наполнился радостью и щедро одарил их золотом, и серебром, и красивыми одеждами. И повелевает им срочно приступить к делу» (Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 495, 497).

1. Киреевский, VI (Миллер, № 19); доставлена Варламовым.

2. Шейн (Миллер, № 10); зап. А. Кобяковой, которая «слышала ее из уст народа в детстве», в Костромской губ. *Злы татарове по городу похаживают, Похваляются да выхваляются.* «Казанская история» повествует: «И начали они радоваться и веселиться: разыгрывали представления, пели нечестивые песни, размахивая руками, скакали, плясали, играя на гусях своих и в прегубницы ударяя, поднимая громкий шум и грохот и воссылая ругательства, и насмешки, и укоры русским людям, называя их погаными свинойядцами» (Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 513).

3. Кирша Данилов, 1818 (Миллер, № 8). Единственный текст, в котором присутствует мотив вешего сна казанской царицы, а также своеобразное «публицистическое» обобщение, выражающее оценку государственно-политического значения взятия Казани. Оба эти отличия делают достаточно вероятным предположение В. К. Соколовой о том, что данный

текст подвергся определенной литературной обработке (Соколова В. К. Русские исторические песни XVI в. (эпохи Ивана Грозного)//Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. М., 1951). Во всяком случае, «автор» текста обнаруживает знакомство с кругом представлений, характерных именно для литературных источников, например для той же «Казанской истории». *Семион-царь* — казанский царь Едигер. После взятия Казани был привезен в Москву и крещен под именем Симеона. *Прозритель* — здесь: мудрый, прозорливый. Книжное выражение, как и другое: *великий князь московский*, — подтверждающее знакомство «автора» текста с книжной традицией. *Булат-река* — река Булак. *Царица Елена*. Речь, скорее всего, идет о казанской царице Сююнбек, которая еще в 1551 г. была выдана казанцами московскому царю, привезена в Москву и там крещена. *Вынял... очи косицами* — т. е. ослепил (вынул глаза вместе с висками. Здесь: косицы — виски). Царь Едигер (Симеон), как известно, казнен не был. Здесь, вероятно, имеется в виду судьба крымского царевича Кошакка, фаворита царицы Сююнбек, правившего в Казани в 1551 г. и казненного в Москве.

«Вы послушайте, ребята, послушайте, господ а...» «Уч. зап. Саратов. ун-та». Т. LVI. Вып. филологич., 1957/Публикация В. К. Архангельской. С. Д. Ушаков из с. Малая Федоровка Саратовской обл. записал текст песни для фольклорной экспедиции.

«Кто бы нам сказал про царев поход...» Известия АН. Прибавления. 1854, т. III (Миллер, № 17); зап. А. Н. Пасхаловой в Саратове.

«Уж вы гости мои...» Васнецов (Миллер, № 3); зап. в Вятской губ.

7—10. Один из обширнейших и популярнейших песенных циклов XVI в., отразивший народные впечатления, связанные с женитьбой Ивана Грозного на дочери кабардинского князя Темгрюка (1561). Женитьба русского царя на «басурманской» княжне была, по народным представлениям, уже сама по себе событием достаточно необычным. Но с новой царицей в Москву приехали два ее брата — Мамстрюк и Михаил, из которых второй остался при дворе и был у Грозного в большой немилости: известно, что он постоянно подвергался со стороны царя насмешкам и издевательствам и в конце концов был казнен (1571). Он, как полагают, и стал прототипом песенного Кострюка. Для более тесных сближений сюжета с исторической действительностью того времени оснований, по видимому, нет; сюжет вымышлен, и дальнейшая его эволюция шла в соответствии с общеэпическими законами (в позднейших вариантах Кострюк выступает уже в роли заезжего «нахвальщика», «поляницы» и т. п.).

1. Кирша Данилов, 1804 (Миллер, № 67). *Лесы брянские* — вероятно, брянские (искаж.) *Никита Романович* — брат первой жены Грозного Анастасии Романовны, умершей в 1560 г. *Середь Урья Повольского* — вероятно, речь идет о г. Юрьевец Поволжский.

2. Киреевский, VI (Миллер, № 31); зап. А. Харитоновым в Шенкурском у. Архангельской губ., сообщена В. И. Далем. *Литовская земля* — см. с. 462.

3. Рыбников, II (Миллер, № 51); зап. в Пудогe неизвестным лицом для П. Н. Рыбникова от Г. Амосова из д. Уная Губа Пудожского у. Олонечкой губ. *Упала татарская*. Смысл слова «упала» здесь неясен. *Молодушек станицами* — здесь: вереницами, рядами. *Ширинками* — здесь: шеренгами. *Михаила Архангела* — Кремлевский собор. *Креста Благо-*

вещенка, *Ивана Великого* — креста на кремлевской колокольне, в просторечии называемой Иваном Великим.

4. Савельев (Миллер, № 69). *Севрук* — переделанное из Кострюк (см. с. 464). *Зазымляючи* — здесь: подпирая.

«Приутихло, приуныло море синее...» Якушкин (Миллер, № 27); зап. С. В. Максимовым в Архангельской губ. *Софья* — вместо Анастасия. *Супава* — купава (искаж.). *Посолен лист* — вероятно, посольский лист, письмо. *Никола* — святой Николай Угодник.

«Во матушке было в каменной Москве...» Киреевский, VI (Миллер, № 32); зап. А. Харитоновым в Шенкурском у. Архангельской губ., сообщена В. И. Далем. У *церконовского*. Значение слова неясно.

11. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. (Миллер, № 92). Песня известна в единственной записи. Содержание ее связано с событиями второй половины XVI в.: набегами крымских татар. Известно, что татары во время похода 1572 г. заранее расписали и разделили между собою города и уезды Руси (см. об этом: Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 111—112). В 1572 г. *Дивей-мурза* был взят русскими в плен и отправлен в Новгород в качестве пленника, а не владельца-захватчика.

12. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. (Миллер, № 93); зап. свящ. Е. Фаворским в с. Павлове Нижегородской губ. Принято считать, что песня связана (хотя и отдаленно) с событиями 1571—1572 гг.: приходом Крымского хана Девлет-Гирея на Русь. Татары сожгли Москву и ушли в Крым. В 1571 г. несколько боярских детей перешли на сторону хана и согласились провести его в Москву. И тем не менее сюжет песни вымышленный, в нем ряд анахронизмов. Так, Краснощеков — это герой песен XVIII в. (см. примеч. 138); еще более явные анахронизмы — упоминание *генералов* и *фельдмаршалов*. *Шахмат* — вероятно, бахмат (искаж.).

13. Кирша Данилов, 1818. Известна в единственной записи. Песня связана с событиями второй половины XVI в.: по поручению Ивана Грозного атаман донских казаков *Михаил Черкашенин* провожал до «донских зимовищ» посла И. П. Новосильцева, направляющегося в Крым. Черкашенин погиб во время обороны Пскова от Стефана Батория в 1581—1582 г. (Подробнее о песне см.: Исторические песни XIII—XVI веков. С. 668—669.)

14. Денница. М., 1834 (Миллер, № 97); зап. А. М. Языковым в г. Сызрани Симбирской губ. Песня связана с событиями Ливонской войны 1581—1582 гг.: героической обороной Пскова от армии Стефана Батория (1579 г.). В ней говорится о *Семене Константиновиче Карамышеве*. Вероятно, речь идет о реальном лице: в 1612 г. во время осады Волока Ламского королем Сигизмундом III обороной руководил воевода Иван Константинович Карамышев (см. примеч. 60). *Король* — Стефан Баторий. *На первый на город на Полотский, На другой-то на город Великий Луки, на третий — на батюшку на Опсков-град*. Стефан Баторий захватил Полоцк в 1579 г., Великие Луки — в 1580 г., летом 1581 г. он начал осаду Пскова. *Хотенóвич* — возможно, что здесь подразумевается литовский гетман Ходкевич, участвовавший в осаде Волока Ламского.

15—17. Исторической основой песенного сюжета, как считает большинство исследователей, послужило действительное событие — убийство Иваном Грозным своего старшего сына (1581). Некоторое время назад это мнение было, однако, оспорено В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым, главным образом на том основании, что ни в одном из многочисленных вариантов песни речи об убийстве собственно нет — его во всех случаях предотвращает дядя царевича Никита Романович. Исходя из этого, В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов высказали предположение, что песня возникла на совсем иной исторической основе и, по-видимому, значительно раньше упомянутого события, которое она, таким образом, как бы предвосхитила, «угадав» его вероятность в самой логике поступков Ивана Грозного. Основательным это предположение признать нельзя. Тот факт, что убийства в песне не происходит, в качестве доказательства использован быть не может по причинам как общего, так и частного характера. Общая заключается в том, что исторические песни, как хорошо известно, весьма свободно обращаются с реальными фактами, от которых они отталкиваются, — примеров здесь более чем достаточно. В качестве же частного, так сказать, специального аргумента, дающего основание считать, что в данном случае мы имеем дело не с предвидением события, а лишь с особым его осмыслением, можно привести песню XVIII в. «Царевича Алексея хотят казнить» (№ 144), в которой реальный исторический факт — осуждение Петром I на казнь своего сына Алексея — трактуется совершенно так же, как и в данной песне. Больше того: трактовка обоих фактов оказывается настолько одинаковой, что песня XVIII в. в основной своей части использует даже самую форму своей предшественницы (например, в роли спасителя царевича Алексея выступает все тот же Никита Романович). Среди причин, обусловивших именно такое, а не иное преломление в народном сознании этих трагических событий, наиболее вероятными представляются две. Одна из них та, что и Иван Грозный, и Петр I принадлежат, как известно, к числу любимейших героев русского фольклора, и версия, по которой они могли быть представлены как сыноубийцы, была бы просто не в духе народного мнения о них, не в духе народной поэзии. Народная убежденность, что сын Грозного был спасен, могла иметь и реальную историческую почву: второй сын Грозного — царь Федор Иоаннович — умер лишь в 1598 г. и запомнился народу гораздо больше, чем убитый царевич Иван; имя же царевича Дмитрия, погибшего в Угличе в 1591 г., вообще было окружено всякого рода легендами, среди которых, в связи с появлением на Руси Лжедмитрия, могли (и даже должны были) ожить и старые толки о чудесном спасении царского сына (не случайно, думается, в роли опального царевича в песнях выступают то Иван, то Федор, то Дмитрий).

1. Рыбников, II (Миллер, № 111); зап. в 1860 г. от А. П. Сорокина в Пудожской вол. Олонецкой губ. *Тут была измена великая*. Имеются в виду события 1570 г. — карательный поход Ивана Грозного против Новгорода. *Никита Романович* — см. с. 464. *Федор Иванович* — второй сын Ивана IV, впоследствии царь (1584—1598). *Малюта Стенька вор Скурлатов сын*. Речь идет о начальнике царских телохранителей, опричнике Григории Лукьяновиче Скуратове-Бельском (по прозвищу Малюта, ум. 1573). В его образе песни олицетворяют все жестокости времен опричнины. *Настасья Романовна* — Анастасия Романовна, первая жена Ивана Грозного, из рода Захарьиных-Юрьиных (впоследствии — Романовых); венчалась с царем в 1547 г. Отличалась добротой и милосердием.

2. Гильфердинг, II (Миллер, № 118); зап. от Ф. Н. Никитина в д. Тайгенице на Выгозере Олонецкой губ.

3. Киреевский, VI (Миллер, № 98); зап. А. Харитоновым в Шенкурском у. Архангельской губ.; доставлена В. И. Далем. *Вывел я измену изб Пскова* и т. д. Грозный перечисляет известные события своего царствования — разгром Пскова, борьбу с боярской оппозицией в Москве, покорение Казанского ханства, пленение казанского хана Едигера, который был крещен в Москве под именем Симеона (см. с. 464).

«Как когда была столица в Нова-городе...» Соколов — Чичеров; зап. Е. П. Родиной от Ф. А. Конашкова в 1938 г.

«Ай же ты, Грозный царь Иван Васильевич...» Соколов — Чичеров; зап. в 1927 г. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариним. Ю. М. Соколовым от Д. А. Серова в д. Жарниково (Кижы) Карельской АССР.

«Турда олень за горы ушли...» Миллер, № 125; зап. В. Ф. Хотьковским от М. А. Фроловой в с. Горка Петрозаводского у. Олонецкой губ. *На пять дверь отворилась*, — т. е. настужь открылась.

«На Страшнóй было неделе, во велик четверг...» Рыбников, I (Миллер, № 109); зап. в 1860 г. от Л. Богданова в Кижях Олонецкой губ. *Страшная неделя*. Страстная неделя предшествовала святой (т. е. пасхальной). *Велик четверг* — четверг на страстной неделе. *Тухлым оком* — т. е. тусклым взором.

18. Марков (Миллер, № 26); зап. в 1899 г. от А. М. Крюковой в с. Нижняя Зимняя Золотица Архангельской губ. Принято считать, что эта чрезвычайно редкая песня связана с именем Анастасии Романовны (о ней см. выше): здесь отразились привычные представления о ее доброте и сдерживающем влиянии на царя. *На пять* — см. выше.

«А к чему же, братцы, приуныла всё быстра река...» Марков (Миллер, № 25); зап. в 1898 г. от Г. Л. Крюкова в с. Нижняя Зимняя Золотица Архангельской губ.

19. Догадин (Миллер, № 141); зап. в 1902—1903 гг. от И. А. Прокопова, А. Капустина и др. в ст. Александровской Астраханской губ. *Ивану Великому* — см. с. 465.

20. Киреевский, VI; зап. А. М. Языковым в г. Сызрани Симбирской губ. Песня связана с именем Ивана Грозного. Центральный герой — персонаж вымышленный. В основе сюжета лежит факт *правежа* — так в древнерусском праве называлось взыскание с ответчика в пользу истца, сопровождавшееся физическим наказанием. В случае, если ответчик не мог заплатить долга, его выводили, ставили перед зданием Приказа (в Кремле) и били батогами по ногам — так ежедневно, в течение определенного времени. *За бесчестие заплатите ему*. Согласно древнерусскому праву за «бесчестье» (здесь: физическое наказание) выплачивалось вознаграждение, сумма которого зависела от положения лица в обществе и его должности. В данном случае царь нарушает обычное установление, поскольку это право не касалось лиц «низкого» происхождения.

«Как у нас то было в матушке каменной Москвее...» Киреевский, VI.

21. Путилов; зап. в 1945 г. Б. Н. Путиловым от Н. М. Литвина в ст. Старый Щедрин Грозненской обл. По мнению собирателя, в основе песни лежат определенные события: «создание Гребенского и Терского казачьего войска, которому предшествовал период оживленных связей казаков, живших на Тереке, с Москвой» (Исторические песни XIII — XVI веков. С. 670). *Гребенские казаки* — старейшие русские поселенцы на

Тереке. *Подарю вас... Тереком со притоками*. Возможно, что в песне отразилось событие 1585 г., когда Иван Грозный якобы пожаловал гребенским казакам терские земли.

22. Известия АН. Прибавления. 1854, т. III (Миллер, № 151); зап. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ. *У Ивана было у Великого* — см. с. 465. *У Михайлы у Архангела* — см. с. 464. *У собора у Успенского* — имеется в виду кремлевский собор.

23—24. Вероятно, песни о Ермаке в казачьем кругу сложились уже после Сибирского похода казаков. Захватив Сибирь, казаки были вынуждены обратиться к царю с просьбой о примирении и союзе (подробнее см. на ст. 33—34).

1. Догадин, I (Миллер, № 186); зап. в 1902—1903 гг. от П. И. Киктева и др. в ст. Пичуженской Астраханской губ.

2. Сборник материалов, XXXIX, отд. II; зап. Д. Еланским в ст. Терской. *Чернославские* — черноставские (искаж.), с Черноставского острова на Каспии.

«Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке...» Записки Терского общ. 1914 г., № 7, зап. Ф. С. Гребенцом у терских казаков.

«Ай да на славной было, братцы, да на ре...» Листопадов (Миллер, № 165); зап. в 1903 г. в ст. Малодельской.

«Что пониже было города Саратова...» Известия АН. 1904, кн. 1.

«Как на Волге, да на Камышинке...» ОЗ. 1848, т. 59; зап. М. И. Иваниним в земле Уральского казачьего войска.

25. Киреевский, VI (Миллер, № 181); зап. в г. Симбирске. Возможно, песня является поэтическим откликом на первые выступления кабальных людей, предшествовавшие крестьянской войне начала XVII в. (подробнее о ней см. в комментариях Б. Н. Путилова// Исторические песни XIII — XVI веков. С. 677—678). *Никите сын Иванычу* — возможно, вместо: Никите Романовичу (см. с. 464).

«Как далече-далече...» ЖС. 1897, вып. 1, отд. 2 (Миллер, № 161); зап. в 1893 г. А. Александровым от Д. Козырева в с. Рыбное на Ангаре.

«Как далеченько-далеченько, во чистом поле...» Народные исторические песни; из Саратовских губ. вед.; зап. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ. Под именем Ермила Тимофеевича фигурирует Ермак; в перечне же городов, которые предполагается пройти *музурам*, отразились более поздние по сравнению с XVI в. впечатления (см.: Исторические песни XIII — XVI веков. С. 675—676).

26. Исторические песни XIII — XVI веков; из Донских войск. вед. По мнению Б. Н. Путилова, песня должна рассматриваться не в связи с событиями 1545—1552 гг. (Казанским походом), а «в связи с исторической действительностью и историческими представлениями казачьих масс более позднего периода», т. е. относится она к 80—90-м годам — кануну Смутного времени (см.: Исторические песни XIII — XVI веков. С. 683—684).

«На усть было матушки Волги-реки...» Пивоваров (Миллер, № 168); примеч. собирателя: «Эта огромная песня писана со слов казаков Богаевской станицы Федота Филиппова Цыганкова и Алексея Савельева Фарапонтова. Пометка сделана на очень ста-

ринной рукописи, доставленной собирателю А. А. Леоновым». *Тизичьи* — вероятно, тезичьи, мусульманские. *Места притинные*, — т. е. потаенные.

27. Корнилович; зап. у донских казаков. Сюжет этой редкой песни полностью вымышленный и не имеет под собой исторической основы. *Корабли... не орленные* — корабли, на которых не было царского герба. *Мы убили посланчика всё царского*. Подробнее этот мотив развит в песне «*Казаки убивают царского посла*» (см. № 28).

«Ш а т а и л с я , м о т а и л с я Е р м а к с ы н Т и м о ф е е в и ч...» БдЧ. 1861, № 3; напечатана И. Железновым в составе рассказа старого казака, который называет ее редкой. Здесь же приведено предание, представляющее собою пересказ того же сюжета.

28. Кирша Данилов (Миллер, № 158); в рукописи загл.: «На Бузане-острове». В песне подробно развит мотив убийства царского посла казаками при нападении на торговый корабль; возможно, что здесь произошло объединение двух самостоятельных сюжетов: о нападении казаков на турецкие корабли и взятии в плен дочери мурзы и о столкновении с Карамышевым (см. № 60).

«К а к с б и р а л и с ь к а з а к и н а к р у т б е р е ж о к...» Гильфердинг, III (Миллер, № 157); зап. в 1871 г. от И. Г. Захарова в д. Кугановолок на Водлозере Олонецкой губ. *Казаки... гребеньски* — см. примеч. 21.

29. Кирша Данилов (Миллер, № 159). Текст представляет собою соединение песни с прозаическим повествованием; возможно, что последняя ее часть является пересказом песни «*Ермак у Ивана Грозного*» (см. № 27). *До Троицева дни*. Праздник Троицы приходился на 49-й день после Пасхи, на воскресенье. *До Петрова дни*. Петров день праздновался 29 июня. *С Покрова до зимнего Николина дня*. Праздник Покрова отмечался 1 октября. Никола зимнего — 6 декабря.

30. Листопадов (Миллер, № 164); зап. в 1903 г. в ст. Усть-Бузулуцкой на Дону. Сюжет песни вымышлен, его конкретно-историческая основа неясна.

31. Народные исторические песни; из ж. Дон.

32. Исторические песни XIII — XVI веков; из Донских обл. вед.

33. Кирша Данилов, с загл.: «По край моря синего стоял Азов год». Сюжет песни вымышленный.

«Ч т о п о к р а й м о р я с и н е г о...» Исторические песни XIII — XVI веков; извлечена О. Б. Алексеевой и Л. И. Емельяновым из фондов отдела рукописей ГПБ.

«А х , т а л а н л и м о й , т а л а н т а к о в...» Чулков.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVII ВЕКА

34. Киреевский, VII (Миллер, № 236); доставлена В. И. Далем. В песне отразились события начала Смутного времени, загадочная смерть царевича Дмитрия (1591) и смерть Бориса Годунова (1605).

35. Киреевский, VII (Миллер, № 227); зап. в 1834 г. в с. Соколы Чернского у. Тульской губ.

36. Известия АН. Прибавления, 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. В песне отразилась судьба *Ксении*, дочери Бориса Годунова. Во время захвата Москвы Лжедмитрием I на глазах царевны были убиты ее мать и брат Федор. Красавица Ксения, по свидетельству исторических источников, была оставлена самозванцем в живых, «дабы ему лепоты ее насладиться» («Повесть книги сея от прежних лет»), а затем пострижена в монахини.

«А сплachtetся на Москве царевна...» Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг.

37. Кирша Данилов, 1804. В основе песни — события кратковременного царствования Лжедмитрия I. В ней действуют исторические лица: *Марина*, ее отец Юрий Мнишек (воевода Сandomирский), инокиня Марфа (в песне — *царица Марфа Матвеевна*); седьмая жена Ивана IV, Мария Федоровна Нагая, мать царевича Дмитрия, убитого в Угличе. Действие происходит в Москве (подробнее см. с. 28—29). *Вешней праздник Николин день*. Николин день (летний) приходится на 9 мая. *В четверг у расстриги свадьба была*. Свадьба Лжедмитрия происходила 8—9 мая 1606 г. Большинство исторических источников называет пятницу как день свадьбы (церковь запрещала жениться в этот день недели). *Красной крылец* — дворцовое парадное крыльцо в Кремле. *Софеи премудрыя*. Такого собора в Кремле нет. *Ивана Великого* — см. с. 465.

«На нас, братцы, господи разгневался...» Рыбников (Миллер, № 210); зап. в 1863 г. П. Н. Рыбниковым от крестьянина Н. Ф. Дутикова-Федотова в д. Конда Сенногубской вол. *Сердобольского* — вместо: Сandomирского. *Филиппов пост* приходился на 15 ноября — 24 декабря. *До Христова дня*. Христовым днем называли пасхальное воскресенье.

«В шестом году восьмой тысячи...» Акимова; зап. в 1925 г. В. В. Племянниковой от Ф. Л. Ермолаева в с. Балтай Ново-Бураковского р-на Саратовской обл. *В шестом году восьмой тысячи*. По новому летоисчислению эта дата соответствует 1498 г. *Как убил его Гришка-расстрижка*. В гибели царевича Дмитрия (1591) народная молва чаще обвиняла Бориса Годунова. *А женился он в субботу великую*. Суббота великая — суббота на пасхальной неделе. О женитьбе Лжедмитрия см. выше.

38—39. Князь Михаил Васильевич *Скопин-Шуйский*, крупный полководец, выдвинулся во время борьбы за освобождение Москвы от польских интервентов в 1609—1610 гг. Блестящие победы, одержанные им в ряде сражений с поляками и войсками Лжедмитрия II, произвели большое впечатление на современников. В обстановке Смутного времени с именем Скопина связывались надежды на возрождение и укрепление русского государства. Подробнее см. с. 29—31.

1. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. *Мстиславской князь*. Вероятно, речь идет о Федоре Ивановиче Мстиславском (ум. 1622), который после свержения Василия Шуйского стал во главе боярского правительства (семибоярщины). *Воротынской*. После свержения В. Шуйского воевода Иван Михайлович Воротынский (ум. в 1534 г.), входивший в боярское правительство, претендовал на престол. *Свецкие немцы* — шведы. По-

бежали немцы в Нов-город. Летом 1610 г. шведы захватили почти всю новгородскую землю и через год вошли в Новгород.

2. Кирша Данилов, 1818 (Миллер, № 201). *Во сто двадцать седьмом году, В седьмом году восьмой тысячи.* Речь идет о событиях 1609 г. (в песне названа другая дата: 1619 г.; по старому летоисчислению — 7127 г.). *Литва* — здесь: поляки. *Он поход чинил ко Нову-городу.* Скопин был направлен в Новгород для переговоров со шведами (*Свицкой землей*) об оказании ими военной помощи России против польских интервентов. *Карлус* — Карл IX. *Я закладываю три города русские.* Правительство В. Шуйского уступило Швеции, за военную помощь, город Корелу и отказалось от притязаний на Ливонию. *Митрофан Фунтосов.* Имеется в виду Яков Понтус Делагарди, начальник вспомогательного шведского отряда. *У того ли было князя Воротынского.* Смерть Скопина-Шуйского была неожиданной и загадочной: 23 апреля 1610 г. на крестинах у князя И. М. Воротынского он внезапно заболел и через две недели умер. В народе пошла молва, что Скопин был отравлен своим дядей Дмитрием Шуйским, завидовавшим его славе. Как на непосредственную отравительницу указывали на жену Дмитрия Шуйского Екатерину, дочь Малюты Скуратова (см. с. 31—32). Говорили о причастности к отравлению самого царя — В. Шуйского (см.: «Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского»//Русская историческая библиотека. Т. XIII, Спб., 1909. С. 672—683).

«Прикажи, сударь хозяин, Скопина проска-зать...» ЖС. 1890. Вып. I. Извлеч. Л. Н. Майковым из рукописного сборника начала XIX в. *Пищики* — здесь: писцы, грамотеи.

«Как во той ли было каменной Москвы...» Исторические песни XVII века; зап. в 1939 г. Родиной от Н. В. Кигачева в д. Тубозеро Рындозерского с/с Пудожского р-на.

«Я много ли, Скопин, по землям бывал...» Астахова, Былины. Т. II; зап. в 1929 г. А. М. Астаховой от И. Е. Чупрова в д. Аврамовская Усть-Цилемского р-на.

«Да и много Скопин да по землям бывал...» Леонтьев; зап. в 1938 г. Н. П. Леонтьевым от В. П. Тайбарейского в д. Лабжское (Нижняя Печора).

40. Киреевский, VII (Миллер, № 231); зап. в с. Зименки Зарайского у. Рязанской губ. В песне отразилось своеобразное отношение народных масс к «боярскому» царю *Василию VI Шуйскому* (1552—1612). Известно, что Шуйский не был популярен ни в среде бояр, ни в народе. Однако в песне симпатии народа оказываются на стороне царя. Вероятно, это объясняется тем, что он был низложен боярством, что он — жертва, «хороший» царь, погубленный «злыми» боярами. *На высокой колокольне.* Имеется в виду Иван Великий (см. с. 465). *Во Сибирь его послали.* Шуйский по низложению был увезен в Польшу, где и умер в плену в 1612 г. *Петрушку-самозванца.* Анахронизм. Лжепетр (Илейка), выдававший себя за сына царя Федора, выступил еще при Лжедмитрии, но был разгромлен войсками Шуйского и убит.

41. Киреевский, VII (Миллер, № 229); зап. в с. Соколы Чернского у. Тульской губ. Прокофий *Ляпунов* — один из вождей первого ополчения, принимавший участие в движении Болотникова, но затем перешедший на сторону Шуйского и пожалованный за это в думные дворяне. Он встал во главе народного ополчения во время польской интервенции, но постоянный социальный антагонизм внутри самого ополчения мешал единству действий и в конце концов привел к открытому бунту казаков,

результатом которого явилось убийство Ляпунова. *Гужмунд* — польский король Сигизмунд III (в летописи Жигимонт).

42. Киреевский, VII (Миллер, № 233); зап. в с. Слобода Боровского у. Калужской губ. Организация нижегородского ополчения связана с именем *Козьмы* Минина — земского старосты, обратившегося к посадку с призывом освободить Московское государство от польских и литовских разорителей. Командование ополчением было предложено воеводе князю Дмитрию Михайловичу *Пожарскому*, отличавшемуся политической честностью и большими воинскими способностями. С самого начала борьбы с польской интервенцией Д. М. Пожарский руководил русскими отрядами. В 1611 г. он возглавил передовой отряд первого ополчения и во время московского восстания против поляков был тяжело ранен. После освобождения Москвы и разгрома поляков состоялся земский собор (в январе-феврале 1613 г.), на котором происходили выборы царя. В числе возможных претендентов на престол назывался и князь Пожарский (см.: Лопаткин В. Земские соборы древней Руси. Спб., 1885. С. 125—126). Однако выборы находились в руках представителей влиятельного боярства, дворянства и духовенства, которых более устраивала кандидатура Михаила Романова.

43. Киреевский, VII (Миллер, № 234); зап. в Боровском у. Калужской губ. 21 февраля 1613 г. на Земском соборе в качестве претендента на престол был назван представитель рода крупных землевладельцев *Михаил Федорович* Романов (1596—1645). *Переставился во полночи Василий-царь*. См. примеч. 40. В. Шуйский был низложен в 1610 г., а умер он два года спустя в польском плену.

44. Киреевский, VII (Миллер, № 222); зап. в Симбирской губ. Песня возникла и, по-видимому, бытовала главным образом в районах, охваченных в период Смуты народными волнениями. В песне ощутимо отрицательно-пренебрежительное отношение к самозванцу и его жене, что дает основание полагать, что песня получила распространение уже после переворота 1606 г. и свержения Лжедмитрия. Возможно, что песенный образ *попа Емели* связан с конкретным историческим лицом — попом Еремеем Покровским из подмосковного с. Кудинова, главарем одного из отрядов, участвовавших в общей борьбе с иностранной интервенцией начала XVII в. (подробнее см.: Исторические песни XVII века. С. 342—343).

45. Киреевский, VII (Миллер, № 232); зап. в с. Соколовка Моршанского у. Тамбовской губ. Историческая основа песни — разгром приверженцев Заруцкого в Астрахани (1614 г.); правда, *царь Михаил Федорович* в освобождении города не участвовал. *Злодеи буруцкие* — вероятно: Заруцкие (искаж.).

46. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I; из песен, записанных для Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. Песня известна в единственной записи. В ней отразился реальный факт: торжественный въезд в Москву отца царя *Михаила Федоровича* (см. примеч. 42, 43) митрополита *Филарета*, выкупленного в 1619 г. из польского плена. Въезд происходил 14 июня 1619 г. *Вывез много князей-бояр*. Филарет был возвращен в Москву вместе с другими русскими пленниками по размену. *Вывез государева боярина Князя Михаила Борисовича Шеина*. М. Б. Шеин был в числе

обмененных русских (см.: Соловьев. Кн. 4. С. 548—549). *Дядюшка Иван Микитич боярин*. У Филарета был в Москве брат И. Н. Романов (см. там же).

ПЕСНИ ОБ АЗОВЕ

Песни «Азовского цикла» отразили многолетнюю борьбу донских казаков — а позднее русского государства — с Турцией, которая, захватив в XV в. крепость *Азов* в устье Дона, блокировала тем самым выход из Дона в Азовское и Черное моря. На основе событий, связанных с борьбой вокруг Азова, возникли многочисленные литературные произведения, а также развился богатый фольклор, в значительной своей части отразившийся и в литературе того времени. На нем построены, в частности, так называемые «сказочные повести». Сюжетный состав «Азовского цикла» весьма разнообразен. В него входят песни о взятии Азова (в версии, зафиксированной «сказочными повестями» об Азове), о казачьем круге, о Сеньке Маноцкове (см. примеч. 51), о сборах турецкого войска и первом приступе и др. Одна из особенностей азовских песен состоит в том, что в них меньше соответствий отдельным историческим фактам, чем в каких-либо других песнях XVII в. Объяснить это можно тем, что Азов был в казачьем фольклоре своего рода «эпическим городом», с которым связывались самые разные события и факты, в том числе и просто типические ситуации казачьей боевой жизни, не имеющие, так сказать, конкретной исторической «маркировки». Это, конечно, в значительной степени затрудняет точную датировку песен.

47. Исторические песни XVII века; из рукописного сборника XVIII в. (ГПБ).

«Тут сидит та честна-хвальная беседушка...» Путилов; зап. А. И. Жогиной от М. К. Павловой в ст. Старо-Щедринской. Уз — здесь, вероятно, устье.

48. Мякутин. Т. I; зап. в 1903 г. Мякутиным от казака Ефима Пименова и урядника Афанасия Щепачева в ст. Рассыпной.

49. Киреевский, VIII; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. В песне, вероятнее всего, отразился факт взятия Азова донскими казаками в 1637 г. *Иван Заморянин* — лицо вымышленное.

«Как выходит ведь государь наш по день...» Гильфердинг, I; зап. в 1871 г. А. Ф. Гильфердингом от И. А. Грищина из д. Загубье Толвуйского у.

50. Киреевский, VIII; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. Песня, по-видимому, была сложена в среде уральских казаков. *Чеган* — приток Яика.

51. Корнилович; зап. у донских казаков. По мнению В. Ф. Миллера, *Сенька Маноцков* — это Левка Маницкий, перебежавший к Азовскому паше незадолго перед осадой Азова Петром I и расстрелянный впоследствии в Черкасске (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. III, М., 1924. С. 324). *Не поставили б они башенки на усть речки Каланчи* и т. д. Турки, владевшие Азовом, запирали все выходы в Азовское море из Дона и из его притоков: на берегах ставили башни, а устья рек перегораживали тяжелыми цепями. Применялась также и особая сиг-

нализация — «струны» (веревки), соединенные с колоколами. *Каланча, Роговая* — притоки в устье Дона.

52. Кирша Данилов. Возможно, что в песне отразился реальный факт: в марте 1655 г. китайцы напали на одно из укреплений России на Амуре, взяли в плен несколько казаков и осадили острог. Но казаки отбили осаду. *С хребта Шингальского* — Хинганского (искаж). *Бойдоской князец*. Наименование «бойдоский» применялось к китайцам и представителям других народностей, живших в Китае.

53. Кирша Данилов. Князь *Семен Романович Пожарский* весной 1659 г. участвовал в осаде *Конотопа*, занятого тогда татарами и союзными с ними польскими войсками. Польский воевода Выговский, укрыв в засаде значительное войско, напал на осаждавших Конотоп русских, перебил много людей и угнал лошадей, а затем начал отступление, чтобы вызвать погоню и причинить осаждающим наибольший урон. Русская конница во главе с Пожарским пустилась преследовать неприятеля. Когда на второй день погони отряды Пожарского переправились за болотную речку Сосновку, поджидавшее их вражеское войско бросилось в атаку. В жестоком бою Пожарский был взят в плен и отвезен на допрос. Московский толмач Фролов, который был очевидцем смерти воеводы в стане татар, сообщал, что хан приказал умертвить князя за то, что он неоднократно воевал с крымцами. Другой исторический источник говорит о смелых, презрительных ответах Пожарского на допросе, за которые он и поплатился жизнью (см.: Корсакова В. Пожарский С. Р. // Русский биографический словарь. Т. Плавильщиков-Примо. Спб., 1905).

54. Кирша Данилов. События, о которых говорится в песне, относятся, скорее всего, к концу XVII в., когда между царскими войсками и казаками в районе Селенги и монгольскими (в песне: *мунгальскими*) князьками участились столкновения, сопровождавшиеся грабежами, угоном скота и т. д. Селенгинский острог был построен в 1665—1666 гг. *Тобуночки мужики*, или табунуты — одно из бурятских племен в Прибайкалье, платившее царскому правительству ясак. *Не годилось* — здесь: не было.

55. Русский фольклор. Т. III; зап. в 1946 г. Т. А. Шубом от Ф. М. Галыжинского в с. Косухино (Русское устье). Возможно, в песне отразились события 1632—1634 гг.: неудачная для России война за *Смоленск*. У горы *Покровской* в 1633 г. шли кровопролитные сражения. Князь *Илья Милославский* (в песне — *Мирославской*) к этой войне отношения не имел: он был воеводой во время войны 1654 г. *Яков Люпопостович* — вероятно, искаженное имя шведского полковника Якова Понтуса Делагарди, обычное в песнях о Скопине (см. № 38—39). *Схонья* — вероятно, сходни.

56. Гильфердинг. Т. II (Миллер, № 245); зап. в 1871 г. от И. А. Касьянова в д. Чолмужах Олонецкой губ. *Смоленск*, испытывавший многократные посягательства со стороны Литвы и Польши, был захвачен поляками в 1611 г. после почти двухлетней осады. Москва неоднократно пыталась отвоевать город, и, в частности, в войне с Польшей 1632—1634 гг., когда русская армия во главе с воеводой М. Б. Шенным (см. примеч. 46) более года стояла под стенами Смоленска. Осада, отнявшая много сил и средств, окончилась неудачей. Только в 1654 г. Смоленск был освобожден и в результате переговоров с Польшей сна-

чала возвращен на тринадцать с половиной лет, а затем навсегда вошел в состав Московского государства. В песне отразились чрезвычайно важные и продолжительные переговоры о возвращении Смоленска. Хотя земского собора в Смоленске в действительности не было, но самим изображением его в песне выражено отношение народа к борьбе за город и к возвращению его в состав русской земли. Упоминание о литовском и шведском королях отражает намерения Швеции и Литвы использовать в своих целях войны Москвы с Польшей. Финал песни — приказ царя казнить бояр, настаивавших на сдаче Смоленска, — в какой-то мере представляет отклик на факт осуждения и казни полководцев Шеина и Измайлова, сдавших в 1634 г. полякам армию под Смоленском. Имена князей Хованских и бояр Милославских оставили след и в истории русско-польских событий 1658—1667 гг., и в истории Смоленска. У *Архангелы Михайлы, У Ивана у Великого в соборе* — см. с. 465. *Полочка* — сиповочка (искаж.).

57. Кирша Данилов (Миллер, № 248). Осада *Риги* — исторический факт периода войны со Швецией (1656 г.). Царь *Алексей Михайлович* принимал непосредственное участие в войне. Опорными пунктами наступления были с юга Смоленск, Витебск, Полоцк, а с востока — Новгород, Псков, Дерпт (Тарту). Вначале наступательные действия разворачивались успешно: были взяты города Кокенгаузен (Кокнес), Динабург (Даугавпилс). 21 августа началась осада Риги, вскоре были заняты предместья, но город получал подкрепление с моря, а у русских войск не было флота. Осада затянулась до глубокой осени; из-за осеннего бездорожья осложнилось снабжение армии. 23 октября 1656 г. русские войска вынуждены были снять осаду.

58. Исторические песни XVII века; из рукописного сборн. конца XVIII в. (собрание Тагильского скита). Местонахождение песни указано В. И. Мальшевым. Соловецкое восстание началось в 1668 г. Непосредственным поводом к нему послужил приказ патриарха Никона ввести новый порядок богослужения и принять новые, исправленные по греческим образцам богослужебные книги. Братия монастыря отказалась подчиниться приказу, объявив нововведения «латинской ересью», и не пустила в монастырь патриарших послов. В ответ на это из Москвы был прислан стряпчий Волохов с отрядом стрельцов. Началась осада монастыря, продолжавшаяся более семи лет. Только в 1676 г. в результате измены одного монаха, указавшего потайной вход в монастырь, воеводе Ивану Мещеринову удалось овладеть монастырем. В песне отразилась вся сложность соловецкого восстания, и характерно, что бытовала она, главным образом, в раскольничьей среде. Здесь упомянуты основатели монастыря — старцы Зосима и Савватий.

«На Москве было на базаре...» ОЗ. 1860, № 4 (Миллер, № 262); зап. П. И. Якушкиным от орловского мещанина «на чугунке» в 1858 г. *Петров-то день* — см. с. 469.

«Во Москвы то было, во царстве...» Марков (Миллер, № 255); зап. А. В. Марковым от А. М. Крюковой в д. Нижняя Зимняя Золотица Архангельской губ. *Пещёрской* — искаж. от Мещеринов (см. выше).

59. Кирша Данилов.

60. Трутовский. Царский воевода князь Иван *Карамышев* был послан в 1630 г. к казакам с грамотой, в которой им предлагалось выступить

против Польши под начальством турецких пашей. Не желая воевать под водительством своих врагов и заподозрив Карамышева в том, что он намеревается силой заставить их заключить союз с турками, казаки схватили воеводу, избили и утопили в Дону. Москва была вынуждена оставить это преступление безнаказанным. Однако казаки, понимая, что убийство царского посла может привести к серьезным последствиям, всячески стремились изобразить дело так, будто Карамышев вел себя с ними непочтительно, чем нарушил и царскую волю. Эта версия и отразилась в песнях цикла.

«Вниз то было по матушке Камышинке-реке...» Чулков. Ч. I (Миллер, № 251). *Семен сударь Константинович*. Семен — вместо: Иван.

«Еще вниз то было по матушке Камышинке-реке...» Трутовский (Миллер, № 253).

ПЕСНИ О РАЗИНЕ

Крупнейший песенный цикл XVII в., намного превосходящий по количеству записей не только любой другой цикл, но вообще весь остальной фольклор этого столетия. Объясняется это прежде всего, конечно, необычайной популярностью знаменитого народного атамана, тою легендарной славой, в ореоле которой он навсегда вошел в народную память. По масштабам художественного обобщения, по широте и многообразию связей с эпической традицией, наконец по характеру тех внутренних творческих процессов, что происходили в разинском фольклоре на протяжении трех столетий, этот фольклор со всеми к тому основаниями может быть назван эпосом, разинским эпосом. Вполне эпическим по своему характеру является прежде всего образ самого Разина. Отразив многие реальные черты своего исторического прототипа — Степана Тимофеевича Разина, — образ этот, по-видимому, уже довольно рано стал обретать характерные эпические контуры, все явственнее обнаруживая черты глубокой типологической общности с известнейшими, любимейшими героями фольклорно-исторической классики — народными заступниками, атаманами донской и волжской вольницы, борцами за народную правду. Все более совпадая, совмещаясь с этим классическим типом народного вожака, все глубже усваивая черты его социально-эпической «биографии», образ Разина оказывал мощное циклизующее влияние, в сущности, на весь тот фольклор, в котором отражалась социальная борьба, накладывая свою печать на самые разнообразные пласты народной поэзии — от безымянных «удалых» и «разбойничьих» песен до исторических песен о Ермаке и азовских походах. Словом, образ Разина и самое его имя стало своего рода символом, сопутствующим поэзии социального протеста, поэзии бунта и вызова власти имущим. Одна из особенностей разинского движения состояла в том, что оно как бы соединило в себе все наиболее характерные формы, в которые выливалась борьба народа за свои права, за свободу и социальную справедливость. Извечные столкновения донской «голубьбы» с казачьей верхушкой, с так называемыми «домовитыми» казаками; знаменитые походы «за зипунами» к турецким и персидским берегам, не обходившиеся обычно без конфликтов с царскими воеводами и губернаторами; наконец, широкие народные восстания, завершавшиеся подчас походом на боярскую Москву, — все эти типичные проявления социально-политической борьбы XVI — XVII вв., которые прежде представляли собой лишь разрозненные, замкнутые в самих себе эпизоды, здесь, в разинском движении, соединились в некую единую цепь событий, в сложное и законченное явление.

ние, вошедшее в историю под именем Второй крестьянской войны. И это обстоятельство стало еще одним фактором, в сильнейшей степени активизировавшим циклизацию фольклора вокруг имени Разина. В песнях разинского цикла отразились так или иначе все наиболее существенные этапы Второй крестьянской войны — от первых выступлений «голутвенного» казачества на Дону и персидского похода разинцев 1668—1669 гг. до решительных сражений с царскими войсками на Волге, до тех важнейших событий, которые знаменовали перерастание сравнительно ограниченного по своему социальному характеру движения (казацкого по преимуществу) в широчайшее народное восстание — в Крестьянскую войну. Опираясь на традицию, на отстоявшиеся в ней сюжеты и мотивы, которые отражали ситуации, типологически сходные с теми, что предлагала современная действительность, разинский фольклор развернул широчайшую панораму событий, в которой яркая историческая конкретность органически сочеталась с подлинно эпической монументальностью художественного обобщения.

В истории русской исторической песни разинский фольклор — одно из высших художественных достижений.

61. Чулков. Ч. I (Миллер, № 343). Песни отражают тот резкий антагонизм, который характеризовал взаимоотношения между «голутвенным» казачеством и «домовитой» казачьей верхушкой и который был постоянным, незатухающим очагом классовой борьбы на Дону в XVII—XVIII вв. С подобных столкновений в казачьем «круге» начинались обычно все социально-политические движения «голутвенного» казачества, в том числе и разинское движение. Насколько близко передают песни характер и самую обстановку этих столкновений, можно судить по некоторым документальным свидетельствам того времени. «А в кругу де он, Стенька, всем вслух говорил:— Атаманы де молотцы, куда мы пойдем отсюда, на море ли по Волге или к иному царю служить? И в кругу старшина сказали ему, Стеньке, и всем казакам, что они иному царю служить не хотят, а пойдем де мы все на Волгу на бояр и воевод. И Стенька де, взяв саблю наголо, говорил им всем, что он на великого государя идти и руки поднять не хочет, лутче де ево тою саблею голову отсеките или в воду посадите. И казаки донские, которые тут же были в кругу, говорили ему... что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от того мы стали наги и голодни. И ныне де пойдем на бояр и воевод на Волгу за то, что де бояря и воеводы нас голодом морят... И Стенька де Разин им сказал, что добро, пойдем завтрее по Волге» (Крестьянская война. Т. I. С. 253). *Во Черкасском городе*. Черкасск — центр Донского казачьего войска.

«Как у нас то было на тихом Дону, в славном...» Догадин (Миллер, № 328); зап. от Л. В. Блинова и др. в ст. Александровской, от бр. Агановых и др. в ст. Красноярской, от бр. Прокоповых, А. А. Горшенева в ст. Пичуженской.

«Разливалась в зеленых лугах вода поляя...» Киреевский, VII (Миллер, № 320); зап. Д. А. Валуевым в Симбирске.

62. Исторические песни XVII века; из Терских вед. В начале 1670 г. на Дон приехал царский дьяк Евдокимов с тайным поручением к войсковому атаману Корниле Яковлеву поднять казаков против *Разина* и выдать его Москве. «А воровских шатостных людей за крепким атаманским постережением и старшин всего войска бережением здержите и от указу нашего государского и от истинного своего послушания не отступите» (Крестьянская война. Т. I. С. 193). Разин, явившись в круг, спро-

сил Евдокимова, кто его прислал — царь или бояре. На слова Евдокимова, что он послан царем и имеет на руках царскую грамоту, Разин ответил, что Евдокимов лжет и что грамота его — поддельная. По приказу Разина дьяк был схвачен и убит. *Есаул гребенской* — помощник атамана.

63. Догадин (Миллер, № 330); зап. от И. Е. Сотникова, А. С. Двина и др. в ст. Ветлянинской. В песнях отразились некоторые обстоятельства, связанные с походом разинцев на Яик летом 1667 г., в частности, взятие Яицкого городка. «А приходили де те воровские казаки, атаман Стенька Разин, а с ним человек с 40 воровских казаков, к городовым воротам и просилися в Яицкой городок к церкви помолитца. А голова де Иван Яцын тех воровских казаков, атамана Стеньку Разина, а с ним казаков человек с 40, в город пустил» (Крестьянская война. Т. 1. С. 138).

«Я и к ты наш, Яик ли сударь Горынович Яик!..» Собольский, VI; из рукоп. сборника XVIII в.

«Бы стрехонько...» Догадин (Миллер, № 329); зап. от А. М. Дедова и др. в ст. Сероглазинской.

64. Чулков. Ч. III (Миллер, № 349). Один из традиционных мотивов казачьих песен, который, однако, может быть связан с реальными событиями — с тяжелой зимовкой разинцев после персидского похода на островах *Каспийского моря* (1668—1669).

«Что пропились, робятушки, промотались...» Чулков. Ч. III.

65. Чулков. Ч. III. Хотя чисто «разинских» реалий в песне нет, включение ее в разинский цикл все же вполне оправданно: именно из Астрахани выслались против Разина стрельцы в 1667—1669 гг. Нет, однако, и оснований утверждать, что в песне отразился конкретный исторический факт — гибель разинского есаула Сергея Кривого. Вероятнее всего, перед нами одна из традиционных «удалых» песен, вовлеченных позднее в орбиту разинского фольклора.

66. Народные исторические песни; из Саратовских губ. вед. Слава «заговоренного», непобедимого воина, которому помогают сверхъестественные силы, сопутствовала Разину еще при жизни. Одной из причин этого была поразительная легкость многих его побед, а также то огромное, поистине магическое воздействие, которое оказывали на народ его воззвания. Крупнейшие волжские города сдавались ему без единого выстрела, многочисленные отряды царских войск переходили на его сторону по первому его слову. Под Черным Яром «астраханцы де из судов выстрелили трижды по Стенькиным судам и в суды не попали и никою не убили, а Стенька де с казаками скоро взошли на берег, и черноряцы и астраханцы тотчас все пришли к нему, Стеньке, в стан и ничем не бились» (Крестьянская война. Т. 1. С. 255). Верил в волшебную неуязвимость Разина и царицынский воевода Унковский, говоривший, что «того атамана и есаула пищаль, ни сабля, ничто не возьмет и все де войско они берегут» (Там же. С. 137). В том же ряду легенд следует рассматривать и романтический эпизод с *девкой-астраханкой*, эпизод, который, впрочем, прониц в разинский фольклор, по-видимому, в сравнительно поздние времена, когда образ Разина уже утратил исторические черты и стал восприниматься как обобщенный образ удалого разбойника типа атамана Кудеяра.

«Уж вы горы ли...» ЖС. 1897, вып. 1 (Миллер, № 300); зап. в 1893 г. А. Александровым от Д. Козырева в с. Рыбном на Ангаре.

67. Трутовский. *Черноярской городочек* — Черный Яр на Волге, где Разин разбил стрелецкий отряд князя Львова. *Со великого раскату воеводу долой сбросил*. С раската казаки сбросили астраханского воеводу И. С. Прозоровского.

«Как у нас было на Волге, не черным-то зачернелось...» Пальчиков (Миллер, № 296).

68. Народные исторические песни; зап. в 1955 г. З. И. Власовой от И. Ф. Носова в д. Филипповской Усть-Цилемского р-на Коми АССР. Развернутый зачин многих разинских песен, имевший, однако, широкое обращение и в виде самостоятельной песни.

69. Киреевский, VII; зап. А. М. Языковым в г. Сызрани Симбирской губ. Песни о *сынке* Разина составляют почти две трети всего разинского цикла. Они распространены повсеместно и записываются собирателями по сей день. Столь необыкновенную их популярность следует объяснить, в первую очередь, конечно, их замечательной художественной выразительностью, емкостью и остротой сюжета, который оказался способным вместить содержание, далеко выходящее за пределы конкретно-исторической действительности, его породившей. По мнению большинства исследователей, историческую основу песен о «сынке» составили реальные факты — действия разинских разведчиков и «парламентеров», которых Разин обычно направлял в города перед тем, как начать их осаду. «Стенька Разин с своими воровскими товарищи пришел с Царицына под Астрахань тайно и умысла воровски посылал к городу товарищей своих говорить, чтобы (...) люди город ему сдали и боярина и воеводу выдали и в город его пустили» (Крестьянская война. Т. 2. С. 23). В другом документе говорится: «Астраханцы же у него Стеньки ходили в Астрахань для проведения вестей: как в городе осторожно живут и его, Стеньки, берегутся ли. И те лазутчики, приходя, ему Стеньке и всем казаком сказывали» (Крестьянская война. Т. 1. С. 255). Некоторые историки (Аристов, Костомаров) указывают даже на конкретное событие, отраженное, по их мнению, в песне, — казнь одного из разинских разведчиков летом 1670 г. в Астрахани, описанную голландским путешественником Стрюйсом (см.: Путешествие по России голландца Стрюйса // «Рус. архив». 1880, кн. 1. С. 5, 108.). Последнее, конечно, есть не более чем предположение, однако общая интерпретация исторической основы песни представляется в достаточной степени убедительной. Следует, впрочем, учитывать и другое — те исторические обстоятельства, в которых песня бытовала в последующие времена и которые несомненно оказали на нее определенное влияние. Вряд ли, например, могло не сказаться то обстоятельство, что после разгрома разинского движения в народе долго еще жила молва, будто Разин жив, что он еще вернется и что на Волге уже собирает отряды его родной сын Афанасий. Ясно также, что и основная сюжетная ситуация, разрабатываемая в песне, и главный ее герой должны были получить в этих новых условиях и новый смысл, и новую художественную «подцветку». Дерзкое поведение «сынка» на астраханском базаре (не слишком оправданное в случае, если он был тайным лазутчиком), его смелые речи перед губернатором (а в некоторых вариантах и перед самим царем) — все эти мотивы если и не были привнесены в позднейшие времена, то, во всяком случае, были

усилены, стали предметом особого художественного интереса именно в последующие эпохи.

«Гребитесь, ребяташки, на сторонку на свою...» Киреевский. Новая серия; зап. П. И. Якушкиным в д. Сабурово Малоярхангельского у. Орловской губ.

«Что и во городе во Астрахани...» Саратовский сборник. Вып. 1. Саратов, 1881; доставлена Ф. С. Голицыным из Хвалынского у.; зап. от мордовки А. Филипповой из с. Мордовского Карагуза Хвалынского у. Саратовской губ. *Кушачок* — здесь: нарядная накидка. *Белевые чулочики* — белые, отбеленные чулки. *Скосна, воскосна* — смысл слов неясен.

«Вниз по Волге по реке по астраханской...» Шейн; зап. в 1872 г. от Ф. С. Вдовина в с. Безобразовка Хвалынского у. Саратовской губ.

«В славном-то во городе во Вастракани...» Гильфердинг. Т. III. (Миллер, № 278); зап. от П. Я. Меншикова на Кенозере. *Штафам-офицерам* — штаб-офицерам (искаж.).

«Мне вечер-то, вечер...» Сборник материалов, вып. 37; зап. в 1899 г. М. Карпинским от Ф. Васильевой в ст. Червленной Терской обл. «Не от пламечка ковыль-трава загоралася...» Миллер, 1904 (Миллер, № 299).

70. Чулков. Ч. III. С. Т. *Разин* был казнен 6 июня 1671 г. на Болоте, за Москвой-рекой.

«А из тихого из шелкова из затону...» Лозанова; из архива ГО, рукоп. сб. А. Н. Пасхаловой.

71—85. Песни цикла повествуют о судьбе разинцев и относятся, как правило, ко времени разгрома восстания.

1. Народные исторические песни; из архива ГО; зап. в 1850-е гг. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ.

2. Стахович. Перепечатан текст М. Стаховича, П. В. Киреевский снабдил его следующим примеч.: «Борисоглебский у. Тамбовская губ. (...) вторично проверена и пополнена из уст самого Н. Е. Ляковского, первоначально напевшего ее Стаховичу в Берлине». Н. Е. Ляковский с детства заучил песню «из уст народа» (Киреевский, VIII. Дополнения. С. 321).

3. Шейн (Миллер, № 319); зап. от Н. Картавенко в ст. Усть-Урень Корсунского у. Симбирской губ.

4. Рыбников. Т. II (Миллер, № 282); зап. от неизв. лица из Екатеринбургского у. Пермской губ. в Петрозаводске.

5. Киреевский, VII (Миллер, № 337); зап. в д. Андроновское Лихвинского у. Калужской губ.

6. Народные исторические песни; из Донских губ. вед. (Соболевский. Т. VI, № 429).

7. Марков; зап. от А. М. Крюковой в д. Нижняя Зимняя Золотица Архангельской губ.

8. Шейн (Миллер, № 318); зап. в 1856 г. от Цыплова в ст. Усть-Урень Корсунского у. Симбирской губ.

9. Исторические песни XVII века; из Саратовских губ. вед.

10. Железновы; зап. от 75-летнего казака Ф. С. Ж.

11. Мякушин (Миллер, № 309); с рукописи Н. Ф. Савичева.

12. Соколов; зап. в 1900 г. от Д. И. Марковой в с. Коневка Петровского у. Саратовской губ.

13. Русский фольклор, III; зап. в 1946 г. Т. А. Шубом от А. И. Шкулевой в с. Полярное (Русское устье).

14. Чулков. Ч. II. Песня лишь условно может быть отнесена к разинскому циклу.

15. Чулков. Ч. I. Песню лишь условно можно отнести к разинскому циклу.

86. Чулков. Ч. III. Песня о расправе над губернатором могла сложиться и без связи с разинским движением, и отнесение ее к разинскому циклу условно.

87. Кирша Данилов, 1818. Песня не соотносится с реальным историческим фактом. В Астрахани был воевода Борис (а не Данила) *Репнин*, но об убийстве его казаками никаких сведений нет. *Коловинские острова*. На Кулалинском острове разинцами был устроен городок.

88. Исторические песни XVIII века; из сб. «Воронежская беседа»; зап. в Воронежском у. Сообщена Мацкевичем. *К Казанску собору*. Церковь Казанской божьей матери стояла напротив Кремля. В песне отражен эпизод из истории крымских походов, предпринятых правительством Софьи в 1686 и 1689 гг. Возглавлявший поход фаворит царевны князь Василий Васильевич *Голицын* (1643—1714) вынужден был с позором возвратиться в Москву.

«Не куличушки в поле кулика ли...» Киреевский, VIII; зап. М. П. Лисицыным в Болховском у. Орловской губ.

89. Кирша Данилов, 1818. В рукописи текст поврежден, и отмеченные отточиями места не прочитаны. Казачий атаман Фрол Минаевич Минаев с 1680 по 1700 г. участвовал в крымском и азовских походах. В песне отразились мотивы жалоб на тяжесть этих непопулярных походов. *Лютик* — турецкий форт близ Азова. *Во Черкасском... городке*. См. с. 477. *Гребенские... казаки*. См. примеч. 21. *От Васьки от Голицына*. См. предыдущее примеч.

ПЕСНИ ОБ АЗОВСКИХ ПОХОДАХ

Песни об азовских походах на рубеже XVIII в. отразили борьбу за осуществление одной из главных политических задач русского государства — завоевание выхода к Черному и Азовскому морям. В 1694 г. Петр I предпринял неудавшуюся попытку завладеть Азовом. В результате второй попытки (1696) русским удалось открыть для себя выход в море. В центре песен — поход к Азову или взятие этой крепости.

90. Чулков. Ч. II.

91. Киреевский, VIII; зап. А. М. Языковым в с. Станичное Симбирской губ.

92. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I (Киреевский, VIII); зап. Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губ.

93. РС. 1871, № 10 (Гильфердинг, III); зап. в 1871 г. А. Ф. Гильфердингом от И. Я. Гусева в д. Конец Усанской вол. Новоладожского у. Петербургской губ.

94. Чулков. Ч. III (Киреевский, IX). Упоминаемый в песне *генерал Левашов* — это, очевидно, генерал Василий Яковлевич Левашов (1667—1751), ставший популярным позднее — после персидских и турецких войн (1722—1734 гг.).

95. Киреевский, VIII; зап. от мещанки из Рогожинской части (в Москве). *По синему морю по Верейскому*. Название моря вымышленное. Возможно, что оно представляет собою искаженное Варяжское (т. е. Балтийское). *Преображенский полк* в 1691 г. был превращен Петром I в регулярный (так же как и Семеновский).

96. Миллер, 1904. Текст представляет собой самостоятельную разработку темы борьбы с турками. Развертывание сюжета вокруг главного героя — известного полководца петровского времени, генерал-фельдмаршала *Бориса Петровича Шереметева* (1652—1719), позволяет предположить, что песня имеет в виду один из эпизодов первого азовского похода во главе с князем, и условно отнести ее к песням об азовских походах. Сюжетно песня связана с группой песен о Северной войне 1700—1721 гг., повествующих о допросе Шереметевым шведского майора. (Подробно о Шереметеве см.: Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.)

ПЕСНИ О ВОССТАНИИ СРЕЛЬЦОВ

Песни представлены различными сюжетами, связанными с воспоминаниями о жестоком подавлении стрельцкого восстания 1698 г. Стрельцы, недовольные Петром I и подстрекаемые Софьей, заключенной в монастырь, воспользовались поездкой царя за границу и подняли восстание. Оно было подавлено, и по возвращении Петра начались массовые казни участников восстания. Во всех вариантах сюжета основу конфликта составляет более или менее острое несогласие между стрельцами и царем, причем в песнях явно выражено сочувствие к стрельцам.

97. Киреевский, VIII; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. *Петр Федорович* — ошибочно, вместо: Алексеевич. *Красён крылец* — см. с. 470.

«Тонко-звонко во Успенский большой колокол ударили...» Киреевский, VIII; зап. на Урале. Доставлена В. И. Далем.

«На черте было черте...» Исторические песни XVIII века; зап. С. М. Пономаревым от казаков.

«На святой то Руси в кременной Москве...» Исторические песни XVIII века; из Терских вед. сообщил Мороз.

«Как у нас то было во матушке кременной Москве...» Сборник материалов, вып. 15; зап. П. Семеновым в ст. Слепцовской.

98. Киреевский, VIII; зап. П. В. Киреевским.

99. Киреевский, VIII; зап. А. М. Языковым в Сызрани.

100. Чулков. Ч. II (Киреевский, VIII; Якушкин, 1884); для П. И. Якушкина зап. Ап. Григорьевым у цыган.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

ПЕСНИ О СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

Один из наиболее значительных песенных циклов XVIII в. Песни о Северной войне (1700—1721) интересны не только в том отношении, что в них отразился один из самых знаменательных периодов русской истории — многолетняя и напряженная борьба России за выход к Балтийскому морю, за возвращение исконных русских земель, — но и в том, что они, в сущности, положили начало новому этапу в развитии самой исторической песни. Традиционная историческая песня, создававшаяся крестьянами, казаками, низами городского посада, все более начинает обретать характерные черты песни солдатской, в которой хотя и продолжает оставаться достаточно прочной прежняя основа, но уже явно видны черты новой эпохи, нового мировосприятия и, соответственно, новой поэтики. (Подробнее см. с. 37—40.)

101. Макаренко; зап. в 1890-х гг. от Ф. В. Сизых в д. Кежемская Замка. Мотив разгадывания сна характерен для русского песенного фольклора; в песнях значение сна раскрывается под впечатлением и от Северной войны.

«Вечор то мне, матушка, малым-мало спалось...» Чулков. Ч. I (Киреевский, VIII).

102. Соколов, 1896; зап. в 1895 г. в с. Кутьино Петровского у. Саратовской губ. Песня сложилась, по всей вероятности, под впечатлениями от Северной войны, но определенного исторического факта в ее основе нет.

«Всё белы шатры при буграх, братцы, стоят...» Позднеев.

«Накануне было Петрова дни, царского ангела...» Киреевский, VIII; зап. Юрьенским в Нерчинске. Доставлена М. П. Погорелым. *Накануне было Петрова дни*. См. примеч. 29.

103. ЛН. Т. 79. М., 1968. Сюжет известен в единственной записи; здесь отчетливо проступают впечатления от поражения под Нарвой в 1700 г., когда большинство русских войск было разгромлено, а стойко державшиеся лучшие петровские полки Измайловский, Семеновский и бывший Лефортов понесли большие потери. Командир Преображенского полка один из сподвижников Петра I, полковник Автомон (в песне *Артамон*) Михайлович Головин, в числе других командиров, согласился на отступление, отдав шведам артиллерию. Вместе с десятью русскими генералами он был взят в плен (был обменен в 1718 г.).

104. Киреевский, VIII; зап. Борисовым в г. Шенкурске Архангельской губ. Сообщено М. П. Погодиным. Сюжет характерен для солдатских песен о тяжести походов. Возможность отнесения его к песням, связанным с Северной войной, основывается на упоминании цели похода (*земля шведская, граница государева* и т. д.), а также на употреблении имени Шереметева как военного начальника (о нем см. примеч. 96).

105. Киреевский, VIII (Киреевский, Новая серия); зап. П. И. Якушкиным в с. Андроновское Лихвинского у. Калужской губ. Сюжет не поддается точному историко-географическому прикреплению, хотя совершенно очевидно, что речь идет о конкретных представлениях, связанных

с событиями Северной войны: шведский король растерян от неожиданного появления русских войск; изображение сражения трагично; подчеркнуто количество павших (*реки кровавые*). *Большой барин*. Возможно, речь идет о Б. П. Шереметеве (см. примеч. 96.).

106. Чулков. Ч. III. В основе песни — один из наиболее ярких эпизодов Северной войны: осада и взятие шведской крепости Нотебург (Орешек) в сентябре 1702 г. Небольшая, но хорошо укрепленная крепость оказывала серьезное сопротивление и сдалась после длительной осады и «по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом приступе» — так писал Петр I, лично руководивший осадой Орешка (Соловьев. Кн. 8. С. 467). Царь переименовал *Орешек* в *Шлиссельбург*.

107. Чулков. Ч. II (Киреевский, VIII). Сюжет порожден исторической обстановкой XVIII в.: в нем отразилось народное представление о взаимоотношениях Петра I и казаков, охраняющих от шведов русскую землю. *Шлюшин* — Шлиссельбург. *Казаки... гребенские*. См. примеч. 21.

108. Записки Терского общ. 1914, вып. 10; зап. Ф. Н. Гребенцом от терских казаков. По мнению Б. Н. Путилова, «упоминание Орешева (т. е. Орешка) позволяет предположительно отнести песню к петровскому времени» (Путилов, 1948. С. 20).

109. Чулков. Ч. II (Киреевский, VIII). Сюжет традиционен; крепость Шлиссельбург (в песне — *Слюсельбург*) была взята при помощи подкопа и взрыва. *Шереметев*. См. с. 482. *Преображенские и семеновские*. См. примеч. 95.

110. Чулков. Ч. II (Киреевский, VIII). В песне отразились впечатления от тягот Северной войны. *Накануне было светлого воскресенья* — т. е. накануне праздника Пасхи. *Успенский собор* — в Кремле. *Как быть-то мне, боярину, убиту... под Полтавой*. Б. П. Шереметев умер в Москве в 1719 г. (см. о нем примеч. 96).

«На царский праздник, на велик день...» Известия АН. Прибавления. 1852, т. I (Киреевский, VIII); зап. Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губ.

111. Иваницкий; зап. в Вологодской губ. В основе сюжета — пространенный мотив жалобы на тяготы царской службы.

112. Позднеев. По всей вероятности, сюжет сложился под воздействием слухов, особенно распространившихся перед Полтавской битвой, о намерении Карла XII овладеть Полтавой и Москвой, о «росписи» им московских квартал для своего войска. Слух о намерениях шведского короля, в свое время поразивший народное воображение, отразился и в других песнях, связанных с событиями русско-шведской войны. *Он приступом Платаву взять не может*. Из исторических источников известно, что шведы произвели десять приступов, но не смогли овладеть Полтавой.

113. Позднеев. Сюжет песни, очевидно, связан с событиями русско-шведской войны. В эпизоде погони за шведским королем преломились, вероятно, впечатления Полтавской битвы, когда русские войска во главе с Александром Даниловичем Меншиковым (о нем см. примеч. 122; в песне — более популярный герой — Б. П. Шереметев, см. примеч. 96) преследовали остатки шведского войска и в том числе Карла XII. Детали воен-

ного снаряжения русских полков (*оружье долгомерно, пушки-галанки и т. п.*) соответствуют петровскому времени.

114. Кириша Данилов (Киреевский, VIII). В сюжете, представленном несколькими песнями, отразились некоторые конкретные факты Северной войны: участие самого Петра I в осаде Юрьева и *Орешка* (см. примеч. 106), сражение при *Красной Мызе*, которое произошло на подступах к Шлиссельбургу в 1702 г., присутствие в составе русских войск донских казаков, выступление войск Б. П. Шереметева именно из Пскова и др. *Казаков... гребецких*. См. примеч. 21.

«В тысяча семьсот первом годе...» Киреевский, VIII; зап. в 1845 г. А. Борисовым в г. Шенкурске Архангельской губ. *Благодёр* — бригадир (искаж.).

«Во тысяче семьсот двадцать первом году...» Исторические песни XVIII века; из рукописн. сборника XVIII в. *Пушки мартевые* — пушки-мортиры (искаж.).

«Из славного из города из Пскова...» Российская универсальная грамматика, 1769. *Напольному кавалеру*. Смысл слова «напольный» неясен. *Генералом Шлюшенбахом*. Речь идет об участнике Северной войны шведском генерале Шлиппенбахе (впоследствии стал генерал-лейтенантом на русской службе). *Варяжское море* — Балтийское. *Дерпт* — ныне город Тарту.

«Середь было красного лета...» Киреевский, VIII; зап. адмиралом Кузьминцевым в Шенкурском у. Архангельской губ. Доставлена М. П. Погодиным. *Голубец* — гаубица. *С Левеноттом*. Имеется в виду участник Северной войны Левенгаупт. *Шильпбахт* — Шлиппенбах.

«Тысяча семьсот девятого года... Исторические песни XVIII века; из Терских вед. *Полтава, Мазена* — анахронизмы. *Не прочил* — т. е. не сделал так, чтоб это было впрок; повредил.

115. Григорьев; зап. в 1900 г. от Трубкина в д. Кеврола на Пинеге. В основе сюжета — одно из событий Северной войны: осада и взятие русскими войсками шведской крепости *Рига*. Для ее штурма были посланы значительные силы русских, в том числе и войска Б. П. Шереметева (о нем см. примеч. 96), однако взять крепость удалось лишь в результате длительной осады (1709 — июль 1710) и усиленной бомбардировки. Песенные тексты с этим сюжетом не содержат каких-либо конкретных исторических деталей: хотя в них используются ставшие обычными для песен Петровской эпохи такие реалии как сенаторы, Преображенский и Семеновский полки, гренадерские роты и т. д. *Стали проздравляти императора-царя*. Анахронизм: Петр I принял титул императора только в 1721 г.

«Как по морю, морю синему, по синю морю Хвалынскому...» Памятники великорусского наречия (Киреевский, VIII). *Хвалынским* называли в старину Каспийское море.

116. Исторические песни XVIII века; зап. С. М. Пономаревым от крестьян с. Ломовка Богородицкого у. Тульской губ. В сюжете объединены два мотива — просьба шведской королевны о помощи и взятие русскими Кольвани — как второй эпизод, завершающий сюжетное повествование. В том, что в повествование введена шведская королевна, можно усмотреть существенное влияние слухов о девице из Стекольного царства (см.: Соловьев. Кн. 8. С. 100). Главное внимание сосредоточено не на изображении штурма крепости, что характерно для песен о взятии

городов, а на событиях в самом шведском лагере. *Колываньеца* — Колывань, старое название г. Таллина (Ревеля). *Городом Эстербеком* — Эстербек — искаж. Систербек (Сестрорецк).

«Как во славном то во городе было в Колывани и...» Киреевский, VIII; зап. в Рязанской губ. *Российский-то царь* — Петр I.

117. Чулков. Ч. I (Киреевский, VIII). Отдельные реалии (Петр I едет за границу или возвращается оттуда, сам сидит у руля и т. п.) говорят о вполне конкретной исторической обстановке, отразившейся в песне. *Морю по Хвалынскому*. См. примеч. 115. *Стекольный* — Стокгольм.

118. ОЗ. 1858, № 1; публикация А. Н. Пыпина; помета «...пелась в г. Починках Нижегородской губ. в 1791 г. и списана Максютиним со слов его родственников» (Киреевский, VIII). Сюжет представлен одной записью XVIII в. Наваян он, по всей вероятности, слухами о пребывании Петра за границей. Поездка царя инкогнито в чужие страны, поразившая народное воображение, явилась темой многочисленных слухов и легенд. Песня испытала их несомненное воздействие (ср. легенду о пребывании Петра в плену у девицы, управляющей Стекольным царством — Соловьев. Кн. 8. С. 100). Высказывалось предположение, что в данной песне отразились смутные реминисценции легенды о каком-то покушении на жизнь царя в шведской земле.

119. Гребенцы в песнях. Имя Долгорукого в этой и следующей песне не поддается уточнению. Песенный образ основан на народном представлении о князе-притеснителе.

120. Озаровская О. Э. Бабушкины старины. Пгр., 1916; зап. от Кривополеновой на Пинеге. *Среди-то было Китаю да славного города*. Речь идет о Китай-городе в Москве. *Семи... верхов*. Здесь: верхи — вершки (вершок — 4,4 см).

121. Киреевский, VIII; зап. в 1832 г. в с. Ильинское Московской губ. Сюжет известен в двух редакциях. Основа первой — реальные впечатления от казни (в 1721 г.) сибирского губернатора Матвея Петровича Гагарина, отличавшегося беспримысленным казнокрадством и взяточничеством. Московский дворец Гагарина на Тверской улице выделялся из всех княжеских домов того времени своей исключительной роскошью. Однако упоминание о казни имеется лишь в некоторых текстах. Другая редакция сюжета содержит один основной мотив: обличение князя (Меншикова, Голицына) в хищениях.

«Уж как вниз было по матушке по Волге-реке...» Чулков. Ч. I. (Киреевский, VIII). *Александрийски рубашки* — шитые из александрейки.

122. Чулков. Ч. I. *Снарядные* — снаряженные. Александр Данилович Меншиков (1673—1729) — крупный военачальник, светлейший князь, с 1727 г. генерал-иссусимус, ближайший сподвижник Петра I. Он отличался склонностью к взяточничеству и разного рода злоупотреблениям. *Сдунинаю воспевать* — смысл выражения неясен.

123. Народные исторические песни; из Донских обл. вед. В другом близком к публикуемому тексту варианте в пожаре Москвы обвинена ключница боярина Шереметева:

Загоралась от князей, от бояр,
От большого господина Шереметева.
Ходила его верная ключница
Во новы́ подвалы,
Заронила она, заронила
Воску ярого свечу.
Оттого каменна́ Москва загорелась.

(Киреевский, VII. Дополнения. С. 126)

Князья *Гагарины* и *Шереметевы* в XVIII в. были знатнейшими и богатейшими представителями московского барства.

124. Народные исторические песни; из Терских вед.; помета: «Сообщ. в 1874 г. Морозовым». Возможно, что в песне соединились воспоминания о казни колесованного в 1739 г. фаворита Петра II князя Ивана Алексеяевича Долгорукова и об опале замешанного в деле царевича Алексея князя Василия Владимировича Долгорукова (1667—1746). Последний был привезен в Москву, но, благодаря заступничеству сенатора князя Якова Федоровича Долгорукова, казнен не был, а только сослан (в 1718 г.).

125. Чулков. Ч. I (Киреевский, VIII). В песне отразились впечатления участников сооружения Ладожского канала, строительство которого началось в 1718 г.

126. Народная поэзия Горьковской области, вып. I. Горький, 1960; из Горьковского обл. архива. В основу сюжета лег запечатлевшийся в народном сознании факт насильного пострижения Петром I первой жены Евдокии Федоровны Лопухиной (не исключено, впрочем, что в песне отразилась типичная для русского средневековья ситуация, прикрепившаяся к определенному историческому факту). В 1698 г. *царица Евдокия* была заточена в *Покровский монастырь* в *Суздале*, а в 1699 г. тайно пострижена. Бытование сюжета в XVIII в. зафиксировано историческими документами, которые свидетельствуют, что исполнение песни воспринималось как попытка опорочить царскую фамилию и влекло за собой суровое наказание. *Во тли* — в тот ли (искаж.).

«Возле реченьки хожу млада...» РА. 1863, № 5 (Киреевский, VIII); зап. в 1862 г. В. И. Далем, напев — В. Ф. Одоевским. Примеч. собирателей: «...с голоса одной почтенной восьмидесятилетней дамы, которая научилась ей в детстве от своей няни, следственно от 1790-х годов». *Змею лютую*. Имеется в виду будущая Екатерина I, вторая жена Петра I.

ПЕСНИ ОБ ИГНАТИИ НЕКРАСОВЕ

В песнях об *Игнатии Некрасове* отразились события, связанные с восстанием К. А. Булавина 1707—1708 гг. Восстание началось на Дону осенью 1707 г. Поводом к нему послужили действия царского полковника Юрия Владимировича Долгорукова, прибывшего на Дон с отрядом солдат и потребовавшего от казаков выдачи 3000 беглых крепостных крестьян. Казаки не подчинились приказу, восстали и перебили весь от-

ряд. Восстание, во главе которого встал Кондратий Булавин, быстро распространилось и разрослось в весьма широкое движение. На его подавление правительство бросило крупные силы (ими командовал В. В. Долгоруков (см. примеч. 124), брат убитого казаками полковника), и после целого ряда ожесточенных сражений восстание было разгромлено. Все события, относящиеся к восстанию, народная поэзия связала с именем Игнатия Некрасова, одного из сподвижников Булавина. Особая популярность Некрасова объясняется не столько его ролью в самом восстании, сколько тем, что после поражения восстания он увел 2000 казаков за Кубань (тогдашние турецкие владения) и там основал своеобразную казачью «республику», которая просуществовала до 1740 г. и законы которой («Закон Игната») легли в основу жизни нескольких поколений казаков-эмигрантов в Турции (в Россию они начали возвращаться лишь перед первой мировой войной).

127. Железнов. *До города Черкасского* — см. с. 477. *Красен крылец* — см. с. 470. *От тумов-де, от тумов...* — Исправлена ошибка собирателя. У Железнова: От умов-де, от умов...

128. Сахаров (Киреевский, VIII).

129. Тумилевич, 1947; зап. в 1947 г. Ф. В. Тумилевичем от А. И. Иванутиной.

«Не красное солнце из-за гор выкаталось...» Мякутин; зап. Н. К. Бухариным от С. Давыдова в ст. Рассыпная.

«Да на заре то было, братцы, да вот на зорюшке...» Тумилевич. Неопубликованные песни; зап. в 1957 г. Ф. В. Тумилевичем от С. П. Трунина в ст. Голубинская.

130. Мякутин; зап. в 1904 г. М. Т. Лобановым от Деревенскова в ст. Рассыпная. *Матушка-Катериனுшка* — Екатерина II. При ней продолжалась эмиграция казаков в Турцию.

«Что на славной на речке...» Путилов, 1948; из Терских вед.

131. Тумилевич, 1947; зап. в 1944 г. Ф. В. Тумилевичем от И. В. Господарева. Примеч. собирателя со слов Господарева: «...песня игралась, когда наши предки хотели воевать Казань — думали уходить с Дону...» *Стремины* — стремнины (искаж.).

132. Тумилевич. Неопубликованные песни; зап. в 1956 г. Ф. В. Тумилевичем от А. Е. Болдырева и П. Л. Баскина.

133. Тумилевич, 1947; зап. в 1939 г. Ф. В. Тумилевичем от А. В. Иванутиной. Примеч. собирателя: «Каждая строка поется по два раза».

134. Исторические песни XVIII века; из Терских вед.; зап. А. Г. Пупаревым в с. Старошешминском Чистопольского у. Казанской губ. В песне отражен традиционный мотив поединка, приуроченный к событиям петровского времени; песня содержит также некоторые характерные детали сетования казаков на притеснения и насильственные перемены в их быте.

135. Казачий сборник. В 1716 г. по распоряжению Петра I на завоевание Хивинского ханства был отправлен из Астрахани через Гурьев отряд князя Александра *Бековича-Черкасского*, состоявший, в частности, из яицких и грбенских (см. примеч. 21) казаков.

136. Исторические песни XVIII века; из Терских вед. Песня, по предположению Б. Н. Путилова, восходит к XVI в.: сходный мотив содержится в песне об Иване Грозном и Гагарине. В Кабарде было черкесское племя Биберты: связь сюжета с черкесами также была характерна для времен Грозного (Путилов, 1948. С. 120—121). *Городом Бибердом* — название вымышленное, очевидна его связь с наименованием черкесского племени.

137. Гребенцы в песнях; с указанием: «Записана со слов «бабуки Верки» Курносовой». По мнению Б. Н. Путилова, сюжет может быть соотнесен с разными событиями XVIII в.; главное из них — столкновение горцев и калмыков в 1717 г. во время переговоров Петра I с калмыцким ханом. В распоряжении хана в то время находился русский казачий отряд (Путилов, 1948. С. 122). *Вояси* — гой еси (искаж.).

138. Исторические песни XVIII века; из Терских вед. Песня, по-видимому, основана на впечатлениях от похода Петра I в 1722 г. в принадлежавшие тогда Персии земли на западном берегу Каспийского моря. В походе участвовало около 20 тысяч русских казаков, не считая других войск. Донскими казаками командовал бригадир Донского казачьего войска *Иван Матвеевич Краснощек* (ум. 1742).

139. Сказки, песни, частушки Вологодского края//Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края. Вологда, 1965; зап. в 1898 г. Тенишевым в с. Афонково Никольского у. Вологодской губ. Тема вербовки солдат характерна для Петровской эпохи. Набором солдат ведали многие петровские генералы; в данном случае песня прикреплена к Б. П. Шереметеву (см. о нем примеч. 96).

140. Астахова, Былины; зап. в 1927 г. А. М. Астаховой в д. Шотова Гора Каргопольского р-на на Пинеге. Традиционный сюжет, в основе которого — изображение торжественного царского выезда. В данном случае он прикреплен к Петру I.

141. Листопадов; зап. в 1903 г. А. Листопадовым в ст. Урюпинской. Сюжет песен может быть соотнесен с народными толками и слухами о Петре I, о его путешествии инкогнито.

«Что из славного города из Санкт-Петербурга...» Исторические песни XVIII века; из рукоп. песенника XVIII в. (ГПБ). *Иван Великий* — см. с. 465.

142. Известия АН. Прибавления. 1852, т. I (Киреевский, VIII); зап. Е. Фаворским в с. Павлово Нижегородской губ. Сюжет раннего происхождения. Известны варианты, связанные с именем Ивана Грозного (см. № 20). *Мужики — кашилы*. — Смысл слова «кашилы» не ясен.

143. Шейн; зап. А. Я. Кокосовым в Камышловском у. Пермской губ. Сообщена Л. Н. Майковым. Сюжет традиционный (см. № 59).

144. Шейн; зап. А. Я. Кокосовым в Камышловском у. Пермской губ. Сообщена Л. Н. Майковым. В песне использован сюжет ранней исторической песни о гневе Ивана Грозного на сына с введением в него имени Петра I и *царевича Алексея* и в то же время с сохранением имени *Никиты Романовича* (см. с. 464).

145. Исторические песни XVIII века; из Терских вед. По предположению Б. Н. Путилова, в песне отражено падение роли Москвы в связи с основанием Петербурга (Путилов, 1948. С. 116).

146. Рыбников. Т. II (Киреевский, VIII); зап. в 1861 г. от Козьмы Раманова в Сенной губе Олонецкой губ. Песня передает народные представления о «добром» царе и прикреплена к *Петру I. Хоть малый жеребечек*. Здесь: хоть малую часть.

147. Киреевский, VIII; зап. В. И. Далем на Урале. Традиционный сюжет, прикрепленный к *Петру I*; выражает народное представление о «демократическом» царе (отразившееся также в преданиях и сказках о Петре I).

148. Шейн; зап. в 1870 г. П. В. Шейном от бывшей дворовой в г. Витебске. Сюжет не дает оснований для его приурочивания к конкретному событию. Однако он вполне соотносится с петровским временем, организацией регулярной армии, солдатчиной и т. п.

149. Киреевский, IX.

150. Записки Терского общ.; зап. Ф. С. Гребенцом у терских казаков. В песне использованы мотивы похоронных плачей. *Гребенской-ат казак*. См. примеч. 21.

151. Киреевский, VIII; зап. Языковым в с. Станичное Симбирской губ.

«А х ты батюшко светел месяц...» Чулков. Ч. III (Киреевский, VII); зап. П. В. Киреевским от старухи Катерины Андреевны в с. Слободе Калужской губ. Боровского у. В песне использованы мотивы похоронных плачей.

152. Сахаров (Киреевский, VIII). И. И. Фролов был атаманом Донского войска с 1735 по 1738 г. *Город Черкасский* — см. с. 477.

153. Киреевский, IX; зап. в Тульском у. Тульской губ. с пометой «Записано госпожой У-вой». В 1739 г. в Новгороде были казнены четверо князей Долгоруковых, политических противников Анны Иоанновны. Вероятнее всего, в песне речь идет о 30-летнем И. А. Долгорукове (см. о нем примеч. 124), приговоренном к колесованию. За несколько лет до казни к нему в ссылку приехала его невеста Н. Б. Шереметева, вопреки возражениям родных вышедшая за него замуж.

154. Исторические песни XVIII века; из Гос. архива Ростовской обл.; зап. А. Листопадовым от Х. Кромакова в ст. Вешенской. Возможно, что песня представляет собою отклик на опалу князей Долгоруковых по смерти Петра II, соединяя с этими мотивами некоторые черты, унаследованные еще от эпохи Петра I. Не исключено также, что центральный мотив песни навеян ссылкой Алексея Григорьевича Долгорукова (ум. 1734) и его жены в Березов вместе с другими членами семьи Долгоруковых.

155. Чулков. Ч. II.

156—157. В песнях о бегстве Лещинского речь идет о претенденте на польский престол Станиславе *Лещинском*, которого польский сейм при

поддержке Швеции и Франции, вопреки противодействию России и Австрии, избрал в 1733 г. королем. Русские войска в июне 1734 г. вступили в Польшу и осадили Лещинского в Гданьске. Город сдался, а сам Лещинский бежал в Пруссию.

1. Исторические песни XVIII века; из рукоп. отдела ГИМ. *Гранск* — Гданьск (искаж.).

2. Исторические песни XVIII века; из Терских вед.

158. Корнилович (Киреевский, VIII). Участник многих походов и войн — с Швецией, Турцией, Персией — бригадир Донского казачьего войска Иван Матвеевич Краснощеков пользовался огромной популярностью среди солдат и казаков. Во время русско-шведской войны 1741—1742 гг. в сражении под Гельсингфорсом (1742) попал в плен и там погиб. В изображении обстоятельств его гибели песни опираются не столько на реальные факты, сколько на традиционную сюжетную ситуацию, разработанную еще в XVII в. в песнях о гибели С. Р. Пожарского (см. № 53). Следы этой связи сохранились как в общей композиции песен о Краснощекове, так и в том, что в одном из вариантов вместо шведов фигурируют крымские татары. *Левенгаупт* командовал шведской армией в войне 1741—1742 гг.

«Не от тучи, не от грома, не от солнышка...» Чулков. Ч. I (Киреевский, IX).

159. Исторические песни XVIII века; из рукоп. сб-ка XVIII в. — ГПБ. *Городом...Гельцемфорсом*. Имеется в виду Гельсингфорс. В *Успенском соборе* — в Кремле.

160. Чулков. Ч. III (Киреевский, IX). Сюжет имеет более раннее происхождение. В данном случае он прикреплен к Краснощекову. *Поимали же Краснощекова на черной грязи*. О пленении Краснощекова см. № 158. Отряд Краснощекова был окружен на болоте; возможна связь этого факта с упоминанием в песне «черной грязи». *Хан крымский, татары* — анахронизмы.

ПЕСНИ О СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

В песнях цикла отразились события так называемой Семилетней войны (1756—1763), в которой Россия, в союзе с Австрией, Францией, Испанией, Саксонией и Швецией, выступила против коалиции, возглавляемой прусским королем Фридрихом II. В ходе войны русские войска одержали ряд крупных побед над армией Фридриха, считавшейся сильнейшей в Европе, поставив Пруссию на грань катастрофы, от которой ее спасло лишь воцарение на российском престоле нового императора Петра III. Песни ярко запечатлели типичные ситуации солдатской жизни, сохранили многие живые подробности сражений при Кунерсдорфе, Гросс-Егерсдорфе, Пальциге, запомнили осаду и взятие Берлина. Опираясь в целом ряде случаев на традиционные сюжетные схемы, песни о Семилетней войне в то же время значительно углубили общие тенденции, наметившиеся в развитии исторической песни в начале XVIII в. (см. вступ. статью, с. 40).

161. Киреевский, IX; зап. в Москве. Возможно, что песня связана со следующими событиями: по русско-австрийскому союзному договору 1746 г., заключенному на 25 лет и позднее подтвержденному, обе стороны обещали друг другу помощь войсками. В 1757 г. австрийское прави-

тельство попросило у России помощи против Фридриха II. Русская армия вступила в войну с Пруссией.

162. Чулков. Ч. II (Киреевский, IX). Песня связана с Семилетней войной (армия выступает к прусским границам), но не приурочена к какому-то конкретному событию.

163. ЛН. Т. 79. М., 1968; из архива Д. П. Ознобишина; зап. в Ставропольском у. Симбирской губ. Мотив похвальбы врага в песне традиционен. Тематически она примыкает к песне «Русское войско выступает в поход в землю шведскую» (см. № 104). В равной мере песня может иметь отношение и к Северной и к Семилетней войне. В последнем случае появление в песне популярного полководца Б. П. *Шереметева* (о нем см. примеч. 96) можно объяснить традицией. *Пруцкий король* — Фридрих II. *Ладанское озеро* — Ладожское (искаж.). *Кодинский... монастырь* — название вымышленное.

164. Мякутин; зап. М. Т. Лобановым. Сюжет может быть условно отнесен к Семилетней войне. *Прусской король* — Фридрих II.

165. Исторические песни XVIII века; из архива ГПБ. *Кюстрин* (Кюстрин) — одна из сильнейших прусских крепостей на Одере. Исторической основой песен этого цикла послужила осада Кюстрина русскими войсками в 1758 г., а также некоторые эпизоды Гросс-Егерсдорфской битвы (см. о ней примеч. 169). Летом 1758 г. фельдмаршал граф Виллим Виллимович *Фермор* (ум. 1771) подошел с армией к Кюстрину и начал осаду. Однако, несмотря на то, что после жестокой бомбардировки почти весь город был сожжен, Фермор вынужден был прекратить осаду. Последовавшая затем Цорндорфская битва, после которой Фридрих II с армией укрылся в Кюстрине, окончательно спасла положение города. Не решаясь штурмовать сильно укрепленный город, Фермор отступил к Висле. *Чернышев*. Речь идет о крупном военном деятеле своего времени, генерале-фельдмаршале графе Захаре Григорьевиче Чернышеве (1722—1784). В ходе Цорндорфской битвы был захвачен в плен и заключен в Кюстринской крепости. *Краснощекой*. Вероятно, имеется в виду Федор Иванович Краснощеков, сын И. М. Краснощекова, генерал-майор Донского казачьего войска, участник ряда походов и войн с Турцией, Персией, участник Семилетней войны. *Каркас* — картуз (искаж.) — см. словарь.

«Что у нашей было матушки государыни...» Исторические песни XVIII века; из архива ГПБ.

«Через Вислу наша армия переправилась...» Чулков. Ч. II (Киреевский, IX).

166. Киреевский, IX; зап. в Симбирской губ.; доставлена Языковым. Очень редкая песня, представленная двумя сюжетами (см. также № 164), один из которых записан в казачьей среде, вследствие чего он имеет специфический, узко казачий колорит, связанный к тому же с более поздним временем. Исторической основой песни послужило впечатление об одном из наиболее драматических эпизодов Цорндорфского (Франкфуртского) сражения. 14 августа 1758 г. прусские войска под командованием Фридриха II напали на русскую армию при дер. Цорндорф. Первым нападению подверглось левое крыло русских войск, где стоял новонабранный графом Шуваловым корпус. Пока подошло подкрепление, большая часть нового корпуса была истреблена пруссаками.

Именно здесь попал в плен генерал *Чернышев* (см. предыдущее примеч.).

167. Пивоваров; с пометой: «Доставлена была атаману Хомутову». *Государыня* — Елизавета Петровна. *Генералушку* — *Познышева*. Лицо неустановленное. *Генералушку* — *Салтыкова*. Речь идет о генерал-фельдмаршале графе Петре Семеновиче Салтыкове (ум. 1772), участнике Северной и Семилетней войн. В последней (с 1759 г.) был главным командующим русской армией.

168. Киреевский, IX; записана А. М. Языковым в с. Станичное Симбирской губ. Обилие песен на этот сюжет объясняется драматизмом ситуации, использовавшейся в русском историко-песенном фольклоре еще с XVI в. Сам генерал Чернышев (см. примеч. 165) не пользовался в армии особым уважением: его имя в песнях стоит рядом с именами тех генералов, которые связывались в народном сознании с представлениями об армейской муштре. Но Чернышев был пленен в Цорндорфском сражении (см. там же) и этого оказалось достаточно, чтобы образ реального Чернышева сразу же превратился в традиционный эпический образ «героя в темнице» (подробнее см. вступ. статью, с. 39).

«Что под славным было городом...» Чулков. Ч. III (Киреевский, IX).

«Высокó, братцы, звезда вошла...» Киреевский, IX; зап. А. М. Языковым в с. Станичное Симбирской губ.

169. Киреевский, IX; зап. в Боровском у. Калужской губ. Песни о гибели Лопухина наиболее многочисленны среди песен о Семилетней войне. Основой их послужили события битвы при дер. Гросс-Егерсдорф, происшедшей 19 августа 1757 г. между русскими войсками и прусской армией фельдмаршала Левальда. Генерал Василий Аврамович *Лопухин* (1711—1757) командовал левым крылом русской армии, которое по существу выдержало основную тяжесть сражения. В самый критический момент битвы, когда левое крыло было смято наступлением превосходящих сил противника, израненный Лопухин, пытавшийся задержать отступающих солдат, был схвачен прусскими гренадерами. Русские гренадеры тут же отбили его, однако он умер еще до окончания битвы. В предсмертной речи Лопухина содержались намеки на беспорядок в армии, на плохое руководство ею со стороны высших начальников.

170. Шейн; зап. по поручению А. Н. Островского в г. Коломне Московской губ. Редкий сюжет, известный в единственной записи. В песне изображается один из характерных эпизодов Семилетней войны, разработанный с точки зрения донского казачества. Возможно, что данная песня представляет соединение двух самостоятельных текстов; не случайно между ее первой и второй частями замечается противоречие — в первой дается описание генерального сражения между русской армией и войсками *Вензера*; во второй *Краснощекоев* ставит перед казаками задачу чисто разведывательного характера, что никак не могло иметь места после битвы. Первая часть весьма определенно тяготеет к песням о смерти В. А. Лопухина (см. примеч. 169). Исторические контуры имени Вензера неясны. Можно предполагать, что имеется в виду прусский генерал Ведель, командовавший прусскими войсками в сражении при Пальциге (1759). В таком случае происхождение сюжета представляется в следующем виде: существовала песня о сражении при Пальциге, в которой был использован материал сложившихся ранее песен о смерти

Лопухина; впоследствии она была соединена с песней о подвиге генерал-майора Донского казачьего войска Ф. И. Краснощекова. Равно допустимо также, что в песне о подвиге казаков, сложенной под впечатлением битвы при Пальциге, использован в качестве зачина материал песен о смерти Лопухина.

171. Сборник материалов, вып. 15, 1893; зап. В. Кикотем в ст. Умахан-Юртовской Грозненского окр. Сюжет известен в XVIII в. в варианте, связанном с именем генерал-фельдмаршала кн. Александра Александровича Прозоровского (см.: Исторические песни XVIII века, № 458). Наиболее разработан сюжет в применении к одному из центральных героев Отечественной войны 1812 г. — атаману Платову. Вариантов с именем Краснощекова значительно меньше (см.: Исторические песни XVIII века, № 396—402). *Краснощек* — вероятно, Ф. И. Краснощек. *Прусский король* — прусский король Фридрих II.

172. Исторические песни XVIII века; из архива ГО; зап. учителем М. И. Роговым в Речно-Георгиевском приходе Каргопольского у. Олонецкой губ. Сюжет не соотносится определенно с какими-либо историческими событиями. Возможно, в нем отразились настроения солдат (казаков), большие наборы которых для регулярной армии производились во время Северной войны 1700—1721 гг. Вероятно также, что песня создана под впечатлением Семилетней войны, в которой приобрел популярность Ф. И. Краснощек.

173. Киреевский, IX; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. Сюжет о раненом *Краснощек*е (так же, как и его имя) весьма условен. Подобные песни широко бытовали в солдатской среде, лирически разрабатывая одну из наиболее драматических ситуаций солдатской жизни — возвращение раненого воина с поля битвы.

«В се полки-то весело и дут...» Исторические песни XVIII века; из Терских вед.

174. Киреевский, IX; зап. А. М. Языковым в с. Станичное Симбирской губ. В песне воспоминания о войне с Турцией переплелись с воспоминаниями о Семилетней войне. *Прусской король* — Фридрих II.

175. Исторические песни XVIII века; из рукоп. сб. XVIII в. — ГПБ. Уникальный сюжет, известный в единственной записи XVIII в. В песне отразились впечатления солдат о первом приступе к *Берлину* в 1759 г. Осада города продолжалась неделю. 22 сентября генерал Г.-К. Г. Тотлебен, командовавший авангардами русских войск, бомбардировал город и предпринял рискованную попытку взять штурмом Бранденбургские и Котбусские ворота. Однако атака русских grenадеров была отбита, и Тотлебен был вынужден прекратить осаду до прибытия отрядов генералов З. Г. Чернышева (в песне — Чернышевского) и П. И. Панина. 29 сентября Берлин капитулировал. Характерно, что в песне Чернышеву приписана неудача приступа: так продолжается определенная традиция в разработке этого образа, намеченная в цикле песен об осаде Кюстрина (см. № 165). Это проливает свет на некоторые особенности создания образа Чернышева в цикле о Чернышеве-пленнике (см. там же).

176. Шейн; зап. Шумилиным в Крапивненском у. Тульской губ. В процессе длительного бытования «берлинского» цикла (см. об этом: Исторические песни XVIII века, № 297—320) сложилось несколько ре-

дакий, тесно связанных между собой. В основе первой лежит плач прусского короля Фридриха II о Берлине, взятом Ф. И. Красношековым. Во второй — наряду с кратким описанием обстановки содержится допрос Красношековым прусской королевы (мотив вымышленный). Возникали и всевозможные комбинации этих двух основных редакций.

«Что не стадичко из черных галочек подымалося...» Киреевский, IX; зап. в Черном у. Тульской губ.

177. Пыпин; извлечено им из дела 1764 г. «О песне, сложенной в народе про императрицу Екатерину Вторую». В донесении графа П. Салтыкова по поводу этой песни указано, что песня «здесь (в Москве.— *сост.*) между простым народом в употреблении». В ответе князь А. Вяземский писал Салтыкову по поручению императрицы: «Хотя оная песня и не стоит большого уважения... но ее им. в-ву благоугодно б было, чтобы оная... забвению предана была, с тем, однако, чтобы оное было удержено бесприметным образом, чтобы не почувствовал никто, что сие запрещение происходит от высшей власти» (см. Исторические песни XVIII века. С. 326). Сюжет известен в единственной записи. *С Лизаветою Воронцовою*. Елизавета Романовна Воронцова была фавориткой Петра III.

178. Исторические песни XVIII века; из архива ГО; зап. Н. Лавровым в Нижегородском у. Нижегородской губ. В песне отразилась популярность полководца, генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича *Румянцева* (1725—1796) в армии. Войска восторженно приветствовали его после победы у Кагула: «Ты — прямой солдат» и «Ты — наш истинный товарищ» (Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайского... Спб., 1811. С. 22).

179. Исторические песни XVIII века; из Терских вед. Сюжет получил наибольшую популярность в XIX в. Иногда он приспосабливается к событиям русско-турецких войн XVIII в.

180. Киреевский, IX; с пометой: «Зап. в Московской, Орловской и Симбирской губ.». По-видимому, в песне отразились воспоминания о русско-турецкой войне 1768—1774 гг., в которой главнокомандующим русскими войсками был граф П. А. *Румянцева* (см. примеч. 178). Александр Васильевич *Суворов* в войне 1768—1774 гг. командовал корпусом.

«Что же мы, робят ушки...» Киреевский, IX; с пометой: «Зап. в Московской, Орловской и Симбирской губ.». *Мирзир* — визирь (искаж.). *Мирзир-город* — город визиря, главнокомандующего турецкой армией. *Караулы скрасть* — т. е. снять караулы.

181. Мякутин; зап. в 1902 г. от урядника И. Стрижева, 62 л., в ст. Нижнеозерной. Крым был присоединен к России уже после первой русско-турецкой войны. В песне отразилась ситуация, сложившаяся уже после нескольких побед в кампанию 1769 г.: русские заняли Хотин, Яссы и Бухарест, осадили *Очаков*; мурзы крымских татар, а также едисанских и белгородских (кочевавших между Дунаем и Бугом), вели переговоры, колеблясь между приверженностью Турции и предложением перейти под покровительство России.

182. Сборник материалов, вып. 7, 1890; зап. Е. Бутовой в ст. Бороздинская. По-видимому, героем песни является подполковник граф Семен Романович *Воронцов* (1744—1832), участник первой и второй русско-турецких войн, отличившийся в битвах при Ларге и Кагуле

(1770), впоследствии генерал-фельдмаршал. Упоминание в песне *Петра Первого* — анахронизм.

183. Киреевский, IX; зап. в 1834 г. от солдата, уроженца Тульского у. Тульской губ., в Новгороде. Во время первой русско-турецкой войны крепость Бендеры (в песне *Вендера*) была взята штурмом (1770) войсками П. И. Панина, а во вторую турецкую войну (1789) капитулировала по требованию князя Г. А. Потемкина.

184. Мякутин; зап. в 1902 г. В. Гришиным в ст. Нижнеозерной. В декабре 1770 г. русские войска под командованием А. В. Суворова штурмом взяли считавшуюся тогда неприступной турецкую крепость *Измаил*, незадолго до этого заново укрепленную с помощью французских инженеров. Возможно, что в песне отразился и не этот именно штурм: русские войска брали Измаил в нескольких войнах с Турцией.

185. Савельев (Киреевский, IX). Вероятно, песня основана на впечатлениях от первой русско-турецкой войны, когда частью русских войск, действовавших за Дунаем, командовал генерал-фельдмаршал Михаил Федотович *Каменский* (1738—1809).

186. Савельев (Киреевский, IX). Возможно, что в песне говорится о генерале С. Г. Зориче. Он участвовал в нескольких сражениях первой русско-турецкой войны; генеральский же чин получил позднее, когда ненадолго стал фаворитом Екатерины II. О И. М. Краснощекове см. с. 491.

187. Исторические песни XVIII века; из рукописного песенника XVIII в. (ГИМ). В основе песни — впечатления от событий лета и осени 1769 г., когда русские войска осаждали, а затем взяли турецкую крепость *Хотин*. Активное участие в этих действиях принимал генерал А. А. *Прозоровский* (см. примеч. 171). *Бендеры* — см. примеч. 183.

188. Чулков. Ч. III. Адмирал Григорий Андреевич *Спиридов* (в песне *Скиридов*) (1713—1790) вместе с Алексеем Григорьевичем Орловым во время первой русско-турецкой войны командовал флотом, одержавшим знаменитые победы в Хиосском проливе и при Чесме в 1770 г. К месту боевых действий русский флот прибыл кружным путем, частью через *Средиземное море*.

ПЕСНИ ОБ ОСАДЕ И ВЗЯТИИ ОЧАКОВА

Крепость *Очаков* на берегу Черного моря, вблизи устьев Днепра и Буга, была объектом боевых действий во время нескольких войн России с Турцией. По-видимому, в песнях цикла речь идет о событиях 1788 г. Очаков был осажден войсками генерал-фельдмаршала Григория Александровича *Потемкина* (1739—1791) при содействии русской флотилии, которой удалось частью уничтожить, частью оттеснить турецкий флот, стоявший под Очаковом. По распоряжению Потемкина русская артиллерия интенсивно обстреливала крепость, но штурм долго не предпринимался, так как Потемкин рассчитывал на добровольную сдачу гарнизона. Однако при начале осенних холодов положение осаждавших войск стало крайне тяжелым. По настоянию своих подчиненных Потемкин от-

правил войска на штурм. После подавления отчаянного сопротивления противника Очаков был взят.

189. Исторические песни XVIII века; из «Книги гадательной» Калининского обл. архива.

«Как возговорил князь Потемкин...» Киреевский, IX; зап. А. М. Языковым в Симбирской губ.

«Поле, поле чистое...» Киреевский, IX; зап. Языковым в д. Ярыкля Симбирской губ. *На Николу было* — см. примеч. 192.

«Не бушуйте вы, ветры буйные...» Исторические песни XVIII века; из архива ГО; зап. Спадарьевым в М.-Единском у. *Луну сорвать*. Луна — символ мусульманства.

190. Киреевский, IX; зап. в Москве.

191. «Исторический архив». 1961, № 1; зап. в 1854 г. от столетнего суворовского солдата П. Ф. Веселова, уроженца с. Черново Болховского у. Тульской губ. *Березань* — остров в Черном море при входе в Днепровский лиман в 12,8 км. от Очакова.

192. Киреевский, IX; зап. в 1833 г. в с. Воронки Звенигородского у. Московской губ. *На Миколу* — речь идет о празднике Николы зимнего, приходившемся на 6 декабря.

193. Путилов, 1946; зап. от Н. М. Литвина в ст. Старощедринской. В песне, вероятно, отразились воспоминания о кровопролитных войнах с Турцией.

194. Этнографический сборник. 1864, вып. VI; зап. в Сибири около Семипалатинска. Александр Васильевич *Суворов* помимо блестящего полководческого таланта отличался выдающейся личной отвагой. Он много раз был ранен в сражениях, оказываясь на самых опасных участках, подавая пример солдатам и воодушевляя их. *Пруцкой король* — Фридрих II.

195. Шейн; зап. от скотницы Аннушки из с. Милятина Можайского у. Московской губ.

«Как под Бёндером мы стояли...» Киреевский, IX; зап. Языковым в с. Ярыкля Симбирской губ.

196. Гильфердинг. Т. III; зап. в 1871 г. от И. Д. Калитиной на Кенозере. Сюжет, по-видимому, сформировался под впечатлением русско-шведской войны (1788—1790) при Екатерине II. Война была предпринята Швецией с целью возврата отошедших к России в результате Северной войны земель. Не исключено, однако, что в песне отразились и события русско-шведской войны (1741—1743) при Елизавете, первой попытки шведов изменить соотношение сил на Балтийском море. Основные элементы сюжета сохраняются во всех вариантах (см.: Исторические песни XVIII века, №№ 410—436); меняются лишь имена (Румянцев, Шереметев, Суворов, Потемкин); в редких случаях шведский король заменяется прусским. В *Шелементёвом... дому*. О Б. П. Шереметеве см. примеч. 96.

«Пишет, пишет король шведский свое грозное письмо...» Киреевский, IX; зап. в Рязанской губ. *Ревель* — ныне Таллин.

Крупнейшее народное движение XVIII столетия — пугачевское восстание — не получило в народной поэзии широкого отражения, какого можно было бы ожидать, учитывая огромный размах и масштабы этого движения, необычайно широкую популярность его знаменитого вождя — Е. И. Пугачева. В разные годы было записано немногим более десятка песен, да и те по большей части носят фрагментарный и в ряде случаев весьма противоречивый характер (на некоторых из них, например, лежит отпечаток явно чуждой народу идеологии).

Возможно, что подлинный пугачевский фольклор не дошел до нас в полном своем составе, поскольку хранение и распространение его жестоко преследовалось; не исключено также, что фольклор этот и изначально не был особенно обильным по той причине, что традиционные формы историко-песенного фольклора оказались недостаточно приспособленными к выражению новых тем и новых проблем, выдвинутых пугачевским движением; новых же форм, отвечающих этому новому содержанию, народная поэзия к этому времени еще не выработала.

197. Киреевский, IX; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. Песня, вероятно, связана с событиями 1771 г., когда власти распорядились об отправке 500 яицких казаков в Кизляр. Это усилило назревавшее ранее недовольство увеличением служебных тягот. Для рассмотрения жалоб казаков была назначена следственная комиссия во главе с генералом Траубенбергом, который повел себя грубо и жестоко. Это вызвало открытое восстание (1772), во время которого Траубенберг был убит. Последовали жестокие репрессии, попытка казаков уйти с семьями на восток не удалась; им пришлось подчиниться властям. Открытое восстание под руководством Емельяна Ивановича Пугачева началось в сентябре 1773 г., когда был прочитан первый его манифест от имени Петра III. Некоторое время Пугачев с несколькими сотнями восставших оставался в окрестностях Яицкого городка, но, не имея пушек, не решался на приступ города, где были сосредоточены значительные силы правительственных войск с артиллерией. Двинувшись в обход Яицкого городка, Пугачев захватил несколько пушек в мелких укрепленных форпостах. Казаки Илецкого городка добровольно сдали его Пугачеву. Вскоре восставшими была занята крепость Рассыпная. Оттуда, как это было установлено еще разысканиями А. С. Пушкина, Пугачев пошел в Нижнеозерную, встретив на пути капитана Сурина, который был послан комендантом Нижне-Озерной, майором Харловым. Сурин был Пугачевым повешен, а его рота присоединилась к повстанцам (Пушкин. Т. IX, кн. 1. М.; Л., 1940. С. 18). Нижне-Озерная была также занята Пугачевым. Затем после штурма была взята Татищева — важнейшая крепость Яицкой линии; здесь находились большие склады оружия. Эти действия вызвали беспокойство оренбургского губернатора Рейнсдорпа. 5 октября Оренбург был осажден войсками Пугачева. На помощь гарнизону Оренбурга прибыл комендант Верхне-Озерной дистанции Оренбургской линии бригадир Корф с 2500 солдатами и 22 орудиями. Взять Оренбург Пугачеву не удалось, но восстание продолжало разрастаться.

198. Чтения (Киреевский, IX); зап. от крестьянина К. Ослова, уроженца Нижегородской губ., в с. Александрово Каразинского у. Симбирской губ. Помета собирателя. «Продолжения этой песни певец, к сожалению, не мог припомнить и говорил только, что она еще долга». Основ-

ной мотив песни навеян, очевидно, успешной обороной Оренбурга (*Лен-бурха*) от войск Пугачева. *Яик-река, Урал-река* — здесь ошибка исполнителя: это разные названия одной реки.

199. Киреевский, IX; зап. в Оренбургском крае. В песне отразилось внутреннее состояние Е. И. Пугачева после утомительного боя. Использован традиционный мотив тревожных предчувствий.

200. Киреевский, IX; зап. П. М. Языковым в с. Головино Симбирской губ. Генерал-аншеф граф Петр Иванович *Панин* (1721—1789) был последним главнокомандующим войсками, подавлявшими восстание Пугачева. Когда скованного Пугачева везли в Москву, в Симбирске состоялась его встреча с Паниным. По воспоминаниям современников, Пугачев очень смело отвечал на его вопросы. В песне отразилось народное отождествление Пугачева с императором Петром III, которого *сенаторы не могут судить*.

201. РС. 1873, т. 8; зап. в 1864 г. В. А. Мясоедовой в Сердобском у. Саратовской губ. «от старухи, которая помнит ее от своей матери». Текст представляет собою переделку песни о «сынке» Степана Разина. *Шеферочек* — шарф (искаж.).

202. Лозанова; зап. в 1930 г. от жительницы г. Невьянска В. В. Петровой в Н. Тагиле. Помета собирателя: «Указывают, что эта песня больше известна в Кунгурском округе, где ее поют больше на больших сборищах, иногда на свадьбах». По мнению А. Н. Лозановой, текст представляет собой фрагмент плача о погибшем Пугачеве.

203. Народные исторические песни; из Саратовских губ. вед. Возможно, что у песенного *Гаврюшки* был реальный прототип: им мог быть атаман волжских разбойников Гаврила Буков, зимовавший на Медведице в 1775 г., или воронежский самозванец Гаврила Кремнев, выдававший себя за Петра III в 1766 г. (подробнее см.: Народные исторические песни. С. 374).

204. Киреевский, X; зап. П. И. Якушкиным в д. Андровское Лихвинского у. Калужской губ.

205. Киреевский, X; зап. В. И. Далем в Оренбургской губ.

206. Записки Терского общ. 1914, № 7; зап. Ф. С. Гребенцом от терских казаков. *Малка* — приток Терека.

207. Мякушин; зап. от А. Ф. Голохвостова, казака 1-й Уральской станицы. *Утва* — река в Казахстане.

208. Савельев. В песне отражено событие, связанное с нападением горцев во главе с Шейх-Мансуром на казачий отряд *Ф. Агуреева* осенью 1786 г. (см.: Народные исторические песни. С. 371). Использован традиционный прием, характерный для ранних исторических песен (см.: Исторические песни XVIII века, № 100—103). *Линия* — Кавказская военная линия, протянувшаяся от Каспийского моря до Черного. В песне речь идет о Кубанской линии.

209. Савельев. *Кум-река* — река Кума на Северном Кавказе.

210. Савельев. *Бештовые горы*. Гора Бештау и соседние с нею. *Князь Богоматов* — возможно, Баматов, княжеская кабардинская фамилия.

211. Записки Терского общ. Владикавказ, вып. 2, 1914. В песне, по мнению Б. Н. Путилова, отразились события, связанные с походом против турок и находившихся под их властью горцев и штурмом Анапы в 1791 г. (Путилов, 1948. С. 130). *Варяжский-князь* (искаж.) — генерал Загряжский. Иван Васильевич *Гудович* (1741—1820), генерал-фельдмаршал, граф, командующий Кавказской линией; 22 июня 1791 г. он штурмом овладел Анапой.

212. Пивоваров; сообщена А. А. Иноземцевым. Река *Кубань* долго была естественной границей между русскими поселениями и турецкими владениями и немирными аулами. *Росланбек-мурза* — возможно, Росланбек Мисостов, кабардинский князь.

213. Мякутин. Т. I; зап. в 1902 г. от Гурьева в ст. Рассыпная. По мнению Б. Н. Путилова, в песнях отразились события, связанные с действиями правительства, направленными на ликвидацию остатков казачьего самоуправления (Путилов, 1948. с. 132). *Иловайский* — лицо неустановленное. Возможно, что речь идет о фигуре более позднего времени, привнесенной в песню: в 1890-х гг. атаманом Донского казачьего войска был А. И. Иловайский. *Наперсточки* — игра вроде бирюлек (см. словарь). *Черкасский* — лицо неустановленное, возможно, вымышленное.

«Эту ночь-та не спал...» Сборник материалов, вып. 39. *Илованский-князь* — см. выше. *Гудович* — см. примеч. 211.

«Отчего тихий Дон смущается?..» Савельев (Киреевский, IX). *Каменцов* — вероятно, М. Ф. Каменский (см. примеч. 185).

214. Киреевский, VIII; зап. в Лихвинском у. Тульской губ. Сюжет традиционный, оформление его близко к песням-плачам о Петре I. В данном случае песня получает более позднее конкретно-историческое наполнение. Почти во всех вариантах устойчиво сохраняется мотив солдатской жалобы. *Катерина Алексеевна* — Екатерина II.

215. Записки РГО. 1864, кн. 2; зап. в г. Торопце (или Торопецком у.) Псковской губ. *С турком воевать* — анахронизм: во время правления Павла I войны между Россией и Турцией не было.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIX ВЕКА

ПЕСНИ О РУССКО-ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЕ

В песнях периода русско-персидской войны отразились некоторые исторические эпизоды этого времени. В основном носителями этих песен были донские казаки, непосредственные участники похода в Грузию. Как известно, поводом к русско-персидской войне и послужило присоединение Восточной Грузии к России в 1801 г., а также введение войск и установление русского протектората в 1803—1804 гг. в Западной Грузии.

216. Листопадов; зап. А. М. Листопадовым в ст. Бурацкая. Песня известна в единственной записи. В ней отразилась одна из сторон взаи-

моотношений России и Персии к началу русско-персидской войны: враждебная настороженность персидского шаха к русскому правительству.

217. Листопадов; зап. А. М. Листопадovým в ст. Раздорская на Дону. Непосредственным поводом к возникновению песни послужили события лета 1804 г. под осажденной Эриванью (в песне — *Риванью*; нынешним Ереваном). Русские войска, находившиеся под городом, испытывали недостаток в провианте, поскольку персидские войска выжгли на корню хлеб в ближайших окрестностях и перерезали коммуникации. Чтобы наладить снабжение, князь Павел Дмитриевич Цицианов (*Синцианов*; 1754—1806) послал на разведку команду в 109 человек, возглавляемую майором Монрезором (в песне — *Ризоровым*). Отряд пробился через вражеский лагерь, но, измученный зноем и жаждой, был окружен силами грузинского царевича Александра и разбит в неравном бою.

218. Савельев (Киреевский, X). В песне отразились события 1806 г., когда на место предательски убитого в Баку по проискам персидского шаха князя П. Д. Цицианова (*Цинцианова*) был назначен генерал *граф* И. В. Гудович (о нем см. примеч. 211). В песнях он является воплощением военной силы России: до 1809 г. он был главнокомандующим русскими войсками в Дагестане и Грузии и возглавлял борьбу с Персией и Турцией на Кавказе.

219. Догадин; зап. от И. С. Абакумова и др. в ст. Замьяновской. В песне изображена картина перед штурмом 1 января 1813 г. под *Ленкоранью* (Азербайджан). Здесь русское войско под командованием генерала Котляревского взяло персидскую крепость. В составе этого войска находилась сотня астраханских казаков под начальством *есаула Попова*.

220. Пивоваров; сообщена А. А. Леоновым. Надежды Ирана в борьбе с Россией во многом были связаны с *царевичем Александром*, претендовавшим на грузинский трон и сеявшим в Грузии смуту. В песне отразились попытки русских властей поймать скрывавшегося в Персии Александра.

221. Тумилевич; зап. в 1940 г. Ф. В. Тумилевичем от М. М. Гоголевой.

222. Мякутин. Т. I; зап. в 1903 г. от казака Александра Иняка в ст. Донецкая. Вероятно, исторической основой песни явилось участие Михаила Илларионовича *Кугузова* в войне 1806—1812 гг. Запев песни носит литературный характер; картина же постройки *завала* встречается в песнях о кавказских войнах.

ПЕСНИ О ВОЛНЕНИЯХ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

В песнях отразились события, связанные с введением нового Положения об Уральском казачьем войске, по которому ограничивалась его самостоятельность. Казаки воспротивились введению Положения и начали добиваться его отмены; особенно упорно отстаивал права казаков атаман Ефим Иванович Павлов. Волнения казаков были подавлены в ноябре 1804 г. оренбургским военным губернатором в 1803—1807 гг.

князем Григорием Семеновичем Волконским (1742—1824), стоявшим во главе большого войска.

223. Мякушин; зап. в 1883 г. А. и В. Железновыми от стариков-пенников.

«На заре то было на утренней...» Сахаров (Киреевский. Новая серия).

224. Казачий сборник. 1887, № 1. Песня вызвана появлением на Каспийском море астраханских купцов и прочих «чужаков», лишивших рядовых казаков преимуществ в отлове рыбы. *Давид, сын Мартемьянович* — Давид Бороздин, войсковой атаман.

225. Железнов; зап. среди уральских казаков в 1850—1860-х гг. В песне отразился факт обращения уральских казаков к царевичу-наследнику, будущему Александру II, посетившему г. Уральск в 1837 г. Они просили его отменить некоторые нововведения и дать казакам «жить по-старому». В ответ на это оренбургский генерал-губернатор отправил четыре полка казаков служить на Кавказе, в Бессарабии, Финляндии и на Нижнеуральской линии.

226. Мякушин; зап. Н. Г. Мякушиным «со слов казака Круглоозерской станицы Ш-ва». В песне отразился конкретный исторический факт: введение в Уральском войске в 1874 г. Положения о воинской повинности, ограничивавшего самостоятельность войска. Чтобы предотвратить волнения, оренбургский генерал-губернатор вместе с казачьим генералом *Бизяновым* решил взять с казаков *подписку* о беспрекословном повиновении правительственному распоряжению. Казаки отказались дать *подписку* и взбунтовались. Последовала жестокая расправа, и около трех тысяч казаков было сослано в Сибирь, в Среднюю Азию и на Аральское море.

227. Киреевский. Новая серия. Песня относится ко времени походов 1806—1807 гг. Сюжет ее, скорее всего, сложился под влиянием следующих событий: в 1806 г. Пруссия, находившаяся в союзе с Россией против Франции, была покорена Наполеоном после разгрома под Йеной. За два дня до этого сражения был убит французами *племянник* короля Фридриха-Вильгельма принц Людвиг, командовавший частью прусской армии.

«Побессчастненькой, бесталанненькой...» Исторические песни XIX века (из архива ГО). Зап. в Тихвинском у.

228. Пивоваров; сообщена А. А. Леоновым. В песне отразились события 1806—1807 гг. В 1807 г. казачьи полки под командой атамана Донского казачьего войска Матвея Ивановича Платова (1751—1818) осадили *Гутштадт* и причинили значительный ущерб французским войскам.

ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Крупнейший песенный цикл XIX в., известный в большом количестве записей. Круг исторических впечатлений, отразившихся в нем, достаточно широк. Песни сохранили воспоминания о пожаре Москвы, о взятии Парижа, о сражении на Можайском поле, о Лейпцигской «битве наро-

дов», о переходе через Березину и Вислу и о многом другом. При всем том новых сюжетов в этот период было создано сравнительно немного — буквально три-четыре. Основная же масса песен — это традиционные солдатские и казачьи песни, лишь так или иначе приуроченные к военным событиям 1812—1814 гг. Таковы, например, песни «Французский король пишет письмо Александру» и «Русские войска получают приказ готовиться к сражению», «Битва с французами» и «Русские войска разбивают французов», «Французы бегут за Черную речку» и «Русские преследуют французов», в которых воспроизводятся типичные ситуации солдатской боевой жизни, «отшлифованные» в фольклоре XVII и особенно XVIII вв.; таковы и самые популярные песни цикла «Кутузов (Платов) допрашивает французского майора» и «Платов в гостях у француза», дающие лишь новое приурочение известных в фольклоре XVIII в. песен о Шереметеве и Краснощекове. Это не недостаток песен об Отечественной войне 1812 г., не признак ущербности их историзма, но проявление одной из общих закономерностей развития исторической песни на поздних этапах ее существования.

229. Киреевский, X; зап. в Ефремовском у. Тульской губ. В песне использован сюжет, известный в XVIII в.

230. Григорьев. Т. I; зап. в 1900 г. Ф. Ощурковой в д. Чокола Пинежского р-на. Примеч. собирателя: «Про эту песню ходит среди крестьян следующая легенда. Эта песня будто бы была запрещена. Сначала ее пели солдаты, и, между прочим, в Петербурге, но однажды, когда они пели ее, проезжал генерал. Генералу она не понравилась за свою первую фразу... и вот ее запретили».

«Похвалялся да во... в о р - ф р а н ц у з а...» Исторические песни XIX века; зап. в 1961 г. Т. И. Орнатской от Е. А. Юдиной, Е. Н. Скомороховой и др. в с. Вашгорт Удорского р-на Коми АССР.

231. Уральский фольклор; зап. в 1946 г. И. Я. Стяжким от М. С. Суворова в г. Каменск-Уральске Свердловской обл.

232. Киреевский, X; зап. П. В. Киреевским в Орловской губ. Примеч. собирателя: «Песня тягольная» (т. е. протяжная).

233. Листопадов. *Черкасский... город* — см. с. 477. *Иловайский* — см. примеч. 213.

234. Баранов, вып. II. *Граф Жуковский-генерал*. Речь идет о генерал-лейтенанте Григории Васильевиче Жуковском (1800—1880), имя которого попало в песню, вероятно, случайно.

«Как на зорьке, на заре, на утренней было на ро се...» Мякутин; зап. в 1903 г. от О. Клишина в ст. Рассыпной. *Циновсков — генерал* — Г. В. Жуковский.

235. Киреевский, X; зап. А. М. Языковым в Симбирской губ. Возможно, что в песне отразились события, связанные с подходом французов к Москве. *Платов* — см. примеч. 228.

236. Киреевский, X; зап. в 1833 г. П. В. Киреевским в с. Воронки Звенигородского у. Московской губ.

237. Исторические песни XIX века; зап. в 1910 г. от мещанина

с. Фастова Киевской губ. С. И. Вздольского. Примеч. собирателя: «Престарелый певец (<...>) рассказывает, что эту песню он заучил от своей матери, москвички родом, в детстве бежавшей с родителями во время московского пожара».

238. Потанин; зап. в ст. Бухтарма на Иртыше. *Камнем скипером.*— Смысл слова «скипер» не ясен.

239. Бирюков; зап. в 1937 г. от Е. Е. Селиверстова в г. Усть-Катаеве Челябинской обл.

240. Якушкин. Помета собирателя: «Сообщено А. Григорьевым». В песне использован сюжет исторической песни XVIII в. «Шереметев допрашивает шведского майора» (см. № 114), примененный к 1812 г.

241. «Летопись русской литературы и древности». Т. 1. М., 1859; зап. С. В. Максимовым в Архангельской губ. *Лопухов* — возможно, анахронизм, и речь идет о генерал-аншефе В. А. Лопухине (см. примеч. 169), командовавшем при Гросс-Егерсдорфе (см. там же) левым крылом русской армии и убитом во время атаки.

242. Пивоваров. Сообщена Н. А. Сальниковым.

243. Лопатин — Прокунин; зап. в ремонтной команде Орденского и Малороссийского драгунских полков от запевалы родом из Тамбовской губ. *Морша* — может быть, Моршанск, город в Тамбовской губ. *Мы по-ўтру рано вставали... под город Варшаву.* Русские вступили в Варшаву в начале 1813 г. По словам Б. Н. Путилова, здесь «объединены события начала войны и ее завершающего этапа» (Народные исторические песни. С. 378). *Генерал казак Денисов* — это или казачий генерал А. К. Денисов, сподвижник Суворова, с 1812 г. бывший наказным атаманом войска Донского; или Ф. П. Денисов, казачий генерал, в 1812 г. командовавший партизанским отрядом; или В. Т. Денисов, генерал-майор, герой войны 1812 г. *Женжуры.*— Смысл слова не ясен.

244. Киреевский, X; зап. П. В. Киреевским в д. Касимовке Малоархангельского у. Орловской губ. В песне отразился факт освобождения *Смоленска* в 1812 г. Французы оставили город без боя. Генерал-фельдмаршал светлейший князь Петр Михайлович *Волконский* (1776—1852) участвовал в боях при Березине.

245. Гуляев; зап. в Барнауле. Песня входит в один из крупнейших и популярнейших циклов историко-песенного фольклора. В нем использован традиционный сюжет, давший, в свою очередь, жизнь другим фольклорным жанрам. Подробнее см. в комментариях к песне: Исторические песни XIX века. С. 228—229.

«Россия ли, Россия...» Мякутин; зап. от казака А. Колодкина в ст. Кундравинской.

«Уж ты матушка Россия, святорусская земля...» Минц — Савушкина; зап. в 1917—1918 гг. М. Б. Едемским от А. С. Марковой в д. Останенской Тотемского у. Вологодской губ.

«Мать Россия, мать Россия...» Исторические песни XIX века; зап. Н. П. Леонтьевым от С. П. Коротаяева в д. Голубково на Печоре.

246. Чичеров; зап. А. Н. Пасхаловой в Саратовской губ. *Можай* — Можайск. *Диким камнем* называли гранит и другие кремнистые породы. «Разорёна путь-дороженька...» Киреевский, Х. Помета собирателя: «Доставлено Лихутиным... Симбирск и приволжские губернии».

«Мы на о́граде стояли, не думали ни о чем...» Киреевский, Х; зап. М. П. Лисицыным в Скопинском у. Рязанской губ.

247. Секретов. В этой казачьей песне *Александр I* является предводителем русского войска; казаки же входили в авангард русской армии, преследовавшей французов до Парижа.

248. Киреевский, Х; зап. Языковым в Симбирской губ. *Запружу я речку Берёзу*. Под р. Березиной зимой 1812 г. французы потеряли около 30 000 человек.

«В о с х в а л я л с я в о р - ф р а н ц у з...» Песни крестьян села Беловежского Чебоксарского у. Казанской губ. Казань. 1877.

249. Исторические песни XIX века; из фольклорной экспедиции 1937 г.; зап. В. Ф. Кулаковым в г. Вельске Вологодской обл. В песне речь идет о походе к р. Висле и преследовании отступающей французской армии.

250. Исторические песни XIX века; из архива ГО; зап. в 1885 г. В. Таушевым в с. Мурзицах Симбирской губ.

251. Мякушин. Помета собирателя: «Сообщил А. Г. Назаров». В песне использован известный сюжет (см. № 227), примененный к более позднему событию — разгрому армии Наполеона.

252. Листопадов. Т. I; зап. А. М. Листопадковым на хуторе Большом ст. Маринской. В этой казачьей песне отразилось знаменитое сражение 4 октября 1813 г. под Лейпцигом, получившее название «битвы народов».

«Как не две тученьки, не две грозные...» Мякутин. Т. I; Зап. в 1903 г. от Ф. Барбусова в ст. Оренбургская. *Семенов день* — день Семёона-летопроводца, приходился на 1 сентября.

«Под славным было городом под Липцами...» Пивоваров. Помета собирателя: «Сообщ. А. А. Иноземцев».

253. Акимова; зап. в 1926 г. А. Н. Лозановой в д. Поник Балтайского р-на Саратовской обл. Сюжет не связан с каким-либо определенным событием Отечественной войны 1812 г.

254. Киреевский, Х; зап. Туриным от отставного солдата, бывшего на парижском смотру, в Тверской губ. Примеч. исполнителя: «Константин Павлович обещал пустить нас в Париж погулять по-свойски, а благословенный не позволил». В песне отразился завершающий эпизод войны 1812 г. *Константин* — великий князь Константин Павлович, брат Александра I («благословенного»).

255. Мякутин. Т. I; зап. в 1902 г. от Недорезова в ст. Нижнеозерной. В конце 1812 г. были сформированы два полка из оренбургских казаков для похода в Пруссию, а затем во Францию. Один из полков назывался *Атаманским*, другой по имени командира *Белякова*, погибшего в походе.

256. Киреевский, X; зап. П. И. Якушкиным в с. Данково Рязанской губ. Сюжет песни вымышленный.

257. ОЗ. 1860, № 4; зап. в 1858 г. П. И. Якушкиным в д. Сабурово Малоархангельского у. Орловской губ.

258. Мякутин. Т. I; зап. в 1903 г. от Н. Секретова в ст. Рассыпной.

259. Пальчиков; зап. в с. Николаевка Мензелинского у. Уфимской губ. Вероятно, в песне отразились события, происходившие в Оренбургском казачьем войске в 1810—1826 гг. Речь идет о насильственном переселении казаков с Красноуфимской на *Илецкую* защитную *линию* и о ликвидации первой станицы. Это вызвало сопротивление казаков, подвергнутых после их усмирения военному суду.

260. Народные исторические песни; зап. в 1852 г. А. Н. Пасхаловой в с. Юнгеровка близ Саратова. В октябре 1820 г. произошло восстание *Семеновского полка*. После его подавления весь полк был заключен в *Петропавловскую крепость*, потом расформирован. «Зачинщиков» же прогнали сквозь строй и сослали на каторгу. *Катерина... Алексеевна* — Екатерина II.

«Как во славном, славном городе...» Семевский; зап. в 1863 г. М. И. Семевским в д. Лисья Горка Торопецкого у. Псковской губ. *Катеринушка* — Екатерина II.

«Что во славном городе что было во Питере...» Соколовы; зап. в 1909 г. от С. В. Карпова в д. Большое Заречье Кирилловского у. Вологодской губ.

ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

Подобные песни ранее связывались с именами других исторических лиц — Гагарина, Меншикова, а в XIX в. были применены к генералу П. М. Капцевичу и к графу Алексею Андреевичу *Аракчееву* (1769—1834). В песнях отразилось отрицательное отношение крепостного люда к всеильному временщику при Александре I

261. Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 24. Саратов. 1908; зап. в 1899 г. М. Е. Соколовым от С. А. Феодуловой из с. Чубаровка Сердобского у. В песне, относящейся к Аракчееву, использованы мотивы более ранней песни — о князе Гагарине (см. № 121).

«Бежит речка по песку...» Киреевский, X; зап. в 1830—1834 гг. А. С. Пушкиным в с. Болдино.

«Как по речке, по речке...» РС. 1872, № 11; зап. в 1854 г. А. Г. Пупаревым в с. Коряково близ Царева-Кокшайска Казанской губ.

262. Исторические песни XIX века; зап. в 1852 г. А. Н. Пасхаловой в с. Юнгеровка близ Саратова. Песня известна в единственной записи. Она связана с крестьянским бунтом 1825 г. в с. Грузино и убийством любовницы Аракчеева Настасьи Минкиной. Песенный *Василий Демидов* — это, вероятно, казненный глава бунта Василий Антонов.

263. Исторические песни XIX века; из архива Н. К. Шильдера — ГПБ; зап. в 1870—1880-х гг. П. П. Романовичем от бывшего военного поселенца в д. Нечайно Старорусского у. Новгородской губ. Исполнитель

рассказал: «Лет семь шла у нас молва, что скоро забреют. Пришел 1824 год и открылось в Старорусском уезде поселение. С дозволения государя Александра Павловича приехал граф Аракчеев, собрал крестьян нашего округа в манеж. Чтобы охотнее шли туда, сделали выставку: значит, дал кружки по две каждому водки. Как только выпили мужики, их и забрало — кружки-то были порядочные. Пьяненьких посадили на стулья, выстригли волоса, выбрили бороды, и Аракчеев поздравил с военным поселением. Выходя из манежа, мужички наши живо сложили песню и запели ее». Военные поселения были введены Аракчеевым с 1816 г. Поселенцы обывались кроме обычных крестьянских работ нести армейскую службу.

264. Киреевский, X; зап. Языковым в Симбирской губ. В песнях отразились события, связанные с неожиданной смертью царя в Таганроге и торжественной церемонией траурного поезда из Таганрога в Петербург, продолжавшейся с 12 января по 18 марта 1825 г.

«Как поехал наш Александра...» Исторические песни XIX века; зап. в 1860 г. в Демьяновском у. Новгородской губ. Сообщена Л. Н. Майковым.

265. Исторические песни XIX века; из архива ИРЛИ; зап. в 1946 г. по памяти А. Т. Полянским. Песня бытовала на родине Полянского в с. Мишелово Ораниенбаумского у. Петербургской губ. в 1870—1880-х гг. Она связана со слухами и толками в народе о великом князе *Констанине* Павловиче, о его походе с армией в Петербург, с представлением о нем как о «добром царе», в противоположность Николаю I, по мнению народа, незаконно захватившему престол.

266. Чеканинский; зап. И. Чеканинским от Н. М. Смолина в д. Выдрино Енисейской губ. Речь идет о великом князе *Констанине* Павловиче и его жене, дочери немецкого герцога *Анне*, покинувшей Россию в 1801 г.

267. Григорьев. Т. 1; зап. в 1900 г. А. Д. Григорьевым от Н. П. Шиловой в д. Березняки (на левом берегу р. Пинеги) Пинежского у. Архангельской губ. По словам собирателя, эта песня «по р. Пинеге слыла запрещенной». Песня, вероятно всего, связана с восстанием декабристов. В таком случае *царь* — это Николай I, а *сенот* — Государственный совет. Рассказ о попытке *сенотбров* убить царя и о спасении его братом основан, очевидно, на слухах и толках в народе и на декабрьских событиях 1825 г. *Да с англичанином скупился*. Явный анахронизм. *Брату весть он дал*. Вероятно, речь идет о великом князе Михаиле Павловиче, за которым Николай I послал накануне официального объявления о вступлении на престол.

ПЕСНИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828—1829 ГОДОВ

14 апреля 1828 г. был обнародован манифест о войне с Турцией в ответ на объявленную Турцией 18 декабря 1827 г. «священную войну» против России. Основные сражения происходили в районах Браилова, Шумлы, Варны, а также на Кавказе.

В песнях этого цикла использовались традиционные сюжеты более раннего времени.

268. Киреевский, X; зап. П. В. Киреевским в Ефремовском у. *Граф Пашкеев* — генерал-фельдмаршал князь Иван Федорович Паскевич (1782—1856), возглавлявший войска, сражавшиеся в азиатской части Турции.

269. Песни Печоры; зап. в 1955 г. Н. П. Колпаковой от Н. Ф. и Е. Я. Ермолиных в д. Трусовской Усть-Цилемского р-на. *Граф Баскеев* — И. Ф. Паскевич.

270. Савельев (Киреевский, X). В песне отразились обстоятельства осады турецких крепостей Шумлы (в песне — *Шумной город*) и Силистрии. Одним из казачьих полков командовал полковник *Тацын* 2-й. А. И. Пивоваров так описал гибель этого полка: «Под Силистрию было послано 2 конных полка: регулярный и казачий полк Тацына. После отхода в лесу на поляне регулярный полк под командованием Хомутова ушел, а Тацын еще остался. Налетели турки и изрубили пять сотен казаков, в том числе полковника Тацына. Тело его было узнано по рукам и золотому кольцу» (см.: *Донские казачьи песни*. Собрал и издал А. Пивоваров. Новочеркасск, 1885. С. 114).

«Как под славным было городом под Шумлюю...» Пивоваров.

271. Исторические песни XIX века. Русские войска осадили, а потом атаковали турецкую крепость *Варну* и взяли ее к 11 октября 1828 г.

272. Сборник материалов. Вып. 15, 1891; зап. В. Кикотем в ст. Умихан-Юртовская Грозненского округа. Песня известна в двух записях от терских казаков. *Ирзарюм* — крепость Эрзерум (ныне Арзрум), взятая войсками И. Ф. Паскевича в 1829 г.

273. Мякутин. Т. I. Помета собирателя: «Ст. Гирьяльская, 1899 г., урядник Яков Косоперсков; ст. Оренбургская, 1903, казачка Лидия Барбусова». В песне отразились события русско-турецкой войны: участие в войне в 1829 г. сводного полка оренбургских казаков под командой есаула И. В. *Падурова*.

274. Сборник материалов. Вып. 15, 1891; зап. Бутовой в ст. Бороздинской. В песне в своеобразном преломлении отразилось следующее событие: 7 июля 1828 г. русская армия под командованием брата Николая I великого князя Михаила Павловича взяла после четырехдневного штурма крепость-город *Браилов* (румынский город на левом берегу Дуная).

«Под славным городом под Браиловом...» Мякутин. Т. I; зап. в 1883 г. Н. К. Бухариным от казака И. И. Мелехова в Чернореченском пос. Павловской ст. *Своего брата*. Речь идет о великом князе Михаиле Павловиче.

«За Кубанью огонь горит — в поле стало дымно...» Киреевский, X; зап. Д. Тихомировым в Ряжском у. Рязанской губ. *Граф Паскевич* — см. примеч. 268.

ПЕСНИ О СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ

В начале XIX в. укрепленная Кавказская линия проходила по Тереку и Кубани. Последняя по Бухарскому трактату 1812 г. служила границей между Россией и Турцией. К 1821 г. между этими странами обострились

несогласия по греческому вопросу. Турция опасалась также и влияния России на Кавказе. Поэтому ею не только поощрялись участвовавшие набеги кабардинцев и черкесов на укрепления и казачьи станицы, но и провоцировались столкновения горцев и казаков.

275. Панкратов; зап. Ф. С. Панкратовым со слов урядника Ф. П. Пономарева. В 1828 г. кабардинский князь Росламбек *Мисостов* совершил набег на кубанскую казачью крепость *Марьевскую*.

276. Панкратов; зап. Ф. С. Панкратовым со слов казака из с. Горчина. В песне отразился поход главнокомандующего на Кавказе генерала Алексея Петровича Ермолова (1777—1861) в *Большую Чечню*. У *Ханкалинского ущелья* его колонна была остановлена чеченцами, жителями аулов *Атага*, *Ханкала* и *Алда*. В сражении принимал участие атаман Гребенского казачьего войска *майор Зачетов*.

277. Исторические песни XIX века; из Терских вед. В песне отразились следующие события 1839 г.: при штурме неприступной дагестанской крепости Ахульго, резиденции Шамиля, русские понесли огромные потери. В числе погибших были командир Моздокского полка *Власов* и урядник *Диков*.

278. Пассек. Примеч. составителя: «Сообщена гвардии полковником Василием Александровичем Потто». В песне отразился один из эпизодов Кавказской войны. *Зиряны* (Зыряны) — небольшое укрепление в Дагестане, которое в течение шести недель (с 17 ноября по 24 декабря 1843 г.) защищал от горцев отряд подполковника Диомида Васильевича Пассека (1808—1845). Силами горцев командовал наиб Шамиля *Хаджи-Мурат*.

279. Пивоваров; из рукописи 1840-х гг. В песне отразился один из эпизодов 1845 г.: Николай I приказал заместителю Кавказа генерал-фельдмаршалу, светлейшему князю Михаилу Семеновичу *Воронцову* (1782—1856) взять резиденцию *Шамиля* крепость Дарго, защищавшуюся огромным войском. Русские несли страшные потери; у них не хватало провизии. Воронцов направил *Д. В. Пассека* из-под Дарго к русским обозам за провиантом. В Ичкеринском лесу на отряд напали горцы и почти полностью истребили его. Погиб и Пассек.

280. Сборник материалов. Вып. 16, 1892; зап. Д. Еленским среди терских казаков. В песне речь идет о начальнике Сунженской линии боевом генерале Николае Павловиче *Слепцове* (1815—1851), командовавшем с 1845 г. казачьим Сунженским полком. Он погиб 10 декабря 1851 г. при взятии завалов на Гехинской поляне в Чечне. В память о нем станица Сунженская стала именоваться *Слепцовской*.

281. Сборник материалов. Вып. 29, 1894; зап. М. Карауловым в ст. Галюгаевской Терской обл. В песне отразились события конца января 1853 г.— во время битвы в Чечне, в долине реки *Мичик* (*Мечуки*) и ее притока *Гонсоли*, Шамиль с 8 тысячами конницы и 12 тысячами пехоты потерпел поражение в результате обходного маневра начальника Главного штаба войск на Кавказе Александра Ивановича Барятинского. Он направил отряд генерал-майора Якова Петровича *Бакланова* (1809—1873), хорошо знавшего местность, через забытый брод на реке *Мичик*, благодаря чему *Бакланов* неожиданно появился у Шамиля в тылу.

ПЕСНИ О СОБЫТИЯХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

282. ОЗ. 1848, № 8; зап. М. И. Ивановым в земле Уральского казачьего войска. В конце 1839 — начале 1840 г. отряды Оренбургского казачьего войска были отправлены на Хиву. С. Т. *Циолковский* командовал казачьей конницей, приданной отряду генерала Василия Алексеевича Перовского (1794—1857) для того же похода в Хиву. Соединение отрядов произошло на р. Эмбе (в песне — *Еньбе*).

283. Шейн; зап. П. В. Шейном от И. Картавенка в с. Усть-Урень Симбирской губ. *Стрелковский* — С. Т. Циолковский.

284. Мякушин; из рукописи И. И. Железнова. Вероятно, речь идет о походе четырех сотен уральских казаков в Среднюю Азию для сопровождения военной миссии в Хиву и Бухару в начале 1841 г.

285. Мякутин. Т. I; зап. Н. К. Бухариным от казака Н. Клишина в ст. Рассыпной. В песне отразились впечатления от набегов кочевников на казачьи поселения на пограничных линиях. Особенно участились эти набеги в 1837—1844 гг., когда султан Кенесары Касимов открыто выступил против русского правительства. Так, в 1837 г. был уничтожен ряд поселений между Орском и Троицком, а в 1844 г. razорен Екатерининский форпост. *Горькая линия* — народное название Новой линии, протянутой в 1835—1836 гг. от Орска до реки Уры.

286. Мякутин. Т. I; зап. Н. К. Бухариным от казака Ф. И. Донецкого в пос. Изобильном ст. Буранной. В 1842 г. пять сотен оренбургских казаков под начальством полковника *Дуниковского* выступили из Орска против султана Кенесары Касимова (*Кенисарова*).

ПЕСНИ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЕ

Севастополь и Кавказ явились основными районами военных действий в Восточной войне, объявленной России Турцией 16 октября 1853 г. Наряду с оригинальными сюжетами в песнях этого цикла используются и сюжеты более раннего времени.

287. Этнографический сборник. Вып. 6, 1864; зап. Г. Н. Потаниным около Семипалатинска. *Ултаву* — Алатау (искаж.).

288. Мякутин. Т. I; зап. в 1890 г. Н. К. Бухариным в ст. Нижнеозерной. По объяснению собирателя, *Кукан-город* — это кокандский город Ах-мечеть. Оренбургские казаки штурмовали его в 1853 г. *Прапорщик Гурьев* был смертельно ранен во время этого штурма. (См.: Народные исторические песни. С. 388).

289. Гуляев; зап. И. Стрижевым в Колывани (ныне — Таллин). В основе песни — оборона *Севастополя*.

290. Исторические песни XIX века; зап. в 1951 г. В. Караковским от И. В. Бочкарева в с. Могутовское Брединского р-на Челябинской обл. Князь Михаил Дмитриевич *Горчаков* (1793—1861) был главнокомандующим Крымской армией (после А. С. Меншикова).

291. Песни Донских казаков, собранные в 1902—1903 гг. А. М. Лис-

топадовым и С. Я. Арефиным. Вып. 1. М., 1911; зап. составителями в ст. Старо-Григорьевской. *До горodka Черкасского*. См. с. 477.

292. Земля родная. Альманах. Пенза, 1956. Кн. 13; зап. Д. М. Абутковым в с. Моховка Пензенской обл. В основе сюжета, вероятно, лежит факт морского перевоза пехотной дивизии и артиллерии из Севастополя в Анакрю во время сильного шторма, продолжавшегося с 17 по 24 сентября 1853 г.

ПЕСНИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877—1878 ГОДОВ

293. Чичеров; из рукоп. сборн.; зап. в 1920-е гг. в ст. Голубинской Сталинградского окр. В 1877 г. началась русско-турецкая война. *Где наш дед шапку забыл*. Намек на поражение турок в украинских землях.

294. Песни кубанских казаков. Сборник А. Бигдая. Екатеринодар. Вып. 8. [Б. г.]. Песни линейных и терских казаков; зап. от Ламанова в ст. Кавказской. В основе песни лежат события 1855 г. — неудачный штурм русскими войсками турецкой крепости, предпринятый 17 сентября Н. Н. Муравьевым. Казачий генерал Я. П. *Бакланов*, которому принадлежала выдающаяся роль в осуществлении штурма и блокады *Карса*, командовал в это время иррегулярной конницей (см. также примеч. 281).

295. Путилов, 1946; зап. Б. Н. Путиловым от А. Г. Рогожина в ст. Червленной на Тереке.

296. Минц — Савушкина; зап. в 1920-е гг. А. Вецрумб в д. Скалино Грязовецкого у. *Плевна* — болгарский город, во время войны 1877—1878 гг. превращенный турками в крепость. Осада Плевны продолжалась четыре с половиной месяца. *Князь великий*. Вероятно, речь идет о главнокомандующем русской армией великом князе Николае Николаевиче.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ, АРХАИЧЕСКИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Александрейка — красная бумажная ткань.

Бабаечки — весла.

Багрецовые (сукна) — густо-красного, пурпурового цвета.

Бакеты — возможно, что «бакет» — искаж. «бакаут», род барки, ходившей по Волге.

Банбандеры — искаж. «бомбардиры».

Баса — красота, краса.

Бахилочки ременные — рыбацкие сапоги, подвязанные под коленями; ременные лапти.

Бахманец, бахмат, бахмут — порода лошадей.

Берчатая (скатерть) — тканая на берде, т. е. приставке в виде гребня к ткацкому стану.

Беседы — скамьи; место для беседы под навесом.

Бешимет — стеганный татарский полукафтан.

Бирюлечки — игра, основным элементом которой являются бирюльки — мелкие резные игрушки разной формы.

Бляха — металлическое накладное украшение оружия.

Бунчук — конский хвост, насаженный на древко; символ власти атамана.

Буса — судно большого размера и определенной формы.

Вальящеты — литые, чеканные, точеные.

Варовинны — веревочные.

Верей — столбы, на которые навешиваются ворота; крюки или перекладина на воротах.

Ветляный — т. е. сделанный из дерева ветлы (вербы, лозы, ивы, ракиты).

Визирь — высший правительственный турецкий чиновник.

Волжанный, таволжанный — из мелкой ивы, тала, растущего на Волге.

Вольянская — см. *вальящета*.

Воскикали — закричали.

Восьмибляшная — см. *бляха*.

Выходы — дань.

Гавря — гной.

Галанки (пушки) — вероятно, искаж. «голландские».

Гиблются — гнутся.

Гоголь — разновидность дикой утки.

Голячок — нищий.

Гости — торговые люди.

Гривня столовая — т. е. гридня, комната в княжеских покоях.

Губа — залив.

Гунули — грянули.

Дёрники — шорники.
Долгомерный — длинный, дальнобойный (переносн.).
Дорогильные — шелковые.
Доставь — здесь: остальное.
Досюльный, досюлешний — прежний.
Драбанты — телохранители.
Дуван Дуванить — делить добычу после набега.
Дугеня — постройка.
Думчие сенаторы — т. е. члены Думы, собрания, Совета.

Елымчата — см. *янычары*.

Живот — в зависимости от контекста: жизнь, богатство, добро.

Зазымливаться — гордиться, хвастать.
Захлинается — заикается, заговаривается.

Изголовь — мыс.
Изойти — захватить врасплох.
Ина — но, что.
Исполать — хвала.

Кабан — кувшин.
Кайсаки — кочевые народы Средней Азии.
Камар — камера.
Камка — шелковая ткань с узорами.
Камчатная — шелковая.
Канаватные (коноватные) — сделанные из легкой восточной шелковой ткани.
Канонеры — искаж. от «канониры» — пушкари.
Карлинские — возможно, от морского термина «карлинс», т. е. продольный брус по судну.
Кармазинная черкесочка — черкеска из ярко-алого сукна.
Картуз — мера порохового заряда.
Кенория (киновия) — монастырь.
Коломенка — лодка установленных размеров и вместимости.
Колочек, колок — лесок.
Корчагою (согнуть) — т. е. по форме корчаги, широкого глиняного горшка.
Косная лодочка — шести- или двенадцативесельная лодка.
Косятчатое (косячатое, косящатое, косяшное, косещатое) окно — т. е. с косяками; обычно — большое окно, выходящее на улицу, а не во двор.
Кочеты — столбики на поперечном бревне кормы лодки, куда вставляется руль.
Крековистый дуб — крепкий, кряжистый.
Кропкое — хрупкое.
Кружало — кабак.
Крущатая — см. *хрущатая*.
Кулава — красавица.
Кура — пыль.

Литоргия — литургия, обедня.
Луб — внутренняя часть коры молодого дерева; то же, что лыко.
Лузь — прогалина в лесу.

Майданы — столы для игры; станичная сборная изба; шалаш; место для игры в кости и карты.
Манерочка — походная металлическая фляжка с крышкой в виде стакана; крышка такой фляжки.
Маркитанты — торговцы при армии.
Мары — курганы.
Миткалинный (платочек) — сделанный из миткаля, сурового неотделанного ситца.
Музуры (мазурушки, морзорушки) — матросы каспийских купеческих и промысловых судов, бурлаки.
Муравлен (муравлин) чердак — разукрашенный, расписанный «травами»

Набойницы (лодки) — лодка, сбита из досок.

Након — раз.

Напрокучить — надоесть, наскучить.

Наряжаться — собираться.

Нахтарма — изнанка кожи, мездра.

Не воймует — не внимает.

Невыходы — невыплаченная дань.

Некорливая — непокорная.

Немогуга — нездоровье.

Оберег — предмет, способный охранить от разных бедствий; заклинание

Облыгаться — обманываться.

Ободверины — дверные косяки.

Оболокаться — одеваться.

Ограда — граница.

Окучаются — скрываются.

Опришенно — кроме.

Орать — пахать.

Орлений — клейменный казенным клеймом, т. е. проверенного качества.

Острог — укрепленное поселение.

Отноженки — невысокие холмы, ответвления, отходящие от хребта, возвышения между долинками.

Отгужины — распорки.

Охотники — в историко-песенном фольклоре — подставные рекруты.

Палья — от слова «паль» — выжженное место в лесу, на лугу.

Панафида — панихида.

Паруша — баня с паром.

Патрать — марать, пачкать.

Переное крыльцо — т. е. с перилами.

Переходы — коридоры.

Персона — лицо.

Перстирска опояска — т. е. опояска узорчатая.

Перфида — искаж. от «порфира».

Пестрядинные (рубашки) — т. е. сшитые из пестряди, грубой пестрой ткани.

Печаловать — заботиться, печься.

Пиченой (монастырь) — вероятно, опекаемый, окруженный вниманием.

Пищаль — пушка или тяжелое ружье, заряжаемое со ствола.

Плутонка — искаж. «плутонг». Стрелять плутонгами — значит, стрелять залпами, действуя мелкими подразделениями.

Погримывать — греметь.

Подсошечек — подставка, подпорка для ружья.

Поляницы — богатыри, богатырки; собирают.: удальцы.

Понять — взять в жены.

Порудити — порушить, убить (см. *руда*).

Постав — буфет.

Постельник — слуга, ведавший спальней, личной казной и платьем; часто — ближайший слуга.

Потопчина — толстая доска, по которой возят грузы в тачках.

Правеж — взыскание с обвиненного ответчика в пользу истца, сопровождавшееся физическим наказанием. Если ответчик не мог заплатить долга, его ставили на правеж, т. е. ежедневно в течение известного времени выводили перед судом и били батогами по ногам. Обычно правеж производился в Москве, перед зданием приказов в Кремле.

Прелестник — обманщик.

Прикладка — складная речь.

Приколочки — частоколы.

Причет, причт — духовенство какой-либо церкви, клир.

Прозритель — провидец.

Пуйны, пуйнки — веревки, путы.

Пядь — старинная мера длины в четверть аршина.

Пята — шип, вставленный в гнездо в нижнем углу двери.

Пятина — здесь: район, часть (о Новгородской земле).

Разился — бросался.
Раскаты — крепостные укрепления, валы.
Редуточка — земляное укрепление.
Ременчат (стул) — плетенный из ремней.
Рогатки — заграждения, заставы.
Руда — кровь.
Рушать — резать, делить птицу.
Рыбей зуб (о столах) — моржовая кость.
Рытый бархат — бархат с узорами.
Ряды — торговые лавки, магазины, расположенные подряд.

Салма — мучная каша, болтушка.
Сарацины — иноземцы, мусульмане.
Саят — см. *соян*.
Сграбился — схватился.
Сдли — подле.
Семипядная — см. *пядь*.
Сенная девушка — горничная, служанка.
Серпентинные — сделанные из серпентина (полосатого зеленого минерала, змеевика) или украшенные им.
Сиповочка, сиповка, сыповка, сиповинка — свирель, дудка.
Сиповщик — музыкант, играющий на сиповке (см.).
Скаченный (жемчуг) — т. е. скатный, крупный, круглый, ровный.
Слега — длинная жердь.
Смета — счет, число.
Смолье — деготь со смолой; применялся в оборонявшихся крепостях для освещения и для сбрасывания на осаждавших.
Смуры (кафтаны) — т. е. темные, неопределенного цвета.
Созямчик (азям) — род кафтана.
Сорочины — см. *сарацины*.
Сорочинские ковры — восточные.
Сорочинское пшено — рис.
Соян, саят — распашной сарафан.
Спавелика трава — т. е. повилка.
Сполать — исполать.
Старческая (сумка) — монашеская.
Стрета — встреча.
Сугон — вдогонку.
Сустигли — настигли, догнали.
Съезжий двор — заезжий, постоянный двор.

Тавлеи — шашки, шахматы или игральные кости.
Тал — мелкая волжская ива.
Тарновые — вероятно, искаж. от «терновые».
Ташка (ташечка) — кожаная сумка на ремне.
Тожно — вслед за тем.
Торженные усы — выщипанные.
Тороки — ремешки позади седла для привязывания чего-либо.
Туляются — прячутся.
Тума — выродок, изгой.
Тупейцы — ножи с тупым лезвием и двумя ручками.
Турбачить — беспокоить.
Турский — турецкий.
Тьма — тысяча.

Убрус — фата.
Уздень — свободный горский крестьянин, рядовой горский воин; в Кабарде и Адыгее узднем именовалась особая группа феодалов.
Укладка — здесь: смелость, решительность.
Укладные — т. е. сделанные из уклада, стали лучших сортов, булата.
Украина, украинна — окраина.
Улановья — татарские или турецкие чиновники.
Улус — поселение.

Упадкою (с упадкою) — несмело, нерешительно; «не с упадкою» — без страха.

Упала, в упалу — хорошо.

Урванцы — сорванцы, сорвиголовы.

Урядник — унтер-офицерский чин в казачьих войсках.

Фата — большой шелковый платок, покрывало.

Фашинник — прутья, хворост, связанный в фашины, применяемые для укрепления насыпей, редутов.

Фолейтор — искаж. от «форейтор», верховой при лошадях в упряжке.

Форштадт — слобода, поселение вокруг крепости.

Фузея — ружье.

Хирсовый кушачок — т. е. фризский (из толстой байки).

Хорунжий (хорунжушка) — младший офицерский чин в казачьих войсках.

Хрущатая (крущатая) камка — т. е. с узорами из кружев.

Целик — прицел.

Целовальник — кабатчик, часто — всякая мелкая власть, а также сиделец в кабаке.

Цеповочка — см. *сиповочка*.

Чембур (чумбур, чумбурчик) — повод для привязывания коня.

Червлена, червчатая (камка) — красная, темно-красная, багряная.

Чердак — нос судна, бак.

Чернедь — народ, челядь.

Чернеческий чин — т. е. монашеский.

Чеснок — здесь: частокол.

Шамахайский (шелк) — см. *шемахинский*.

Шанцы — батареи, окопы.

Шахмат (конь) — вероятно, то же, что «шахматинский», искаж. от «шамахинский», т. е. конь сказочной красоты.

Шеймы — якорные канаты.

Шемахинский (шохматинский) — здесь: восточный, экзотический (о шелке).

Шинкарочка — вероятно, искаж. от «шириночка» — т. е. полотенце, платок или скатерть.

Шипетко — см. *щепетко*.

Ширинка — см. *шинкарочка*.

Шишимора — обманщик, плут.

Щепетко, щепетно, щebetко — шегольски, изящно.

Ютовый, юхты — от «юфть», сорт кожи, шедшей на обивку, полушубки и проч.

Янычары — турецкая гвардия.

Ярлык — грамота.

Ярыжки — пьяницы.

Ярый — белый.

Ясак — подать, главным образом пушная.

Ясашный — см. *ясак*.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Между с. 256 и 257.

1. Мамаево побоище. М.; лит. А. Р. Морозова, 1872. Литогр. перевод с металлич. доски.
2. Взятие Казани царем Иоанном Васильевичем Грозным в 1552-м году. М.; лит. П. А. Глушкова, 1870. Литогр. перевод с медной доски.
3. Послы Ермака Тимофеевича пред Иоанном Грозным. М.; лит. И. Гаврилова, 1868. Изд. П. И. Шарапова. Литография.
4. Кончина царя Иоанна Васильевича Грозного. М.; лит. А. Руднева, 1868. Литография (с рисунка Н. А. Кошелева).
5. Гражданин Минин и Князь Пожарский ополчает войско на освобождение Москвы. М.; металлогр. Г. Чукчина, 1852. Изд. А. Белянкина. Гравюра на металле.
6. Битва под Полтавой. М.; лит. А. Абрамова, 1872. Литография с рис. А. И. Шарлеманя.
7. Стычка прусских драгун с русскими казаками. М.; вторая половина XVIII века. Гравюра на меди.
8. Краткое описание о взятии города Очакова. М.; 1789. 2 листа. Гравюра на меди.
9. Казнь Емельки Пугачева в Москве 10 января 1775 года. М.; лит. А. Руднева, 1866. Литография.
10. Князь Италийский граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский. М.; лит. А. Эрина, 1851. Изд. Е. Яковлева. Гравюра на металле.
11. Чем победил он врага?— Нагайкою. [М.; 1812.] Гравюра крепкой водкой с рис. И. И. Теребенева.
12. Руской Ратник Иван Гвоздила // Руской Милиционный Мужик Долбила. [М.; 1812.] Гравюра крепкой водкой.
13. Руской Геркулес загнал французов в лес и давил как мух. [М.; 1812.] Гравюра крепкой водкой.
14. Генерал Майор Бакланов. М.; металлогр. А. Лаврентьевой, 1855. Гравюра на меди.
15. Приказ по Войску Донскому г. Новочеркасск мая 15-го дня 1855 года за № 15-м. М.; металлогр. А. Васильева, 1855. Гравюра на металле.
16. Генерал Скобелев 2-й во главе своих войск берущий турецкий редут. М.; лит. Д. А. Руднева, 1877. Типолитография по рис. В. Малышева.

№№ 7, 11—13 воспроизводятся по атласу к «Русским народным картинкам» Д. А. Ровинского (Спб.; 1881. Том II — соответственно №№ 319, 469, 493—494, 504а); № 15 — по книге «The Lubok. Russian Folk Pictures 17th to 19th Century» (Л.; Аврора, 1984, № 127). Описание № 8 дано у Ровинского под № 355. №№ 1—6, 8—10, 14, 16 воспроизводятся впервые по оригиналам, хранящимся в Отделе эстампов Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

- «А за славным было батюшкой за Байкалом-морем...» (Поход селенгинских казаков) 146
- «А и деялося в Орде...» (Щелкан. 1) 47
- «А и по край было моря синего...» (Ермак в турецком плену) 117
- * «А из тихого из шелкова из затону...» (Есаул сообщает о казни Разина) 416
- * «А к чему же, братцы, приуныла всё быстра река...» (Смерть царницы) 376
- «А кто бы то дознал...» (Кострюк. 4) 73
- «А не сильная туча затучилася...» (Набег крымского хана) 74
- «А ой да ты корми... кормилец ты наш...» 347
- «А под славным было городом под Ригою...» (Поход под Ригу) 150
- * «А сплachtetся на Москве царевна...» (Плач Ксении Годуновой) 390
- «А ходил-гулял добрый молодец по чисту полю...» (Добрый молодец и Петр I) 229
- Азов взят с помощью подкопа («Ах по морю, морю синему...») 182
- «Ай да вот как не буйненькие...» (Коронация Александра I и персидский шах) 285
- «Ай да и хвалится ханцуз он выхваля... ой да выхваляется...» 299
- * «Ай да на славной было, братцы, да на ре...» (Ермак в казачьем кругу) 379
- * «Ай же ты Грозный царь Иван Васильевич...» (Гнев Ивана Грозного на сына) 367
- «Ай не две-та тучушки грозные...» (Сражение двух армий) 315
- Александр I обвиняет Наполеона («Уж вы горы мои, горы крутые...») 311
- Атаман Сехин («Что не белая заря занималася...») 279
- Атаман Фрол Минаев жалуется Петру I («Приуныли, приутихли на Дону донски да казаки...») 176
- «Ах бедные головушки солдатские...» 178
- «Ах во тысяча семьсот сорок втором году...» (Краснощок сражен пулей) 239
- «Ах да невесела наша государыня пребывала...» (Царница узнает о гибели нового корпуса) 245
- «Ах по морю, морю синему...» (Азов взят с помощью подкопа) 182
- «Ах по морю, морю синему...» (Петр I на корабле) 205
- «Ах служили мы на границе три годочка...» (Вести о восстании на Дону) 234
- * «Ах талан ли мой, талан таков...» (Ермак в турецком плену) 389
- * «Ах ты батюшко светел месяц...» 431
- «Ах ты наш батюшка Ярославль-город!..» (Песни разинцев. 15) 172
- «Ах туманы вы мои туманушки...» (Песни разинцев. 9) 168
- Бегство Лещинского. (1-2) 238
- * «Бежит речка по песку...» (Корабельщики бранят Аракчеева) 449
- «Бежит речка по песку, по песку, из Питера во Москву...» (Корабельщики бранят Аракчеева) 322
- «Били доброго молодца на правеже...» (Молодец на правеже) 225
- Борис Годунов («Ох, было у нас, братцы, в старые годы...») 122
- «Бывало-де православный царь...» 184
- «Был на горке, на горе...» (Французы в Москве) 303
- * «Быстрехонько...» (Поход разинцев на Яик) 407
- «В годы прежние...» (Кострюк. 1) 58
- * «В славном-то во городе во Вастракани...» («Сынок» Разина в Астрахани) 413
- «В тем сударыня простила...» (Начало восстания на Яике) 270

¹ Песни из раздела «Другие варианты» обозначаются звездочкой (*) и даются только по первой строчке с указанием в скобках названия песни или цикла из основного раздела сборника.

- *«В тысяча семьсот первом годе...» (Шереметев допрашивает шведского майора) 421
- *«В шестом году восьмой тысячи...» (Гришка Отрепьев) 392
- Василий и Андрюшка-палач («Как за теми за рядами...») 323
- Василий Шуйский («Как не из-за лесов-то дремучих стая воронов слеталась...») 130
- Вести о восстании на Дону («Ах, служили мы на границе три годочка...») 234
- *«Вечор-то мне, матушка, малым-мало спалось...» (Вещий сон) 420
- Вещий сон («Во городе во Кряконе, во горнице и во светлою...») 191
- Взят Берлин («Что не белая береза к земле клонится...») 252
- Взятие Азова («У нас было, братцы, на святой Руси...») 138
- Взятие Варны («Трудно жить сироте...») 332
- Взятие Ермаком Казани («Как проходит, братцы, лето теплое...») 103
- Взятие Измаила («Ночи темны, тучи грозны...») 257
- Взятие Казани. (1-3) 55
- Взятие Орешка («Как по славной матушке Неве-реке...») 197
- Взятие Очакова («Как под славным под городом под Очаковым...») 263
- Взятие Хотина («Как мы Польшею идем...») 258
- *«Вниз по Волге по реке по астраханской...» («Сынок» Разина в Астрахани) 412
- *«Вниз то было по матушке Камышинке-реке...» (Убийство Карамышева) 405
- «Во городе во Кряконе, во горнице и во светлою...» (Вещий сон) 191
- *«Во матушке было во каменной Москве...» (Кострюк) 360
- *«Во Москвы то было, во царстве...» (Соловечко восстание) 403
- «Во сибирской во украине...» (Казаки обороняют Даурский острог) 141
- «Во славном городе в Орешке...» (Шереметев допрашивает шведского майора) 202
- «Во славном городе во Санкт-Питере...» 233
- «Во славном понизовом городе Астрахани...» (Ермак взял Сибирь) 111
- «Во тихой смиренной во беседе...» (Войска Шереметева разбивают шведские полки) 200
- *«Во тысяче семьсот двадцать первом году...» (Шереметев допрашивает шведского майора) 423
- *«Во тысяча семьсот первом году...» (Шереметев берет в плен турецкого мурзу) 182
- «Во Уральском было, было славном городе...» 320
- «Водалече, водалече во чистом поле...» (Стрелецкий атаман и царь Петр) 186
- Возвращение Краснощекова («Как по питерской было по дороженьке...») 251
- Возвращение Суворова («Как на желтых песках на рассыпчатых...») 266
- Возвращение Филарета («Зрадовалоса царство Московское...») 136
- «Возговорил наш-то батюшко Румянцев-генерал...» (Румянцев ведет войско против турок) 254
- «Воздалече, воздалече в чистом поле...» (Два невольничка) 280
- «Воздалеченька православный царь...» (Царь казнит Долгорукова) 210
- *«Возле реченьки хожу млада...» (Пострижение царицы) 428
- «Возмутился славный наш тихий Дон...» (Некрасов пишет письмо Долгорукову) 214
- Войска Шереметева разбивают шведские полки («Во тихой смиренной во беседе...») 200
- Вор Гаврюшка («Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое...») 274
- Вор Засорин («Завродился-то вор Засорушка-Засорин в городе Ростове...») 274
- Вор Копейник («На славнем на устье Черновоставском...») 275
- «Воровские рыболовщики на море («Ох ты батюшка наш, наказный атаманушка...») 291
- Воронцов и казаки («Из гор из высоких...») 256
- *«Восхвалялся вор-француз...» (Русские войска преследуют французов) 446
- «Время страшной подходит...» (Царя требуют в сенат) 327
- *«Все полки-то весело идут...» (Возвращение Краснощекова) 435
- *«Всё белы шатры при буграх, братцы, стоят...» (Солдаты готовятся встретить шведского короля) 420
- «Вспомним, вспомним мы, ребята...» (Оборона Зирян) 336
- «Вы вставайте-ко, братцы, раненько...» (Разин на Волге) 159
- «Вы кусты мои, кусточки...» 316
- «Вы леса ль мои, лесочки, леса темные...» (Песни разинцев. 4) 163

- «Вы леса мои, леса, братцы, лесочки, леса темные...» (Песни разинцев. 5) 165
 «Вы леса наши, лесочки, леса наши темные...» (Песни разинцев. 3) 163
 «Вы не каркайте, вороны, да над ясным над соколом...» (Царевича Алексея хотят казнить) 227
 * «Вы послушайте, ребята, послушайте, господа...» (Взятие Казани) 355
 «Вы послушайте, ребята, что мы станем говорить...» (Взятие Казани. 2) 56
 «Выезжает Александр наш свою армию смотреть...» (Смерть Александра I) 325
 «Выпала порошица...» (Поп Емеля) 133
 * «Высоко, братцы, звезда возшла...» (Чернышев в плену) 434
 «Выше гор, выше гор и мечетей...» (Солдаты Бакланова идут на приступ) 339
- Генерал продал Москву («На гороньке было, на горе...») 303
 Генерал Слепцов ранен («Ой да ты заря...») 338
 Гибель Краснощекова («Что сказать ли вам, братцы, про диковинку...») 240
 Гибель полка Тацына («На ровной площади, на большой поляне...») 331
 Гибель С. Р. Пожарского («За рекою, переправую...») 143
 Гнев Ивана Грозного на сына. (1-3) 79
 «Голова ль ты моя, головушка...» (Казнь боярина) 236
 * «Гребитесь, ребяташки, на сторонку на свою...» («Сынок» Разина в Астрахани) 410
- Гришка Отрепьев («Ты боже, боже, спас милостивой!...») 123
 Гудович и персидский шах («На заре то было всё на зорюшке...») 286
- «Да господь бог прогневился, государь-царь воспалился...» (Соловецкое восстание) 150
 «Да за славную за рекою за Кумюю...» 278
 * «Да и много Скопин да по землям бывал...» (Скопин-Шуйский) 396
 * «Да на заре то было, братцы, да вот на зорюшке...» (Некрасов убивает Долго-рукова) 429
 «Да никто про то не знает, да никто не ведает...» (Некрасов уводит казаков) 216
 Два невольничка («Воздалече, воздалече в чистом поле...») 280
 Девушка в плену у французов («Не спалось девке, не дремалось...») 318
 Добрый молодец и Петр I («А ходил-гулял добрый молодец по чисту полю...») 229
 Долгорукова ведут на казнь («По большой дорожке...») 235
 Донские казаки и Азов-город («У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городе...») 140
 «Дотолева зелен сад зелен стоял...» 185
 «Думайте, ребяташки, подумайте...» (Ермак в казачьем кругу. 2) 101
 Дуниковский отдает приказ идти за Дарью-реку («Соберемся мы, казаченьки, во единый круг...») 343
- «Емельян ты наш родный батюшка!...» (Нет больше народного заступника...) 273
 Ермак в казачьем кругу. (1-2) 100
 Ермак в турецком плену («А и по край было моря синего...») 117
 Ермак взял Сибирь («Во славном понизовом городе Астрахани...») 111
 Ермак и Ицламбер-мурза («Ой, на степе, степе, да...») 114
 Ермак и турки («По край моря синего...») 115
 Ермак у Ивана Грозного («Как на славных на степях было саратовских...») 104
 Есаул сообщает о казни Разина («На заре то было, братцы, на утренней...») 161
 * «Еще вниз то было по матушке Камышинке-реке...» (Убийство Карамышева) 406
- «Еще кто у нас, ребята, в каменной Москве бывал...» (Казаки снимают турецкие караулы) 254
 «Еще тысяча семьясот было в пятьдесят седьмом году...» (Осада Кистрина) 243
 «Еще что же вы, братцы, призадумались...» (Песни разинцев. 14) 172
 «Еще что у нас в Москве, братцы, за кручина?...» (Шереметев в соборе) 198
- Жалоба казаков наследнику («Не грозна туча из-за облака...») 292
 Жалобы Екатерины II («Мимо роши шла одинехонька...») 253
 Жалобы солдат на Павла I («Уж ты батюшка светёл месяц...») 281

- «(За) Зарайским городом...» (Смерть Михайлы Черкашенина) 76
 *«За Кубанью огонь горит — в поле стало дымно...» (Русская армия под Браило-
 вом) 452
- «За рекою, переправую...» (Гибель С. Р. Пожарского) 143
 «За славной то было за речушкой быстрым Дунаем...» (Каменский за Дунаем)
 257
- «За славною за реченькой Низовою...» (Краснощеков под Дербентом) 221
 «Заводилася война...» 304
 «Завродился-то вор Засорущка-Засорин в городе Ростове...» (Вор Засорин) 274
 «Загоняли нас, добрых молодцев, в Великое село...» (Набор военных поселен-
 цев) 324
- Загорелась Москва от больших господ («Ой ты хозяин, мой хозяин, своему дому
 господин!...») 209
- Земля турецкая («Не сизы орлы...») 265
 «Злодей, злодей ретиво сердце!...» (Солдаты готовятся штурмовать Орешек) 195
 Зоргин на поле боя («Не черным-то зачернелось...») 258
 «Зрадовалось царство Московское...» (Возвращение Филарета) 136
- «И на стуле, крытом бархатом...» (Щелкан. 3) 52
 Иван Грозный молится по сыне («Эх да собирается наш православный
 царь...») 96
 Иван Грозный под Серпуховом («Царь Иван Васильевич...») 75
 Иван Краснощеков — млад охотничек («Между Кум-реки между Тереком...»)
 278
- «Из гор из высоких...» (Воронцов и казаки) 256
 «Из-за леса, леса темного...» (Пугачев кручинится) 271
 «Из-за лесуку, лесуку, лесочуку темного...» (Песни разинцев. 12) 170
 «Из Кремля, Кремля, крепка города...» (Казнь стрелецкого атамана) 188
 *«Из славного из города из Пскова...» (Шереметев допрашивает шведского
 майора) 424
- «Издаlechа, издаlechа, из чиста поля...» 344
 «Ино что у нас в Москве учинилось...» (Скопин-Шуйский. 1) 125
 «Ище говорит-то атаман всё Сенька Разин-от...» (Песни разинцев. 7) 166
- Казаки бранят Меншикова («Что пониже было города Саратова...») 209
 Казаки возвращаются с похода («Прошли казачушки с моря Черного...») 251
 Казаки встречают царя под Шлиссельбургом («Как по крутому по красному
 берегу...») 195
 Казаки допрашивают Долгорукова («По славному Дону тихому...») 207
 Казаки Краснощекова снимают прусские караулы («Что не пыль в поле
 пылит...») 249
- Казаки обороняют Даурский острог («Во сибирской во украине...») 141
 Казаки под Азовом («Ровно по три дни Азов-город не заперт был...») 137
 Казаки под Ленкоранью («На заре то было, на заре на утренней...») 287
 Казаки получают приказ идти на сражение («Сильно буря прошумела...») 346
 Казаки снимают турецкие караулы («Еще кто у нас, робята, в каменной Москве
 бывал...») 254
- Казаки убивают князя Репнина («Промеж было Казанью, промеж Астра-
 ханью...») 174
- Казаки убивают царского посла («На славной Волге-реке...») 106
 Казнь боярина («Голова ль ты моя, головушка...») 236
 Казнь стрелецкого атамана («Из Кремля, Кремля, крепка города...») 188
 «Как бы во сто двадцать седьмом году...» (Скопин-Шуйский. 2) 125
 «Как было то у нас на святой Руси...» (Ляпунов и Гужмунд) 130
 «Как в старом то было городе...» (Минин и Пожарский) 131
 «Как во городе во Астрахани...» («Сынок» Разина в Астрахани) 160
 «Как во пятый было год...» (Отказ казаков от подписки) 292
 «Как во светло было во Христово воскресеньице...» (Петр I скорбит о гибели
 казаков) 192
- «Как во середу славный праздничек...» (Румянцев и Мурхан-паша) 254
 «Как во славной во степи во черкасской...» (Шведский король пытается захва-
 тить Полтаву) 199

- «Как во славном было городе в Аникееве...» (Крымская орда идет на Азов) 137
- «Как во славном городе Астрахане...» (Пугачев в Астрахани) 272
- *«Как во славном, славном городе...» (Семеновцы в крепости) 448
- *«Как во славном то во городе было в Кольвани...» (Шведская королева просит помощи) 428
- *«Как во той ли было каменной Москвы...» (Скопин-Шуйский) 394
- *«Как возговорил князь Потемкин...» (Русские обстреливают Очаков) 437
- *«Как выходит ведь государь наш по день...» (Взятие Азова) 400
- «Как далече было, дале, во чистом поле...» (Разбойный поход на Волгу) 102
- *«Как далече-далече...» (Разбойный поход на Волгу) 381
- «Как далеченько было во чистом поле...» (Солдаты готовятся встретить шведского короля) 191
- *«Как далеченько-далеченько, во чистом поле...» (Разбойный поход на Волгу) 382
- «Как за реченькой за Волгою...» 232
- «Как за речкою то было за Утвою...» 276
- «Как за теми за рядами...» (Василий и Андриюшка-палач) 323
- «Как заплакала Россиюшка от француза...» 296
- «Как из-за маленького-то лосочку...» (Краснощеков утешает своих казаков) 250
- «Как из славного царства Астраханского...» (Молодец на острове) 156
- *«Как когда была столица в Нова-городе...» (Гнев Ивана Грозного на сына) 363
- «Как мы Польшею идем...» (Взятие Хотина) 258
- *«Как на Волге, да на Камышинке...» (Ермак в казачьем кругу) 381
- «Как на горке на горе...» (Русские войска получают приказ готовиться к сражению) 299
- «Как на желтых песках на рассыпчатых...» (Возвращение Суворова) 266
- *«Как на зорьке, на заре, на утренней было на росе...» (Русские войска получают приказ готовиться к сражению) 442
- «Как на речке было...» (Ермак в казачьем кругу. 1) 100
- *«Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке...» (Ермак в казачьем кругу) 379
- «Как на славных на степях было саратовских...» (Ермак у Ивана Грозного) 104
- «Как на той ли Горькой линии...» (Набег кочевников на Екатерининский форпост) 342
- «Как на устье то было, братцы, Яикушки...» (Поход Бековича-Черкасского на Хиву) 219
- *«Как не две тученьки, не две грозные...» (Сражение двух армий) 447
- «Как не из-за лесов-то дремучих стая воронов слеталася...» (Василий Шуйский) 130
- «Как не кулик по болотам куликает...» (Князь Голицын возвращается в Москву) 175
- «Как не травушка, не муравушка...» (Смерть полковника Власова) 336
- «Как никто-то про то не знает, не ведает...» (Петра I узнают в шведском городе) 205
- «Как повыше было Смоленска-города...» (Солдаты освобождают Смоленск) 308
- *«Как под Бэндером мы стояли...» (Румянцев и красная девица) 438
- *«Как под славным было городом под Шумлою...» (Гибель полка Тацына) 451
- «Как под славным под городом под Очаковым...» (Взятие Очакова) 263
- «Как по крутому по красному берегу...» (Казаки встречают царя под Шлиссельбургом) 195
- «Как по морю было, морю синему...» (Песни разинцев. 11) 170
- *«Как по морю, морю синему, по синю морю Хвалынскому...» (Русские войска берут Ригу) 427
- «Как по питерской было по дороженьке...» (Возвращение Краснощекова) 251
- «Как по речке, по реке тут пятьсот стружков плывут...» (Корабельщики бранят князя Гагарина) 208
- *«Как по речке, по речке...» (Корабельщики бранят Аракчеева) 450
- «Как по славной матушке Нева-реке...» (Взятие Орешка) 197
- «Как по три года Азов-город заперче стоял...» (Песни разинцев. 13) 171
- «Как под славную да каменную Москву...» (Гнев Ивана Грозного на сына. 2) 87
- *«Как поехал наш Александра...» (Смерть Александра I) 450
- «Как проходит, братцы, лето теплое...» (Взятие Ермаком Казани) 103
- «Как решил султан турецкий...» 349

- *«Как собирались казаки на крут бережок...» (Казаки убивают царского посла) 387
- «Как у нас было в каменной Москве...» (Гнев Ивана Грозного на сына. 3) 91
- «Как у нас было за городом за Вендэрой...» (Русская армия под Бендерами) 256
- «Как у нас было на батюшке...» (Царь требует выдачи Разина) 154
- «Как у нас было на Тихом Дону, да на том на Ивановиче...» (Турки нападают на казачью крепость) 116
- «Как у нас было во царстве, каменной Москве...» (Рождение царевича Алексея) 226
- *«Как у нас было на Волге, не черным-то зачернелось...» (Разин и воевода) 409
- «Как у нас то было, братцы, на святой Руси...» 180
- * «Как у нас то было в матушке каменной Москве...» (Правеж) 378
- «Как у нас то было во калмыкушках...» (Нападение горцев на калмыков) 221
- *«Как у нас то было во матушке кремной Москве...» (Песни о восстании стрельцов) 419
- *«Как у нас то было на тихом Дону, в славном...» (Разин и казачий круг) 406
- Каменский за Дунаем («За славной то было за речушкой быстрым Дунаем...») 257
- Князь Волконский допрашивает казака («На заре то было, всё на зореньке...») 290
- «Князь Воронцов наш похвалялся...» (Смерть генерала Пассека) 337
- Князь Голицын возвращается в Москву («Как не кулик по болотам куликает...») 175
- Князь Иловский проиграл Дон («Никто-то про то не знает, да никто не ведает...») 280
- Князь Цицианов под Эриванью («Ой в восемьсот толчка было...») 286
- «Когда воссияло на небе красное солнышко...» (Гнев Ивана Грозного на сына. 1) 79
- «Когда светел-радошен...» (Рождение царевича Петра) 151
- Константин и Анна («При городе, при кунпанье...») 326
- Константин и лейб-гвардейцы («На Царицыном лугу...») 325
- «Копил-то король, копил силушку...» (Оборона Пскова от Стефана Батория) 77
- Корабельщики бранят Аракчеева («Бежит речка по песку, по песку, из Питера во Москву...») 322
- Корабельщики бранят князя Гагарина («Как по речке, по реке тут пятьсот стружков плывут...») 208
- Коронация Александра I и персидский шах («Ай да вот как не буйенькие...») 285
- Кострюк. (1-4) 58
- «Красно солнушко с светлым месяцем поразмолвилось...» (Бегство Лещинского. 2) 238
- Краснощеков в гостях у прусского короля («Краснощеков у прутского (короля) загулял...») 250
- Краснощеков в плену («Приуныло, приумолкло войско донское...») 239
- Краснощеков под Дербентом («За славную за реченькой Низовой...») 221
- Краснощеков сражен пулей («Ах, во тысяча семьсот сорок втором году...») 239
- «Краснощеков у прутского (короля) загулял...» (Краснощеков в гостях у прусского короля) 250
- Краснощеков утешает своих казаков («Как из-за маленького-то лесочку...») 250
- Крымская орда идет на Азов («Как во славном было городе в Аникееве...») 137
- *«Кто бы нам сказал про царев поход...» (Взятие Казани) 356
- Кутузов допрашивает французского майора («Что не красное-то солнце воссияло...») 304
- Кутузов и казаки («Что не соколы крылаты...») 289
- «Лежала путь-дороженька...» (Циолковский на Эмбе) 340
- Ляпунов и Гужмунд («Как было то у нас на святой Руси...») 130
- *«Мать Россия, мать Россия...» (Платов в гостях у француза) 444
- «Между Кум-реки между Теремом...» (Иван Краснощеков — млад охотничек) 278
- «Мимо лесику, мимо бору сырого...» 341

- «Мимо рощи шла одиныхонька...» (Жалобы Екатерины II) 253
 Минин и Пожарский («Как в старом то было городе...») 131
 *«Мне вечер-то, вечер...» («Сынок» Разина в Астрахани) 414
 Молодец на острове («Как из славного царства Астраханского...») 156
 Молодец на правее («Били доброго молодца на правее...») 225
 Молодец собирается под Полтаву («Что за реченькою было за Небрагою...») 198
 Молодцев отправляют на Ладожский канал («Поутру то было раным-рано...») 211
 «Мы в лагерях стояли...» (Солдаты под Очаковым) 262
 «Мы вечер в торгу торговали...» (Румянцев и красная девица) 267
 *«Мы на бгаде стояли, не думали ни о чем...» (Француз похваляется Парижем) 446
- «На гороньке было, на горе...» (Генерал продает Москву) 303
 «На границе мы стояли...» 312
 «На закате было красной солнушки...» (Некрасов собирается идти на Кубань) 217
 «На заре было, вот на зореньке...» (Прусский король ведет армию) 243
 «На заре то было, братцы, на утренней...» (Есаул сообщает о казни Разина) 161
 «На заре то было всё на зореньке...» (Князь Волконский допрашивает казака) 290
 «На заре то было всё на зорюшке...» (Гудович и персидский шах) 286
 «На заре то было, на заре на утренней...» (Казаки под Ленкоранью) 287
 *«На заре то было на утренней...» (Князь Волконский допрашивает казака) 440
 «На заре то было ранней утренней...» (Некрасов убивает Долгорукова) 215
 «На Линии было, на Линеюшке...» (Оплошность казаков Агуреева) 277
 *«На Москве было на базаре...» (Соловецкое восстание) 401
 *«На нас, братцы, господи разгневался...» (Гришка Отрепьев) 391
 «На ровной площади, на большой поляне...» (Гибель полка Тацына) 331
 *«На святой то Руси в кременной Москве...» (Песни о восстании стрельцов) 418
 «На славной Волге-реке...» (Казаки убивают царского посла) 106
 «На славнем на устье Черномостком...» (Вор Копейник) 275
 *«На Страшной было неделе, во велик четверг...» (Гнев Ивана Грозного на сына) 373
 «На стуле на бархате...» (Шелкан. 2) 50
 *«На усть было матушки Волги-реки...» (Взятие Ермаком Казани) 382
 «На Царицыном лугу...» (Константин и лейб-гвардейцы) 325
 *«На царский праздник, на велик день...» (Шереметев в соборе) 421
 *«На черте было черте...» (Песни о восстании стрельцов) 417
 Набег грузинского царевича Александра с турецким отрядом на казачью станицу («Пообещался Александра в гости побывати...») 288
 Набег кабардинцев на крепость Марьевскую («Не ссызе орлы ко ясному соколу солеталися...») 335
 Набег кочевников на Екатерининский форпост («Как на той ли Горькой линии...») 342
 Набег крымского хана («А не сильная туча затучилася...») 74
 Набор военных поселенцев («Загоняли нас, добрых молодцев, в Великое село...») 324
 *«Накануне было Петрова дни, царского ангела...» (Солдаты готовятся встретить шведского короля) 421
 «Нам не дорого ни злато да чистое серебро...» (Солдаты судят Долгорукова) 207
 «Нам пора-то, робятушки, с кабаку идти!..» 179
 Нападение горцев на калмыков («Как у нас то было во калмыкушках...») 221
 Наполеон получает известие о разгроме армии («Уж ты пьешь, ты гуляешь, Наполеонушка...») 314
 Нахимов ведет эскадру («Шла эскадра шхун в Россию к нам...») 347
 Начало восстания на Яике («В тем сударыня простила...») 270
 «Наш батюшка казак Платов воружался...» 301
 «Наш батюшка славный царь...» (Павел I набирает рекрутов) 281
 «Не бела зоря занималася...» 232
 «Не бела зоря, зоря занималася...» (Поход под Кукуан-город) 344
 «Не белы снежки в поле забелелися...» (Шведская королева просит помощи) 204

- *«Не бушуйте вы, ветры буйные...» (Русские обстреливают Очаков) 437
 «Не в лузях-то вода поляя разливалась...» (Французский король пишет письмо Александру I) 296
 «Не вихрь крутит по долинушке...» (Смерть царевича Дмитрия) 121
 «Не во матушке было, было в Россиюшке...» 233
 «Не грозная туча из-за облака...» (Жалоба казаков наследнику) 292
 «Не злаченная труба в поле трубилася...» (Русское войско под Смоленском) 147
 «Не из тучушки они, ветерочки, дуют...» (Терские казаки и Иван Грозный) 98
 *«Не красное солнце из-за гор выкаталось...» (Некрасов убивает Долгорукова) 429
 *«Не куличушки в поле куликали...» (Князь Голицын возвращается в Москву) 416
 *«Не от пламечка ковыль-трава загоралась...» («Сынок» Разина в Астрахани) 415
 *«Не от тучи, не от грома, не от солнышка...» (Краснощеков в плену) 432
 «Не под городом было под Орешевым...» (Русские корабли на Черном море) 196
 «Не пыль во поле пылит...» 298
 «Не пыль во поле пылит...» (Смерть Лопухина) 248
 «Не рябинушка со березенькой совивается...» (Песни разинцев. 8) 168
 «Не сизы орлы...» (Земля турецкая) 265
 «Не сизые орлы ко ясыному соколу солетались...» (Набег кабардинцев на крепость Марьевскую) 335
 «Не сон меня клонит, не дрема долит...» (Солдаты получают приказ идти под Азов) 181
 «Не спалось девке, не дремалось...» (Девушка в плену у французов) 318
 «Не туман с моря поднялся...» (Под Плевной) 351
 «Не цветами сине море покрывалось...» (Спиридов и матросы) 259
 «Не черной-то ворон по горам летал...» (Поединок казака с турком при Петре I) 219
 «Не черные, братцы, тучи поднимались...» (Убит полковник Беляков) 318
 «Не черным-то зачернелось...» (Зоргин на поле боя) 258
 «Не шуми ты, шумка, во поле, зеленой дуброве...» (Песни разинцев. 6) 165
 Некрасов пишет письмо Долгорукову («Возмутился славный наш тихий Дон...») 214
 Некрасов пишет письмо Петру I («Помутился, возмутился наш славный тихий Дон...») 213
 Некрасов собирается идти на Кубань («На закате было красной солнушки...») 217
 Некрасов тоскует о родине («Сторона ль ты, да вот, моя прежняя сторонущка...») 217
 Некрасов убивает Долгорукова («На заре то было ранней утренней...») 215
 Некрасов уводит казаков («Да никто про то не знает, да никто не ведает...») 216
 Некрасова породила земля русская («Ой да как взошло-то, взошло солнце красное...») 218
 Нет больше народного заступника... («Емельян ты наш рѣдный батюшка!») 273
 «Никто-то про то не знает, да никто не ведает...» (Князь Иловайский проиграл Дон) 280
 «Ночи темны, тучи грозны...» (Взятие Измаила) 257
- «Обещался наш французик...» 313
 Оборона Зирян («Вспомним, вспомним мы, ребята...») 336
 Оборона Пскова от Стефана Батория («Копил-то король, копил силушку...») 77
 «Ой в восемьсот толчка было...» (Князь Цицианов под Эриванью) 286
 «Ой да как взошло-то, взошло солнце красное...» (Некрасова породила земля русская) 218
 «Ой да пише, пише-то, пише король шведские...» (Шведский король требует возвращения городов) 268
 «Ой да ты заря...» (Генерал Слепцов ранен) 338
 «Ой да ты корми... кормилец ты наш...» 347
 «Ой да ходил-гулял добрый молодец...» (Царь и солдаты в кружале) 223
 «Ой на степе, степе, да...» (Ермак и Ицламбер-мурза) 114
 «Ой не вечер то ли, не вечер...» (Песни разинцев. 10) 169
 «Ой ты матушка родная...» (Шереметев набирает солдат для армии) 222

- «Ой ты хозяин, мой хозяин, своему дому господин!..» (Загорелась Москва от больших господ) 209
- Оплошность казаков Агуреева («На Линии было, на Линеюшке...») 277
- Оплошность казаков под Азовом («Шли казаки с моря Черного...») 139
- Осада Берлина («Что победны наши головушки солдатские...») 252
- Осада Кистрина («Еще тысяча семьсот было в пятьдесят седьмом году...») 243
- Осада Очакова («Перезяб-то я, передрог, добрый молодец...») 261
- «От своих чистых сердец...» (Платов во время битвы) 300
- Отказ казаков от подписки («Как во пятый было год...») 292
- *«Отчего тихий Дон смущается?» (Князь Иловыйский проиграл Дон) 440
- «Ох было у нас, братцы, в старые годы...» (Борис Годунов) 122
- «Ох вы гости, гости званые...» (Взятие Казани. 1) 55
- «Ох и что же вы, ребятушки, не пьете, не едите?...» (Русские обстреливают Очаков) 261
- «Ох не три поля кручинушки изнасяено...» (Бегство Лещинского. 1) 238
- «Ох ты батюшка Ленбурх-город!..» (Солдата не пускают в Оренбург) 271
- «Ох ты батюшка наш, наказный атаманушка...» («Воровские рыболовщики» на море) 291
- «Ох ты горе мое...» (Француз зажигает Москву) 302
- Павел I набирает рекрутов («Наш батюшка славный царь...») 281
- «Перезяб-то я, передрог, добрый молодец...» (Осада Очакова) 261
- Переселение на Илецкую линию («Прощай, Томский и Тобольский...») 320
- Песни разинцев. (1-15) 162
- Песня севастопольских стрелков («Что ж это мелькает, братцы, меж кустов...») 350
- Петр I борется с драгуном («У дворца, дворца было государева...») 231
- Петр I возвращается из церкви («Среди было царствя Московского...») 223
- Петр I и князь Ганджерин («Православный царь Петр Алексеевич...») 220
- Петр I на корабле («Ах по морю, морю синему...») 205
- Петр I скорбит о гибели казаков («Как во светло было во Христово воскресеньице...») 192
- Петра I узнают в шведском городе («Как никто-то про то не знает, не ведает...») 205
- «Пишет князь-цесарин к государыне в Москву...» (Помощь австрийскому цесарю) 241
- *«Пишет, пишет король шведский свое грозное письмо...» (Шведский король требует возвращения городов) 438
- «Пишет, пишет султан турецкий...» (Турецкий султан пишет письмо) 329
- Платов в гостях у француза («Святорусская земля...») 309
- Платов во время битвы («От своих чистых сердец...») 300
- Плач Ксении Годуновой («Сплачется мала птичка...») 122
- «По большой дорожке...» (Долгорукова ведут на казнь) 235
- «По дороженьке по московской...» (Русское войско выступает в поход в землю шведскую) 193
- «По край моря синего...» (Ермак и турки) 115
- «По московской по широкой по дороженьке...» (Русское войско выступает в поход) 241
- «По морю, морю синему...» (Русские войска берут Ригу) 203
- «По славному Дону тихому...» (Казаки допрашивают Долгорукова) 207
- *«Побессчастнейшой, бесталаннейшой...» (Прусский король тужит о гибели племянника) 440
- Под Плевной («Не туман с моря поднялся...») 351
- «Под славным было городом Парижем...» (Русская армия готовится вступить в Париж) 317
- «Под славным было городом под Браиловым...» (Русская армия под Браиловом) 334
- «Под славным было городом под Гутштатом...» (Русские войска под Гутштатом) 294
- *«Под славным было городом под Липцами...» (Сражение двух армий) 448
- *«Под славным городом под Браиловом...» (Русская армия под Браиловом) 452
- Поединок казака с турком при Петре I («Не черной то ворон по горам летал...») 219

- *«Поле, поле чистое...» (Русские обстреливают Очаков) 437
 «Поле ты, поленько, да поле...» (Турки похваляются разбить русские войска) 330
 Поход Падурова в походе («Уж ты степь ли наша степь, степь наша широкая!...») 333
 Помощь австрийскому цесарю («Пишет князь-цесарин к государыне в Москву...») 241
 «Помутился, возмутился наш славный тихий Дон...» (Некрасов пишет письмо Петру I) 213
 «Пообещался Александра в гости побывати...» (Набег грузинского царевича Александра с турецким отрядом на казачью станцию) 288
 Поп Емеля («Выпала порошица...») 133
 «Посреде ль было Московского царства...» (Царь и бояре решают судьбу Смоленска) 148
 Пострижение царицы («У нас в Москве нездорово...») 211
 «Поутру то было раным-рано...» (Молодцев отправляют на Ладужский канал) 211
 «Похвалялись злы французы...» 297
 «Похвалялся (вор) француз...» (Русские войска преследуют французов) 311
 *«Похвалялся да во... вор-француза...» 441
 Поход Бековича-Черкаского на Хиву («Как на устье то было, братцы, Яикушки...») 219
 Поход к Сырдарье («Пришел, братцы, новый год...») 341
 Поход под Кукал-город («Не белая заря, заря занимался...») 344
 Поход под Ригу («А под славным было городом под Ригою...») 150
 Поход разинцев на Яик («Течет Яик быстрехонько...») 155
 Поход селенгинских казаков («А за славным было батюшкой за Байкалом-морем...») 146
 Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань («Снаряжался православный царь Михайло во дорожку...») 135
 Правеж («Что у нас было на святой Руси...») 97
 «Православный царь Петр Алексеевич...» (Петр I и князь Ганджерин) 220
 Предчувствие грузинского царевича Александра («Расскажу я вам, братцы, про нужду свою...») 287
 «При городе, при кунпанье...» (Константин и Анна) 326
 «При нынешних при царях...» (Кострюк. 3) 67
 *«Прикажи, сударь хозяин, Скопина просказать...» (Скопин-Шуйский) 392
 «Приказал Бакланов палатки снимать...» (Штурм Карса) 350
 «Пришел, братцы, новый год...» (Поход к Сырдарье) 341
 «Приуныли, приутихли на Дону донски да казаки...» (Атаман Фрол Минаев жалуются Петру I) 176
 «Приуныло, приумолкло войско донское...» (Краснощеков в плену) 239
 *«Приутихло, приуныло море синее...» (Кострюк) 357
 «Приутихло, приуныло море синёе...» (Смерть царицы) 94
 «Промеж было Казанью, промеж Астраханью...» (Казаки убивают князя Репнина) 174
 «Промежду-то Куры, между речушки...» 276
 «Прошли казачушки с моря Черного...» (Казаки возвращаются с похода) 251
 «Прошай, Томский и Тобольский...» (Переселение на Илецкую линию) 320
 Прусский король ведет армию («На заре было, вот на зореньке...») 243
 Прусский король похваляется захватить русскую землю («Что никто, братцы, не знает, не ведает...») 242
 Прусский король тужит о гибели племянника («Разбессчастенькой король...») 294
 Пугачев в Астрахани («Как во славном городе Астрахане...») 272
 Пугачев и Панин («Судил тут граф Панин вора Пугачева...») 272
 Пугачев кручинится («Из-за леса, леса темного...») 271
 «Разбессчастенький-бесталанненький...» 319
 «Разбессчастенькой король...» (Прусский король тужит о гибели племянника) 294
 Разбойный поход на Волгу («Как далече было, дале, во чистом поле...») 102
 Разгром нового корпуса («Травынька-муравынька, кавылочек!...») 244

- Разин и воевода («Что да на матушке на Волге не черным да зачернелось...») 158
- Разин и девка-астраханка («Уж вы горы мои, горы...») 157
- Разин и казачий круг («У нас то было, братцы, на тихом Дону...») 154
- Разин на Волге («Вы вставайте-ко, братцы, раненько...») 159
- Разин на Каспийском море («Тихохонько сине море становилось...») 156
- *«Разливалась в зеленых лугах вода поляя...» (Разин и казачий круг) 407
- *«Разорёна путь-дороженька...» (Француз похваляется Парижем) 445
- *«Разорёна путь-дорожка от Мोजая до Москвы...» (Француз похваляется Парижем) 310
- Расправа с губернатором («Что повыше было города Царицына...») 173
- *«Распроклятый француз-англичанин...» (Солдаты под Севастополем) 345
- *«Расскажу я вам, братцы, про нужду свою...» (Предчувствие грузинского царевича Александра) 287
- *«Ровно по три дни Азов-город не заперт был...» (Казачи под Азовом) 137
- Рождение царевича Алексея («Как у нас было во царстве, каменной Москве...») 226
- Рождение царевича Петра («Когда светел-радошен...») 151
- *«Россия ли, Россия...» (Платов в гостях у француза) 442
- Румянцев ведет войско против турок («Возговорил наш-то батюшко Румянцев-генерал...») 254
- Румянцев и красная девица («Мы вечер в торгу торговали...») 267
- Румянцев и Мурхан-паша («Как во середу славный праздничек...») 254
- Русская армия готовится вступить в Париж («Под славным было городом Парижем...») 317
- Русская армия под Бендерами («Как у нас было за городом за Вендерой...») 256
- Русская армия под Браилом («Под славным было городом под Браиловым...») 334
- Русские войска берут Ригу («По морю, морю синёму...») 203
- Русские войска под Гутштадтом («Под славным было городом под Гутштадтом...») 294
- Русские войска получают приказ готовиться к сражению («Как на горке, на горе...») 299
- Русские войска преследуют французов («Похвалялся (вор) француз...») 311
- Русские войска разбивают французов («Что во городе во Морше читали указы...») 307
- Русские корабли на Черном море («Не под городом было под Орешевым...») 196
- Русские обстреливают Очаков («Ох, и что же вы, ребятушки, не пьете, не едите?...») 261
- Русское войско выступает в поход («По московской по широкой по дороженьке...») 241
- Русское войско выступает в поход в землю шведскую («По дороженьке по московской...») 193
- Русское войско под Смоленском («Не злаченная труба в поле трубилася...») 147
- Русское войско сражается со шведами («Собирался-то большой барин...») 194
- «Светила заря поздно вечером...» (Сражение у Ханкалинского ущелья) 335
- «Святорусская земля...» (Платов в гостях у француза) 309
- Семеновцы в крепости («У нас было на святой Руси...») 321
- «Среди было Казанского царства...» (Взятие Казани. 3) 56
- «Среди было царств Московского...» (Петр I возвращается из церкви) 223
- *«Середь было красного лета...» (Шереметев допрашивает шведского майора) 425
- «Сильно буря прошумела...» (Казачи получают приказ идти на сражение) 346
- Скопин-Шуйский. (1-2) 125
- Смерть Александра I («Выезжает Александр наш свою армию смотреть...») 325
- Смерть генерала Пассека («Князь Воронцов наш похвалялся...») 337
- Смерть Ивана Грозного («Уж ты батюшка светел месяц!...») 99
- Смерть Лопухина («Не пыль во поле пылит...») 248
- Смерть Михайлы Черкашенина («(За) Зарайским городом...») 76
- Смерть полковника Власова («Как не травушка, не муравушка...») 336
- Смерть царевича Дмитрия («Не вихрь крутит по долинушке...») 121
- Смерть царицы («Приутихло, приуныло море синёе...») 94

- «Снаряжался православный царь Михайло во дорожку...» (Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань) 135
- «Соберемся мы, казаченьки, во единый круг...» (Дуниковский отдает приказ идти за Дарью-реку) 343
- «Собирается православный царь под крепкой Азов-город...» 179
- «Собиралась наша сила-армия...» 306
- «Собирался-то большой барин...» (Русское войско сражается со шведами) 194
- Солдата не пускают в Оренбург («Ох ты батюшка Ленбурх-город!...») 271
- Солдаты Бакланова идут на приступ («Выше гор, выше гор и мечетей...») 339
- Солдаты готовятся встретить шведского короля («Как далеченько было в чистом поле...») 191
- Солдаты готовятся штурмовать Орешек («Злодей, злодей ретиво сердце!...») 195
- Солдаты освобождают Смоленск («Как повыше было Смоленска-города...») 308
- Солдаты Паскевича в походе («Уж вы горы мои, горы турецкие...») 333
- Солдаты под Очаковом («Мы в лагерях стояли...») 262
- Солдаты под Севастополем («Распроклятый француз-англичанин...») 345
- Солдаты получают приказ идти под Азов («Не сон меня клонит, не дрема долит...») 181
- Солдаты судят Долгорукова («Нам не дорого ни золото да чистое серебро...») 207
- Соловецкое восстание («Да господь бог прогневился, государь-царь воспалился...») 150
- Спиридов и матросы («Не цветами сине море покрывалось...») 259
- «Сплачется мала птичка...» (Плач Ксении Годуновой) 122
- Сражение двух армий («Ай не две-та тучушки грозные...») 315
- Сражение у Ханкалинского устья («Светила заря поздно вечером...») 335
- «Старики мои стародавние...» (Царя встречает Меншиков) 228
- «Сторона ль ты, да вот, моя прежняя сторонущка...» (Некрасов тоскует о родине) 217
- Стрелецкий атаман и царь Петр («Водалече, водалече во чистом поле...») 186
- «Судил тут граф Панин вора Пугачева...» (Пугачев и Панин) 272
- «Сынок» Разина в Астрахани («Как во городе во Астрахани...») 160
- Татарские мурзы узнают о победах русских («Что не белы то снежки...») 255
- Терские казаки и Иван Грозный («Не из тучушки они, ветерочки, дуют...») 98
- «Течет Яик быстрехонько...» (Поход разинцев на Яик) 155
- «Тихохонько сине море становился...» (Разин на Каспийском море) 156
- *«Тонко-звонко во Успенский большой колокол ударили...» (Песни о восстании стрельцов) 416
- «Травынка-муравынька, кавылочек!...» (Разгром нового корпуса) 244
- «Трудно жить сироте...» (Взятие Варны) 332
- *«Тур да олень за горы ушли...» (Гнев Ивана Грозного на сына) 370
- Турецкий султан пишет письмо («Пишет, пишет султан турецкий...») 329
- Турки нападают на казачью крепость («Как у нас было на тихом Дону, да на том на Ивановиче...») 116
- Турки похваляются разбить русские войска («Поле ты, поленько, да поле...») 330
- *«Тут сидит та честна-хвальная беседушка...» (Казаки под Азовом) 399
- «Ты боже, боже, спас милостивой!...» (Гришка Отрепьев) 123
- «Ты взойди, взойди, солнце красное...» (Песни разинцев. 2) 162
- «Ты возмой, возмой, туча грозная...» (Песни разинцев. 1) 162
- «Ты долина моя, долинушка, раздолье широкое...» (Вор Гаврюшка) 274
- «Ты звезда, звезда восточная...» (Чернышев в плену) 245
- *«Тысяча семьсот девятого года...» (Шереметев допрашивает шведского майора) 426
- «У дворца, дворца было государева...» (Петр I борется с драгуном) 230
- «У нас, братцы, на Дону, во Черкасском городу...» (Донские казаки и Азов-город) 140
- «У нас было, братцы, на святой Руси...» (Взятие Азова) 138
- «У нас было на святой Руси...» (Семеновы в крепости) 321
- «У нас в Москве нездорово...» (Пострижение царицы) 211
- «У нас то было, братцы, на тихом Дону...» (Разин и казачий круг) 154
- «У нас то было на святой Русе...» (Кострюк. 2) 64
- Убийство Карамышева («Уж не травушка в чистом поле зашаталась...») 152

- Убит полковник Беляков («Не черные, братцы, тучи поднимались...») 318
 *«Уж вы горы ли...» (Разин и девка-астраханка) 408
 «Уж вы горы мои, горы...» (Разин и девка-астраханка) 157
 «Уж вы горы мои, горы турецкие...» (Солдаты Паскевича в походе) 333
 «Уж вы горы мои, горы крутые...» (Александр I обвиняет Наполеона) 311
 *«Уж вы гости мои...» (Взятие Казани) 356
 *«Уж как вниз было по матушке по Волге-реке...» (Корабельщики бранят князя Гагарина) 428
 «Уж не травушка в чистом поле зашаталась...» (Убийство Карамышева) 152
 «Уж ты батюшка светел месяц...» (Жалобы солдат на Павла I) 281
 «Уж ты батюшка светел месяц!..» (Смерть Ивана Грозного) 99
 *«Уж ты матушка Россия, святорусская земля...» (Платов в гостях у французца) 443
 «Уж ты пьешь, ты гуляешь, Наполеонущка...» (Наполеон получает известие о разгроме армии) 314
 «Уж ты степь ли наша степь, степь наша широкая!..» (Полк Падурова в походе) 333
 «Уж ты ягодка, ты смородинка...» 235
- Француз зажигает Москву («Ох ты горе мое...») 302
 Француз похвалится Парижем («Разорёна путь-дорожка от Можая до Москвы...») 310
 Французский король пишет письмо Александру I («Не в лузях-то вода поляя разливалась...») 296
 Французы в Москве («Был на горке, на горе...») 303
- Царевича Алексея хотят казнить («Вы не каркайте, вороны, да над ясным над соколом...») 227
 Царица узнает о гибели нового корпуса («Ах, да невесела наша государыня пребывала...») 245
 Царь и бояре решают судьбу Смоленска («Посредё ль было Московского царства...») 148
 Царь и солдаты в кружале («Ой да ходил-гулял добрый молодец...») 223
 «Царь Иван Васильевич...» (Иван Грозный под Серпуховом) 75
 Царь казнит Долгорукова («Воздалеченька православный царь...») 210
 Царь Михаил Федорович («Что же вы, ребяташки, призадумались...») 133
 Царь требует выдачи Разина («Как у нас было на батюшке...») 154
 Царя встречает Меншиков («Старики мы стародавние...») 228
 Царя требуют в сенат («Время страшной подходит...») 327
 Циолковский на Эмбе («Лежала путь-дороженька...») 340
- *«Через Вислу наша армия переправилась...» (Осада Кистрина) 433
 Чернышев в плену («Ты звезда, звезда восточная...») 245
 «Что во городе во Морше читали указы...» (Русские войска разбивают французов) 307
 *«Что во славном городе что было во Питере...» (Семеновцы в крепости) 449
 «Что да на матушке на Волге не черным да зачерделось...» (Разин и воевода) 158
 «Что ж это мелькает, братцы, меж кустов...» (Песня севастопольских стрелков) 350
 «Что же вы, ребяташки, призадумались...» (Царь Михаил Федорович) 133
 *«Что же мы, ребяташки...» (Казачи снимают турецкие караулы) 436
 «Что за реченькою было за Небрагою...» (Молодец собирается под Полтаву) 198
 *«Что и во городе во Астрахани...» («Сынок» Разина в Астрахани) 411
 *«Что из славного города из Санкт-Питера...» (Царь и солдаты в кружале) 430
 *«Что на славной на речке...» (Некрасов уводит казаков) 430
 «Что не белая береза к земле клонится...» (Взят Берлин) 252
 «Что не белая заря занималась...» (Атаман Сехин) 279
 «Что не белы то снежки...» (Татарские музры узнают о победах русских) 255
 «Что не красное-то солнце воссияло...» (Кутузов допрашивает французского майора) 304
 «Что не пыль в поле пылит...» (Казачи Красношекова снимают прусские караулы) 249
 «Что не соколы крылаты...» (Кутузов и казаки) 289

- *«Что не стадишко из черных галочек подымалось...» (Взят Берлин) 435
 «Что никто, братцы, не знает, не ведает...» (Прусский король похваляется захватить русскую землю) 242
- *«Что по край моря синего...» (Ермак в турецком плену) 388
 «Что победы наши головушки солдатские...» (Осада Берлина) 252
 «Что повыше было города Царицына...» (Расправа с губернатором) 173
 *«Что под славным было городом...» (Чернышев в плену) 433
 *«Что пониже было города Саратова...» (Ермак в казачьем кругу) 380
 «Что пониже было города Саратова...» (Казачи бранят Меншикова) 209
 *«Что пропились робятушки, промотались...» (Разин на Каспийском море) 408
 «Что сказать ли вам, братцы, про диковинку...» (Гибель Краснощекова) 240
 «Что у нас было на святой Руси...» (Правеж) 97
 *«Что у нашей было матушки государыни...» (Осада Кистрина) 432
- *«Шатаился, мотался Ермак сын Тимофеевич...» (Ермак у Ивана Грозного) 386
 Шведская королева просит помощи («Не белы снежки в поле забелелись...») 204
 Шведский король пытается захватить Полтаву («Как во славной во степи во черкасской...») 199
 Шведский король требует возвращения городов («Ой да пише, пише-то, пише король шведские...») 268
 Шереметев берет в плен турецкого мурзу («Во тысяча семьсот первом году...») 182
 Шереметев в соборе («Еще что у нас в Москве, братцы, за кручина?...») 198
 Шереметев допрашивает шведского майора («Во славном городе в Орешке...») 202
 Шереметев набирает солдат для армии («Ой ты матушка родная...») 222
 «Шла эскадра шун в Россию к нам...» (Нахимов ведет эскадру) 347
 «Шли казаки с моря Черного...» (Оплешность казаков под Азовом) 139
 Штурм Карса («Приказал Бакланов палатки снимать...») 350
- Щелкан. (1-3) 47
- * «Эту ночь-та не спал...» (Князь Иловайский проиграл Дон) 439
 «Эх да собирается наш православный царь...» (Иван Грозный молится по сыне) 96
- * «Я много ли, Скопин, по землям бывал...» (Скопин-Шуйский) 395
 * «Янк ты наш, Янк ли сударь Горынович Янк!...» (Поход разинцев на Янк) 407

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Исторические песни. *Вступительная статья Л. И. Емельянова* 5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIV—XVI ВЕКОВ

1—3. Щелканы	
1. «А и деялося в Орде...»	47
2. «На стуле на бархате...»	50
3. «И на стуле, крытом бархатом...»	52
4—6. Взятие Казани	
1. «Ох вы гости, гости званные...»	55
2. «Вы послушайте, ребята, что мы станем говорить...»	56
3. «Среди было Казанского царства...»	56
7—10. Кострюк	
1. «В годы прежние...»	58
2. «У нас то было на святой Русе...»	64
3. «При нынешних при царях...»	67
4. «А кто бы то дознал...»	73
11. Набег крымского хана	74
12. Иван Грозный под Серпуховом	75
13. Смерть Михайлы Черкашенина	76
14. Оборона Пскова от Стефана Батория	77
15—17. Гнев Ивана Грозного на сына	
1. «Когда воссияло на небе красное солнышко...»	79
2. «Как под славную да каменну Москву...»	87
3. «Как у нас было в каменной Москве...»	91
18. Смерть царицы	94
19. Иван Грозный молится по сыне	96
20. Правеж	97
21. Терские казаки и Иван Грозный	98
22. Смерть Ивана Грозного	99
23—24. Ермак в казачьем кругу	
1. «Как на речке было...»	100
2. «Думайте, ребяташки, подумайте...»	101
25. Разбойный поход на Волгу	102
26. Взятие Ермаком Казани	103
27. Ермак у Ивана Грозного	104
28. Казаки убивают царского посла	106
29. Ермак взял Сибирь	111
30. Ермак и Ицламбер-мурза	114

31. Ермак и турки	115
32. Турки нападают на казачью крепость	116
33. Ермак в турецком плену	117

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVII ВЕКА

34. Смерть царевича Дмитрия	121
35. Борис Годунов	122
36. Плач Ксении Годуновой	122
37. Гришка Отрепьев	123
38—39. Скопин-Шуйский	
1. «Ино что у нас в Москве учинилось...»	125
2. «Как бы во сто двадцать седьмом году...»	125
40. Василий Шуйский	130
41. Ляпунов и Гужмунд	130
42. Минин и Пожарский	131
43. Царь Михаил Федорович	133
44. Поп Емеля	133
45. Поход царя Михаила Федоровича на Астрахань	135
46. Возвращение Филарета	136

ПЕСНИ ОБ АЗОВЕ

47. Казаки под Азовом	137
48. Крымская орда идет на Азов	137
49. Взятие Азова	138
50. Оплошность казаков под Азовом	139
51. Донские казаки и Азов-город	140

52. Казаки обороняют Даурский острог	141
53. Гибель С. Р. Пожарского	143
54. Поход селенгинских казаков	146
55. Русское войско под Смоленском	147
56. Царь и бояре решают судьбу Смоленска	148
57. Поход под Ригу	150
58. Соловецкое восстание	150
59. Рождение царевича Петра	151
60. Убийство Карамышева	152

ПЕСНИ О РАЗИНЕ

61. Разин и казачий круг	154
62. Царь требует выдачи Разина	154
63. Поход разинцев на Яик	155
64. Разин на Каспийском море	156

65. Молодец на острове	156
66. Разин и девка-астраханка	157
67. Разини воевода	158
68. Разин на Волге	159
69. «Сынок» Разина в Астрахани	160
70. Есаул сообщает о казни Разина	161
71—85. Песни разинцев	
1. «Ты возмой, возмой, туча грозная...»	162
2. «Ты взойди, взойди, солнце красное...»	162
3. «Вы леса наши, лесочки, леса наши темные...»	163
4. «Вы леса ль мои, лесочки, леса темные...»	163
5. «Вы леса мои, леса, братцы, лесочки, леса темные...»	165
6. «Не шуми ты, шумка, во поле, зеленой дуброве...»	165
7. «Ище гóворит-то атаман всё Сенька Разин-от...»	166
8. «Не рябинушка со березенькой совивается...»	168
9. «Ах туманы вы мои туманушки...»	168
10. «„Ой не вечер то ли, не вечер...“»	169
11. «Как по морю было, морю синему...»	170
12. «Из-за лесику, лесику, лесочику темного...»	170
13. «Как пó три года Азов-город заперче стоял...»	171
14. «Еще что же вы, братцы, призадумались...»	172
15. «Ах ты наш батюшка Ярославль-город!..»	172
86. Расправа с губернатором	173
87. Казаки убивают князя Репнина	174
88. Князь Голицын возвращается в Москву	175
89. Атаман Фрол Минаев жалуется Петру I	176

ПЕСНИ ОБ АЗОВСКИХ ПОХОДАХ

90. «Ах бедные головушки солдатские...»	178
91. «Нам пора-то, робятушки, с кабаку идти!..»	179
92. «Собирается православный царь под крепкой Азов-город...»	179
93. «Как у нас то было, братцы, на святой Руси...»	180
94. Солдаты получают приказ идти под Азов	181
95. Азов взят с помощью подкопа	182
96. Шереметев берет в плен турецкого мурзу	182

ПЕСНИ О ВОССТАНИИ СТРЕЛЬЦОВ

97. «Бывало-де православный царь...»	184
98. «Дотолева зелен сад зелён стоял...»	185
99. Стрелецкий атаман и царь Петр	186
100. Казнь стрелецкого атамана	188

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XVIII ВЕКА

ПЕСНИ О СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ

101. Вещий сон	191
102. Солдаты готовятся встретить шведского короля	191
103. Петр I скорбит о гибели казаков	192
104. Русское войско выступает в поход в землю шведскую	193
105. Русское войско сражается со шведами	194
106. Солдаты готовятся штурмовать Орешек	195
107. Казаки встречают царя под Шлиссельбургом	195
108. Русские корабли на Черном море	196
109. Взятие Орешка	197
110. Шереметев в соборе	198
111. Молодец собирается под Полтаву	198
112. Шведский король пытается захватить Полтаву	199
113. Войска Шереметева разбивают шведские полки	200
114. Шереметев допрашивает шведского майора	202
115. Русские войска берут Ригу	203
116. Шведская королева просит помощи	204
117. Петр I на корабле	205
118. Петра I узнают в шведском городе	205

119. Казаки допрашивают Долгорукова	207
120. Солдаты судят Долгорукова	207
121. Корабельщики бранят князя Гагарина	208
122. Казаки бранят Меншикова	209
123. Загорелась Москва от больших господ	209
124. Царь казнит Долгорукова	210
125. Молодцев отправляют на Ладужский канал	211
126. Пострижение царицы	211

ПЕСНИ ОБ ИГНАТИИ НЕКРАСОВЕ

127. Некрасов пишет письмо Петру I	213
128. Некрасов пишет письмо Долгорукову	214
129. Некрасов убивает Долгорукова	215
130. Некрасов уводит казаков	216
131. Некрасов собирается идти на Кубань	217
132. Некрасов тоскует о родине	217
133. Некрасова породила земля русская	218

134. Поединок казака с турком при Петре I	219
135. Поход Бековича-Черкасского на Хиву	219
136. Петр I и князь Ганджерин	220

137.	Нападение горцев на калмыков	221
138.	Краснощеков под Дербентом	221
139.	Шереметев набирает солдат для армии	222
140.	Петр I возвращается из церкви	223
141.	Царь и солдаты в кружале	223
142.	Молодец на правеже	225
143.	Рождение царевича Алексея	226
144.	Царевича Алексея хотят казнить	227
145.	Царя встречает Меншиков	228
146.	Добрый молодец и Петр I	229
147.	Петр I борется с драгуном	230
148.	«Как за реченькой за Волгою...»	232
149.	«Не бела зоря занималася...»	232
150.	«Не во матушке было, было в Россиюшке...»	233
151.	«Во славном городе во Санкт-Питере...»	233
152.	Вести о восстании на Дону	234
153.	Долгорукова ведут на казнь	235
154.	«Уж ты ягодка, ты смородинка...»	235
155.	Казнь боярина	236
156—157.	Бегство Лещинского	
	1. «Ох не три поля кручинушки изнасяено...»	238
	2. «Красно солнушко с светлым месяцем поразмолвилось...»	238
158.	Краснощеков в плену	239
159.	Краснощеков сражен пулей	239
160.	Гибель Краснощекова	240

ПЕСНИ О СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

161.	Помощь австрийскому цесарю	241
162.	Русское войско выступает в поход	241
163.	Прусский король похваляется захватить русскую землю	242
164.	Прусский король ведет армию	243
165.	Осада Кистрина	243
166.	Разгром нового корпуса	244
167.	Царица узнает о гибели нового корпуса	245
168.	Чернышев в плену	245
169.	Смерть Лопухина	248
170.	Казачи Краснощекова снимают прусские караулы	249
171.	Краснощеков в гостях у прусского короля	250
172.	Краснощеков утешает своих казаков	250
173.	Возвращение Краснощекова	251
174.	Казачи возвращаются с похода	251
175.	Осада Берлина	252
176.	Взят Берлин	252

177. Жалобы Екатерины II	253
178. Румянцев ведет войско против турок	254
179. Румянцев и Мурхан-паша	254
180. Казаки снимают турецкие караулы	254
181. Татарские мурзы узнают о победах русских	255
182. Воронцов и казаки	256
183. Русская армия под Бендерами	256
184. Взятие Измаила	257
185. Каменский за Дунаем	257
186. Зоргин на поле боя	258
187. Взятие Хотина	258
188. Спиридов и матросы	259

ПЕСНИ ОБ ОСАДЕ И ВЗЯТИИ ОЧАКОВА

189. Русские обстреливают Очаков	261
190. Осада Очакова	261
191. Солдаты под Очаковым	262
192. Взятие Очакова	263

193. Земля турецкая	265
194. Возвращение Суворова	266
195. Румянцев и красная девица	267
196. Шведский король требует возвращения городов	268

ПЕСНИ О ПУГАЧЕВЕ

197. Начало восстания на Яике	270
198. Солдата не пускают в Оренбург	271
199. Пугачев кручинится	271
200. Пугачев и Панин	272
201. Пугачев в Астрахани	272
202. Нет больше народного заступника...	273

203. Вор Гаврюшка	274
204. Вор Засорин	274
205. Вор Копейник	275
206. «Промежду-то Куры, между речушки...»	276
207. «Как за речкою то было за Утвою...»	276
208. Оплешность казаков Агуреева	277
209. Иван Краснощеков — млад охотничек	278
210. «Да за славною за рекою за Кумою...»	278
211. Атаман Сехин	279
212. Два невольничка	280

213. Князь Иловайский проиграл Дон	280
214. Жалобы солдат на Павла I	281
215. Павел I набирает рекрутов	281

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ XIX ВЕКА

ПЕСНИ О РУССКО-ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЕ

216. Коронация Александра I и персидский шах	285
217. Князь Цицианов под Эриванью	286
218. Гудович и персидский шах	286
219. Казаки под Ленкоранью	287
220. Предчувствие грузинского царевича Александра	287
221. Набег грузинского царевича Александра с турецким отрядом на казачью станицу	288
—————	
222. Кутузов и казаки	289

ПЕСНИ О ВОЛНЕНИЯХ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

223. Князь Волконский допрашивает казака	290
224. «Воровские рыболовщики» на море	291
225. Жалоба казаков наследнику	292
226. Отказ казаков от подписки	292
—————	
227. Прусский король тужит о гибели племянника	294
228. Русские войска под Гутштадтом	294

ПЕСНИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

229. Французский король пишет письмо Александру I	296
230. «Как заплакала Росниюшка от француза...»	296
231. «Похвалялись злы французы...»	297
232. «Не пыль во поле пылит...»	298
233. «Ай да и хвалится хранцуз он выхваля... ой да выхваляется...»	299
234. Русские войска получают приказ готовиться к сражению . .	299
235. Платов во время битвы	300
236. «Наш батюшка казак Платов воружался...»	301
237. Француз зажигает Москву	302
238. Генерал продал Москву	303
239. Французы в Москве	303
240. Кутузов допрашивает французского майора	304
241. «Заводилася война...»	304
242. «Собиралась наша сила-армия...»	306
243. Русские войска разбивают французов	307

244.	Солдаты освобождают Смоленск	308
245.	Платов в гостях у француза	309
246.	Француз похвывается Парижем	310
247.	Александр I обвиняет Наполеона	311
248.	Русские войска преследуют французов	311
249.	«На границе мы стояли...»	312
250.	«Обещался наш французик...»	313
251.	Наполеон получает известие о разгроме армии	314
252.	Сражение двух армий	315
253.	«Вы кусты мои, кусточки...»	316
254.	Русская армия готовится вступить в Париж	317
255.	Убит полковник Беляков	318
256.	Девушка в плену у французов	318
257.	«Разбессчастненький-бесталанненький...»	319

258.	«Во Уральском было, было славном городе...»	320
259.	Переселение на Илецкую линию	320
260.	Семеновцы в крепости	321

ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

261.	Корабельщики бранят Аракчеева	322
262.	Василий и Андрюшка-палач	323
263.	Набор военных поселенцев	324

264.	Смерть Александра I	325
265.	Константин и лейб-гвардейцы	325
266.	Константин и Анна	326
267.	Царя требуют в сенат	327

**ПЕСНИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ
1828—1829 ГОДОВ**

268.	Турецкий султан пишет письмо	329
269.	Турки похваляются разбить русские войска	330
270.	Гибель полка Тацына	331
271.	Взятие Варны	332
272.	Солдаты Паскевича в походе	333
273.	Полк Падурова в походе	333
274.	Русская армия под Браиловом	334

ПЕСНИ О СОБЫТИЯХ НА КАВКАЗЕ

275.	Набег кабардинцев на крепость Марьевскую	335
276.	Сражение у Ханкалинского ущелья	335
277.	Смерть полковника Власова	336

278. Оборона Зирян	336
279. Смерть генерала Пассека	337
280. Генерал Слепцов ранен	338
281. Солдаты Бакланова идут на приступ	339

ПЕСНИ О СОБЫТИЯХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

282. Циолковский на Эмбе	340
283. «Мимо лесику, мимо бору сырого...»	341
284. Поход к Сырдарье	341
285. Набег кочевников на Екатерининский форпост	342
286. Дуниковский отдает приказ идти за Дарью-реку	343

ПЕСНИ О ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЕ

287. «Издаlechа, издаlechа, из чиста поля...»	344
288. Поход под Кукан-город	344
289. Солдаты под Севастополем	345
290. Казаки получают приказ идти на сражение	346
291. «А ой да ты корми... кормилец ты наш...»	347
292. Нахимов ведет эскадру	347

ПЕСНИ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877—1878 ГОДОВ

293. «Как решил султан турецкий...»	349
294. Штурм Карса	350
295. Песня севастопольских стрелков	350
296. Под Плевной	351

ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ

4—6.*	
«Вы послушайте, ребята, послушайте, господа...»	355
«Кто бы нам сказал про царев поход...»	356
«Уж вы гости мои...»	356
7—10.	
«Приутихло, приуныло море синее...»	357
«Во матушке было в каменной Москве...»	360
15—17.	
«Как когда была столица в Нова-городе...»	363
«Ай же ты Грозный царь Иван Васильевич...»	367
«Тур да олень за горы ушли...»	370
«На Страшнóй было неделе, во велик четверг...»	373
18. «А к чему же, братцы, приуныла всё быстра́ река...»	376
20. «Как у нас то было в матушке каменной Москве...»	378

* Номера соответствуют текстам основной части книги.

23—24.		
	«Как на речке, на реке, братцы, было на Камышинке...»	379
	«Ай да на славной было, братцы, да на ре...»	379
	«Что пониже было города Саратова...»	380
	«Как на Волге, да на Камышинке...»	381
25.		
	«Как далече-далече...»	381
	«Как далеченько-далеченько, во чистом поле...»	382
26.	«На усть было матушки Волги-реки...»	382
27.	«Шатаился, мотаился Ермак сын Тимофеевич...»	386
28.	«Как собирались казаки на крут бережок...»	387
33.		
	«Что по край моря синего...»	388
	«Ах талан ли мой, талан таков...»	389
36.	«А сплachtetся на Москве царевна...»	390
37.		
	«На нас, братцы, господи разгневался...»	391
	«В шестом году восьмой тысячи...»	392
38—39.		
	«Прикажи, сударь хозяин, Скопина просказать...»	392
	«Как во той ли было каменной Москвы...»	394
	«„Я много ли, Скопин, по землям бывал...“»	395
	«Да и много Скопин да по землям бывал...»	396
47.	«Тут сидит та честна́-хвальна́я бесе́душка...»	399
49.	«Как выходит ведь государь наш по день...»	400
58.		
	«На Москве было, на базаре...»	401
	«Во Москвы то было, во царстве...»	403
60.		
	«Вниз то было по матушке Камышинке-реке...»	405
	«Еще вниз то было по матушке Камышинке-реке...»	406
61.		
	«Как у нас то было на тихом Дону, в славном...»	406
	«Разливалась в зеленых лугах вода поляя...»	407
63.		
	«Як ты наш, Як ли сударь Горынович Як!...»	407
	«Быстрехонько...»	407
64.	«Что пропились робятушки, промотались...»	408
66.	«Уж вы горы ли...»	408
67.	«Как у нас было на Волге, не черным-то зачернелось...»	409
69.		
	«Гребитесь, ребятушки, на сторонку на свою...»	410
	«Что и во городе во Астрахани...»	411
	«Вниз по Волге по реке по астраханской...»	412

	«В славном-то во городе во Вастракани...»	413
	«Мне вечер-то, вечер...»	414
	«Не от пламечка ковьель-трава загоралася...»	415
70.	«А из тихого из шелкова из затону...»	416
88.	«Не куличушки в поле куликали...»	416
97—100.		-
	«Тонко-звонко во Успенский большой колокол ударили...»	416
	«На черте было черте...»	417
	«На святой то Руси в кременной Москве...»	418
	«Как у нас то было во матушке кременной Москве...»	419
101.	«Вечор-то мне, матушка, малым-мало спалося...»	420
102.		
	«Всё белы шатры при буграх, братцы, стоят...»	420
	«Накануне было Петрова дни, царского ангела...»	421
110.	«На царский праздник, на велик день...»	421
114.		
	«В тысяча семьсот первом годее...»	421
	«Во тысяче семьсот двадцать первом году...»	423
	«Из славного из города из Пскова...»	424
	«Середь было красного лета...»	425
	«Тысяча семьсот девятого года...»	426
115.	«Как по морю, морю синему, по синю морю Хвалынскому...»	427
116.	«Как во славном то во городе было в Кольвани...»	428
121.	«Уж как вниз было по матушке по Волге-реке...»	428
126.	«Возле реченьки хожу млада...»	428
129.		
	«Не красное солнце из-за гор выкаталось...»	429
	«Да на заре то было, братцы, да вот на зорюшке...»	429
130.	«Что на славной на речке...»	430
141.	«Что из славного города из Санкт-Питера...»	430
151.	«Ах ты батюшко светел месяц...»	431
158.	«Не от тучи, не от грома, не от солнышка...»	432
165.		
	«Что у нашей было матушки государыни...»	432
	«Через Вислу наша армия переправилась...»	433
168.		
	«Что под славным было городом...»	433
	«Высокó, братцы, звезда взошла...»	434
173.	«Все полки-то весело идут...»	435
176.	«Что не стадичко из черных галочек подымалось...»	435
180.	«Что же мы, рбятушки...»	436
189.		
	«Как возговорил князь Потемкин...»	437
	«Поле, поле чистое...»	437

	«Не бушуйте вы, ветры буйные...»	437
195.	«Как под Бэндером мы стояли...»	438
196.	«Пишет, пишет король шведский свое грозное письмо...»	438
213.		
	«Эту ночь-та не спал...»	439
	«Отчего тихий Дон смущается?...»	440
223.	«На заре то было на утренней...»	440
227.	«Побессчастненькой, бесталанненькой...»	440
230.	«Похвалялся да во... вор-француза...»	441
234.		
	«Как на зорьке, на заре, на утренней было на росе...»	442
245.		
	«Россия ли, Россия...»	442
	«Уж ты матушка Россия, святорусская земля...»	443
	«Мать Россия, мать Россия...»	444
246.		
	«Разорёна путь-дороженька...»	445
	«Мы на бграде стояли, не думали ни о чем...»	446
248.	«Восхвалялся вор-француз...»	446
252.		
	«Как не две тученьки, не две грозные...»	447
	«Под славным было городом под Липцами...»	448
260.		
	«Как во славном, славном городе...»	448
	«Что во славном городе что было во Питере...»	449
261.		
	«Бежит речка по песку...»	449
	«Как по речке, по речке...»	450
264.	«Как поехал наш Александра...»	450
270.	«Как под славным было городом под Шумлою...»	451
274.		
	«Под славным городом под Браиловом...»	452
	«За Кубанью огонь горит — в поле стало дымно...»	452
П р и м е ч а н и я		453
Словарь местных, архаических и малоупотребительных слов		512
К иллюстрациям		517
Алфавитный указатель		518

Р 89 Русская историческая песня: Сборник/Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. Л. И. Емельянова.— Л.: Сов. писатель, 1987 — 544 с., ил. 16 л. (Б-ка поэта. Большая сер.)

В сборнике представлены лучшие и наиболее характерные образцы русской исторической песни. Собранные в ней тексты охватывают почти 600-летний период нашей истории. Повествуя о событиях, оказавшихся особенно памятными, песни дают яркое представление о своеобразии народного взгляда на историю, о замечательной пронизательности народных исторических оценок, о глубине и величии народного патриотизма.

Р 4702010100—124 424—87
083(02)—87

ББК 84. Р 1

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1987, 544 стр.
План выпуска 1987 г. № 424

Художник *В. В. Еремин*
Худож. редактор *Б. А. Комаров*
Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

ИБ № 6100

Сдано в набор 11.11.86. Подписано к печати 29.05.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 29,40. Уч.-изд. л. 32,77. Тираж 50 000 экз. Заказ № 646. Цена 2 р. 80 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

